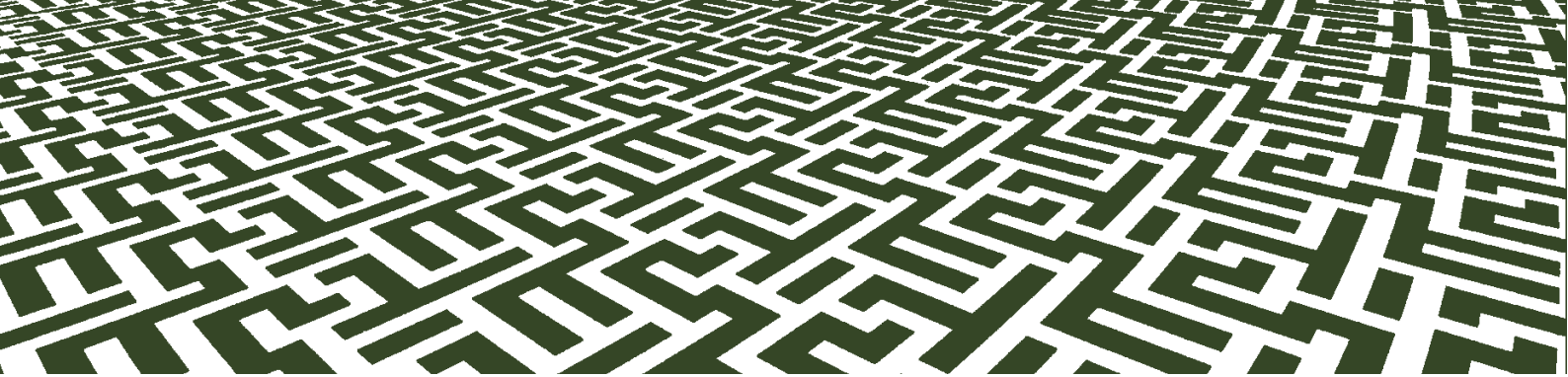

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№3
2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 3/2026

дата публикации: 25.08.2026 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:

Экономические: 5.2.1. Экономическая теория

Социологические: 5.4.2. Экономическая социология

Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

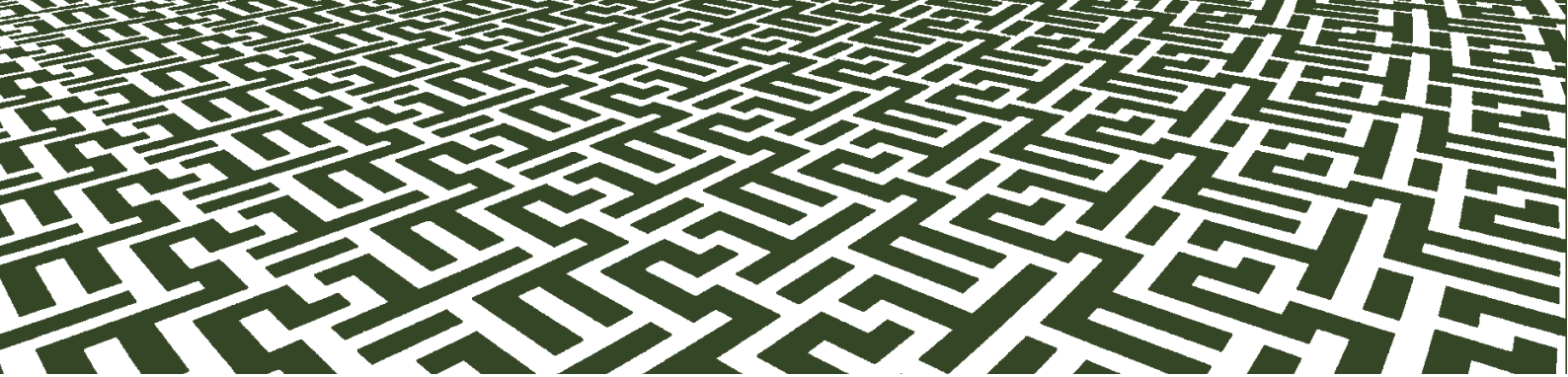
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

тел./факс: 8(499) 724-15-41

e-mail (издателя): ieras@inecon.ru

e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- **Economic Theory**
- **Methodology of economic science**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & reviews**

Nº3
2026

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

scientific journal

№ 3/2026

Publication Date: 25.08.2026

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voyerikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.С. Автономов

О двух канонах экономической науки	7
--	---

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.Е. Шаститко, Н.С. Павлова

Свои среди чужих, чужие среди своих: зачем экономике критическое мышление?	15
--	----

Л.А. Тутов, В.Н. Рогожникова, А.А. Измайлов, И.В. Филимонов

Невидимые детерминанты потребительского выбора: бессознательное в платформенной экономике	27
---	----

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.А. Толкачев, А.И. Анисимова

Доктринальные сдвиги экономической политики стран континентальной Европы как ответ на кризис неоклассической парадигмы экономической теории	46
---	----

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Д.В. Мельник

Либерализм и социализм в истории экономической мысли Италии: Луиджи Эйнауди и борьба за свободу торговли	65
--	----

Т.А. Вархотов, П.А. Ореховский

Советские хозяйственные эксперименты: методология и практические результаты	83
---	----

О.А. Алексеев

Реконструкция теории стоимости Франсуа Кенэ	102
---	-----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.П. Казун, В.Ю. Девятников, М.Д. Белов

Асимметрия информации на рынке адвокатских услуг: создание рейтинга методами машинного обучения	115
---	-----

Ю.А. Нисневич, А.В. Рябов

Глобализация мирового социального пространства как ключевой фактор цивилизационного транзита	136
--	-----

Г.И. Мусихин

Разговоры и нарративы в контексте политической коммуникации	153
---	-----

Н.М. Лебедева, Д.Д. Строгов

Возрастная динамика креативности как ресурс оранжевой экономики: от онтогенеза к региональной политике	162
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

О.А. Синиченко

Авизо и гиперинфляция в России: 1990-е гг.	176
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.Н. Титов

Эволюция представлений о человеческом потенциале: от экономической теории к междисциплинарной модели	189
--	-----

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

V. Avtonomov

On the Two Canons of Economic Science 7

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

A. Shastitko, N. Pavlova

Ours among Strangers, Strangers among Ours: Why Does Economics Need Critical Thinking? 15

L. Tutov, V. Rogozhnikova, A. Izmailov, I. Filimonov

Invisible Determinants of Consumer Choice: the Unconscious in the Platform Economy 27

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

S. Tolkachev, A. Anisimova

Doctrinal Shifts in Economic Policy in Continental Europe As a Response to the Crisis
of the Neoclassical Paradigm of Economic Theory 46

HISTORY OF THOUGHT

D. Melnik

Liberalism and Socialism in the History of Italian Economic Thought: Luigi Einaudi
and the Fight for Free Trade 65

T. Varkhotov, P. Orekhovsky

Soviet Economic Experiments: Methodology and Practical Results 83

O. Alekseev

Reconstructions of François Quesnay's Theory of Value 102

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Kazun, V. Devyatnikov, M. Belov

Information Asymmetry in the Legal Services Market: Creating a Ranking Using Machine
Learning Methods 115

Yu. Nisnevich, A. Ryabov

Globalization of the Global Social Space As a Key Factor of Civilizational Transition 136

G. Musikhin

Conversations and Narratives in the Context of Political Communication 153

N. Lebedeva, D. Strogov

Age Dynamics of Creativity As a Resource of the Orange Economy: from Ontogenesis
to Regional Policy 162

ECONOMIC HISTORY

O. Sinichenko

Aviso and Hyperinflation in Russia: The 1990s 176

SURVEYS & REVIEWS

V. Titov

Evolution of Ideas about Human Potential: from Economic Theory to Interdisciplinary Models ... 189

В.С. Автономов

*д.э.н, член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН (Москва)*

О ДВУХ КАНОНАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Аннотация. В статье рассматривается концепция «Другого канона» экономической науки норвежского экономиста Эрика Райнерта. Она предлагается Райнертом как «третий путь» — альтернатива коммунизму и неолиберализму применительно к экономике развития. Основными чертами данного канона является динамический подход, упор на производство знаний, роль инноваций и предпринимательства, преобладающее значение производственного сектора относительно финансового, различие видов деятельности по их инновационному потенциалу, возрастающую отдачу экономической деятельности. В статье описывается также авторское понятие «второго канона» экономической науки, созданное на основе «Другого канона» Райнерта. Автор различает первый и второй каноны экономической науки по признаку степени абстракции. Первый канон как более абстрактный (классическая политэкономия, неоклассика) ориентируется на строгость и близость к естественным наукам. Более определённый второй канон (меркантилизм, историческая школа, институционализм) ближе к конкретным ситуациям в экономике и ориентируется на реалистичность анализа.

Ключевые слова: методология экономической науки, «другой канон», каноны, абстракция, Эрик Райнерт.

JEL: B4, B10

УДК: 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_7_14

© В.С. Автономов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Автономов В.С. О двух канонах экономической науки // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 7–14. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_7_14.

FOR CITATION: Avtonomov V. On the Two Canons of Economic Science // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 7–14. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_7_14.

Понятие канона применительно к структуре и истории экономической науки используется нечасто [Peart, 2003]. Обычно речь идёт о школах, типах, эпохах. Эти понятия помогают разделить экономические теории по их содержанию, а заодно, иногда, и по времени и месту их бытования.

Почему же понадобился новый термин? Прежде всего потому, что здесь имеется в виду нечто иное, а именно — глобальное дихотомическое разделение по методологическим признакам, проходящее через всю историю экономической науки и, по всей видимости, влияющее на различия в характере экономической политики. Понятие «Другого канона» возникло у норвежского экономиста Эрика Райнерта на рубеже XX и XXI вв. Так случилось, что идеи Райнерта проникли в Россию, распространились и получили там некоторую модификацию именно с участием автора этих строк. Поэтому в данной статье мне хотелось бы описать как само направление «Другого канона» Райнерта, так и его видоизменение, которое произошло в России.

¹ Статья основана на выступлении автора на конференции «Другой канон: теория и практика экономического развития» (03.12.2025) на Экономическом факультете МГУ.

Я познакомился с Райнертом в Мадриде в 1998 г. на Всемирном конгрессе по экономической истории. На этом конгрессе была секция по истории экономической мысли, и Эрик выступил там с докладом о различных спорах о методах в истории экономической науки, опираясь во многом на «Историю экономического анализа» Й. Шумпетера. После увлекательного доклада я подошёл к нему, представился в качестве переводчика трудов Шумпетера на русский язык и практически тут же, после обнаружения многих общих интересов, получил предложение немедленно встретиться в Осло. Примерно через неделю мы увиделись в Норвегии в компании нескольких других учёных, среди которых были Чан Хаджун из Кембриджа (его работы впоследствии я с удовольствием читал и на английском, и в российских изданиях), Габриэль Пальма из Чили, Леонардо Бурламаки из Бразилии и некоторые другие. Так я познакомился с «активом» фонда «Другой канон», который был образован в 2000 г. Кроме них в состав основателей фонда вошли такие известные экономисты, как Джефф Ходжсон, Ян Крегель, Карлотта Перес, Патрик О’Брайен и др.

«Другой канон» Эрика Райнерта

«Другой канон» определяется его основателями как «экономика реальности», т. е. изучение экономики как реального объекта, не определяемое использованием ключевых предпосылок и методов². Это определение сразу же вызывает возражения: реальность — слишком сложная вещь, чтобы изучать её без какого-то ни было упрощения, а тогда «ключевые предпосылки», абстракции и модели неизбежны. Далее, «Другой канон» защищает экономическую теорию, сфокусированную на производстве, а не на обмене (как классическая и неоклассическая теории), и трактующую экономическое развитие как неизбежно неравномерный процесс [Reinert, 2019].

«Другой канон» и Э. Райнерт не тождественны, но их вполне можно назвать «близнецами-братьями». Кипучая энергия и обильные публикации Райнерта представляют собой основное содержание «Другого канона». Его подход был обобщён в книге «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные остаются бедными» [Райнерт, 2011], которая была переведена на 25 языков (русский перевод был сделан моей дочерью и вышел в издательском доме Высшей школы экономики под моей редакцией). С тех пор книга стала в России бестселлером и пережила несколько переизданий. Большое внимание к работам Райнерта в нашей стране проявил журнал «Эксперт» под руководством В.А. Фадеева. Статьи Райнерта и его соавторов под заголовком «Другой канон» были также выпущены в двух томах издательством Anthem [Reinert, 2024].

«Другой канон» Райнерта возник как третий путь — альтернатива коммунизму и неолиберализму, которая применяется преимущественно к экономике развития. К этому направлению привела сама биография автора — его стажировка в Перу, где он столкнулся с тем, как живут его ровесники в бедной стране, обучение в ведущих бизнес-школах: Санкт-Галленской Высшей школе социальных наук³, и Гарвардской бизнес-школе⁴ (магистратура), а затем в Корнеллском университете (аспирантура), где в итоге была защищена докторская

² См. <https://othercanon.org/organization> (дата обращения: 26.06.2026).

³ Это учебное заведение (в настоящее время оно называется Санкт-Галленским университетом) занимало одно из первых мест по выпуску будущих миллионеров не только в Швейцарии, но и во всей Европе. Для него характерен междисциплинарный подход к экономике. Я могу это засвидетельствовать лично после прохождения месячной исследовательской стажировки в тамошнем Институте экономической этики, которым руководил профессор Петер Ульрих.

⁴ В этой школе господствует метод обучения, основанный на анализе кейсов из реальной жизни и также использующий междисциплинарный подход. Этим Гарвардская бизнес-школа отличается от своего ближайшего соседа — Гарвардского факультета экономики, который, как и другие «солонководные» университеты, отличается опорой на сильно математизированную теорию. В отличие от них «пресноводные» университеты (например, Чикагский) характеризуются опорой на менее абстрактные теоретические курсы.

диссертация на тему «Международная торговля и экономический механизм недостаточного развития». Важную роль сыграло его знакомство с библиотеками последних двух университетов, богатыми литературой разных стран и эпох. В знаменитой библиотеке Кресса Гарвардской бизнес-школы (будущая жена Эрика Райнерта Фернанда была там библиотекарем) ранее работал Йозеф Шумпетер над «Историей экономического анализа», в первую очередь над трудами средневековых схоластов. А в библиотеке Корнеллского университета Райнерту попала на глаза книга Антонио Серры 1613 г. в перепечатке 1804 г. [Serra, 2011], которого он провозгласил основоположником идей «Другого канона». Серра разрабатывал идею возрастающей отдачи⁵ и противопоставлял производственную и финансовую деятельность в экономике, отдавая приоритет первой. Важно и то, что в Корнеллском университете историю экономических учений преподавал Артур Смитизис — один из самых близких друзей Шумпетера.

Достаточно редкое сочетание интереса к изучению бизнеса, которое было хорошо поставлено в Санкт-Галлене и Гарварде, и страсти к чтению старинных книг сформировало творческий профиль Райнерта. Ярким проявлением этого сочетания стала публикация «80 Bestsellers before 1850» [Reinert, Carpenter, Reinert, Reinert, 2017]. В этой работе, ставшей результатом долгих библиотечных изысканий Райнерта, его жены и сына, были собраны данные об экономических трактатах, изданных ранее 1850 г. и имевших более 10 изданий.

Стартовая проблема, которая, собственно, легла в основание «Другого канона», это вредность фритредерской политики применительно к экономикам развивающихся стран. Согласно Райнерту теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо слишком абстрактна, чтобы её использовать странам, отстающим в промышленной гонке. Для неё все отрасли экономики равноценны, тогда как у них различный потенциал использования и генерирования инноваций. Отрасли-лидеры, которые характеризуются возрастающей отдачей, могут дать мощный импульс экономике страны и поэтому подлежат государственной поддержке. Отрасли, для которых характерна убывающая отдача, претендовать на неё не могут. А свободная торговля, которую рекомендуют развивающимся странам экономисты-ортодоксы, полезна лишь развитым странам и рекомендуется отстающим в корыстных целях. Некоторые основные темы «Другого канона», которые выделяет Райнерт, и которым не уделяется заметного внимания в рамках «ортодоксии» — соотношение финансового и промышленного секторов, конкурентоспособность стран, устойчивость развития, национальные инновационные системы, промышленная политика.

«Другой канон» позиционирует себя как альтернативу стандартному подходу мейнстрима экономической науки. Пункты разногласий между ними подробно излагаются на сайте «Другого канона» (очевидно, самим Эриком Райнертом), ссылка на который дана выше. Вот их краткое изложение.

1. На место концепции равновесия при совершенной информации и совершенном предвидении «Другой канон» выдвигает процесс обучения и принятия решений при неопределённости (Й. Шумпетер, Дж. Шэкл, Дж.М. Кейнс). Уровень абстракции исследования не является неизменно высоким, а выбирается исходя из изучаемой проблемы.

2. Действующей силой в экономике являются ум и воля людей, воплощённые в предпринимательстве⁶.

⁵ Идею возрастающей отдачи К. Эрроу называл подземным потоком, который выходит на поверхность каждые несколько десятилетий [Arrow, 1962].

⁶ Как известно теория предпринимательства долгое время отсутствовала в экономическом мейнстриме и процветала в бизнес-школах, а не на экономических факультетах университетов (лишь в 2025 г. Нобелевской премии по экономике удостоились Дж. Мокир, Ф. Агион и М. Хоуит, которых можно причислить к шумпетерианскому направлению в экономической теории, хотя Мокир является скорее чистым историком).

3. Выделяется решающая роль новаций, которые в традиционной теории «падают с небес» и не являются эндогенными.
 4. Новое знание порождает спрос на капитал, который предоставляет финансовый сектор. В традиционной же теории первоначальным двигателем экономического роста является само накопление капитала.
 5. Метафоры берутся из биологии (причём осторожно), а не из физики. (Здесь тут же вспоминаются слова Альфреда Маршалла, что Меккой экономиста является не физика, а биология).
 6. Способ понимания — качественный (Verstehen), он не сводится к цифрам и символам, а не механический (Begreifen).
 7. Дух первичен по отношению к материи. Такую позицию можно назвать идеализмом.
 8. Человек — прежде всего инноватор и производитель, а не потребитель.
 9. Фокус исследования направлен на изменения, а не на статику или сравнительную статику.
 10. Кумулятивная причинность (история имеет значение, обратная связь). Предтечами провозглашаются Г. Мюрдаль, Н. Калдор, Й. Шумпетер и немецкая историческая школа.
 11. Возрастающая отдача или её отсутствие объясняет различия в доходах между людьми, регионами и нациями (Калдор).
 12. Реалистичность в теории важнее строгости, между ними есть компромиссный выбор (trade-off).
 13. Для анализа важна шумпетерианская конкуренция (творческое разрушение), а не совершенная. Именно она — двигатель прогресса и идеал общества.
 14. Рынок — это арена соперничества, выбора между продуктами и решениями, а не только механизм установления цен (предшественники — Й. Шумпетер, Р. Нельсон — С. Уинтер).
 15. Различие — источник развития (в то время, как традиционная теория склонна к рассмотрению одинаковых объектов).
 16. Важно различие видов деятельности по их потенциалу поглощения знаний (аргумент против теории сравнительных преимуществ).
 17. И теория, и политика не универсальны, а зависят от контекста.
 18. Экономика прочно встроена в общество (embeddedness).
 19. Знания и технологии *производятся (не падают с неба)*, они имеют издержки производства и защищаются обществом с помощью институтов.
 20. Кумулятивные силы важнее, чем уравнивающие.
 21. Экономика — это не саморегулирующаяся, а нестабильная система, создаваемая действиями людей (Г. Кэри, К. Поланьи, М. Вебер, Дж.М. Кейнс). Соответственно экономическая наука — не учение о гармонии, а наука о противоречиях. При этом она сама может быть противоречивой.
 22. Нет репрезентативной фирмы. Все фирмы уникальны (предшественница — Э. Пенроуз).
 23. В центре исследования должна быть динамическая оптимизация при неопределённости вместо статической оптимизации при полной информации. Предпосылка ограниченной рациональности.
 24. Противоречия между реальной и финансовой экономикой существуют и должны регулироваться (Дж.М. Кейнс, Х. Мински).
 25. Сбережения происходят из прибыли, а не от воздержания от потребления (Й. Шумпетер) и сами по себе не являются полезными для роста (Дж.М. Кейнс).
- Подход ко всем этим проблемам требует учёта конкретных исторических условий для анализируемых стран и исключает высокую абстракцию. К примеру, Райнерта интересует, как именно европейские страны подражали Голландии «золотого» XVII в., а также более близкая нам по времени и месту проблема деиндустриализации

восточноевропейских стран и Монголии после краха социалистической системы [Reinert, Kattel, 2024].

«Другой канон» — это подход на уровне бизнеса и экономической политики, который выходит за пределы экономической теории, как её обычно понимают. Экономисты-теоретики также готовы дать ответ на интересующие «Другой канон» вопросы, но ответы эти — «универсальные», которые будут, по мнению Райнерта, не только худосочными, но и смещёнными в сторону интересов политических и имущественных элит развитых стран. Этот подход закрепился у Райнерта в процессе его практической деятельности: он был владельцем промышленной фирмы с филиалами в Норвегии, Финляндии, Италии, а также консультантом некоторых правительств.

Главными представителями «Другого канона» в истории экономической мысли Райнерт считает уже упоминавшихся А. Серра, Й. Шумпетера, Дж.М. Кейнса, Дж. Шэкла, Г. Мюрдаля, Н. Калдора, практически всю немецкую историческую школу, Ф. Хайека, Р. Нельсона и С. Уинтера, Г. Кэри, К. Полани, М. Вебера, Э. Пенроуз, Х. Мински. Конечно, можно было бы добавить и других известных экономистов (из советских я бы включил в него, например, Ю. Яременко). Среди современных российских экономистов многие из тех, кто относят себя к институционалистам, согласились бы с тезисами «Другого канона», но это не означает, что сами они работают в том же направлении. Среди исследователей, объективно близких к «Другому канону» по направлению собственных исследований, я бы выделил Л. Григорьева и В. Попова.

Интересно, что подход Райнерта именно в силу своей «неуниверсальности» и привязки к местности позволяет выделить национальный характер экономической *теории* (а не только экономической *политики* и экономической *мысли*, что достаточно бесспорно). Эта тема, казалось бы, перестала быть актуальной к середине XX в., когда мировое сообщество учёных-экономистов гомогенизировалось по американскому образцу и национальные направления (английское, французское, немецкое, шведское) ушли в прошлое. Здесь следует упомянуть книгу Райнерта про немецкую экономическую теорию. В ней, в отличие от английской, в фокусе исследования были производство и производственный потенциал, а не обмен и ценность. Эта книга охватывает статьи Райнерта (иногда в соавторстве с сыновьями Софусом и Хуго и некоторыми другими) о немецких и немецкоязычных экономистах (и не только экономистах, идеи Ф.Ницше тоже были исследованы) от Ф.-Л. Зекендорфа и И.-Г. Юсти до В.Зомбарта, и Й.Шумпетера с его созидательным разрушением, и далее до современности.

Идеи, близкие к «Другому канону», стали основой образовательной программы в Гарвардской бизнес-школе (первым её деканом стал Эдвин Гэй, ученик знаменитого главы молодой исторической школы Густава Шмоллера). Важнейшим методом обучения в этой школе традиционно является обсуждение кейсов, взятых из реальной деловой практики. С 2006 г. в Таллинском технологическом университете работает магистерская программа, основанная на принципах «Другого канона» и руководимая самим Райнертом.

От «Другого канона» ко «второму канону»

Настала пора сказать несколько слов о подходе к проблеме «Другого канона» автора этих строк. Он, безусловно, вдохновлён идеями Райнерта и сформулирован в статье «Абстракция — мать порядка?» [Автономов, 2013] (см. также [Автономов, Автономов, 2019]). В отличие от Райнера, меня более интересовала (и интересует) история и структура экономической мысли, нежели политика экономического развития. Соответственно мой подход идёт от проблем экономической теории, что позволяет видеть главное различие между канонами в степени абстракции, а всё остальное считать производным от этого главного различия. Мою позицию в чём-то можно назвать гегельянской: всё действительное,

существующее в структуре экономической науки разумно, в том числе и «ужасный» мейнстрим.

Я пытаюсь уйти от определения «правильного» и «неправильного» подходов. Поэтому я употребляю термин не «другой» канон, а «второй» канон. Помимо «второго», есть и «первый» как более фундаментальный, ориентирующийся на естественные науки и доминирующий в истории экономической науки. К нему относятся, в частности, физиократы, классики и неоклассики. Если говорить о персоналиях, то списки представителей и «Другого», и «второго» канонов во многом совпадают. Главное различие между их трактовками — в точке зрения. У Райнерта «Другой канон» либо однозначно лучше традиционного подхода и должен его заменить, либо включает его в себя как частный случай. У меня же «первый» и «второй» каноны представляют собой идеальные типы, они олицетворяют крайности компромиссного выбора (trade-off) между строгостью и реалистичностью (truth vs precision)⁷.

Добавляя реалистичности, мы обязательно теряем в строгости, которую не без оснований считаем признаком научности. Ярким примером является, в частности, теория экономиста старой немецкой исторической школы Карла Книса, в которой мотивами поведения экономического агента выступают, помимо собственного интереса, чувство общности и чувство справедливости. При этом когда и в каких условиях действует тот или иной мотив, остаётся неясным. Относительно классической политической экономии выигрыш в реалистичности налицо, проигрыш в строгости и научности — тоже. Таким образом, в моей версии, в отличие от версии Райнерта, полное вытеснение или замена одного канона другим невозможно, а их сосуществование неизбежно, поскольку разнообразие стоящих перед экономической наукой задач требует для своего разрешения различных степеней абстракции.

Хотя «первый» и «второй» каноны относятся к экономической теории, нельзя не учитывать важную роль их отношения к экономической политике. «Второй канон» непосредственно связан с определённой экономической политикой. Яркими примерами являются здесь работы Ф. Листа или В. Ойкена. С «первым каноном» тоже связана некоторая экономическая политика, но связь эта не является прямой и непосредственной. Поэтому увенчавшиеся успехом попытки Д. Рикардо и его последователей вывести из теории сравнительных преимуществ отмену «Хлебных законов» Й. Шумпетер называл «рикардианским грехом». Политика первого канона — не гибкое реагирование, а «политика, основанная на принципах».

Может показаться, что первый канон всегда имеет либерально-рыночную направленность, а второй отстаивает государственное вмешательство и социализм, но это не так. Например, сторонники системы общего равновесия и явные представители первого канона О. Ланге и А. Лернер могли быть против рынка и за централизованную (социалистическую) экономику.

Конечно, применение концепций и терминов зависит от того, полезны ли они, причём для решения каких именно задач они полезны. Например, с концепцией двух канонов в своей редакции я попробовал связать историю споров о методах в экономической науке, представив их как споры между двумя канонами, которые в итоге могут привести к обогащению науки новыми находками. Г. Гловели использовал данную концепцию, исследуя развитие русской мысли как путь между двумя канонами [Гловели, 2018].

Надеюсь, что в этой статье мне удалось снять некоторую путаницу, которая возникла среди отечественных экономистов при их трактовках проблем, связанных с понятием двух канонов экономической науки.

⁷ Об этой дилемме упоминает и Райнерт, см. выше п. 12 в его перечне разногласий «Другого канона» с мейнстримом. Термин введён американским экономистом Томасом Майером и вынесен в название его книги [Mayer, 1993].

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2013). Абстракция — мать порядка? // *Вопросы экономики*. № 4. С. 4–23.
- Гловели Г.Д. (2018). Экономическая мысль веховства между двумя канонами // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 65–82. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00014
- Райнерт Э.С. (2011). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные остаются бедными*. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Arrow K.J. (1962). The Economic Implications of Learning by Doing Author(s) // *The Review of Economic Studies*. Vol. 29. No. 3. Pp. 155–173.
- Avtonomov V., Avtonomov Y. (2019). Four Methodenstreits between behavioral and mainstream economics // *The Journal of Economic Methodology*. No. 3. Pp. 179–194.
- Mayer T. (1993). *Truth versus Precision in Economics* — N.Y.: Edward Elgar.Aldershot, Brookfield.
- Peart S. (2003). The Canon in the History of Economics: Critical Essay // *History of Political Economy*. Vol. 35. No. 2. Pp. 353–356.
- Reinert E. (2019). *The visionary realism of German economics. From the Thirty Years' War to the Cold*. — L., N.Y.: Anthem.Press.
- Reinert E.S. (2024). *The Other Canon of Economics. Essays in the Theory and History of Uneven Economic Development*. Vol. 1,2. (Ed. by R. Kattel). — L., N.Y.: Anthem Press.
- Reinert E.S., Carpenter K., Reinert F.A., Reinert S.A. (2017). 80 Economic Bestsellers before 1850: A Fresh Look at the History of Economic Thought // *Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics*. No. 74.
- Reinert E., Kattel R. (2024). Modernizing Russia: Round III. Russia and the Other BRIC Countries: Forging Ahead, Catching Up or Falling Behind? // Reinert E.S. (2024) *The Other Canon of Economics. Essays in the Theory and History of Uneven Economic Development*. Vol. 2. (Ed. by R. Kattel). Pp. 737–794. — L., N.Y.: Anthem Press.
- Serra A. (2011). *A 'Short Treatise' on the Wealth and Poverty of Nations*. — London, New York: Anthem Press.

REFERENCES

- Arrow K.J. (1962). The Economic Implications of Learning by Doing Author(s) // *The Review of Economic Studies*. Vol. 29. No. 3. Pp. 155–173.
- Avtonomov V.S. (2013). Is Abstraction the Mother of Order // *Voprosy ekonomiki*. No.4. Pp. 4–23. (In Russ.).
- Avtonomov V., Avtonomov Y. (2019). Four Methodenstreits between behavioral and mainstream economics // *The Journal of Economic Methodology*. No. 3. Pp. 179–194.
- Gloveli G. (2018). Economic thought of vekhism between «Two canons» // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 65–82. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00014 (In Russ.).
- Mayer T. (1993). *Truth versus Precision in Economics*. — N.Y.: Edward Elgar.Aldershot, Brookfield.
- Peart S. (2003). The Canon in the History of Economics: Critical Essay // *History of Political Economy*. Vol. 35. No. 2. Pp. 353–356.
- Reinert E.S. (2011). *How rich counngtries grew rich and why poor countries remain poor*. — M.: Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Reinert E. (2019) *The visionary realism of German economics. From the Thirty Years' War to the Cold*. — L., N.Y.: Anthem Press.
- Reinert E.S. (2024). *The Other Canon of Economics. Essays in the Theory and History of Uneven Economic Development*. Vol. 1,2. (Ed. by R. Kattel). — L., N.Y.: Anthem Press.
- Reinert E.S., Carpenter K., Reinert F.A., Reinert S.A. (2017). 80 Economic Bestsellers before 1850: A Fresh Look at the History of Economic Thought // *Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics*. No. 74.
- Reinert E., Kattel R. (2024). Modernizing Russia: Round III. Russia and the Other BRIC Countries: Forging Ahead, Catching Up or Falling Behind?// Reinert E.S. (2024). *The Other Canon of Economics. Essays in the Theory and History of Uneven Economic Development*. Vol.2. (Ed. by R. Kattel). Pp. 737–794. — L., N.Y.: Anthem Press.
- Serra A. (2011). *A 'Short Treatise' on the Wealth and Poverty of Nations*. — L., N.Y.: Anthem Press.

Автономов Владимир Сергеевич

ORCID: 0000-0001-8169-729X

vavtonomov@hse.ru

Vladimir Avtonomov

Doctor habilis in economics, Corresponding Member RAS, professor of National Research University

«Higher School of Economics»; Department head, the Institute of World Economy and International Relations.

Primakov of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ORCID: 0000-0001-8169-729X

vavtonomov@hse.ru

ON THE TWO CANONS OF ECONOMIC SCIENCE

Abstract. The article deals with the conception of “Other canon” introduced by a Norwegian economist Erik Reinert. Reinert proposes it as a third way an alternative to Communism and Neoliberalism in development economics. Main characteristics of this canon are dynamic approach, emphasis on production of knowledge, role of innovations and entrepreneurship, primacy of the productive sector relative to the financial one, difference of various industries according to their innovation potential, the importance of increasing returns. In addition, Vladimir Avtonomov’s conception of two canons of economic science is introduced inspired by Reinert’s ideas. Here the first and second canons are distinguished according to the degree of abstraction. The more abstract first canon (classical political economy, neoclassical theory) is focused on strictness and affinity to natural sciences. The more concrete second canon (mercantilism, historical school, institutionalism) is closer to the surface and aims at realisticness of analysis

Keywords: *economic methodology, “the Other canon”, canons, abstraction, Erik Reinert.*

JEL: B4, B10.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.Е. Шаститко

д.э.н., профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

Н.С. Павлова

к.э.н., старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ: ЗАЧЕМ ЭКОНОМИКЕ КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ?¹

Аннотация. В статье анализируется роль критического мышления во внутридисциплинарном дискурсе в условиях концептуального разнообразия экономической науки, радикальной неопределённости, а также организации коммуникации между экономистами-исследователями и регуляторами. В качестве теоретической рамки предлагается интерпретация экономической науки как множества сосуществующих научно-исследовательских программ (НИП) в смысле И. Лакатоса. Особое внимание уделяется роли критического мышления экономистов как возможного механизма, обеспечивающего конструктивный диалог между различными НИП. Показаны онтологические, эпистемологические и аксиологические ограничения критического мышления как в академической, так и в экспертной и образовательной сферах. К онтологическим ограничениям отнесены доминирование спроса на «одноруких» экономистов, дающих простые ответы, а также логика углублённой специализации в академии, сужающая пространство для межпрограммной рефлексии. Эпистемологические ограничения связаны с феноменом «двоемыслия» — крайней сложностью свободного владения одновременно несколькими экономическими языками при отсутствии глобально синтетических моделей. Аксиологические ограничения отражают риски критики в отношении «жёсткого ядра» НИП, в рамках которой действует исследователь. Отдельно раскрыта связь критического мышления с радикальной неопределённостью и регуляторным фундаментализмом. На примере предложенного Дж. Кеем и М. Кингом подхода демонстрируется, как переоценка вероятностных исчислений в регулировании приводит к подмене радикальной неопределённости ситуациями риска, порождая ошибочные нормативные требования. Предлагается типология носителей экономического знания: от специалиста, осознающего границы своей компетентности, до неспециалиста с полномочиями принятия решений, не осознающего масштаба собственной некомпетентности. Обосновывается тезис о предметной специфичности универсальных когнитивных навыков: критическое мышление, развитое в рамках одной НИП, автоматически не переносится на анализ альтернативных подходов. Сделан вывод о том, что позитивный внутридисциплинарный дискурс невозможен через устранение концептуального разнообразия; напротив, он требует его институционализации как ресурса более ответственного и рефлексивного научного и экспертного анализа, способного снизить вероятность общественно неприемлемых последствий ошибочных решений.

Ключевые слова: *внутридисциплинарный дискурс, критическое мышление, экономическая наука, научно-исследовательские программы, радикальная неопределённость.*

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

JEL: B41, D89

УДК: 001.2, 001.5, 001.8, 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_15_26

© А.Е. Шаститко, Н.С. Павлова, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Свои среди чужих, чужие среди своих: зачем экономике критическое мышление? // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 15–26. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_15_26.

FOR CITATION: Shastitko A., Pavlova N. Ours among strangers, strangers among ours: why does economics need critical thinking? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 15–26. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_15_26.

Введение

Идея построения единой экономической теории, с базовыми постулатами которой были бы согласны все профессиональные экономисты (или, как минимум, их квалифицированное большинство), обладает значительным эвристическим и институциональным притяжением². Вместе с тем, подобный проект представляется малоперспективным не только вследствие практически полной необозримости современного поля экономических исследований в начале XXI в. (в отличие от относительно обозримого состояния дисциплины до середины XIX в.), но и вследствие фундаментального, устойчивого разнообразия подходов к исследованию предмета экономической науки, а также продолжающегося в последние годы процесса повышения разнородности и сегментации экономической науки [Автономов, 2024].

Признание необратимости и непреходящего характера концептуального и методологического плюрализма неизбежно влияет на доступные варианты организации внутридисциплинарного дискурса, в число которых не попадает развитие научного экономического знания в режиме смены парадигм по Т. Куну [Кун, 2020]. Возможные форматы включают сосуществование и конкуренцию (или кооперацию) множества научно-исследовательских программ (НИП) по И. Лакатосу [Лакатос, 1995], пролиферацию разнородных экономических теорий в духе П. Фейерабенда [Фейерабэнд, 2007], а также эволюционный отбор концепций и понятий, описанный С. Тулмином [Тулмин, 1984].

Отсутствие реалистичных перспектив глобального синтеза — в отличие от неоклассического синтеза середины и второй половины XX в., который имел и иные предпосылки, проявляется и в современных дискуссиях, в том числе в российском академическом пространстве. Это задаёт контекст для обсуждения того, как именно возможно организовать позитивный внутридисциплинарный дискурс в условиях множественности НИП и ограниченности человеческих когнитивных ресурсов.

Концептуальное разнообразие в экономической науке, необходимость метаязыка и вызовы критического мышления

Дальнейший анализ опирается на идею И. Лакатоса о научно-исследовательских программах, спроецированную на экономическую науку. Признание того факта, что в экономике одновременно сосуществует множество НИП, ставит вопрос о возможности извлечения из этого состояния практической полезности и о том, для каких именно акторов такая полезность может быть максимальной.

² А также идея формирования общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин [Полтерович, 2022]. На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 48–57.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения исследователей, ориентированных преимущественно на построение абстрактных моделей «сферического коня в вакууме», то использование концептуального разнообразия может представляться факультативным. Однако в применении к задачам, возникающим «за пределами академии» — в политике, бизнесе, регуляторной практике, наличие различных теоретических перспектив становится ресурсом для более адекватного и контекстно чувствительного решения прикладных проблем.

В этом отношении показательна позиция представителей академической профессуры, совмещающих академическую и практическую деятельность: «Проявление суждения при выборе нарративов эклектично и прагматично. Как экономисты, мы не являемся приверженцами неоклассической или неокейнсианской, или австрийской, или социалистической, или поведенческой школы. Но мы готовы заимствовать из любой или всех этих школ мысли, если они предлагают релевантное понимание в контексте конкретной проблемы» [Кей, Кинг, 2025. С. 568]. Такая позиция подчёркивает практическую значимость концептуального разнообразия в системе высшего образования, выступающего необходимым (хотя и недостаточным) условием формирования фундаментальных и одновременно практико-ориентированных знаний.

Одним из аргументов в пользу поддержания концептуального разнообразия является широкое распространение радикальной неопределённости как особого класса ситуаций выбора (индивидуального и коллективного) [Шаститко, 2024; Шаститко, Федоров, 2023], для описания которых вероятностные модели оказываются недостаточными или вводящими в заблуждение. Более того, в некоторых случаях их применение создаёт дополнительные проблемы, маскируя радикальную неопределённость ситуациями риска и тем самым провоцируя ошибочные решения.

Поддержка концептуального разнообразия в позитивном ключе требует наличия метаязыка, который позволил бы представителям разных НИП продуктивно взаимодействовать. На стыке высшего экономического образования и научных исследований роль своего рода метаязыка экономической науки часто выполняет «учебниковая» микроэкономика в её стандартизированной форме (от вводного до продвинутого уровня, включая курсы, восходящие к [Мас-Колелл, Уинстон, Грин, 2016; Тутов, Шаститко, 2021]). С одной стороны, такая метаязыковая позиция создаёт возможности использования микроэкономики в качестве бенчмарка для сопоставления и обсуждения альтернативных НИП, с другой — она порождает риски предвзятости в оценках и суждениях, когда именно этот язык начинает восприниматься как «единственно правильный».

Интуитивное признание важности критического мышления исследователей и обучающихся сочетается с отсутствием общепринятого операционального определения критического мышления вообще и критического мышления экономистов в частности (тем более привязанного к конкретной предметной области). В определённом смысле отсутствие единого операционального определения может рассматриваться как позитивное обстоятельство, предотвращающее догматизацию и стандартизированное измерение критичности мышления при отсутствии консенсуса относительно его содержания.

Ситуация с критическим мышлением аналогична положению в методологии науки, где сосуществуют подходы Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, С. Тулмина и других авторов. Ни положения этих концепций, ни их взаимные оценки не поддаются окончательной верификации или фальсификации таким образом, чтобы обеспечить всеобщий консенсус. Однако само разнообразие взглядов на один и тот же объект создаёт ресурс для более рефлексивного и взвешенного анализа.

Критическое мышление экономистов и его системные ограничения

Вопрос о достаточности критического мышления для адекватного анализа сложных объектов особенно остро встаёт в отношении экономической науки, где одна и та же реальность описывается множеством конкурирующих подходов. Если признать, что критическое мышление исследователя требует, помимо общих когнитивных навыков, глубокого владения предметной областью, то возникает проблема: насколько реалистично одновременно осваивать и поддерживать компетенции в нескольких НИП, оперирующих разными языками описания и наборами базовых допущений.

Практическое совмещение активной исследовательской деятельности со «свободным» владением несколькими экономическими языками (неоклассика, посткейнсианство, современный марксизм, традиционный институционализм, австрийская школа, разные направления новой институциональной экономической теории и др.) оказывается крайне затруднительным, если вообще достижимым. Проблема усугубляется тем, что различия между исследовательскими направлениями касаются не только набора ключевых концепций, но и смысловой нагрузки одних и тех же терминов. Это относится, в частности, к таким фундаментальным понятиям, как «конкуренция», «индивидуальный выбор», «общественное благосостояние», «капитал» и т.п.

В истории и современной практике экономической науки можно выделить исследователей, работающих на стыке НИП и владеющих инструментарием не одной, а двух и более программ. Однако подобное межпрограммное позиционирование сопряжено с рисками «чуждости» как внутри каждой из программ, так и в их совокупности: исследователь легко оказывается «чужим среди своих и своим среди чужих».

Возникающие ограничения на критическое мышление в научной и экспертной деятельности, а также в образовательной практике, можно условно разделить на онтологические, эпистемологические и аксиологические. К онтологическим ограничениям относятся, во-первых, особенности спроса на экономическое знание вне академии. Здесь доминирует запрос на «одноруких» и «телевизионных» экономистов, предлагающих простые и однозначные ответы. Популизм, подкреплённый низким уровнем критичности массового мышления, опирается на непонимание не только содержания экономических концепций, но и границ их применимости, а также на высокий спрос на информационный «хайп» в краткосрочной перспективе.

Во-вторых, в рамках академического пространства действует логика углублённой специализации и роста требований к производительности (измеряемой, в частности, количеством статей, проходящих двойное слепое рецензирование в научных журналах). В таких условиях экономист, стремящийся свободно владеть несколькими экономическими «языками», сталкивается с ограничениями времени, когнитивных ресурсов и институциональных стимулов. Объективно это сужает пространство для развития критического мышления, ориентированного на межпрограммный анализ. Кроме того, «эмпирический поворот» в экономической науке привёл к превалированию научных текстов, которые фокусируются на эмпирических разработках, в то время как доля работ по теории (к которым, в частности, относятся тексты, отражающие критическое отношение к предпосылкам теорий и обсуждающие ограничения применимости тех или иных теоретических подходов) падает [Garg, Fetzer, 2024]. Соответственно, работы по критическому переосмыслению предпосылок различных НИП и их взаимосвязи с высокой вероятностью имеют меньше шансов на публикацию.

Эпистемологические ограничения связаны с трудностями «двоемыслия» и «троемыслия» в отсутствие синтетических моделей, позволяющих согласовать различные НИП. Одна из стратегий избегания когнитивного диссонанса — дистанцирование от академии и обесценивание фактов и идей, не вписывающихся в расширенную картину мира

исследователя. Такая стратегия снижает нагрузку на когнитивные ресурсы, но одновременно обедняет критический потенциал научного сообщества.

Что касается аксиологических ограничений, то для экономистов-исследователей актуальными могут быть ограничения, связанные с восприятием «твёрдого ядра» [Лакатос, 1995]: если у любой НИП есть «твёрдое ядро», которое защищено от критики, то исследователь принимает это ядро как ценность (часто неосознанно). Критическое мышление, направленное на это ядро, может восприниматься как угроза идентичности исследователя³.

Типология носителей знания и уровней критического мышления

Для прикладного анализа роли критического мышления полезно выделить несколько категорий носителей экономического знания и соответствующих уровней критичности мышления. Условно можно различить следующие группы.

1. *Специалист, осознающий границы своей компетентности.* Это человек, хорошо разбирающийся в той предметной области, в которой он специализируется, и одновременно осознающий границы своей компетенции, включая пределы применимости используемых им концепций и моделей. Как правило, он хотя бы в минимальной степени понимает язык иных исследовательских направлений в рамках той же дисциплины. Именно эта категория в наибольшей степени соответствует условиям формирования позитивного внутридисциплинарного дискурса, поскольку осознание ограничений собственной компетентности оказывается совместимым со стремлением к её расширению.

2. *Специалист со «стихийным концептуальным империализмом».* Такой специалист на развитом уровне владеет инструментально-категориальным аппаратом в своей области, но не рефлексировывает в отношении ограничений, связанных с переносом этих знаний на другие объекты. На практике подобную позицию можно наблюдать, например, у консультантов по экономическим реформам, применяющих привычные им модели к странам и институциональным контекстам, с которыми они почти не знакомы. Это тесно связано с проблематикой «импорта институтов», когда перенос институтов и моделей осуществляется без достаточного учёта особенностей контекста.

3. *Неспециалист, осознающий собственную некомпетентность.* Эта категория включает лиц, которые не являются специалистами в определённой сфере, но при этом отдают себе отчёт в ограниченности своих знаний и в неспособности вырабатывать релевантное научное знание. Такая позиция потенциально снижает риск некритического заимствования и распространения псевдонаучных идей.

4. *Неспециалист, не осознающий масштаб своей некомпетентности.* Представители этой группы не владеют предметной областью и не имеют адекватного представления о масштабах собственной некомпетентности. Тем не менее они нередко претендуют на авторитетное мнение по вопросам, являющимся предметом научного анализа, что создаёт дополнительные риски для общественного дискурса.

5. *Неспециалист с полномочиями принятия решений в бизнесе и политике.* Особую категорию составляют лица, которые, не будучи специалистами и не осознавая масштаб своей некомпетентности, обладают полномочиями принимать решения в бизнесе или регулировании. В условиях ухудшающегося отбора (более подробно о его причинах написано, например, у Ф. фон Хайека [Хайек, 2005]) такие акторы оказываются источником слабого спроса на критическое мышление (следуя максиме «есть два мнения – моё и неправильное») и одновременно источником решений с потенциально тяжёлыми последствиями

³ Отдельная тема в связи с аксиологическими ограничениями критического мышления экономистов-исследователей — влияние идеологии на экономические исследования (см. например [Вольчик, Фурса, 2024]). Идеология и теоретические нарративы в экономической науке // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 7–21).

для компании, отрасли или даже общества в целом. Отсутствие достаточно развитых механизмов прослеживаемости и эмпирической оценки причинно-следственных связей создаёт стимулы ухода от ответственности за подобные решения.

Вместе с тем переход к анализу группового уровня принятия решений — в том числе на уровне организаций — усложняет картину. Исходя из позиции методологического индивидуализма, возникает вопрос о том, каким образом индивидуальное критическое мышление обеспечивает (или не обеспечивает) рациональность решений на организационном уровне, и этот вопрос оказывается далёким от тривиальности. Несмотря на наличие эмпирических свидетельств того, что группы способны принимать более рациональные решения, чем отдельные индивиды [Charness, Sutter, 2012; Bang, Frith, 2017], термин «критическое мышление» традиционно применяется к мышлению индивида. Попытки концептуализации группового критического мышления остаются редкостью [Schamber, Mahoney, 2006], хотя работа в группе может служить инструментом развития индивидуального критического мышления [Loes, Pascarella, 2017].

Однако не каждое групповое решение автоматически превосходит индивидуальное по рациональности; более того, групповые решения подвержены специфическим искажениям [Janis, 1982; Isenberg, 1986], а в некоторых случаях работа в группах даже негативно сказывается на развитии критического мышления [Arum, Roksa, 2010]. В связи с этим особое значение приобретает организация самой процедуры принятия решений, что фактически переводит анализ в плоскость процедурной рациональности по Г. Саймону [Саймон, 1993]. Рациональные процедуры должны опираться на понимание типичных когнитивных искажений, проявлений ограниченной рациональности и «провалов» критического мышления, характерных для соответствующей предметной области.

Например, последовательная реализация коузианского подхода к выработке регуляторных решений (включая сохранение status quo и повышение степени совершенства рынка) может предотвратить автоматическое «скатывание» в регуляторный или рыночный фундаментализм. Аналогично процедура оценки регулирующего воздействия — учитывая склонность разработчиков политик к регуляторным опциям — требует обязательного рассмотрения альтернатив, включая сохранение status quo, при этом необходимость любого вмешательства не презюмируется и подлежит дополнительному доказательству. Для практиков (политиков, чиновников) перечень типичных когнитивных искажений и дефицитов критического мышления, влияющих на экономическую политику, хорошо документирован [Павлова, 2017; Tasic, 2011]. Подобное понимание недостатков критического мышления экономистов-учёных могло бы способствовать разработке процедур, обеспечивающих межпрограммный (внутридисциплинарный) дискурс. Даже без исчерпывающего перечня таких дефицитов уже возможны конкретные институциональные рекомендации по оптимизации дискурса.

Радикальная неопределённость, критическое мышление и статус моделей

Недостаточность критического осмысления экономических моделей проявляется, в частности, в связи с радикальной неопределённостью и регуляторным фундаментализмом [Шаститко, Павлова, 2022, Павлова, Шаститко, 2024]. На первый взгляд подобная связь может показаться искусственной, однако пример анализа Дж. Кея и М. Кинга демонстрирует её внутреннюю логическую обоснованность [Кей, Кинг, 2025].

Переоценка возможностей вероятностных исчислений при моделировании ценообразования финансовых активов и оценке рисков приводит к подмене понятий: радикальная неопределённость, предполагающая наличие ex ante не специфицируемых, но в определённой мере ожидаемых событий (что-то вроде ожидания непредвиденного [Шаститко,

Курдин, 2020]), представляется как ситуация с количественно измеримыми рисками. Эти риски затем институционализируются в нормативных требованиях к деятельности компаний, которые оказываются чрезмерно жёсткими и финансово непривлекательными для рациональных участников рынка: «Система регулирования пытается снизить риск — который никогда нельзя устранить в мире радикальной неопределённости — навязывая такой жёсткий и финансово непривлекательный сценарий, что ни один здравомыслящий человек не захочет ему следовать» [Кей, Кинг, 2025. С. 453].

В результате создаётся система благонамеренного, но ошибочного регулирования. В качестве иллюстрации Кей и Кинг приводят ухудшение перспективы материальной обеспеченности граждан в старости в Великобритании. Доминирующий нарратив о «все-силлии» вероятностного подхода к оценке рисков и соответствующего регулирования редко подвергается подлинно критическому пересмотру, в том числе в связи с недостаточным вниманием к сценариям с низкой вероятностью, но крайне высокими негативными последствиями (кризис 2007–2008 гг. — один из иллюстративных примеров). Аналогичные выводы могут быть сформулированы в отношении множества событий типа «чёрных лебедей», а также событий с низкой вероятностью и значительными негативными последствиями, чья недооценка связана с дефицитом критического осмысления допущений, лежащих в основе используемых моделей.

Связку между критическим мышлением и радикальной неопределённостью можно дополнительно прояснить через метафору когнитивных Систем 1 и 2, на объяснении соотношения которых, в частности, были построены рефлексии Д. Канемана в рамках поведенческой экономики [Канеман, 2014]. Поскольку Система 2 (медленное, рефлексивное мышление) не может использоваться для осмысления большинства решений индивида из-за ограниченности когнитивных ресурсов, критическое переосмысление не может быть применено одновременно ко всем областям общественной жизни, в которых оно необходимо. Часто значимость критического пересмотра тех или иных практик оказывается очевидной лишь постфактум, после реализации соответствующих рисков или после того, как «быстрая» Система 1 даёт сбой, ведущий к существенным последствиям.

Если исходить из того, что любая модель является упрощённым и, следовательно, искажённым представлением действительности, то практически любую модель можно признать «ошибочной» [Кей, Кинг, 2025]. Однако из этого не следует её бесполезность. Важным элементом критического мышления является отказ как от идеализации преобладающей модели (даже если она широко признана в академическом сообществе), так и от нигилистического обесценивания альтернативных моделей, по тем или иным причинам находящихся на периферии внимания исследователей.

Например, часто поведенческие эффекты интерпретируются как некоторые отклонения от модели максимизации ожидаемой полезности, и, соответственно, в качестве обоснованной задачи рассматривается поиск способов минимизации отклонений от поведения, которое предсказывается соответствующей моделью. Однако такая постановка требует специального обоснования применения модели ожидаемой полезности как эталона «правильного» решения, в то время как отклонения считаются «ошибочными». И возникает вопрос, необходимо ли стремиться к минимизации отклонений, если сама модель ожидаемой полезности и её максимизации может быть «ошибочна» — например, в ситуациях радикальной неопределённости. Так, [Кей, Кинг, 2025] утверждают, что поведенческая экономика хороша для объяснения так называемых «малых миров», т.е. ситуаций, где известен набор исходов, их вероятности (или их можно адекватно оценить), а структура выбора относительно проста. Для них поведенческая экономика исправляет идеализирующие предпосылки традиционной теории выбора и даёт более реалистичные микромодели поведения. Однако эти модели не следует экстраполировать на «большие миры» радикальной неопределённости (бизнес-стратегия, макрополитика, личные жизненные решения),

где не существует заранее заданного вероятностного пространства и где люди опираются на рассказы-нарративы, эвристики и т.д. Способность осознавать подобные ограничения применимости результатов также является составной частью критического мышления.

Критическое мышление и междисциплинарный (межпрограммный) дискурс: возможности и пределы

С учётом сказанного можно сформулировать несколько тезисов, касающихся роли критического мышления в организации междисциплинарного и внутридисциплинарного дискурса. Во-первых, есть основания предположить, что большинство участников дискурса считают себя обладающими достаточно развитым критическим мышлением, однако эмпирические наблюдения и исследования показывают, что это впечатление далеко не всегда соответствует действительности. При этом некоторые эмпирические данные ставят под сомнение результативность усилий по целенаправленному повышению критического мышления в образовательном процессе [Arum, Roksa, 2011; Солодихина, 2022; Huber, Kuncel, 2016].

Во-вторых, возникает вопрос, является ли высокий уровень критического мышления необходимым условием успешной организации междисциплинарного или межпрограммного дискурса. Если вслед за Дж. Зигфридом и Д. Коландером понимать критическое мышление как способность к «big-think» [Siegfried, Colander, 2022]⁴, то для продуктивного взаимодействия между НИП требуется хотя бы базовая ориентация в их содержании и актуальных границах. В подобной трактовке без развитого критического мышления перспективы позитивного междисциплинарного дискурса выглядят ограниченными.

В-третьих, развитое критическое мышление вряд ли может рассматриваться как достаточное условие для устойчивого межпрограммного взаимодействия. Согласно «классической» формуле, критическое мышление включает диспозицию, навыки мышления и знание предметной области. Общие когнитивные навыки позволяют ориентироваться в альтернативных НИП лишь в ограниченной степени: без владения аппаратом конкретной программы возможности её критического осмысления на основе одних лишь универсальных логических и аналитических навыков остаются весьма ограниченными, и возникает риск остаться в пределах «экономической теории классной доски», пусть даже концептуально разнообразной.

Эмпирические исследования показывают, что обучающимся сложно переносить освоенные в одной области навыки критического мышления на другие области [Willingham, 2007]. Это свидетельствует о наличии дисциплинарной или предметной специфичности даже тех компонентов критического мышления, которые традиционно считаются универсальными.

В-четвёртых, восприятие универсальной компоненты критического мышления представителями разных дисциплин также демонстрирует вариативность. Так, опрос преподавателей естественных наук [Солодихина, Солодихина, 2023] показывает, что они прежде всего связывают критическое мышление с исследовательской, часто экспериментальной деятельностью, тогда как в гуманитарных науках акцент смещается в сторону анализа, оценки и интерпретации. Аналогичные различия наблюдаются среди студентов

⁴ В этой работе выделяются два вида критического мышления в экономике: «big-think» и «little-think». «Little-think» подразумевает преподавание студентам инструментов, моделей и методов, которые используются экономистами, а преподавание «big-think» — формирование представлений о соотношении моделей, ограничениях на их применимость к объяснению реальных ситуаций, а также интегрирование ценностных суждений с научными доказательствами для выработки экономической политики (подробнее см.: Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2026). Метаязык для концептуального разнообразия в экономической науке: новый взгляд на «коробку Эджуорта» // *Вопросы экономики*. № 4. С. 145–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-145-160.).

разных направлений подготовки, которые по-разному ранжируют компоненты критического мышления и выбирают наиболее релевантные его определения. Экономическая наука в этой части, на наш взгляд, занимает особое место в свете «революции достоверности», ядро которой — в смещении фокуса на эмпирические оценки причинно-следственных связей между явлениями [Angrist, Pischke, 2010]. Будет ли такой поворот сопряжён с распространением практики «подгонометрии» [Мальцев, Шаститко, 2025] как одного из маркеров некритического освоения предмета исследования — время покажет.

Хотя в рамках экономической теории нет оснований ожидать столь же высокой вариативности, как между естественными и гуманитарными науками, различия в понимании «эталонных» методов исследования и критериев обоснованности аргументации между разными НИП могут оказывать существенное влияние на возможности взаимного признания и конструктивного диалога. Без хотя бы минимального согласия относительно валидности методологических подходов трудно рассчитывать на признание аргументов друг друга обоснованными. Вместе с тем даже отсутствие такого признания не исключает позитивного внутридисциплинарного дискурса в слабой форме, когда ряд идей в рамках одной НИП воспринимаются другой НИП, пусть и с некоторыми оговорками и корректировками (допуская, что позитивный дисциплинарный дискурс в сильной форме предполагает умение воспринимать другую НИП «как она есть», т.е. в её аутентичной форме).

Заключение

Представленный анализ демонстрирует, что позитивный внутридисциплинарный дискурс как одна из возможных дискретных структурных альтернатив в экономической науке не может быть сведён к поиску единой, всеобъемлющей теории, принимаемой всеми экономистами. Напротив, он предполагает институционализацию и поддержание представления о множестве научно-исследовательских программ как варианте нормы, а также развитие критического мышления, позволяющего осознавать как границы собственной компетенции, так и ограничения используемых моделей.

Вместе с тем критическое мышление само по себе подвержено онтологическим и эпистемологическим ограничениям, связанным с радикальной неопределённостью, стимулами в академии, спецификой общественного спроса на экономическое знание и предметной привязкой универсальных когнитивных навыков. В этих условиях ключевой задачей становится не устранение концептуального разнообразия, а формирование механизмов, позволяющих использовать его как ресурс для более ответственного и рефлексивного научного и экспертного дискурса, одним из ожидаемых благотворных эффектов которого станет снижение вероятности (пусть даже трудно измеримой) возникновения общественно неприемлемых эффектов вследствие принятия ошибочных решений.

Обсуждение вопроса об основаниях, возможностях и границах критического мышления особенно актуально в дискуссиях по вопросам экономической политики в свете новых вызовов, возникших в связи с глобальной цифровой трансформацией экономики, приведшей к созданию новых форм организации бизнеса, способов ограничения конкуренции и каналов конкурентного давления. Немногочисленные работы на стыке экономики и права, посвящены обсуждению вариантов проектирования и применения инструментов защиты конкуренции [Ховенкамп, 2025; Эзрахи, Стаки, 2022]. Вместе с тем их анализ показывает, что далеко не все доступные возможности позитивного междисциплинарного дискурса в целях построения сбалансированной конкурентной политики в быстро меняющемся мире исчерпаны.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2024). Судьба «больших теорий» в экономической науке // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 96–105. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105.
- Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2024). Идеология и теоретические нарративы в экономической науке // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.
- Канеман Д. (2014). *Думай медленно... решай быстро*. — М.: Издательство АСТ.
- Кей Дж., Кинг М. (2025). *Радикальная неопределённость. Принятие решений за пределами цифр*. — Ереван: Fortis Press.
- Кун Т. (2020). *Структура научных революций*. — М.: АСТ.
- Лакатос И. (1995). *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. — М.: Медиум.
- Мальцев А.А., Шаститко А.Е. (2025). Куда ведёт ностальгический эмпиризм новых-новых институционалистов? // *Вопросы экономики*. № 12. С. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-12-5-31.
- Мас-Колелл А., Уинстон М.Д., Грин Д.Р. (2016). *Микроэкономическая теория*. Кн. 1–2. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Павлова Н.С. (2017). Поведенческие аспекты действий регулятора // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. Т. 9. № 1. С. 7–18.
- Павлова Н.С., Шаститко А.Е. (2024). Микрооснования доминирования фундаментализма в экономической политике: есть ли антидот? // *Вопросы экономики*. № 1. С. 94–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-94-114.
- Полтерович В.М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 48–57. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57.
- Саймон Г. (1993). Рациональность как процесс и продукт мышления // *THESIS*. Вып. 3. С. 16–38.
- Солодихина М. (2022). *Критическое мышление в высшем естественнонаучном образовании: определение и содержание понятия*. — М.: МПГУ.
- Солодихина М.В., Солодихина А.А. (2023). Критическое мышление: сравнение трёх дисциплинарных подходов // *Вопросы образования*. № 4. С. 207–240.
- Тулмин С. (1984). *Человеческое понимание*. — М.: Прогресс.
- Тутов Л.А., Шаститко А.Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору // *Вопросы экономики*. № 4. С. 96–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-96-115.
- Фейерабенд П. (2007). *Против метода. Очерк анархистской теории познания*. — М.: АСТ.
- Хайек Ф. (2005). *Дорога к рабству*. — М.: Новое издательство.
- Ховенкамп Г. (2025). *Технологические монополии*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Шаститко А.Е. (2024). *Новая институциональная экономическая теория*. — М.: МАКС Пресс. DOI: 10.29003/m4302.978-5-317-07300-8.
- Шаститко А.Е., Курдин А.А. (2020). В ожидании непредвиденного // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 36–50. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10202.
- Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2022). Коузианство против пигувианства: идеи, ценности, перспективы // *Вопросы экономики*. № 1. С. 23–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46.
- Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2026). Метаязык для концептуального разнообразия в экономической науке: новый взгляд на «коробку Эджуорта» // *Вопросы экономики*. № 4. С. 145–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-145-160.
- Шаститко А.Е., Федоров С.И. (2023). Человек в меняющемся мире: как координировать индивидуальные планы? // *Вопросы экономики*. № 7. С. 50–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-7-50-80.
- Эзрахи А., Стаки М. (2022). Виртуальная конкуренция: посулы и опасности алгоритмической экономики. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30.
- Arum R., Roksa J. (2011). *Academically Adrift. Limited Learning on College Campuses*. — Chicago: The University of Chicago Press.
- Bang D., Frith C. (2017). Making better decisions in groups // *Royal Society Open Science*. Vol. 4 (8). Pp. 170–193.
- Charness G., Sutter M. (2012). Groups Make Better Self-Interested Decisions // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 26 (3). Pp. 157–176.
- Garg P., Fetzer T. (2024). Causal Claims in Economics // *I4R Discussion Paper Series*. No. 183. Institute for Replication (I4R).
- Huber C., Kuncel N. (2016). Does College Teach Critical Thinking? A Meta-Analysis // *Review of Educational Research*. Vol. 86(2). Pp. 431–468.
- Isenberg D. (1986). Group polarization: A critical review and meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50(6). Pp. 1141–1151.
- Janis I. (1982). *Groupthink: Psychological studies of policy decisions and fiascoes*. — Boston: Houghton Mifflin.
- Loes Ch.N., Pascarella E.T. (2017). Collaborative Learning and Critical Thinking: Testing the Link // *The Journal of Higher Education*. Vol. 88(5). Pp. 726–753.
- Schamber J., Mahoney S. (2006). Assessing and Improving the Quality of Group Critical Thinking Exhibited in the Final Projects of Collaborative Learning Groups // *The Journal of General Education*. Vol. 55(2). Pp. 103–137.
- Siegfried J., Colander D. (2022). What does critical thinking mean in teaching economics? The big and the little of it // *The Journal of Economic Education*. Vol. 53(1). Pp. 71–84. DOI: 10.1080/00220485.2021.2004278

- Tasic S. (2011). Are Regulators Rational? // *Journal des Economistes et des Etudes Humaines*. Vol. 17(1). URL: <http://ssrn.com/abstract=2492608> (access date: 02.05.2026).
- Willingham D.T. (2007). Critical thinking: Why it is so hard to teach? // *American Federation of Teachers*. 109 (4). Pp. 8–19. DOI: 10.3200/AEPR.109.4.21-32

REFERENCES

- Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30.
- Arum R., Roksa J. (2011). *Academically Adrift. Limited Learning on College Campuses*. — Chicago: The University of Chicago Press.
- Avtonomov V.S. (2024). The Fate of «Grand Theories» in Economic Science // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 96–105. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105. (In Russ.).
- Bang D., Frith C. (2017). Making better decisions in groups // *Royal Society Open Science*. Vol. 4 (8). Pp. 170–193.
- Charness G., Sutter M. (2012). Groups Make Better Self-Interested Decisions // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 26 (3). Pp. 157–176.
- Ezrachi A., Stucke M.E. (2022). *Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy*. — M.: Publishing house «Delo» RANEPa. (In Russ.).
- Feyerabend P. (2007). *Against the Method. An Essay on the Anarchist Theory of Knowledge*. — M.: AST. (In Russ.).
- Garg P., Fetzer T. (2024). Causal Claims in Economics // *I4R Discussion Paper Series*. No. 183. Institute for Replication (I4R). S. I.
- Hayek F. (2005). *The Road to Serfdom*. — M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
- Hovenkamp H. (2025). *Technological Monopolies*. — M.: Gaidar Institute Press. (In Russ.).
- Huber C., Kuncel N. (2016). Does College Teach Critical Thinking? A Meta-Analysis // *Review of Educational Research*. Vol. 86(2). Pp. 431–468.
- Isenberg D. (1986). Group polarization: A critical review and meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50(6). Pp. 1141–1151.
- Janis I. (1982). *Groupthink: Psychological studies of policy decisions and fiascoes*. — Boston: Houghton Mifflin.
- Kahneman D. (2024). *Thinking, Fast and Slow*. — M.: AST. (In Russ.).
- Kay J., King M. (2025). *Radical Uncertainty: Decision-Making Beyond Numbers*. — Yerevan: Fortis Press. (In Russ.).
- Kuhn T.S. (2020). *The Structure of Scientific Revolutions*. — M.: AST. (In Russ.).
- Lakatos I. (1995). *Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes*. — M.: Medium. (In Russ.).
- Loes Ch.N., Pascarella E.T. (2017). Collaborative Learning and Critical Thinking: Testing the Link // *The Journal of Higher Education*. Vol. 88(5). Pp. 726–753.
- Maltsev A.A., Shastitko A.E. (2025). Where is the Nostalgic Empiricism of the New New Institutionalists Leading Economics? // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-12-5-31. (In Russ.).
- Mas-Colell A., Whinston M.D., Green J.R. (2016). *Microeconomic Theory*. Books 1–2. — M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANEPa. (In Russ.).
- Pavlova N.S. (2017). Behavioral Aspects of Regulator Decisions // *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. Vol. 9. No. 1. Pp. 7–18. (In Russ.).
- Pavlova N.S., Shastitko A.E. (2024). Microfoundations of Dominance of Fundamentalism in Economic Policy: Is There an Antidote? // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 94–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-94-114 (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2022). On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards a Synthesis of Two Canons // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 48–57. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57. (In Russ.).
- Schamber J., Mahoney S. (2006). Assessing and Improving the Quality of Group Critical Thinking Exhibited in the Final Projects of Collaborative Learning Groups // *The Journal of General Education*. Vol. 55(2). Pp. 103–137.
- Simon G. (1993). Rationality as a process and product of thinking // *THESIS*. Vol. 3. Pp. 16–38. (In Russ.).
- Shastitko A.E. (2024). *New Institutional Economic Theory*. — M.: MAKSS Press. 825 p. DOI: 10.29003/m4302.978-5-317-07300-8. (In Russ.).
- Shastitko A.E., Fedorov S.I. (2023). Man in a Changing World: How to Coordinate Individual Plans? // *Voprosy ekonomiki*. No. 7. Pp. 50–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-7-50-80. (In Russ.).
- Shastitko A.E., Kurdin A.A. (2020). Expecting Unpredictable // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 36–50. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10202 (In Russ.).
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2022). Pigouvian vs. Coasian Approach: Ideas, Values, Perspectives // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 23–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46 (In Russ.).
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2026). Metalanguage for Conceptual Diversity in Economics: Edgeworth Box Reconsidered // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 145–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-145-160. (In Russ.).
- Siegfried J., Colander D. (2022). What does critical thinking mean in teaching economics? The big and the little of it // *The Journal of Economic Education*. Vol. 53(1). Pp. 71–84. DOI: 10.1080/00220485.2021.2004278
- Solodikhina M. (2022). *Critical Thinking in Higher Natural Science Education: Definition and Content of the Concept*. — M.: MPGU. (In Russ.).
- Solodikhina M.V., Solodikhina A.A. (2023). Critical Thinking: A Comparison of Three Disciplinary Approaches // *Voprosy obrazovaniya*. № 4. Pp. 207–240. (In Russ.).

- Tasic S. (2011). Are Regulators Rational? // *Journal des Economistes et des Etudes Humaines*. Vol. 17(1). URL: <http://ssrn.com/abstract=2492608> (access date: 02.05.2026).
- Tulmin S. (1984). *Human Understanding*. — M.: Progress. (In Russ.).
- Tutov L.A., Shastitko A.E. (2021). Metalanguage within Disciplinary Discourse for Scientific Research Programs: Invitation to a Debate // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 96–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-96-115. (In Russ.).
- Volchik V.V., Fursa E.V. (2024). Ideology and Theoretical Narratives in Economics // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21. (In Russ.).
- Willingham D.T. (2007). Critical thinking: Why it is so hard to teach? // *American Federation of Teachers*. 109 (4). Pp. 8–19. DOI: 10.3200/AEPR.109.4.21-32

Шаститко Андрей Евгеньевич

ORCID 0000-0002-6713-069X

aes99@yandex.ru

Andrey Shastitko

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competition and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

ORCID 0000-0002-6713-069X

aes99@yandex.ru

Павлова Наталья Сергеевна

ORCID 0000-0002-9416-4086

pavl.ns@yandex.ru

Natalia Pavlova

PhD (economics), Senior Researcher of Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

ORCID 0000-0002-9416-4086

pavl.ns@yandex.ru

OURS AMONG STRANGERS, STRANGERS AMONG OURS: WHY DOES ECONOMICS NEED CRITICAL THINKING?

Abstract. The article analyzes the role of critical thinking in the organization of intra-disciplinary discourse in economics under conditions of fundamental conceptual diversity and radical uncertainty, as well as the organization of dialogue between academic economists and regulators. As a theoretical framework, the article offers an interpretation of economic science as a multitude of coexisting research programs (RPs) in the sense of I. Lakatos. Particular attention is paid to the role of economists' critical thinking as a possible mechanism for ensuring constructive dialogue between different RPs. The article demonstrates the ontological, epistemological, and axiological limitations of critical thinking in academic, expert, and educational spheres. Ontological limitations include the dominance of demand for "one-armed" economists who provide simple answers, as well as the logic of deep specialization within academia, which narrows the space for inter-program reflection. Epistemological limitations are associated with the phenomenon of "doublethink" — the extreme difficulty of fluently mastering several economic languages in the absence of synthetic models. Axiological limitations reflect the risks of criticizing the "hard core" of the RP within which a researcher operates. The article separately analyzes the connection between critical thinking and radical uncertainty and regulatory fundamentalism. Using the example of J. Kay and M. King, it demonstrates how the overestimation of probabilistic calculations in regulation leads to the substitution of radical uncertainty with situations of risk, generating erroneous regulatory requirements. A typology of bearers of economic knowledge is proposed, ranging from a specialist who recognizes the boundaries of their own competence to a non-specialist with decision-making authority who is unaware of the extent of their own incompetence. The thesis of the subject-specificity of universal cognitive skills is substantiated: critical thinking developed within one RP is not automatically transferable to the analysis of alternative approaches. It is concluded that positive intra-disciplinary discourse is impossible through the elimination of conceptual diversity; on the contrary, it requires the institutionalization of such diversity as a resource for more responsible and reflexive scientific and expert analysis, capable of reducing the likelihood of socially unacceptable consequences arising from erroneous decisions.

Keywords: *intra-disciplinary discourse, critical thinking, economics, research programs, radical uncertainty*

JEL: B41, D89.

Л.А. Тутов

*д.филос.н., профессор, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

В.Н. Рогожникова

*к.филос.н., доцент, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

А.А. Измайлов

*к.э.н., доцент, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,*

И.В. Филимонов

*к.э.н., доцент, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

НЕВИДИМЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА: БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Аннотация. В статье рассматривается роль бессознательных механизмов в формировании экономического выбора в платформенной экономике. Показано, что в условиях цифровизации бессознательное перестаёт быть исключительно внутренней характеристикой психики индивида и становится объектом технологического и институционального опосредования. На основе междисциплинарного анализа поведенческой экономики, когнитивной психологии, институциональной теории и исследований цифровых платформ уточняется содержание понятия бессознательного применительно к экономическому выбору. Предложена типология механизмов когнитивного бессознательного, включающая сенсорно-перцептивные, имплицитно-мнемонические, семантико-интегративные, аффективно-мотивационные и социально-имплицитные механизмы, а также механизмы установок и автоматизмов. Обосновывается, что цифровая среда платформенной экономики выступает медиатором и усилителем данных механизмов благодаря контуру алгоритмического поведенческого воздействия «данные — прогноз — воздействие — новая реакция». В цифровой среде образуется цифровая архитектура выбора, в рамках которой поведенческие следы пользователя преобразуются в алгоритмические прогнозы и возвращаются ему в форме персонализированного интерфейсного воздействия. На примере маркетплейса «Ozon» показано, как бессознательные механизмы институционализируются и воздействуют на потребительский выбор через ранжирование товаров, визуальные акценты, рейтинги, скидочные сигналы, элементы срочности, бонусные программы и геймификацию. Сделан вывод, что платформенная экономика не только расширяет возможности выбора, но и формирует новую среду его скрытой поведенческой координации.

Ключевые слова: когнитивное бессознательное, платформенная экономика, потребительский выбор, цифровая архитектура выбора, цифровое подталкивание, алгоритмические рекомендации, институционализация бессознательного.

¹ Статья подготовлена при поддержке внутрифакультетского гранта экономического факультета МГУ «Институционализация бессознательного: поведенческая экономика и новый патернализм».

JEL: D01, D11, D84

УДК: 330.16

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_27_45

© Л.А. Тутов, В.Н. Рогожникова, А.А. Измайлов, И.В. Филимонов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Тутов Л.А., Рогожникова В.Н., Измайлов А.А., Филимонов И.В.* Невидимые детерминанты потребительского выбора: бессознательное в платформенной экономике // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 27–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_27_45.

FOR CITATION: *Tutov L., Rogozhnikova V., Izmailov A., Filimonov I.* Invisible Determinants of Consumer Choice: the Unconscious in the Platform Economy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 27–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_27_45.

Введение

В последние десятилетия экономическая теория всё активнее выходит за рамки представления об экономическом агенте как о полностью рациональном субъекте, принимающем решения исключительно на основе полной информации и последовательной максимизации полезности. Развитие поведенческой экономики, когнитивной психологии и институционального анализа показало, что экономическое поведение формируется под воздействием множества факторов, значительная часть которых не осознаётся самим индивидом. Эвристики, когнитивные искажения, автоматические реакции, привычки, эффекты фрейминга и особенности организации среды выбора оказывают существенное влияние на предпочтения, ожидания и принимаемые решения.

Особое значение данная проблематика приобретает в условиях цифровизации экономики, распространения платформенных бизнес-моделей и их технологического воплощения в виде алгоритмизированных информационных систем. Образующиеся таким образом цифровые платформы (далее — платформы), в сущности, координируют экономические взаимодействия для снижения транзакционных издержек и имеют форму технологических интерфейсов экономического взаимодействия для широкого круга участников рынка. Такие интерфейсы структурируют экономический выбор, что наиболее заметно в потребительском выборе.

В качестве примеров цифровых платформ можно привести социальные сети, банковские приложения, агрегаторы такси и поиска, маркетплейсы, а также иные воплощения цифровых платформ. Они активно используют алгоритмические рекомендации, персонализированные уведомления, рейтинги, визуальные акценты и механизмы настройки по умолчанию и тем самым оказывают влияние на поведение пользователей.

Такое влияние возможно благодаря сбору и обработке данных пользователей. В итоге на рынке, который по определению имеет тенденцию к монополизации, платформы и другие информационные системы образуют единые цифровые среды, что объясняется действующими сетевыми эффектами и эффектами масштаба. Соответствующее создание общей ценности позволяет говорить об образовании цифровых экосистем (далее — экосистемы) — более сложных сетевых форм организации хозяйственной деятельности [Тутов, Филимонов, 2022; Филимонов, 2023]. В итоге экономическое пространство, контуры которого определяют платформы и экосистемы, формирует цифровую среду и определяет границы платформенной экономики.

Таким образом, ориентируясь на современные исследования, мы можем определить платформенную экономику как форму организации экономических взаимодействий, основанную на платформенных бизнес-моделях, которые обеспечивают взаимодействие двух или более групп экономических агентов, используют прямые и перекрёстные сетевые эффекты, задают правила доступа и обмена, формируют архитектуру выбора пользователей, а также осуществляют сбор, обработку и использование данных для координации,

ранжирования, персонализации и монетизации экономического поведения [Kenney, Zysman, 2020; Срничек, 2021].

Обеспечивая транзакции и контрактные отношения, новые формы координации экономических агентов образуют и стандарты их взаимодействия, снижающие когнитивную нагрузку при экономическом выборе, что имеет в том числе и институциональные последствия. В результате экономический выбор всё чаще осуществляется в специально сконструированной цифровой среде, которая способна направлять действия индивидов посредством воздействия на когнитивные бессознательные механизмы их психики.

Исследования, проводившиеся в рамках поведенческой экономики, привнесли в экономический анализ психологическую составляющую, однако проблема бессознательного остаётся малоразработанной. В рамках психологии базовым импульсом для развития исследований бессознательного послужили работы З. Фрейда, заложившие фундамент психоанализа. Ярким последователем Фрейда стал К.Г. Юнг, предложивший концепцию коллективного бессознательного. В конце XX в. были сформированы концепции когнитивного бессознательного (Д. Кильстром, Т. Уилсон). Исследования в этом направлении развиваются и сегодня. В отношении же экономической науки можно заметить, что здесь акцент ставится скорее на отдельных проявлениях когнитивных искажений и ограниченной рациональности, вопрос о систематическом исследовании влияния механизмов бессознательного на экономическое поведение остаётся открытым.

Данный вопрос наиболее актуален в контексте платформенной экономики. Это связано с тем, что технологии сбора и обработки больших данных открывают цифровым платформам широкий доступ к воздействию на поведение потребителей и возможности манипуляции потребительским выбором, причём это влияние доводится вплоть до индивидуального воздействия на каждого отдельного потребителя и становится для него всё менее заметным [Тутов, Измайлов, 2024]. Важную роль здесь играет систематическое воздействие на бессознательное. Оно может осуществляться с помощью таких инструментов, как алгоритмы рекомендаций, ранжирования альтернатив, создание индивидуальных стимулов и др.

В этой связи возникает необходимость переосмысления роли бессознательного в платформенной экономике. Представляется продуктивным рассматривать не только проявления бессознательного как совокупности индивидуальных психических (в том числе когнитивных) процессов, но и его институционализацию — превращение бессознательных когнитивных механизмов в объект целенаправленного воздействия на потребительский выбор посредством цифровой архитектуры выбора. Подобный подход позволяет объединить достижения когнитивной психологии, поведенческой экономики, институционального анализа и исследований цифровых платформ в рамках единой исследовательской перспективы.

Цель статьи — реконструировать структуру влияния бессознательных механизмов психики на выбор в платформенной экономике. Для достижения цели в работе решаются следующие задачи: 1) уточнено содержание понятия «бессознательное» применительно к взаимодействию экономических выборов на платформенных рынках; 2) типологизированы механизмы бессознательного в платформенной экономике; 3) определена роль цифровой среды как медиатора и усилителя бессознательных механизмов потребительского выбора; 4) выявлены формы институционализации бессознательных механизмов в платформенной экономике.

Научная новизна исследования состоит в том, что: предложена авторская трактовка бессознательного в экономике; разработана типология механизмов когнитивного бессознательного, действующих в платформенной экономике; обоснована роль цифровой среды как фактора усиления и воспроизводства данных механизмов; выявлены основные формы институционализации бессознательного для воздействия на потребительский выбор на цифровых платформах.

Методологическую основу исследования составляют положения поведенческой экономики, институциональной экономической теории, когнитивной психологии и современных исследований платформенной экономики. Применяются методы сравнительного анализа, систематизации и типологизации, функционального анализа, концептуального моделирования и метода анализа конкретных ситуаций (кейс-стади).

Бессознательное как категория анализа экономического выбора в платформенной экономике

В экономическую теорию психологические представления о бессознательном проникли разными путями. Существуют бихевиористская, психодинамическая и когнитивистская интерпретации бессознательного. Бихевиоризм дал возможность экономистам 1940–1960-х гг. использовать понятия стимула, подкрепления и адаптации к среде для объяснения потребительского поведения в рамках теории научения [Day, 1971; Simon, 1955]. Например, покупатель может рассматриваться как субъект, который постепенно вырабатывает устойчивые поведенческие реакции на цены, скидки, рекламу и вознаграждения. Таким образом, бихевиоризм можно рассматривать как предтечу поведенческого поворота в экономике: И.П. Павлов, Дж. Уотсон и Б. Скиннер развивали мысль, что мы часто совершаем выбор под влиянием факторов, не принадлежащих сфере сознательного рационального выбора. При этом бихевиористы считали невозможным исследовать психику и её бессознательную часть как таковые.

Психодинамический подход продолжил эту линию, открыв экономистам возможность для анализа психологической мотивации человеческого поведения: помог понять, почему люди покупают вещи, полезность которых не объясняет их привлекательности. И концепция индивидуального бессознательного З. Фрейда, и теория коллективного бессознательного К.Г. Юнга применялись в исследованиях потребительского поведения, рекламы и брендов. Например, Э. Дихтер отмечал, что покупатели часто приобретают товары не из-за их функциональных характеристик, а под влиянием скрытых желаний, страхов, фантазий и символических ассоциаций [Dichter, 1960]. Соответственно, в рекламе стали использоваться образы, активирующие, например, сексуальное желание: даже если товар никак не связан с темой образа, он может продаваться лучше, если сопровождается, скажем, изображением красивой девушки. Кроме того, с развитием массового маркетинга возник практический вопрос: как понять, почему одни бренды вызывают устойчивый эмоциональный отклик у миллионов людей, принадлежащих к разным социальным группам, а некоторые рекламные сюжеты оказываются универсально понятными и привлекательными? Ответом стала концепция коллективного бессознательного, позволившая разрабатывать архетипические модели брендов. В таком случае предполагается, что потребители реагируют не только на цену и качество товара, но и на более глубокие культурные символы [Mark, Pearson, 2001].

Однако, если классические теории бессознательного больше сказались на развитии маркетинга, чем экономической теории, именно концепция когнитивного бессознательного изменила последнюю. Так, пионеры когнитивной психологии — Д. Канеман и А. Тверски — применили её основы для развития теории принятия решений в условиях неопределённости, а Г. Саймон разработал концепцию ограниченной рациональности в контексте критического анализа принципа полной рациональности [Tversky, Kahneman, 1974; Simon, 1979]. В результате бессознательные процессы стали рассматриваться как важный фактор потребительского выбора наряду с осознанными рассуждениями и рациональными расчётами. Дальнейшее развитие этих идей привело к формированию поведенческой экономики, а позднее — нейроэкономики, когнитивной экономики и других междисциплинарных направлений исследования на стыке наук. В рамках данных подходов внимание

исследователей сосредоточено в том числе на выявлении тех когнитивных процессов, которые предшествуют осознанному выбору и влияют на него. Благодаря этому бессознательное превратилось из преимущественно философской и психологической категории в важный инструмент анализа экономического поведения.

В то же время экономисты критикуют концепцию когнитивного бессознательного, обращая внимание прежде всего на то, как эта концепция применяется в поведенческой и нейроэкономике. Так, центральная для этих подходов теория двухпроцессного мышления критикуется за чрезмерное упрощение человеческого мышления [Grayot, 2020], а преувеличенное внимание к когнитивным искажениям некоторые авторы тоже считают «искажением» [Gigerenzer, 2018]. Представитель экологической экономики Г. Гигеренцер также утверждал, что Канеман и Тверски оценивают мышление слишком нормативно, сравнивая реальные решения с абстрактными вероятностными моделями [Gigerenzer, 1991]. По его мнению, эвристики часто работают эффективно именно в реальной среде, а не являются просто искажениями. Правда, эту критику можно отнести скорее к спору об интерпретации конкретной теории.

Хотя само понятие бессознательного в экономике практически не используется, экономисты охотно пишут о конкретных механизмах когнитивного бессознательного, открытых Канеманом, Тверски и представителями концепции когнитивного бессознательного: неявном (по)знании (*implicit cognition*), неявной памяти (*implicit memory*) и неявных установках (*implicit bias*), автоматическом принятии решений (*automatic decision-making*), эффекте прайминга (*priming effect*), эвристиках и предвзятости (*heuristics and biases*), Системе 1 (*System 1*) и т.д.

В традиционной экономической теории координация поведения хозяйствующих субъектов рассматривалась преимущественно через механизмы цен, конкуренции и институциональных ограничений. Однако развитие платформенной экономики привело к появлению новых инструментов воздействия на потребительский выбор. В отличие от классических рыночных институтов, цифровые платформы способны не только фиксировать предпочтения пользователей, но и активно формировать их посредством алгоритмических рекомендаций, персонализированных уведомлений, архитектуры выбора и поведенческого дизайна. В результате значительная часть экономических решений начинает приниматься в условиях постоянного взаимодействия субъекта с цифровой средой, которая воздействует не только на рациональные расчёты, но и на неосознаваемые механизмы восприятия, внимания и оценки альтернатив. Именно поэтому категория бессознательного приобретает самостоятельное значение как инструмент анализа потребительского поведения в платформенной экономике.

С учётом перечисленного выше можно дать определение бессознательного применительно к платформенной экономике как совокупности неосознаваемых когнитивных процессов, посредством которых цифровые платформы воздействуют на формирование предпочтений, ожиданий и решений пользователей через архитектуру выбора, алгоритмические рекомендации и поведенческий дизайн.

С точки зрения философии экономики использование категории бессознательного позволяет по-новому поставить вопрос о природе потребительского выбора. Если в рамках классической модели рационального выбора индивид рассматривался как автономный субъект принятия решений, то платформенная экономика демонстрирует возрастающую роль цифровой среды в формировании предпочтений и ожиданий. В этих условиях потребительский выбор оказывается результатом взаимодействия субъекта и институционально организованной цифровой среды, что требует расширения традиционного понимания рациональности и механизмов социальной координации.

Рассмотрение бессознательного как категории анализа платформенной экономики предполагает выявление конкретных механизмов, посредством которых неосознаваемые

когнитивные процессы влияют на формирование предпочтений и выбор пользователей цифровых платформ. Именно поэтому следующим этапом исследования становятся систематизация таких механизмов и анализ направлений их воздействия на экономическое поведение.

Структура бессознательных механизмов потребительского выбора

С точки зрения современной психологии бессознательное можно рассматривать не как единый масштабный слой психики, который не подлежит субъективному отчёту, а как совокупность различных уровней или механизмов обработки информации, не представленных в сознании, но оказывающих влияние на поведение человека. Данная классификация механизмов бессознательного основана на обзоре ряда исследований в этой области и представляет собой функциональную систематизацию неосознаваемых реакций и направлений их влияния на предпочтения, ожидания и потребительский выбор. Кроме этого, такая классификация обусловлена в том числе возможностью её применения для анализа влияния бессознательного на принятие решений в платформенной экономике.

В качестве первой группы механизмов бессознательного можно выделить *сенсорно-перцептивные механизмы*, сопряжённые с чувственной перцепцией (восприятием), регистрацией, категоризацией и частичной обработкой стимулов без полного осознания [Dehaene et al., 2006]. Например, цвет, форма, расположение какого-либо объекта, визуальная простота интерфейса, контрастность, частота контакта с логотипом или ценовым сигналом могут вызывать ощущение знакомости, лёгкости, надёжности.

Сенсорно-перцептивные механизмы могут оказывать влияние на ожидания потребителей путём воздействия на распределение внимания и ощущение доступности информации. То, что легче воспринимается, чаще повторяется, а также визуально выделено, будет восприниматься экономическими агентами как более надёжное и вероятное для выбора. В экономическом анализе такое влияние может быть связано с эвристикой доступности [Tversky, Kahneman, 1974]. Неосознаваемые параметры восприятия (лёгкость, понятность, комфорт, наличие опыта знакомства и др.) могут повышать субъективную привлекательность той или иной альтернативы даже в случае совпадения объективных характеристик, что открывает пространство для манипуляций потребительским выбором.

Вторая группа — *имплицитно-мнемонические механизмы*. В её состав входят имплицитная память (бессознательное сохранение и использование информации) и прайминг (неосознаваемое влияние ранее воспринятой информации на принятие решений). Имплицитная память стала предметом специального исследования у Э. Тулвинга. Он показал, что память человека неоднородна, и разделил её на несколько видов: эпизодическая память связана с личными переживаниями событий, семантическая — со знанием фактов и значений, а имплицитная память ведёт к действию без явного воспоминания об источнике опыта [Tulving, 1985]. С точки зрения экономики это означает, что, например, первая встреча с брендом, рекламным образом, ценовым сигналом может неосознанно для потребителя влиять на его последующее поведение.

Частным случаем проявления имплицитной памяти является прайминг — механизм, который обеспечивает неосознанное влияние одного стимула на обработку последующих стимулов. Он может быть связан с перцептивными механизмами, когда предшествующий стимул облегчает распознавание похожего объекта. Однако в случае с праймингом ключевым аспектом является не само по себе проникновение стимула в сознание или отсутствие такового, а влияние стимула на дальнейшие реакции и действия, которые не сопровождаются сознательным отчётом. Отдельно можно выделить семантический прайминг — стимул (слово) активизирует определённое восприятие и значение следующих стимулов. Ещё одна разновидность — аффективный прайминг, здесь стимулы влияют на последующие

эмоциональные реакции. Также исследователи выделяют социальный прайминг, подразумевающий бессознательную активацию социальных норм и ролей под воздействием каких-либо стимулов. Важно отметить, что прайминг не является универсальным механизмом управления поведением, масштабы и границы его влияния являются предметом научных дискуссий и требуют дополнительных эмпирических проверок [Newell, Shanks, 2014].

Имплицитная память и прайминг могут воздействовать на ожидания потребителей через предшествующий опыт, активируя ассоциации, смещающие прогноз при неизменных источниках информации и механизмах её сознательной обработки. Например, отложившиеся в памяти образы успеха могут повышать субъективную уверенность в вероятности аналогичного исхода. Также имплицитные установки ставят предпочтения в зависимость от предыдущего опыта. Потребитель может предпочитать один товар другому не потому, что лучше запомнил его рекламу или карточку на маркетплейсе, а потому, что при предыдущем опыте знакомства с информацией об этом товаре она была легко обрабатываемой, более комфортной и приятной для восприятия, чем у альтернатив со схожими характеристиками: это служит дополнительным ограничением рациональности предпочтений. Даже если ожидания и предпочтения уже сформированы, итоговое решение может зависеть от архитектуры выбора и контекста (этот аспект раскрыт в следующем разделе статьи). Устойчивость выбора может быть обусловлена не только стабильностью предпочтений, но и репликацией ранних случайных оценок [Ariely, Loewenstein, Prelec, 2003].

В качестве третьей группы механизмов бессознательного можно выделить *семан- тико-интегративные механизмы*. Их сущность заключается в активации определённых значений, связанных категорий, ассоциаций и отношений между элементами информации при воздействии семантических стимулов [Ai, Yu, 2023b]. То есть под воздействием стимулов потребитель неосознанно устанавливает простые отношения между объектами и их отдельными признаками. Семанτικο-интегративные механизмы способны смещать ожидания через определённые категории. Так, наборы категорий «потеря», «кризис» или «выгода», «защита», «рост» могут оказывать влияние на то, как индивид будет прогнозировать исходы внутри соответствующей смысловой рамки.

При этом современные исследования не подтверждают возможность сложной бессознательной интеграции, т. е. неосознанного выстраивания сложных взаимосвязей под воздействием семантических стимулов, оставляя это вопрос предметом дискуссий [Ai, Yu, 2023a].

Четвёртая группа — *механизмы установки и автоматизмы*. В качестве отправной точки концептуализации данных механизмов можно выделить теорию установки, предложенную Д.Н. Узнадзе. Согласно этой теории, установка представляет собой целостное и неосознаваемое состояние готовности к определённому действию в определённой ситуации. Для возникновения установки необходимы два условия — актуальная потребность субъекта и ситуация, которая позволяет эту потребность удовлетворить. Например, если человек хочет пить и видит перед собой стакан воды, он автоматически, без сознательной обработки этого процесса возьмёт этот стакан и сделает глоток воды. Наряду с этим Узнадзе разделил установки на диффузные — временные и нестабильные, возникающие при первой встрече с порождающим их предметом, и фиксированные — устойчивые, сформированные опытом [Узнадзе, 2001].

Идеи Д.Н. Узнадзе стали предвестником значительного пласта исследований бессознательного с позиций когнитивной психологии. Здесь можно выделить подход Агнес Мурс, в рамках которого для описания схожих механизмов было введено понятие автоматичности. Автоматичность процесса принятия решений подразумевает совокупность следующих компонентов: бессознательность, высокая скорость, слабый контроль или его отсутствие, эффективность с точки зрения затрат внимания [Moors, 2016]. При этом автоматизмы могут быть частичными: например, человек может быстро принимать осознаваемые

решения, медленно принимать неосознаваемые решения, требующие внимания, или же автоматически принимать решения без осознаваемой цели, но с опорой на прошлый опыт, ожидания или контекст. В результате Мурс предлагает рассматривать автоматизмы не как единый психический процесс, а как совокупность относительно независимых факторов (сознательности, контролируемости, внимания, скорости, целей, повторения и качества репрезентации), которые могут компенсировать друг друга и обеспечивать как бессознательную, так и сознательную обработку информации. Заметим, что схожие механизмы уже были включены в экономический анализ представителями поведенческой экономики в виде эвристик, которые также не всегда относятся к области бессознательного, так как в ряде случаев экономические агенты способны их корректировать [Tversky, Kahneman, 1974].

В отношении связи установок и автоматизмов можно отметить, что экономические агенты могут подходить к своим решениям с установками на экономию, престиж, безопасность, удовольствие, доверие или подозрение. Такие установки автоматически влияют на предпочтения индивидов и предварительно определяют, какие признаки альтернативы будут замечены, как они будут интерпретированы и как будет происходить сравнение и ранжирование альтернатив.

Следующая группа механизмов когнитивного бессознательного — *аффективно-мотивационные механизмы*. Здесь можно выделить две подгруппы — эмоциональные и мотивационные механизмы. Первые связаны с влиянием на состояние, поведение и оценки человека эмоционально значимых стимулов без их явного осознания [Jimenez et al., 2025]. Воздействие последних на поведение заключается в том, что при принятии решений доступные альтернативы оцениваются прежде всего по их эмоциональной окраске, что предшествует их рациональному анализу и сравнению.

Мотивационные же механизмы связаны тем, что внешние стимулы могут неосознанно вести к постановке определённых целей, формировать стремление к их достижению или избеганию [Kihlstrom, 2019]. При этом Дж. Кильстром отмечает, что мотивация в целом может: 1) автоматически активироваться осознаваемыми сигналами (осознаётся именно стимул, но не мотив); 2) активироваться неосознаваемыми стимулами (связано с праймингом и имплицитной памятью); 3) проявляться таким образом, что человек сам не будет осведомлён о мотивах своих действий (при этом они будут проявляться в его поведении). Однако, несмотря на множественные доказательства их существования и влияния на поведение, с эмпирической точки зрения мотивационные механизмы когнитивного бессознательного остаются менее изученной областью, чем, например, имплицитная память, прайминг, перцептивные реакции, что требует сбора дополнительной доказательной базы.

Аффективно-мотивационные механизмы могут оказывать влияние на субъективное восприятие риска, тем самым меняя ожидания. Например, если какой-либо объект вызывает доверие, чувство контроля и безопасности, субъективная оценка риска неосознанно будет снижаться. При этом исследования показывают обратную связь между воспринимаемыми выгодами и рисками: положительно оцениваемый объект кажется одновременно более выгодным и менее рискованным [Slovic, Finucane, Peters, MacGregor, 2007]. Ценность ожидаемого результата может оставаться неосознанной до конца и влиять на запуск мотивационных процессов и направление поведения индивидов [Custers, Aarts, 2010].

Шестая группа механизмов бессознательного — *социально-имплицитные механизмы*. Они весьма широко исследованы А. Гринвальдом и его коллегами. К этим механизмам относятся неявные социальные установки, стереотипы, ожидания и социальные оценки, не осознаваемые человеком. Центральной категорией здесь выступает скрытая предвзятость, наличие которой подтверждают различные эмпирические проверки. Она может оказывать значительное влияние на поведение человека, его оценки и суждения, что в том числе может вести к смещению результатов потребительского выбора [Greenwald, Lai, 2020].

Отдельно можно выделить исследования социальных автоматизмов, т.е. неосознаваемой автоматической активации социальных норм, предубеждений, ролей и целей, готовности к социальным действиям [Bargh, Williams, 2006]. Однако последующие эмпирические исследования показывают сложности с воспроизводимостью таких эффектов [Newell, Shanks, 2014]. Социальные автоматизмы могут вызывать смещения интерпретаций и действий, однако их нельзя рассматривать в качестве безусловной детерминанты поведения и принятия решений.

Социально-имплицитные механизмы влияют на ожидания потребителей через неосознаваемые представления о поведении других людей. При принятии решений последние могут прогнозировать не только экономические показатели, но и социальные реакции: доверие других агентов, их склонность к соблюдению/нарушению социальных норм, их склонность к риску, поддержку конкуренции и кооперации. Неявные нормы могут служить сигналами о компетентности наёмных работников, надёжности контрагентов, справедливости цены [Greenwald, Lai, 2020].

Наряду с этим, социально-имплицитные механизмы могут смещать результаты выбора в сторону менее оптимальных альтернатив, что обусловливается влиянием социальных норм и ожиданий оценок результатов выбора со стороны других людей. То есть экономические агенты могут учитывать не только экономически измеримые результаты, но и социальное значение принимаемого решения, сами того не осознавая. От социальных норм неявно могут зависеть, например, решения, связанные с доверием контрагентам или покупкой экологически чистой продукции. Здесь важно отметить, что экономические исследования показывают, что при этом люди нередко отклоняются от сугубо эгоистического максимизирования в духе *homo economicus*, если в ситуации выбора включены нормы справедливости или кооперации [Fehr, Fischbacher, 2004]. При этом влияние социально-имплицитных механизмов может быть ограничено в силу влияния контекста, уровня принятия и разделения тех или иных социальных норм.

Таким образом, на поведение человека оказывает влияние целый ряд механизмов бессознательного, что может находить отражение и в процессе принятия экономических решений. Сенсорно-перцептивные механизмы влияют на внимание и альтернативы, которые будут находиться в его фокусе, имплицитная память и прайминг — на то, какие элементы предыдущего опыта будут влиять на поведение, семантические механизмы обуславливают формирование значений и ассоциаций, установки и автоматизмы обеспечивают готовность к быстрому действию. Аффективно-мотивационные механизмы вызывают неосознаваемые эмоции и мотивы, влияющие на поведение, а социально-имплицитные порождают скрытую предвзятость, основанную на устоявшихся социальных нормах и стереотипах.

Цифровая среда как медиатор и усилитель бессознательных процессов в экономике

В платформенной экономике бессознательные механизмы экономического выбора приобретают особое значение, поскольку процесс принятия решений всё чаще происходит в среде, формирующейся как результат развития цифровых платформ, в том числе маркетплейсов, поисковых агрегаторов, социальных сетей, а также других информационных систем на основе рекомендательных алгоритмов. В традиционной коммерции взаимодействие с потребителем строилось на основе рекламы, изменения цен, упаковки и качества товара, изменений его размещения на полке. Оно было линейным и дискретным в том смысле, что создаваемая маркетинговая коммуникация воспринималась потребителем, и вывод о восприятии товара потребителем бизнес получал при факте покупки или бездействии. В цифровой среде интерфейс персонализирован и оснащён алгоритмическим

ранжированием, для его создания и развития используется анализ цифровых поведенческих следов. Эти инструменты позволяют не только отслеживать предпочтения экономического агента, но и целенаправленно формировать траекторию его внимания, интерпретации и поведения. В цифровой среде бессознательные механизмы не только используются для формирования индивидуального потребительского выбора, но и становятся предметом целенаправленного проектирования со стороны цифровых платформ, экосистем и их участников.

Использование бессознательного сегодня в большей степени проявляется в формировании фирмами потребительского выбора. В одной из своих ранних работ Р. Талер показал, что потребительское поведение систематически отклоняется от предсказаний стандартной теории: люди учитывают невозвратные затраты, избегают выбора, испытывают сожаление и сталкиваются с проблемами самоконтроля [Thaler, 1980]. Абсолютная сознательность в потребительском выборе оказалась эфемерной, и именно поэтому имеет место подталкивание [Thaler, Sunstein, 2008].

В платформенной экономике подталкивание и архитектура выбора приобретают технологически развитую форму. М. Вайнман с соавторами определяют цифровое подталкивание как использование элементов пользовательского интерфейса для направления поведения индивидов в цифровых средах выбора [Weinmann, Schneider, vom Brocke, 2016]. Тем самым архитектура выбора перестаёт быть только инструментом публичной политики и становится частью проектирования информационных систем. Классический вариант либертарианского патернализма подразумевает проектирование среды, в которой человек сохраняет свободу выбора, но мягко направляется к предпочтительному решению [Thaler, Sunstein, 2003]. В цифровой среде такое направление осуществляется автоматически через адаптивный интерфейс, подразумевающий алгоритмическую рекомендацию, настройки по умолчанию, персонализированные уведомления и визуальное ранжирование альтернатив. Архитектура выбора становится динамической, персонализированной и алгоритмически управляемой.

В отличие от традиционной торговой оффлайн среды в цифровой среде практически каждое действие пользователя (просмотр товара, его добавление в избранное или корзину, реакция на изменение цен и т. д.) превращается в цифровой поведенческий след. С его помощью платформа может не только отслеживать и фиксировать действия пользователей, но и определять промежуточные состояния выбора: насколько потребитель заинтересован в товаре, как он реагирует на изменения цены, при каких условиях он будет склонен к совершению покупки. Фактически здесь осуществляется постоянное наблюдение за изменениями внимания и поведения потребителя. Это позволяет сделать бессознательные механизмы выбора более доступными для операционализации: то, что в традиционной торговой среде оставалось трудно уловимым, в цифровой среде фиксируется через сбор и анализ данных о поведении потребителей и построение моделей, позволяющих его прогнозировать.

Кроме того, цифровая среда обладает свойством обратной связи: она не только собирает данные о поведении, но и на их основе немедленно перестраивает условия последующего выбора. Алгоритм может изменить порядок рекомендаций, показать иной набор товаров, усилить визуальную заметность скидки, напомнить о незавершённой покупке, предложить персональную цену или сформировать ощущение срочности через ограниченное предложение. В результате воздействие на потребителя становится не разовым, а циклическим: поведенческие данные используются для построения прогноза, прогноз — для изменения интерфейса, а изменённый интерфейс — для получения новых данных о реакции пользователя. Именно эта замкнутая логика «данные — прогноз — воздействие — новая реакция» обуславливает роль медиатора и усилителя бессознательных механизмов, поскольку экономический агент сталкивается не с нейтральной информационной

средой, а с адаптивной системой, способной подстраиваться под его когнитивные ограничения и поведенческие уязвимости.

Процессная логика «данные — прогноз — воздействие — новая реакция» отлично прослеживается при функциональном делении цифровой среды на четыре уровня: аппаратно-сенсорный, поведенческий, алгоритмический и интерфейсный. Взаимодействие уровней и процессов можно представить в виде цикла (табл. 1).

Таблица 1
Контур алгоритмического поведенческого воздействия, образующий цифровую архитектуру выбора в цифровой среде

Логика цикла	Уровень цифровой среды	Что происходит
Данные	Аппаратно-сенсорный и поведенческий	Действия пользователя фиксируются как цифровые следы
Прогноз	Алгоритмический	Данные превращаются в вероятностную модель поведения
Воздействие	Интерфейсный	Прогноз реализуется через цифровую архитектуру выбора
Новая реакция	Поведенческий	Пользователь кликает, покупает, отказывается, задерживается, возвращается
Повтор цикла		

Источник: составлено авторами.

Таким образом, можно говорить, во-первых, о формировании *контура алгоритмического поведенческого воздействия*, который основан на циклической алгоритмической обработке поведенческих данных. А во-вторых, о формировании *цифровой архитектуры выбора* в динамической цифровой среде, где обратная связь в виде поведенческих данных становится непрерывной, индивидуализированной, автоматизированной, встроенной в саму среду выбора и может использоваться в виде мягкого подталкивания (наджинг) или прямого манипулирования (тёмные паттерны) [Brignull, 2011].

Следует подчеркнуть, что описанный контур алгоритмического поведенческого воздействия означает не просто использование отдельных психологических приёмов. В платформенной экономике бессознательные механизмы получают устойчивое организационное и технологическое закрепление. Алгоритмы ранжирования, рекомендательные системы, интерфейсные стандарты, системы рейтингов и программы лояльности становятся постоянными элементами цифровой среды и воспроизводятся независимо от конкретного пользователя. В результате бессознательные механизмы перестают выступать исключительно индивидуально-психологическими феноменами и приобретают институциональную форму. Именно поэтому можно говорить об институционализации бессознательного как процессе закрепления и воспроизводства механизмов воздействия на экономическое поведение в архитектуре цифровых платформ.

На цифровых платформах реализуются широкие возможности для воздействия на выбор потребителей. При этом большие данные, инструменты их обработки в совокупности с формируемой цифровой архитектурой выбора и поведенческим дизайном позволяют добиться высокой эффективности такого воздействия с точки зрения компании, масштабировать его вплоть до индивидуальной работы с каждым потребителем и сделать его максимально не воспринимаемым потребителями [Тутов, Измайлов, 2024]. Здесь возрастает актуальность выявления направлений влияния на потребительский выбор механизмов бессознательного и их эксплуатации со стороны цифровых платформ.

Институционализация механизмов бессознательного в платформенной экономике на примере маркетплейса «Ozon»

В качестве примера, на базе которого можно проследить институционализацию бессознательного в платформенной экономике для воздействия на потребительский выбор, можно рассмотреть покупку товаров на маркетплейсе «Ozon».

Рассмотрим весьма тривиальную ситуацию: потребителю необходимо приобрести внешний аккумулятор (power bank). Для этого он открывает приложение маркетплейса «Ozon» и вводит поисковой запрос, например, «внешний аккумулятор 20000mAh». В результате обработки поискового запроса на экране появляется достаточно большая подборка карточек товаров (однако точное число доступных альтернатив пользователю остается неизвестным). В карточках товаров, представленных в подборке, указана следующая информация: название товара, его текущая цена, перечёркнутая цена и процент скидки, рейтинг товара по пятибалльной шкале, количество отзывов, срок доставки, подтверждение оригинальности, количество оставшихся единиц товара, значки акций («скидки недели», «0% до 140 дней», «цена что надо», «стало дешевле»), возможность накопления бонусов («звёзд») и дальнейшей покупки некоторых товаров за 1 рубль.

Анализ этой информации показывает, что «Ozon» в данном случае выступает не просто электронным каталогом товаров, размещённых продавцами, а цифровой средой, внутри которой выстраивается архитектура выбора. И на результат выбора оказывают влияние множество аспектов, в том числе связанных с воздействием на «бессознательное» потребителя (табл. 2).

Таблица 2

Институционализация бессознательных механизмов в цифровой архитектуре выбора «Ozon»

Механизм бессознательного	Инструмент платформы Ozon	Форма институционализации
Сенсорно-перцептивный	Ранжирование товаров, выделение скидок, визуальные акценты	Алгоритмы отображения и интерфейсный дизайн
ИмPLICITная память и прайминг	Повторные рекомендации, персонализированные подборки	Рекомендательная система
Семантико-интегративный	Маркеры акций «Распродажа», «Цена что надо» и параметры в карточках товаров	Система смыслового маркирования
Установки и автоматизмы	Кнопки быстрого заказа, сохранённые настройки	Интерфейсные стандарты совершения покупки
Аффективно-мотивационный	Ограниченные предложения, бонусы, стимулирующие акции	Механизмы стимулирования спроса
Социально-имPLICITный	Рейтинги, отзывы, количество покупок	Система социальной валидации

Источник: составлено авторами.

Представленные элементы функционируют не как отдельные маркетинговые инструменты, а как взаимосвязанные компоненты цифровой архитектуры выбора. Именно их устойчивое воспроизводство позволяет рассматривать воздействие на бессознательные механизмы как институциональную характеристику платформенной экономики.

В качестве базового уровня воздействия на бессознательное потребителей рассмотрим влияние на *сенсорно-перцептивные механизмы*. «Ozon» фактически формирует первичный набор альтернатив: как правило, потребитель выбирает не из всего перечня доступных альтернатив, а лишь из тех, которые платформа поместила в зоне наибольшего внимания, т.е. в верхней части списка. Остальные альтернативы, скрытые ниже, требуют дополнительных усилий для обнаружения и зачастую не попадают в фокус внимания потребителя, даже если их объективные характеристики близки к оптимальным.

С точки зрения чувственной перцепции можно выделить целый ряд стимулов, которые воздействуют на принятие решений о покупке товара. Так, зачёркнутая старая цена и процент скидки упрощают и ускоряют восприятие выгоды, дают сигнал о значительной экономии. Метки акций могут выделять карточку товара на фоне других альтернатив. Всё это запускает перцептивные механизмы бессознательного, привязывает внимание ещё до рациональной оценки и сравнения цен, характеристик, отзывов, тем самым создавая преимущества для отдельных альтернатив.

В отношении *имплицитно-мнемонических механизмов* можно отметить, что в случае выбора товара на маркетплейсе важную роль играет мнемоническая память, которая проявляется в фоновой готовности потребителя к реакции на знакомые сигналы. В случае, если потребитель регулярно ранее сталкивался с сигналами о распродажах, зачёркнутыми ценами, метками акций, это может формировать устойчивые ассоциации и усиливать бессознательные реакции на основе накопленного опыта. При этом такие параметры рациональной оценки, как реальная динамика цены на товар (реальная цена может увеличиваться вместе с указываемой в карточке товара скидкой и старой ценой) и сравнение с ценами у других продавцов, остаются за скобками.

Роль имплицитно-мнемонических механизмов для маркетплейсов крайне важна, так как они позволяют удерживать потребителей. Чем удобнее и привычнее логика интерфейса, тем меньше сознательных усилий требуется для принятия решений. Благодаря формированию имплицитной памяти потребителю может быть сложнее переключиться на альтернативные платформы. Так, вероятность выбора потребителем определённого товара может повышаться в том случае, если этот товар ранее неоднократно попадал в подборки с персональными рекомендациями.

Влияние *семантико-интегративных механизмов* бессознательного связано с тем, как потребители объединяют разрозненную информацию из карточек товаров в целостное представление о товаре. Базовыми признаками такого представления выступают цена, скидка, рейтинг, количество отзывов, срок доставки, наличие значков акций. Потребитель одновременно воспринимает все эти параметры и в результате у него возникает общее впечатление: «это надёжный и подходящий вариант». Однако зачастую это можно трактовать как формирование предпочтений без полного осознанного расчёта. То есть оценка оказывается интуитивной, она не сопровождается рациональным изучением и сопоставлением каждого параметра.

При этом, согласно документации «Ozon» [*Помощь Ozon*, 2026], рейтинг товаров, отображаемый в карточке товара, помогает покупателям принимать решение, влияет на доверие к товару и на позицию товара в поисковой выдаче. То есть фактически потребитель получает не нейтральный набор данных, а систему сигналов, которые могут считываться без сознательной обработки и интерпретироваться определённым образом, например: высокий рейтинг — можно доверять, большая скидка — выгодно. Результат выбора может быть следствием интеграции нескольких таких семантических сигналов. Потребитель в таком случае может воспринимать своё решение как вполне рациональное, несмотря на то, что при его принятии он опирался на упрощённую архитектуру, заданную интерфейсом маркетплейса.

Что касается *установок и автоматизмов*, то при совершении покупок на маркетплейсе покупатели повторяют одну и ту же цепочку действий: поиск — установка

фильтров — просмотр карточек и отзывов — добавление товара в корзину — оплата — получение товара в пункте выдачи. С точки зрения теории установки и автоматизмов, чем чаще потребитель проходит этот цикл, тем слабее становится осознанный контроль на каждом этапе.

В случае с покупкой товаров на «Ozon», и с учётом упомянутых выше механизмов, потребительский выбор может сводиться к сформированной установке, заключающейся в выборе первой приемлемой и визуально выгодной альтернативы. Эти эффекты могут усиливаться благодаря выделению отдельных товаров как особенно выгодных предложений.

Действие *аффективно-мотивационных механизмов* связано с воздействием на эмоции и мотивацию потребителей. В случае с «Ozon» воздействовать на эмоции могут сигналы срочности. К таковым можно отнести указание на количество оставшихся единиц товара или на истекающий срок действия скидок. Эти сигналы способны вызывать эмоции, связанные с упущенной выгодой, под воздействием которых у потребителя меняются ожидания риска и полезности, усиливается страх упустить выгоду, и он неосознанно выбирает «успокаивающий» вариант, что отклоняет выбор от оптимального.

Что же касается мотивационных механизмов, то платформы зачастую стремятся активировать мотивы достижения, экономии или немедленного вознаграждения через бесплатную доставку «от суммы X», накопительные бонусы, персональные предложения, рекомендации и т.п. Сигналы платформы могут запускать мотивы автоматически, сдвигая предпочтения (исходные цели неосознанно сменяются целями, навязанными платформой), в результате чего потребители могут автоматически совершать лишние покупки.

Отдельного внимания заслуживает реализуемая на платформе «Ozon» масштабная и длительная стимулирующая акция «Морковск». Она представляет собой отдельное виртуальное пространство в приложении «Ozon», где пользователи могут выполнять различные задания и получать призы. Задания могут быть связаны как с посещением отдельных разделов и просмотром групп товаров, так и с покупкой конкретных товаров, товаров определённых брендов или категорий. За выполнение заданий потребители получают вознаграждение в виде внутренней валюты — «морковок», которые в дальнейшем можно использовать для покупки билетов и участия в розыгрышах (от баллов «Ozon» до квартир). Всё это активизирует мотивы к достижению цели в виде победы в розыгрыше, тем самым заставляя потребителей совершать дополнительные покупки, выходящие за рамки сознательного выбора.

Влияние *социально-имплицитных механизмов* связано с неосознаваемой обработкой информации о поведении и оценок других людей. К таким оценкам можно отнести рейтинг товаров, количество отзывов, количество покупок товара другими пользователями (в случае с «Ozon» количество покупок отображается не для конкретного товара, а для магазина — продавца). Если эти показатели высоки, т.е. другие пользователи высоко оценивают товар, то у потребителя формируются неявные ожидания доверия, качества и корректности выбора, а объективные характеристики товара играют здесь второстепенную роль. В итоге предпочтения и результат выбора смещаются.

Таким образом, пример «Ozon» демонстрирует, что в современной платформенной экономике потребительский выбор подвержен сильному внешнему воздействию, которое включает в себя эксплуатацию механизмов бессознательного. Этот процесс институционализируется в реализуемой на платформе архитектуре выбора. Важно заметить, что такую эксплуатацию бессознательного нельзя связать с прямым обманом потребителя: воздействие на потребительский выбор становится всё более тонким, потребители его не распознают и считают, что выбор они осуществляют самостоятельно, опираясь на собственные оценки, хотя фактически находятся под воздействием множества внешних стимулов.

Проведённый анализ показывает, что цифровые платформы не ограничиваются фиксацией предпочтений пользователей. Платформы формируют институциональную

среду, в рамках которой бессознательные механизмы становятся объектом систематического проектирования и управления. В результате архитектура выбора превращается в инструмент координации поведения экономических агентов.

В зависимости от характера воздействия такие механизмы могут принимать форму как мягкого подталкивания (*nudging*), так и более жёстких форм поведенческого воздействия, включая использование тёмных паттернов (*dark patterns*). Поэтому проблема институционализации бессознательного имеет не только экономическое, но и нормативное измерение, связанное с сохранением автономии потребительского выбора.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что бессознательное в платформенной экономике не может рассматриваться только как совокупность индивидуальных психических процессов, случайно влияющих на потребительское поведение. В условиях цифровизации оно приобретает институционально опосредованный характер, поскольку цифровые платформы создают устойчивую среду, в которой неосознаваемые реакции пользователя фиксируются, анализируются, прогнозируются и используются при последующем проектировании выбора.

В статье показано, что современное понимание бессознательного в экономике целесообразно связывать прежде всего с когнитивным подходом, поскольку именно он позволяет анализировать неосознаваемые процессы восприятия, памяти, установки автоматического действия, эмоциональной оценки и социальной категоризации как факторы экономического поведения. При этом бессознательное не следует определять как то, что в полной мере определяет выбор. Более продуктивно функциональное понимание бессознательного как совокупности разнородных механизмов обработки информации, которые предшествуют сознательной рефлексии, сопровождают её или частично замещают рациональный расчёт в условиях ограниченного внимания, неопределённости и высокой когнитивной нагрузки.

Предложенная типология бессознательных механизмов показывает, что экономический выбор формируется не только через осознанное сопоставление выгод и издержек. Сенсорно-перцептивные механизмы направляют внимание и задают первичную заметность альтернатив; имплицитно-мнемонические механизмы связывают текущий выбор с прошлым опытом; семантико-интегративные механизмы формируют смысловые рамки восприятия; установки и автоматизмы обеспечивают готовность к быстрому действию; аффективно-мотивационные механизмы эмоционально окрашивают альтернативы и активируют цели; социально-имплицитные механизмы включают нормы, доверие, стереотипы и ожидания поведения других участников рынка. В совокупности эти механизмы предварительно структурируют поле экономического выбора ещё до его полного осознания субъектом.

Особенность платформенной экономики состоит в том, что данные механизмы оказываются встроены в цифровую архитектуру выбора. Платформа не просто предоставляет пользователю информацию о товарах, услугах или контрагентах, а организует порядок их видимости, формат сравнения, визуальную иерархию, эмоциональные сигналы, социальные индикаторы и траектории действия. В результате выбор пользователя осуществляется в адаптивной среде, где поведенческие данные превращаются в прогноз, прогноз — в интерфейсное воздействие, а новая реакция — в материал для последующей настройки цифровой среды. Именно эта циклическая логика превращает платформу в медиатор и усилитель бессознательных процессов.

Рассмотренный пример маркетплейса «Ozon» демонстрирует, что институционализация бессознательного происходит не обязательно в форме прямого обмана или

принуждения. Напротив, она чаще проявляется через рутинные и внешне нейтральные элементы цифрового дизайна, такие как ранжирование товаров, карточки предложений, рейтинги и отзывы, сигналы срочности и зачёркнутые цены, бонусы и скидки. Эти инструменты не отменяют формальную свободу выбора, однако изменяют вероятность выбора тех или иных альтернатив.

Таким образом, платформенная экономика не только снижает трансакционные издержки и расширяет доступ к альтернативам, но и формирует новый тип поведенческой координации, основанный на скрытом использовании особенностей экономических агентов. Это позволяет рассматривать бессознательное как значимый фактор институциональной организации цифровых рынков. Дальнейшие исследования этой проблематики требуют разработки критериев, позволяющих установить границы допустимого воздействия и ответственность платформ при их нарушении.

ЛИТЕРАТУРА

- Помощь Озон (2026). *Оценка товаров*. URL: https://global-help.ozon.com/ratings/product-rate/?__rr=2®ion=CHN (дата обращения: 29.05.2026).
- Срничек Н. (2021). *Капитализм платформ*. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Тутов Л.А., Измайлов А.А. (2024). Цифровые технологии на службе у предпринимательства: новые вызовы для регулирования // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. № 59(3). С. 3–20. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-1.
- Тутов Л.А., Филимонов И.В. (2022). Предметная идентификация экосистем в экономико-социальной сфере // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2022. № 6. С. 75–100.
- Узнадзе Д.Н. (2001). *Психология установки*. — СПб.: Питер.
- Филимонов И.В. (2023). Роль государства в развитии экосистемы цифровой экономики // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*. Т. 15. № 3. С. 28–48.
- Ariely D., Loewenstein G., Prelec D. (2003). «Coherent Arbitrariness»: Stable Demand Curves without Stable Preferences // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 118. No. 1. Pp. 73–106. DOI: 10.1162/00335530360535153.
- Au Z.-W., Yu R. (2023a). Perceptual and Semantic Same-Different Processing under Subliminal Conditions // *Consciousness and Cognition*. Vol. 111. Art. 103523. DOI: 10.1016/j.concog.2023.103523.
- Au Z.-W., Yu R. (2023b). Unconscious Integration: Current Evidence for Integrative Processing under Subliminal Conditions // *British Journal of Psychology*. Vol. 114. No. 2. Pp. 430–456. DOI: 10.1111/bjop.12631.
- Bargh J.A., Williams E.L. (2006). The Automaticity of Social Life // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–4. DOI: 10.1111/j.0963-7214.2006.00395.x.
- Brignull H. (2011). Dark Patterns: Deception vs. Honesty in UI Design. URL: <https://alistapart.com/article/dark-patterns-deception-vs-honesty-in-ui-design/> (accessed: 29.05.2026).
- Custers R., Aarts H. (2010). The Unconscious Will: How the Pursuit of Goals Operates outside of Conscious Awareness // *Science*. Vol. 329. No. 5987. Pp. 47–50. DOI: 10.1126/science.1188595.
- Day R.H. (1971). Rational Choice and Economic Behavior // *Theory and Decision*. Vol. 1. Pp. 229–251. DOI: 10.1007/BF00139569.
- Dehaene S., Changeux J.-P., Naccache L., Sackur J., Sergent C. (2006). Conscious, Preconscious, and Subliminal Processing: A Testable Taxonomy // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 10. No. 5. Pp. 204–211. DOI: 10.1016/j.tics.2006.03.007.
- Dichter E. (1960). *The Strategy of Desire*. — N. Y.: Doubleday & Co.
- Fehr E., Fischbacher U. (2004). Social Norms and Human Cooperation // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 8. No. 4. Pp. 185–190. DOI: 10.1016/j.tics.2004.02.007.
- Gigerenzer G. (1991). How to Make Cognitive Illusions Disappear: Beyond «Heuristics and Biases» // *European Review of Social Psychology*. Vol. 2. No. 1. Pp. 83–115. DOI: 10.1080/14792779143000033.
- Gigerenzer G. (2018). The Bias Bias in Behavioral Economics // *Review of Behavioral Economics*. Vol. 5. No. 3–4. Pp. 303–336. DOI: 10.1561/105.00000092.
- Grayot J.D. (2020). Dual Process Theories in Behavioral Economics and Neuroeconomics: A Critical Review // *Review of Philosophy and Psychology*. Vol. 11. Pp. 105–136. DOI: 10.1007/s13164-019-00446-9.
- Greenwald A.G., Lai C.K. (2020). Implicit Social Cognition // *Annual Review of Psychology*. Vol. 71. Pp. 419–445. DOI: 10.1146/annurev-psych-010419-050837.
- Jimenez M., Prieto A., Montoro P.R., Hinojosa J.A., Kiefer M. (2025). New Methods, Old Questions: Advancing the Study of Unconscious Perception // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Art. 1626223. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1626223.

- Kenney M., Zysman J. (2020). The platform economy: restructuring the space of capitalist accumulation // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 13. No. 1. P. 55–76. DOI: 10.1093/cjres/rsaa001.
- Kihlstrom J.F. (2019). The Motivational Unconscious // *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 13. No. 5. Art. e12466. DOI: 10.1111/spc3.12466.
- Mark M., Pearson C.S. (2001). *The Hero and the Outlaw: Building Extraordinary Brands through the Power of Archetypes*. — N. Y.: McGraw-Hill.
- Moors A. (2016). Automaticity: Componential, Causal, and Mechanistic Explanations // *Annual Review of Psychology*. Vol. 67. Pp. 263–287. DOI: 10.1146/annurev-psych-122414-033550.
- Newell B.R., Shanks D.R. (2014). Unconscious Influences on Decision Making: A Critical Review // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 37. No. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0140525X12003214.
- Simon H.A. (1955). A Behavioral Model of Rational Choice // *The Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. No. 1. Pp. 99–118.
- Simon H.A. (1979). Rational Decision-Making in Business Organizations // *The American Economic Review*. Vol. 69. No. 4. Pp. 493–513.
- Slovic P., Finucane M.L., Peters E., MacGregor D.G. (2007). The Affect Heuristic // *European Journal of Operational Research*. Vol. 177. No. 3. Pp. 1333–1352. DOI: 10.1016/j.ejor.2005.04.006.
- Thaler R.H. (1980). Toward a Positive Theory of Consumer Choice // *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 1. No. 1. Pp. 39–60. DOI: 10.1016/0167-2681(80)90051-7.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2003). Libertarian Paternalism // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179. DOI: 10.1257/000282803321947001.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. — New Haven.
- Tulving E. (1985). Memory and Consciousness // *Canadian Psychology*. Vol. 26. No. 1. Pp. 1–12. DOI: 10.1037/h0080017.
- Tversky A., Kahneman D. (1974). Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. Vol. 185. No. 4157. Pp. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124.
- Weinmann M., Schneider C., vom Brocke J. (2016). Digital Nudging // *Business and Information Systems Engineering*. Vol. 58. Pp. 433–436. DOI: 10.1007/s12599-016-0453-1.

REFERENCES

- Ariely D., Loewenstein G., Prelec D. (2003). «Coherent Arbitrariness»: Stable Demand Curves without Stable Preferences // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 118. No. 1. Pp. 73–106. DOI: 10.1162/00335530360535153.
- Au Z.-W., Yu R. (2023a). Perceptual and Semantic Same-Different Processing under Subliminal Conditions // *Consciousness and Cognition*. Vol. 111. Art. 103523. DOI: 10.1016/j.concog.2023.103523.
- Au Z.-W., Yu R. (2023b). Unconscious Integration: Current Evidence for Integrative Processing under Subliminal Conditions // *British Journal of Psychology*. Vol. 114. No. 2. Pp. 430–456. DOI: 10.1111/bjop.12631.
- Bargh J.A., Williams E.L. (2006). The Automaticity of Social Life // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–4. DOI: 10.1111/j.0963-7214.2006.00395.x.
- Brignull H. (2011). Dark Patterns: Deception vs. Honesty in UI Design. URL: <https://alistapart.com/article/dark-patterns-deception-vs-honesty-in-ui-design/> (accessed: 29.05.2026).
- Custers R., Aarts H. (2010). The Unconscious Will: How the Pursuit of Goals Operates outside of Conscious Awareness // *Science*. Vol. 329. No. 5987. Pp. 47–50. DOI: 10.1126/science.1188595.
- Day R.H. (1971). Rational Choice and Economic Behavior // *Theory and Decision*. Vol. 1. Pp. 229–251. DOI: 10.1007/BF00139569.
- Dehaene S., Changeux J.-P., Naccache L., Sackur J., Sergent C. (2006). Conscious, Preconscious, and Subliminal Processing: A Testable Taxonomy // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 10. No. 5. Pp. 204–211. DOI: 10.1016/j.tics.2006.03.007.
- Dichter E. (1960). *The Strategy of Desire*. — N. Y.: Doubleday & Co.
- Fehr E., Fischbacher U. (2004). Social Norms and Human Cooperation // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 8. No. 4. Pp. 185–190. DOI: 10.1016/j.tics.2004.02.007.
- Filimonov I.V. (2023). The Role of the State in the Development of the Digital Economy Ecosystem // *Scientific Researches of Faculty of Economics. Electronic Journal*. Vol. 15. No. 3. Pp. 28–48. (In Russ.).
- Gigerenzer G. (1991). How to Make Cognitive Illusions Disappear: Beyond «Heuristics and Biases» // *European Review of Social Psychology*. Vol. 2. No. 1. Pp. 83–115. DOI: 10.1080/14792779143000033.
- Gigerenzer G. (2018). The Bias Bias in Behavioral Economics // *Review of Behavioral Economics*. Vol. 5. No. 3–4. Pp. 303–336. DOI: 10.1561/105.00000092.
- Grayot J.D. (2020). Dual Process Theories in Behavioral Economics and Neuroeconomics: A Critical Review // *Review of Philosophy and Psychology*. Vol. 11. Pp. 105–136. DOI: 10.1007/s13164-019-00446-9.
- Greenwald A.G., Lai C.K. (2020). Implicit Social Cognition // *Annual Review of Psychology*. Vol. 71. Pp. 419–445. DOI: 10.1146/annurev-psych-010419-050837.

- Jimenez M., Prieto A., Montoro P.R., Hinojosa J.A., Kiefer M. (2025). New Methods, Old Questions: Advancing the Study of Unconscious Perception // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Art. 1626223. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1626223.
- Kenney M., Zysman J. (2020). The platform economy: restructuring the space of capitalist accumulation // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 13. No. 1. P. 55–76. DOI: 10.1093/cjres/rsaa001.
- Kihlstrom J.F. (2019). The Motivational Unconscious // *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 13. No. 5. Art. e12466. DOI: 10.1111/spc3.12466.
- Mark M., Pearson C.S. (2001). *The Hero and the Outlaw: Building Extraordinary Brands through the Power of Archetypes*. — N. Y.: McGraw-Hill.
- Moors A. (2016). Automaticity: Componential, Causal, and Mechanistic Explanations // *Annual Review of Psychology*. Vol. 67. Pp. 263–287. DOI: 10.1146/annurev-psych-122414-033550.
- Newell B.R., Shanks D.R. (2014). Unconscious Influences on Decision Making: A Critical Review // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 37. No. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0140525X12003214.
- Ozon Help (2026). *Product Evaluation*. URL: https://global-help.ozon.com/ratings/product-rate/?__rr=2®ion=CHN (accessed: 29.05.2026). (In Russ.).
- Simon H.A. (1955). A Behavioral Model of Rational Choice // *The Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. No. 1. Pp. 99–118.
- Simon H.A. (1979). Rational Decision-Making in Business Organizations // *The American Economic Review*. Vol. 69. No. 4. Pp. 493–513.
- Srnicek N. (2021). *Platform Capitalism*. — M.: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.).
- Slovic P., Finucane M.L., Peters E., MacGregor D.G. (2007). The Affect Heuristic // *European Journal of Operational Research*. Vol. 177. No. 3. Pp. 1333–1352. DOI: 10.1016/j.ejor.2005.04.006.
- Thaler R.H. (1980). Toward a Positive Theory of Consumer Choice // *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 1. No. 1. Pp. 39–60. DOI: 10.1016/0167-2681(80)90051-7.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2003). Libertarian Paternalism // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179. DOI: 10.1257/000282803321947001.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. — New Haven.
- Tulving E. (1985). Memory and Consciousness // *Canadian Psychology*. Vol. 26. No. 1. Pp. 1–12. DOI: 10.1037/h0080017.
- Tversky A., Kahneman D. (1974). Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. Vol. 185. No. 4157. Pp. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124.
- Tutov L.A., Filimonov I.V. (2022). Subject Identification of Ecosystems in the Economic and Social Sphere // *Lomonosov Economics Journal*. No. 6. Pp. 75–100. (In Russ.).
- Tutov L.A., Izmailov A.A. (2024). Digital Technologies at the Serving of Entrepreneurship: New Challenges for Regulation // *Lomonosov Economics Journal*. No. 59(3). Pp. 3–20. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-1. (In Russ.).
- Uznadze D.N. (2001). *Attitude Psychology*. — SPb.: Piter. (In Russ.).
- Weinmann M., Schneider C., vom Brocke J. (2016). Digital Nudging // *Business and Information Systems Engineering*. Vol. 58. Pp. 433–436. DOI: 10.1007/s12599-016-0453-1.

Тутов Леонид Арнольдович

l.tutov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8652-3341

Leonid Tutov

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

ORCID: 0000-0002-8652-3341

l.tutov@yandex.ru

Рогожникова Варвара Николаевна

ORCID: 0000-0002-1368-0098

veselial@mail.ru

Varvara Rogozhnikova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow

ORCID: 0000-0002-1368-0098

veselial@mail.ru

Измайлов Александр Александрович

ORCID: 0009-0004-7984-3613

izmaylov571@gmail.com

Alexander Izmailov

ORCID: 0009-0004-7984-3613

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow

izmaylov571@gmail.com

Филимонов Илья Валерьевич

ORCID: 0000-0002-1684-5142

filimonov.i.v@mail.ru

Ilya Filimonov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow

ORCID: 0000-0002-1684-5142

filimonov.i.v@mail.ru

INVISIBLE DETERMINANTS OF CONSUMER CHOICE: THE UNCONSCIOUS IN THE PLATFORM ECONOMY²

Abstract. This article examines the role of unconscious mechanisms in shaping economic choice in the platform economy. It is shown that, in the context of digitalization, the unconscious ceases to be an exclusively internal characteristic of the individual psyche and becomes an object of technological and institutional mediation. Based on an interdisciplinary analysis of behavioral economics, cognitive psychology, institutional theory, and research on digital platforms, the concept of the unconscious as it applies to economic choice is clarified. A typology of cognitive unconscious mechanisms is proposed, including sensory-perceptual, implicit-mnemonic, semantic-integrative, affective-motivational, and social-implicit mechanisms, as well as mechanisms of attitudes and automatisms. It is substantiated that the digital environment of the platform economy acts as a mediator and amplifier of these mechanisms due to the algorithmic behavioral influence circuit «data — forecast — action — new reaction». A digital choice architecture is emerging in the digital environment, where user behavioral traces are transformed into algorithmic predictions and returned to them in the form of personalized interface effects. Using the example of the Ozon marketplace, this study demonstrates how unconscious mechanisms are institutionalized and influence consumer choice through product rankings, visual accents, ratings, discount signals, elements of urgency, bonus programs, and gamification. It is concluded that the platform economy not only expands choice but also creates a new environment for its hidden behavioral coordination.

Keywords: *cognitive unconscious, platform economy; consumer choice, digital choice architecture, digital nudging, algorithmic recommendations, institutionalization of the unconscious.*

JEL: D01, D11, D84.

² The article was prepared with the support of the intra-faculty grant of the Faculty of Economics of Moscow State University «Institutionalization of the Unconscious: Behavioral Economics and New Paternalism».

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.А. Толкачев

д.э.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

А.И. Анисимова

к.э.н., ассистент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ СДВИГИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ КАК ОТВЕТ НА КРИЗИС НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

Аннотация. В статье предпринимается систематический анализ формирования и концептуального наполнения альтернативных экономических доктрин, которые получили институциональное оформление в странах континентальной Европы в ответ на кумулятивный эффект кризисных явлений, развернувшихся в период 2020–2025 гг. Эмпирическим фоном исследования выступает последовательное наложение трёх шоков: пандемийного, энергетического, а также логистико-инфляционного. Авторы исходят из гипотезы, что перечисленные события не просто временно дестабилизировали европейскую экономику, но инициировали глубокий пересмотр фундаментальных постулатов неоклассического мейнстрима — в частности, редукции экономической ценности к рыночной цене, представления о самодостаточности. Объектом исследования избраны три наиболее репрезентативных кейса: французская стратегия «экономики качества»; немецкая концепция «экономики общего блага»; скандинавская модель перехода от «государства всеобщего благосостояния» к «экономике благосостояния». Методологическую базу работы составляет сравнительный институциональный анализ, дополненный элементами экономической эпистемологии, что позволяет выявить не только различия в инструментарии, но и глубокие метатеоретические расхождения между рассматриваемыми доктринами и неоклассической парадигмой. На основе проведённого сравнительного анализа выделены метатеоретические основания каждой из трёх доктрин, а также предложена расширенная типология критериев оценки хозяйственных систем. В работе также эксплицируются риски, сопряжённые с реализацией этих доктрин, — в частности, потенциальная фрагментация единого рынка ЕС и развёртывание «субсидиарной гонки» между государствами-членами. Заключительный вывод статьи состоит в том, что в континентальной Европе сегодня происходит не просто смена набора инструментов экономической политики, но более фундаментальный сдвиг — смена парадигмальной оптики. Переход от максимизации ВВП к многомерному благополучию, от автоматизма рынков к их сознательному конструированию, от дисконтирования будущего к принципу предосторожности — эти тенденции, по мнению авторов, составляют содержание «тихой парадигмальной революции», последствия которой будут разворачиваться на протяжении ближайших десяти — пятнадцати лет.

Ключевые слова: экономика качества, общее благо, принцип предосторожности, *welfare ecomoty*, неоклассическая ортодоксия, институциональное конструирование.

JEL: B52, B59, P16, O52, O43

УДК: 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_46_64

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

© С.А. Толкачев, А.И. Анисимова, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Толкачев С.А., Анисимова А.И. Доктринальные сдвиги экономической политики стран континентальной Европы как ответ на кризис неоклассической парадигмы экономической теории // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 46–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_46_64.

FOR CITATION: Tolkachev S., Anisimova A. Doctrinal Shifts in Economic Policy in Continental Europe As a Response to the Crisis of the Neoclassical Paradigm of Economic Theory // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 46–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_46_64.

Введение

Современный этап развития европейской экономической мысли ознаменован переосмотром фундаментальных принципов организации хозяйственной жизни. Этот переосмотр спровоцирован серией взаимосвязанных кризисов, обрушившихся на Европейский союз после 2020 г.: пандемия, энергетический кризис, вызванный геополитической напряженностью, и последующая фрагментация глобальных цепочек поставок поставили под сомнение состоятельность модели, которая на протяжении трёх предшествующих десятилетий опиралась на открытость рынков, свободное движение капитала и углубление интеграции [ETUC, 2025].

Данный кризис доктринальных устоев либерального глобализма [Заостровцев, 2025] не получает адекватного отражения в ортодоксальной неолиберальной экономической теории, хотя является предметом бурного обсуждения как в общественно-политической печати, так и в теоретических источниках. Эти дискуссии имеют уже длительную историю, поскольку выделяется третий этап кризиса «экономикс» [Худокормов, 2025]. Углубление данного кризиса сегодня на фоне смены мирохозяйственного уклада [Толкачев, 2025] совершенно очевидно, доказательством чего является широчайший спектр трактовок как современного состояния науки, так и причин самого кризиса. С одной стороны, экономикс рассматривается как несуществующая актуальная реальность или симулякр, подобный политической экономии социализма [Ореховский, Разумов, 2025]. С другой стороны, выдвигается расширительная версия современной политической экономии [Левин, Саблин, 2025] как возможной альтернативы экономикс.

Несмотря на то, что подвергается сомнению сама идея о формировании новой парадигмы экономической теории в ответ на изменения мирового экономического порядка [Тамбовцев, 2025], неизбежность смены парадигмы обосновывается вне связи с мирохозяйственными процессами [Балацкий, 2025].

В данной статье мы рассмотрим, насколько новейшие доктринальные установки экономического развития, обсуждаемые в странах Европы, соответствуют базовым основам неоклассической теории.

В экспертном и политическом дискурсе всё чаще звучит тезис об исчерпании потенциала традиционной модели развития, ориентированной исключительно на максимизацию темпов роста ВВП. За внешне благополучными макроэкономическими агрегатами, как свидетельствуют материалы Европейской конфедерации профсоюзов, скрываются структурные диспропорции: отставание темпов роста реальной заработной платы от динамики производительности труда, снижение доступности жилья, сокращение доли труда в ВВП. Указанные процессы, подчёркивается в документах, не являются неизбежным следствием объективных экономических закономерностей, а заключаются в институциональном ослаблении системы коллективных переговоров и финансиализации корпоративного сектора [ETUC, 2025].

К этим вызовам добавляется проблема стагнации производительности, принявшая в большинстве стран ЕС хронический характер. Согласно оценкам Международного

валютного фонда, европейские производственные кластеры демонстрируют лишь около двух третей эффективности американских аналогов в части трансформации эффекта масштаба в рост производительности, что во многом обусловлено сохраняющимися внутриевропейскими барьерами и фрагментированностью рынков капитала [Kammer, 2025]. Дополнительное давление создают демографические тенденции: по прогнозам, к 2050 г. более двух третей стран ЕС столкнутся с сокращением численности трудоспособного населения, что повышает риски для устойчивости систем социальной защиты и пенсионного обеспечения [Regional Economic Outlook..., 2025].

Формирование новых альтернативных доктрин разворачивается на фоне более масштабной ревизии парадигмы экономической политики на наднациональном уровне. Согласно аналитическим материалам центра «Think Tank EUROPA», в последние годы Европейская комиссия сместила акценты с роста производительности в сторону устойчивости и стабильности (*resilience and stability*), что проявилось в либерализации правил государственной помощи, допущении национальных субсидий для поддержки стратегических отраслей и концентрации усилий на обеспечении доступа к критическому сырью и фармацевтике [Torslov, Foss, 2026]. Одновременно, как подчёркивается в источниках, подобная политика несёт в себе риск фрагментации единого рынка и развёртывания «субсидиарной гонки» между государствами-членами [Ibid, 2026].

Эти процессы обрели процессуальное институциональное воплощение в концепциях, опирающихся на национальные традиции хозяйственного регулирования. Во Франции речь идёт о ренессансе индикативного планирования в рамках стратегии «France 2030» и о теоретической разработке экономики качества (*économie de la qualité*); в Германии — о развитии идей экономики общего блага (*Gemeinwohl-Ökonomie*) и принципа предосторожности (*Vorsorgeprinzip*); в скандинавских странах — о трансформации классической модели государства всеобщего благосостояния в сторону экономики благосостояния (*welfare economy*). Несмотря на национальную специфику, данные подходы объединяет критика неоклассической ортодоксии, признаваемой недостаточно релевантной для осмысления механизмов социально-экономической координации в условиях высокой неопределённости.

Континентальная Европа: левоцентристский спектр альтернативных экономических доктрин

В континентальной Европе формирование альтернативных неоклассическому мейнстриму экономических концепций имеет более длительную историческую традицию, нежели в британско-ирландском регионе, и отличается большей степенью институциональной укоренённости в национальных правовых системах и политических культурах. В отличие от Великобритании, где доминирует англосаксонская модель рыночного капитализма с минимальным государственным вмешательством, континентальные страны сохранили намного более существенные элементы дирижизма, социального партнёрства и публично-правового регулирования экономики, которые в условиях посткризисной волатильности получают новое теоретическое осмысление и политическое оформление.

Франция: экономика качества и экологическое планирование

Французская традиция экономического регулирования исторически характеризуется высокой степенью государственного участия и вниманием к вопросам качества продукции как институциональной проблемы. Как отмечается в исследовании, посвящённом французской экономике качества (*économie de la qualité*) [Karpik, 1989], уже в период Кольбера (1660–1750 гг.) была сформирована система государственного регулирования,

которая гарантировала качество в большей степени, чем цены, т. е. делала акцент на стандартизации производственных процессов и борьбе с фальсификациями, а не на ценовом регулировании [Jany-Catrice, 2025]. Эта историческая традиция нашла своё продолжение в современной французской экономической политике, где концепция качества рассматривается не как техническая характеристика товаров, а как фундаментальный принцип организации экономической деятельности.

Современная французская дискуссия об экономике качества базируется на теоретических разработках школы экономики конвенций (соглашений) (*économie des conventions*), представленной работами Л. Тевено и Л. Болтански [Boltanski, Thévenot, 2006]. Согласно этому подходу, экономические агенты действуют не в безличной ценовой среде, а в пространстве множественных «миров» (промышленного, рыночного, гражданского, экологического и др.), где качество благ и услуг не является экзогенно заданным параметром, а конструируется в процессе координации между производителями, потребителями и регуляторами [Jany-Catrice, 2025]. Данная теоретическая рамка позволяет объяснить, почему во французской экономической политике значительное место занимают механизмы сертификации, стандартизации и коллективной оценки, которые не сводятся к рыночной конкуренции и ценовым сигналам.

Эмпирическое подтверждение значимости неценовых факторов конкурентоспособности содержится в совместном исследовании Rexecode и SKEMA Business School (2025), посвящённом позиционированию французских экспортных товаров на европейских рынках. Согласно опросу 480 импортёров из шести европейских стран, французские промышленные товары демонстрируют высокие показатели по критериям «воспринимаемого качества», «дизайна» и «узнаваемости бренда», однако страдают от завышенных цен [Ferrara, Redoulès, 2025]. Как отмечает Лоран Феррара, ординарный профессор в области международной экономики бизнес-школы SKEMA, «конкурентоспособность не может основываться исключительно на цене. Воспринимаемое качество, технологические инновации и доверие к продукту являются истинными долгосрочными дифференциаторами» [Ibid. P. 1].

Исследование выявляет значительные секторальные различия: в сегменте электрического и электронного оборудования Франция занимает первое место в мире по соотношению цены и качества [Ibid]. В условиях усиления протекционистских мер, как подчёркивает Оливье Реддуле, директор исследований Rexecode, «неценовая конкурентоспособность является ключевым фактором устойчивости нашего экспорта» [Ibid].

Параллельно с развитием концепции экономики качества во французской экономической политике наблюдается возрождение интереса к индикативному планированию в рамках стратегии «France 2030». Данная инициатива, запущенная правительством Франции, представляет собой инвестиционный план, направленный на структурную трансформацию ключевых секторов экономики в русле декарбонизации. В отличие от неоклассической модели, где государство выполняет лишь корректирующую функцию в случае провалов рынка, французский подход предполагает активную промышленную политику, направленную на формирование «национальных чемпионов» в стратегических секторах (полупроводники, водородная энергетика, здравоохранение) и целенаправленное перераспределение ресурсов в пользу экологического перехода [France 2030, 2024].

Германия: экономика общего блага и принцип предосторожности

В немецкой традиции центральное место занимают две взаимосвязанные концепции: *Gemeinwohl-Ökonomie* (экономика общего блага) и *Vorsorgeprinzip* (принцип предосторожности). Обе эти доктрины укоренены в немецкой правовой и политической культуре, характеризующейся высокой степенью институционализации социальных и экологических стандартов.

Концепция экономики общего блага, разработанная Кристианом Фелбером, представляет собой наиболее радикальную альтернативу неоклассической парадигме, предлагая заменить максимизацию прибыли и конкуренцию в качестве целевой функции предприятия на показатели, отражающие вклад в общественное благосостояние. Как отмечается в материалах региональной группы «Экономика общего блага» Кёльн-Бонн, «альтернатива нынешней экономической модели — это устойчивая экономическая культура, основанная на человеческом достоинстве, экологической ответственности, солидарности, социальной справедливости, демократическом соучастии и прозрачности» [*Bonn — Rundum nachhaltig*, 2025. Р. 1].

Система оценки в рамках экономики общего блага предполагает внедрение показателя «общего блага — баланса» (*Gemeinwohl-Bilanz*), который служит для классификации и анализа критериев устойчивости. Как указывается в описании концепции, «чем лучше приверженность общему благу, тем выше балл. Экономика общего блага требует, чтобы компании или организации, имеющие лучший баланс, получали льготы — в виде налогов, кредитов или надбавок на государственные закупки» [*Ibid*, 2025. Р. 1]. С 2010 г. эта идея распространилась примерно в 30 странах, где действует более 250 региональных групп [*Ibid*, 2025].

Практическая реализация принципов экономики общего блага на муниципальном уровне демонстрируется примером города Ахен. Управление недвижимостью города Ахен стало первым в Германии муниципальным подразделением, сертифицированным в соответствии с принципами экономики общего блага [*Gemeinwohl-Ökonomie...*, 2025]. Как отмечается в официальном сообщении, для организации «работа по принципу экономики общего блага означает не только измерение экономического успеха, но и вклад в социальную справедливость, экологическую устойчивость и соучастие» [*Ibid*. Р. 1].

Принцип предосторожности (*Vorsorgeprinzip*) имеет более глубокие исторические корни и юридическую институционализацию, восходящую к немецкому экологическому законодательству 1970-х гг. Как отмечает Йоаким Зандер в исследовании, опубликованном Cambridge University Press, «первоначально разработанный в Германии, принцип предосторожности достиг зрелости на европейском уровне только за последние десять-пятнадцать лет» [*Zander*, 2010. Р. 76]. Зандер подчеркивает, что «оригинальный немецкий *Vorsorgeprinzip* интерпретируется как высоко идеологический политический инструмент с более широким и сложным охватом, чем принцип предосторожности, обычно обсуждаемый в современной литературе и международных торговых конфликтах» [*Ibid*].

Цель оригинальной концепции, согласно анализу Зандера, «отвечать на обеспокоенность немецкого общества по поводу рисков, присущих современному обществу, и быть частью более широкой идеологии, которую иногда называли «экологической модернизацией»» [*Ibid*. Р. 77]. В 1990-е гг. привлекательность принципа предосторожности резко возросла среди европейских граждан, а также избираемых политиков и лиц, определяющих политику, особенно в сферах здравоохранения и защиты прав потребителей [*Ibid*].

Принцип предосторожности был закреплён в статье 20а Основного закона ФРГ, а также в статье 191 Договора о функционировании Европейского Союза. В недавнем диссертационном исследовании Нико Халькенхойзера предлагается детальный анализ принципа предосторожности в праве Европейского союза. Как указывается в аннотации работы, «исследование направлено на выявление (всеобъемлющей) сферы применения, а также условий и последствий принципа», а также «балансировку принципов между предосторожностью и пропорциональностью» [*Halkenhäuser*, 2025. Р. 1].

Халькенхойзер разрабатывает оригинальную концепцию, согласно которой «принцип предосторожности ведёт не к переносу бремени доказательства, а к снижению стандарта доказывания» [*Ibid*. Р. 1]. В балансе с принципом пропорциональности исследователь показывает, что ни окружающая среда, ни здоровье человека не пользуются

абсолютным приоритетом перед конфликтующими ценностями [Ibid]. Особое внимание в работе уделяется критическому анализу «проблемы риск-риск-трейдофф» в контексте «глобального» балансирования, осуществляемого Судом Европейского союза [Ibid].

Принцип предосторожности находит своё практическое воплощение в немецкой экологической политике, где он рассматривается не как техническая норма, а как самостоятельный правовой и этический принцип, регулирующий принятие решений в условиях неопределённости. Как отмечает Соня Бёмер-Кристиансен в исследовании, опубликованном Taylor & Francis, «в начале 1990-х годов *Vorsorge* стал принципом, который не только поддерживает требования строгой защиты окружающей среды, но и способствует устойчивому развитию» [Boehmer-Christiansen, 2013. P. 31].

Анализ французских и немецких альтернативных экономических доктрин позволяет выделить несколько общих характеристик, объединяющих эти подходы и отличающих их от неоклассической ортодоксии.

Во-первых, обе традиции разделяют *критику редукции экономической ценности к цене*. Французская экономика качества и немецкая экономика общего блага исходят из предпосылки, что ценность экономических благ не может быть сведена к рыночной цене, но включает качественные характеристики, социальные и экологические аспекты, которые требуют коллективного определения и институционального обеспечения.

Во-вторых, для этих подходов характерно *признание активной роли государства в формировании рынков*. В отличие от неоклассической модели, где государство выступает лишь «ночным сторожем» и регулятором провалов рынка, французская традиция планирования и немецкая система экологического регулирования предполагают активное участие государства в стандартизации, сертификации и создании институциональных условий для координации взаимодействия стейкхолдеров.

В-третьих, эти концепции объединяет *приоритет предосторожности и устойчивости над сиюминутной экономической выгодой*. Принцип предосторожности, закреплённый в немецком и европейском праве, требует превентивного вмешательства при отсутствии полной определённости ситуации, когда в ней сохраняется риск серьёзного или необратимого ущерба.

В-четвёртых, для рассмотренных доктрин характерно *понимание экономики как социально сконструированной институциональной формы*, а не естественного механизма. Французская экономика конвенций и немецкая традиция ордолиберализма (с её акцентом на роль государства в создании «рамочного порядка») разделяют представление о том, что рынки функционируют лишь постольку, поскольку они встроены в систему норм, правил и коллективных представлений.

Наконец, важной общей чертой является *институционализация альтернативных критериев успеха*. Во Франции это выражается в стратегии «France 2030» с её фокусом на декарбонизацию и технологический суверенитет; в Германии — в системе сертификации «общего блага — баланса», которая предлагает альтернативные показатели эффективности для предприятий и муниципалитетов.

Скандинавский контекст: от *welfare state* к *welfare economy*

Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия) также вносят значительный вклад в развитие альтернативных экономических доктрин. Эти страны традиционно рассматриваются в мировой экономической литературе как образец сочетания высокой экономической эффективности и развитой системы социальной защиты. Классическая работа Г. Эспинга-Андерсена, опубликованная ещё в 1990-е гг., закрепила за скандинавской моделью репутацию институционального устройства, способного минимизировать последствия социально-экономического неравенства через универсалистские публичные услуги [Esping-Andersen, 1990; Esping-Andersen, 1999; Raphael,

[Hinton, Paulsson et al., 2024]. Однако на протяжении последнего десятилетия всё более отчётливо проявляется парадокс, с которым сталкивается эта модель: высокие социальные стандарты достигаются ценой устойчивой зависимости от экономического роста, что вступает в противоречие с требованиями экологической устойчивости [Raphael, Hinton, Paulsson et al., 2024].

Именно этот внутренний конфликт — между социальной эффективностью модели и её экологической ценой — подталкивает скандинавские страны к пересмотру базовых принципов организации хозяйственной жизни. Речь идёт о переходе от классического «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*), построенного на логике компенсации и перераспределения, к «экономике благосостояния» (*welfare economy*) — концепции, которая интегрирует цели человеческого и планетарного благополучия непосредственно в процесс принятия экономических решений. Как показывает исследовательская группа INVEST при Университете Турку, традиционная модель социального государства опирается на компенсаторную логику: она предоставляет поддержку тогда, когда люди сталкиваются с трудностями, используя такие инструменты, как пособия по безработице или системы медицинского страхования [Beyond the Nordic Welfare State, 2026; Raphael, Hinton, Paulsson et al., 2024]. Предлагаемая взамен модель сдвигает фокус с пассивной компенсации на проактивное предотвращение социальных рисков, сочетая долгосрочные инвестиции в человеческий капитал с адресными интервенциями, направленными на решение конкретных проблем. Как формулируют исследователи, логика остаётся той же — общество обеспечивает защиту при наступлении неблагоприятных обстоятельств, но инструментарий кардинально меняется: вместо жёстких критериев eligibility на передний план выходит сам факт наличия проблемы, а успех измеряется не только экономическими показателями, но и улучшением социальной справедливости, субъективного благополучия и экологической устойчивости [Beyond the Nordic Welfare State, 2026].

Эта теоретическая рамка находит конкретное институциональное воплощение в ряде инициатив, реализуемых на национальном и региональном уровнях. Ключевой координационной площадкой выступает партнёрство «Wellbeing Economy Governments» (WEGo), объединяющее на сегодняшний день шесть национальных правительств: Исландии, Финляндии, Шотландии, Уэльса, Новой Зеландии и Канады [Norwegian Government, 2025; Wellbeing economy governments..., 2025]. WEGo представляет собой коллаборацию, в рамках которой государства-участники делятся экспертизой и трансферабельными политическими практиками, направленными на внедрение подходов, ориентированных на благополучие, в процесс принятия решений [Wellbeing economy governments..., 2025]. В мае 2025 г. в Рейкьявике состоялся Всемирный форум экономики благосостояния (*Wellbeing Economy Forum*), организованный при поддержке Всемирной организации здравоохранения, ОЭСР, ЮНЕСКО и EuroHealthNet. На этом форуме партнёрству WEGo была вручена первая Премия благосостояния (*Wellbeing Prize*), учреждённая президентом Исландии, в знак признания вклада в развитие глобального движения за экономику, ставящую во главу угла человеческое и планетарное благополучие, а не узкий экономический рост [Wellbeing economy governments..., 2025].

Особого внимания заслуживает опыт Финляндии, которая, по оценкам ОЭСР, последовательно продвигает принципы экономики благосостояния на национальном уровне на протяжении уже более десяти лет. Финляндия возглавила обсуждение этой концепции в рамках Совета Европейского союза в 2019 г., инициировав принятие решения о включении экономики благосостояния в национальные и наднациональные политики [OECD, 2023]. В 2023 г. правительство страны утвердило Национальный план действий по экономике благосостояния на 2023–2025 гг., в котором определены пять ключевых направлений: разработка руководящей модели для экономики благосостояния, интеграция мониторинга благополучия в процессы принятия решений на центральном, региональном

и муниципальном уровнях, развитие оценок воздействия и укрепление компетенций, влияние на политику Европейского союза через Европейский семестр, а также усиление инклюзивности [*Finland's National Action...*, 2024; OECD, 2023].

Практическим инструментом реализации этого плана стала модель управления экономикой благосостояния, разработанная Финским институтом здоровья и благосостояния (THL). Модель предлагает механизмы стратегического, ресурсного и основанного на знаниях управления, включая широкий процесс консультаций с гражданами, введение долгосрочных целевых показателей благополучия, а также систему индикаторов для национального мониторинга устойчивого благополучия [*Hiilamo*, 2025; *Governance Model...*, 2025]. Как отмечает профессор-исследователь Хейкки Хииламо, курировавший разработку модели, Финляндия долгое время была пионером в области концепций экономики благосостояния и устойчивого развития, однако до недавнего времени в стране отсутствовали модель управления и мониторинговые индикаторы для балансирования социальной, экономической и экологической устойчивости на национальном уровне [*Hiilamo*, 2025]. Примечательно, что модель была разработана в рамках Программы устойчивого роста Финляндии, финансируемой за счёт инструмента восстановления Европейского союза «Next Generation EU», что свидетельствует о включённости финского опыта в общеевропейскую повестку.

Исландия, другая страна — лидер движения, ввела 40 национальных индикаторов благополучия в качестве официальной части государственной политики, нацеленной на укрепление устойчивости общества и повышение качества жизни перед лицом современных вызовов. Страна также выступила инициатором проведения ежегодного Всемирного форума экономики благосостояния, который в 2025 г. собрал такие ключевые фигуры, как Мариана Маццукато, Кейт Рейворт, Ромина Боарини и Сандрин Диксон-Деклев [*The Wellbeing Economy...*, 2025].

В британском контексте выделяются Шотландия и Уэльс, демонстрирующие различные стратегии институционализации экономики благосостояния. Шотландия, один из основателей партнёрства WEGo, внедряет практику «бюджетирования благополучия» (*wellbeing budgeting*) и развивает концепцию «общественного создания богатства» (*Community Wealth Building*), нацеленную на перераспределение экономической власти и ресурсов на локальном уровне [*Wellbeing economy governments*, 2025]. Уэльс, в свою очередь, в 2015 г. принял Закон о благополучии будущих поколений (*Well-being of Future Generations Act*), который обязывает публичные органы учитывать долгосрочные последствия принимаемых решений, предотвращать системные проблемы, такие как бедность, неравенство в сфере здравоохранения и изменение климата, и действовать совместно с населением и сообществами [*Welsh Government*, 2015].

Важным практическим инструментом, разрабатываемым в скандинавском регионе, является «Банк благополучия» (*The Wellbeing Bank*), создаваемый Институтом счастья в Дании в сотрудничестве с ассоциацией «Østifterne». Этот цифровой инструмент использует метрику WALY (Wellbeing Adjusted Life Years) — годы жизни с поправкой на благополучие, — чтобы помогать лицам, принимающим решения, и поставщикам социальных услуг оценивать интервенции и государственную политику на основе данных о качестве жизни, а не исключительно экономических показателей. Банк основан на датских и скандинавских данных и находится в открытом доступе [*Norwegian Government*, 2025].

Вместе с тем, как убедительно демонстрируют недавние исследования, скандинавская модель экономики благосостояния сталкивается с фундаментальными ограничениями, которые нельзя игнорировать. Доклад «A Beyond-GDP View of Nordic Performance» (The Nordic Council of Ministers)², представленный на COP-29 в Баку в ноябре 2024 г.,

² The Nordic Council of Ministers («Совет министров Северных стран», «Северный Совет Министров»), Королевство Дания признан нежелательной организацией на территории России

содержит во многом неожиданные выводы [*A Beyond-GDP...*, 2024]. В то время как северные страны неизменно входят в число лидеров по показателям социального благополучия и демонстрируют высокие результаты в Индексе переходных процессов Европейской комиссии (Transitions Performance Index), их эффективность в Индексе устойчивого развития (Sustainable Development Index) и показателях экономики «пончика»³ (Doughnut Economy) оказывается значительно более скромной. Каждая из пяти скандинавских стран существенно превышает границы, необходимые для экологической безопасности, особенно если учитывать не территориальные, а потребительские выбросы и экологический след. Как резюмируется в докладе, в то время как их социальные результаты похвальны, экологические проблемы, с которыми сталкиваются все страны Северной Европы, требуют безотлагательного внимания [*A Beyond-GDP...*, 2024].

Это противоречие — между социальной эффективностью и экологической ценой роста — составляет центральную дилемму современной скандинавской модели и одновременно указывает направление для её дальнейшего развития. Переход от *welfare state* к *welfare economy* не является завершённым проектом, а представляет собой процесс поиска институциональных решений, способных разорвать связь между высоким уровнем социальных расходов и растущим экологическим давлением [*Raphael, Hinton, Paulsson et al.*, 2024].

Таким образом, скандинавские страны вносят самостоятельный и значимый вклад в развитие альтернативных экономических доктрин, не сводимый к простому дополнению или продолжению французской или немецкой традиций. Их ключевое отличие заключается в практической направленности на разработку операциональных инструментов — от индикаторов благополучия до моделей управления, — которые делают концепцию экономики благосостояния не просто теоретической конструкцией, а работающим механизмом принятия решений. Вместе с тем, именно скандинавский кейс с наибольшей отчётливостью высвечивает внутреннее противоречие, присущее всем альтернативным доктринам: разрыв между декларируемыми целями социальной и экологической устойчивости и сохраняющейся зависимостью от экономического роста, экологическая цена которого остаётся высокой.

Метатеоретические основания альтернативных доктрин: разрыв с неоклассической парадигмой

При всём институциональном и историко-культурном своеобразии трёх рассмотренных доктрин — французской «экономики качества», сопряжённой с индикативным планированием; немецкой *Gemeinwohl-Ökonomie* и принципа предосторожности; скандинавской модели перехода от *welfare state* к *welfare economy* — при их сопоставлении отчётливо проступает ряд глубинных пересечений. Именно эти пересекающиеся линии и образуют общий эпистемологический фронт, противопоставляющий себя неоклассическому мейнстриму. Наиболее значимое из таких пересечений заключается в последовательном неприятии редукции экономической ценности к рыночной цене. Во французской традиции качество блага не выводится из ценовых сигналов, а конструируется в процессе коллективной координации между производителями, потребителями и регуляторами в пространстве множественных «миров». Немецкая *Gemeinwohl-Ökonomie* идёт ещё дальше, предлагая заменить максимизацию прибыли на многомерный баланс, включающий вклад в социальную справедливость, экологическую устойчивость и демократическое соучастие. Принцип предосторожности вводит в экономический анализ категории, не имеющие ценового эквивалента — здоровье будущих поколений, необратимость экологического ущерба,

³ Экономика «пончика» (Doughnut Economics) — модель, представляющая экономическое развитие в виде пространства между социальным основанием (минимальный набор благ для достойной жизни) и экологическим потолком (планетарные границы), в котором человечество может процветать, не нарушая жизнеобеспечивающих систем Земли.

сохранение биоразнообразия. Скандинавская *welfare economy*, в свою очередь, акцентирует субъективное благополучие и социальную сплочённость как самостоятельные цели политики, не сводимые к материальному потоку ВВП.

Другая общая черта — признание активной, конституирующей роли государства и институтов в формировании рыночных структур. В отличие от неоклассической модели, где государству отведена лишь корректирующая функция «ночного сторожа», французская стратегия «France 2030» предполагает индикативное планирование, создание национальных чемпионов и целенаправленную промышленную политику. Немецкая традиция *Ordnungspolitik* исходит из того, что рынки эффективны лишь тогда, когда они встроены в правовые и нормативные рамки, задаваемые государством. Принцип предосторожности, закреплённый в конституции ФРГ и договорах ЕС, легитимирует превентивное вмешательство даже при отсутствии полной научной определённости — что прямо противоречит неоклассическому требованию взвешивания издержек и выгод на основе достоверных вероятностных оценок. Скандинавские страны с их высоким уровнем доверия к государственным институтам демонстрируют, что активная перераспределительная политика не ведёт к существенным искажениям стимулов.

Третья — и тесно связанная с предыдущей — характеристика состоит в приоритете устойчивости, предосторожности и долгосрочной стабильности над сиюминутной эффективностью. Французская стратегия «France 2030» сознательно жертвует краткосрочной прибылью ради структурной трансформации, требующей крупных инвестиций с длительным горизонтом окупаемости. Немецкий *Vorsorgeprinzip*, как подчёркивает Й. Зандер, изначально разрабатывался как ответ на риски, присущие современному индустриальному обществу, и предполагает принятие превентивных мер даже тогда, когда научное знание о возможных последствиях остаётся неполным. Оливье Реддуле в этой связи прямо заявляет: «неценовая конкурентоспособность является ключевым фактором устойчивости нашего экспорта» [Ferrara, Redoulès, 2025. P. 1]. Это требование вступает в прямое противоречие с неоклассическим подходом, который настаивает на необходимости достоверных вероятностных оценок издержек и выгод перед любым вмешательством [Zander, 2010]. Скандинавские экономики благосостояния, в свою очередь, показывают, что высокий уровень социальных расходов (достигающий 25–30% ВВП) не подрывает долгосрочную эффективность, а напротив, создаёт условия для устойчивого роста за счёт снижения социальной напряжённости и инвестиций в человеческий капитал.

Кроме того, все три доктрины разделяют понимание экономики как социально сконструированной институциональной формы, а не естественного механизма, подчиняющегося неизменным законам. Французская экономика конвенций прямо утверждает, что категории качества, ценности и координации вырабатываются в процессе совместных действий агентов, опирающихся на разделяемые нормы. Немецкий ордолиберализм также настаивает на том, что экономический порядок должен быть сознательно сконструирован государством в виде «рамочного порядка». Принцип предосторожности, закреплённый в праве, представляет собой именно такую институциональную рамку, ограничивающую рыночную свободу во имя коллективно определённых ценностей. Скандинавская модель, основанная на трёхстороннем социальном партнёрстве, также исходит из того, что рынок труда и распределение доходов являются результатом институционального дизайна, а не автоматического равновесия спроса и предложения.

Наконец, важнейшим общим знаменателем выступает институционализация альтернативных критериев успеха, не сводимых к росту производительности или темпам прироста ВВП. Критика валового внутреннего продукта как универсального измерителя общественного благосостояния восходит к классической работе У. Нордхауса и Дж. Тоби́на, предложивших ещё в начале 1970-х гг. альтернативную «меру экономического благосостояния» (MEW) [Nordhaus, Tobin, 1972]. Однако в отличие от тех ранних попыток, нынешние

Таблица 1

Сравнительный анализ базовых положений: неоклассическая теория и альтернативные европейские доктрины

Крите- рий	Неоклассическая теория (мейнстрим)	Économie de la qualité / Planification écologique (Франция)	Gemeinwohl-Ökonomie / Vorsorgeprinzip (Германия)	Скандинавская welfare economy
Целевая функция	Максимизация по- лезности индивидом; рост ВВП как прокси благополучия	Качество продук- ции и услуг как общественное благо; экологическая устой- чивость	Общее благо; предотвра- щение ущерба; соблюде- ние принципа предосто- рожности	Многомерное благополу- чие населения; снижение неравенства
Природа экономиче- ского роста	Эндогенный рост через накопление ка- питала и технологии; позитивная оценка любой экспансии	Планируемая струк- турная трансформа- ция; декарбонизация как драйвер инно- ваций	Устойчивое развитие; экологическая модерни- зация; баланс предосто- рожности и инновации	Социально-экологически взвешенный рост; отде- ление благополучия от материального потока
Эффективность рынка	Рынки стремятся к равновесию; вме- шательство государ- ства порождает без- возвратные потери	Качество не выво- дится автоматически из конкуренции; требуются стандар- тизация и сертифи- кация	Рынки функционируют лишь в рамках «рамоч- ного порядка»; принцип предосторожности ограничивает рыночную свободу	Рынки дополняются активной социальной политикой и коллек- тивными переговорами; высокая степень доверия снижает транзакционные издержки
Рациональ- ность агента	Homo economicus (совершенная раци- ональность, неза- висимость выбора, стабильные предпо- чтения)	Категории качества конструируются коллективно; агенты действуют в «мирах» с различными логи- ками	Принцип предосто- рожности предполагает решения в условиях неопределённости; не- полнота информации не оправдывает бездействие	Ограниченная рацио- нальность, дополненная нормами солидарности и доверия; предпочтения формируются эндогенно
Временной гори- зонт и неопреде- лённость	Риск просчитываем вероятностно (из- вестное распределе- ние); дисконтирова- ние будущих выгод стандартной ставкой	Риски потери каче- ства при ценовой конкуренции; эколо- гические риски тре- буют коллективного управления	Неопределённость не является основанием для бездействия; прин- цип предосторожности требует превентивных мер даже при неполноте знаний	Долгосрочная устой- чивость (например, пенсия, пенсионная система, ин- вестиции в человеческий капитал); применение метода сценариев
Роль государ- ства	Минимальное вме- шательство («ночной сторож»); защита прав собственности; исправление «провало- в рынка»	Активное планиро- вание; формирова- ние национальных чемпионов; стандар- тизация и сертифи- кация	Создание «рамочного по- рядка»; законодательное закрепление принципа предосторожности; под- держка сертификации «общего блага»	Предоставление уни- версальных социальных услуг; активная политика занятости; инвестиции в НИОКР и образование
Критерий успеха	Производительность труда, конкуренто- способность, приток капитала, рост ВВП	Неценовая конку- рентоспособность; технологический суверенитет; успеш- ность экологическо- го перехода	Соответствие принци- пу предосторожности; вклад в общее благо; сер- тификация по критериям устойчивости	Индекс человеческого развития, уровень дове- рия, социальная сплочён- ность, экологический след
Институциональ- ные механизмы	Защита прав соб- ственности; незави- симые центробанки; антимонопольное регулирование	Стратегия «France 2030»; система стан- дартизации HQE; индикативное пла- нирование	Сертификация «баланса общего блага»; закрепле- ние принципа предосто- рожности в праве ЕС	Трёхстороннее социаль- ное партнёрство (профсо- юзы, работодатели, госу- дарство); муниципальные эксперименты с wellbeing-бюджетиро- ванием

Источник: составлено авторами.

континентальные доктрины не просто корректируют ВВП, а заменяют саму логику целеполагания. Во Франции это находит выражение в системе сертификации HQE (высокое экологическое качество) и в целевых показателях стратегии «France 2030», ориентированных на декарбонизацию и технологический суверенитет. В Германии разработана и внедряется сертификация «баланса общего блага» (*Gemeinwohl-Bilanz*), оценивающая предприятия по параметрам человеческого достоинства, солидарности, экологической ответственности и прозрачности. Скандинавские страны, особенно Финляндия и Исландия, в рамках партнёрства Wellbeing Economy Governments (WEGo) разрабатывают национальные системы индикаторов, включающие субъективное благополучие, экологический след, уровень доверия к институтам и социальную сплочённость.

Таким образом, разрыв между неоклассическим мейнстримом и рассмотренными альтернативными доктринами проходит не по линии отдельных инструментов политики — напротив, последние могут заимствоваться и комбинироваться. Речь идёт о более глубоком, метатеоретическом расхождении, касающемся самой онтологии экономики: представлений о природе человека (автономный максимизатор полезности против агента, укоренённого в нормах и институтах), о границах рыночной рациональности (формальная калькуляция против субстантивной координации), о соотношении эффективности и устойчивости (краткосрочный оптимум против межпоколенческой ответственности) и о роли государства (ночной сторож против конституирующего порядка). Именно совокупность этих расхождений позволяет утверждать, что в континентальной Европе сегодня формируется не просто набор альтернативных рецептов хозяйственной политики, а качественно иная парадигмальная оптика — от формальной рациональности рынков к субстантивной рациональности институциональной координации.

Для систематического представления эпистемологического разрыва между рассмотренными альтернативными доктринами и неоклассической ортодоксией выше предлагается расширенная таблица, включающая особенности всех проанализированных подходов (табл. 1).

Как следует из табл. 1, разрыв между неоклассическим мейнстримом и альтернативными доктринами проходит не по линии отдельных инструментов политики, а на уровне метатеоретических оснований: представлений о природе человека, роли сообщества, границах рыночной рациональности и соотношении эффективности и устойчивости. Если неоклассика исходит из автономного индивида, максимизирующего полезность независимо от социального контекста, то альтернативные подходы — из укоренённости экономического поведения в социальных нормах, институтах и коллективных представлениях. Если для неоклассики рынок — это механизм, автоматически ведущий к равновесию, то в альтернативной оптике рынок предстаёт как социально сконструированная форма, функционирование которой зависит от качества нормативной среды, стандартизации и координационных механизмов. Наконец, если традиционная парадигма рассматривает экономический рост как самодостаточную цель, то альтернативные доктрины настаивают на том, что рост — лишь средство, подчинённое более широким целям: социальной справедливости, экологической устойчивости и благополучию будущих поколений.

Обсуждение

Полученные в ходе настоящего исследования результаты требуют, на наш взгляд, не только констатации эпистемологического разрыва между континентальными альтернативами и неоклассической ортодоксией, но и более широкой рефлексии относительно того, насколько устойчивы и непротиворечивы сами эти альтернативные доктрины. Ниже мы последовательно останавливаемся на нескольких аспектах, которые, с одной стороны, подтверждают выдвинутую гипотезу о смене парадигмальной оптики, а с другой — показывают внутреннее напряжение и нерешённые проблемы, присущие каждому из рассмотренных подходов.

Одна из центральных проблем, выявленных в ходе анализа, касается совместимости трёх доктрин друг с другом. На первый взгляд, французский акцент на качестве и индикативном планировании, немецкая ориентация на общее благо и принцип предосторожности, а также скандинавский переход от *welfare state* к *welfare economy* образуют достаточно гомогенный фронт критики неоклассики. Однако при более пристальном рассмотрении обнаруживаются и существенные расхождения, способные породить противоречия при попытках выработки общеевропейской экономической стратегии. Так, французское индикативное планирование в духе «France 2030» предполагает целенаправленную селективную поддержку «национальных чемпионов» и стратегических секторов, что чревато обвинениями в протекционизме и дискриминации иностранных (в том числе немецких или скандинавских) производителей. Немецкая *Gemeinwohl-Ökonomie*, напротив, делает упор на децентрализованную сертификацию предприятий по критериям устойчивости, но при этом не предлагает столь же развитых механизмов государственного планирования. Скандинавская модель, в свою очередь, опирается на высокий уровень доверия и развитое социальное партнёрство, что вряд ли может быть механически перенесено на Францию или Германию без учёта различий в культуре переговоров и роли профсоюзов. Таким образом, хотя на уровне метатеоретических оснований перечисленные доктрины и демонстрируют сходство, на практико-политическом уровне их интеграция в единую наднациональную стратегию сопряжена со значительными институциональными издержками.

Следующий важный вопрос заключается в том, в какой степени альтернативные доктрины действительно «разрывают» с неоклассикой, а не адаптируют отдельные её элементы под новую риторику. Критики (в том числе внутри самого гетеродоксального лагеря) могут указать на то, что понятие «неценовой конкурентоспособности», активно используемое французскими экономистами, всё ещё оперирует категорией конкуренции — пусть и не только по цене, но и по качеству. Более того, сам принцип предосторожности в его европейской интерпретации нередко подвергается экономическому анализу «издержек — выгод» (*cost-benefit analysis*) с попытками квантификации рисков, что возвращает нас к неоклассическому инструментарию. Скандинавские индикаторы благополучия, какими бы многомерными они ни были, всё равно требуют агрегирования и сравнения — а значит, воспроизводят логику нормативного выбора, от которой неоклассика якобы ушла в сторону позитивной теории. Это наблюдение не отменяет ценности альтернативных подходов, но заставляет быть осторожными в оценке степени их эпистемологической радикальности. Скорее, речь идёт о постепенном вытеснении одних нормативных ориентиров другими, а не о полном разрыве с экономической теорией как таковой.

Ещё одно обстоятельство, заслуживающее пристального внимания, — это проблема масштабирования и трансфера институтов. Успешная сертификация «общего блага» в городе Ахен или внедрение стратегии «France 2030» на национальном уровне не гарантируют аналогичного эффекта в других странах, особенно тех, где уровень доверия к государственным институтам значительно ниже. Скандинавская модель долгое время рассматривалась как образец сочетания эффективности и равенства, однако её воспроизводство за пределами гомогенных обществ с высокой налоговой культурой сталкивается с серьёзными препятствиями — например, с проблемой уклонения от уплаты налогов, теневой экономикой и политической поляризацией. Таким образом, любая попытка экстраполировать выводы настоящего исследования на страны Центральной и Восточной Европы (Польшу, Венгрию, страны Балтии) должна учитывать значительно более низкие исходные показатели институционального доверия и иную историю хозяйственного регулирования.

Особого внимания заслуживает прогностический аспект. Если согласиться с тем, что в континентальной Европе действительно вызревает «тихая парадигмальная революция», то неизбежно встаёт вопрос о её конечных последствиях для глобальной экономической

мысли. Не исключено, что в ближайшие десять — пятнадцать лет мы станем свидетелями оформления новой синтетической доктрины, которая вберёт в себя элементы качества, общего блага, предосторожности и многомерного благополучия, но при этом сохранит некоторые инструменты неоклассического анализа (например, эконометрическое тестирование гипотез или модели общего равновесия). Одним из наиболее последовательных воплощений такого синтеза выступает постростовая парадигма (*post-growth*), в рамках которой разрабатываются измеримые индикаторы благополучия, учитывающие планетарные границы [Kallis, Hickel, O'Neill et al., 2025]. Такой синтез, однако, потребует преодоления дисциплинарных границ между экономической теорией, правом, социологией и экологией — что, в свою очередь, наталкивается на инерцию университетских учебных планов и систему научного рецензирования. Наблюдаемое сегодня в ряде европейских университетов сближение экономических факультетов с факультетами государственного управления и экологическими школами можно рассматривать как институциональное предвестие этого синтеза, но его окончательное оформление остаётся делом будущего [Fanning, Raworth, 2025].

Необходимо также обозначить ограничения предпринятого исследования. Мы сознательно ограничились тремя кейсами — французским, немецким и скандинавским, оставив за рамками анализа такие страны, как Нидерланды, Австрия, Италия или Испания, где также существуют интересные альтернативные практики (например, экономика гражданского участия в Италии или концепция «круговой экономики» в Нидерландах). Эмпирическая база работы опирается главным образом на программные документы, экспертные обзоры и вторичные источники; количественное тестирование гипотез о влиянии альтернативных доктрин на макроэкономические показатели (темпы роста, неравенство, экологический след) остаётся за рамками статьи и могло бы составить предмет отдельного эконометрического исследования. К тому же мы практически не касались хронологической динамики — вопроса о том, как именно кризисы 2020–2025 гг. трансформировали предшествовавшие дискуссии 2010-х гг. (например, дебаты о «социальной рыночной экономике» или «Европейском зелёном курсе»). Углублённый анализ этой преемственности или разрыва потребовал бы отдельного историко-экономического исследования.

Наконец, из проведённого обсуждения вытекают направления для дальнейших исследований. Они видятся нам, как минимум, в трёх плоскостях, хотя сама классификация здесь носит не жёсткий, а скорее, ориентирующий характер. Речь идёт о сравнительном изучении того, как альтернативные доктрины институционализируются на муниципальном, региональном, национальном и наднациональном уровнях, и какие механизмы координации позволяют избежать «субсидиарной гонки». Далее, необходима разработка операциональных индикаторов многомерного благополучия, которые могли бы быть использованы не только в скандинавских странах, но и в более гетерогенных обществах. И, наконец, требуется эмпирическая оценка фактического воздействия сертификации «баланса общего блага» (Германия) или стратегии «France 2030» на поведение предприятий: снижают ли они выбросы, повышают ли долю инвестиций в НИОКР, ведут ли к перераспределению доходов в пользу работников.

Резюмируя обсуждение, подчеркнём: континентальные альтернативные доктрины представляют собой не единую монолитную теорию, а скорее «семейство подходов», объединённых критикой рыночного фундаментализма и поиском институциональных механизмов учёта неценовых, долгосрочных и коллективных измерений хозяйственной деятельности. Их сильной стороной является укоренённость в реальной политической и правовой практике, чего часто не хватает абстрактным моделям неоклассики. Слабой стороной — фрагментарность, риск протекционизма и нерешённый вопрос о том, как обеспечить согласованность разнородных критериев успеха (качество, общее благо, благополучие) в рамках единой системы управления.

Заключение

Проведённое в рамках настоящей работы исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих положений, касающихся как природы альтернативных экономических доктрин континентальной Европы, так и их места в современной эволюции экономической мысли. Отправной точкой анализа послужила констатация того факта, что серия кризисов 2020–2025 гг. — пандемийного, энергетического, логистико-инфляционного — не просто временно дестабилизировала хозяйственные системы стран Евросоюза, но и обнажила фундаментальную уязвимость неоклассической парадигмы, долгое время служившей теоретическим фундаментом интеграционной модели. Оказалось, что опора на открытость рынков, беспрепятственное движение капиталов и автоматическую самонастройку равновесных механизмов не обеспечивает должной устойчивости перед лицом накладывающихся шоков. Более того, за фасадом макроэкономических агрегатов длительное время накапливались структурные диспропорции — отставание темпов роста реальной заработной платы от динамики производительности, сжатие доли труда в добавленной стоимости, хроническая стагнация производительности, — которые в периоды относительного благополучия оставались за рамками политической повестки.

Именно в этом контексте следует рассматривать институциональное оформление трёх альтернативных доктрин, проанализированных в статье: французской «экономики качества» и индикативного планирования, немецкой *Gemeinwohl-Ökonomie* и принципа предосторожности, а также скандинавской модели перехода от *welfare state* к *welfare economy*. Каждая из них, при всей своей национально-исторической специфике, демонстрирует последовательный отказ от ключевых постулатов неоклассического мейнстрима. Общим для них выступает, во-первых, неприятие редукции ценности экономических благ к их рыночной цене: качество, общее благо, экологическая безопасность и субъективное благополучие трактуются как феномены, которые не имеют адекватного ценового эквивалента и требуют коллективных, институционально опосредованных процедур оценивания. Во-вторых, все три доктрины разделяют понимание активной, конституирующей роли государства: оно не ограничивается исправлением «провалов рынка», а формирует сам «рамочный порядок», задаёт стандарты, сертифицирует и через индикативное планирование либо промышленную политику направляет структурные сдвиги. В-третьих, общим знаменателем выступает приоритет долгосрочной устойчивости и предосторожности над краткосрочной эффективностью — причём этот приоритет институционализируется в правовых нормах (как немецкий *Vorsorgeprinzip*), в инвестиционных стратегиях (как «France 2030») и в системах макроэкономического управления (как скандинавские стратегии благосостояния). В-четвёртых, все подходы исходят из того, что экономика есть социально сконструированная реальность, а не естественный механизм, подчиняющийся внеисторическим законам; отсюда — внимание к нормам, доверию, конвенциям и институциональному дизайну. Наконец, в каждой из стран происходит замена традиционных критериев успеха (производительность, приток капитала, рост ВВП) на многомерные индикаторы: неценовую конкурентоспособность, технологический суверенитет, баланс общего блага, уровень социальной сплочённости, экологический след.

Эпистемологический разрыв, фиксируемый в статье, носит не инструментальный, а метатеоретический характер. Речь идёт не о простом дополнении неоклассической модели элементами государственного регулирования — такое дополнение давно практиковалось в рамках кейнсианства или неонституционализма. Континентальные доктрины предлагают иную онтологию экономического: они заменяют модель автономного рационального максимизатора на представление об агенте, укоренённом в социальных нормах и коллективных представлениях; рыночное равновесие уступает место идее

сконструированного порядка; формальная рациональность цен и предельных полезностей замещается субстантивной рациональностью институциональной координации и межпоколенческой ответственности.

Вместе с тем проведённый анализ не позволяет закрывать глаза на риски, сопровождающие реализацию этих доктрин. Как справедливо отмечают эксперты Think Tank EUROPA, либерализация правил государственной помощи и допуск национальных субсидий для поддержки стратегических отраслей создают угрозу фрагментации единого рынка Евросоюза. «Субсидиарная гонка» между государствами-членами способна подорвать тот самый интеграционный потенциал, который десятилетиями выстраивался в ЕС. Кроме того, остаётся открытым вопрос о том, в какой степени альтернативные критерии успеха (общее благо, многомерное благополучие) поддаются операционализации и сопоставлению в рамках наднациональной политики, особенно в условиях сохраняющейся асимметрии экономического развития между северными и южными, западными и восточными странами Союза.

Тем не менее, даже с учётом этих оговорок, авторы считают возможным утверждать: в континентальной Европе сегодня происходит не просто смена набора политических инструментов, а смена доктринальных установок развития экономики, которая повлияет на изменение парадигмы экономической теории. Переход от максимизации ВВП к многомерному благополучию, от автоматизма рынков к их сознательному конструированию, от дисконтирования будущих выгод к принципу предосторожности — эти тенденции составляют содержание того, что в статье было обозначено как «тихая парадигмальная революция». Её последствия будут разворачиваться на протяжении ближайших десяти — пятнадцати лет, и именно от способности европейской экономической мысли и политической практики непротиворечиво соединить национальные институциональные эксперименты с наднациональной координацией будет зависеть, станет ли эта революция источником новой устойчивости или, напротив, усилит центробежные импульсы внутри Евросоюза.

ЛИТЕРАТУРА

- Балацкий Е.В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 6–21. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2.
- Заостровцев А.П. (2026). Крах либеральной модернизации и вызов «русской матрицы» // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45.
- Левин С.Н., Саблин К.А. (2025). Конкурирующие парадигмы в рамках современной политической экономики // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67.
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4.
- Тамбовцев В.Л. (2025). Нужна ли новому мировому экономическому порядку новая экономическая теория? // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52.
- Толкачев С.А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 22–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3.
- Худокормов А.Г. (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс // *Вопросы политической экономики*. № 1. С. 103–125.
- A Beyond-GDP View of Nordic Performance (2024). Demos Helsinki, Norion Consult, IVL Swedish Environmental Research Institute / TemaNord 2024:560. — Copenhagen.
- Beyond the Nordic Welfare State. Extending Social Investments with Interventions (2026) / J. Erola, P. Moisio, J. Peltoniemi (Eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Boehmer-Christiansen S. (2013). *The Precautionary Principle in Germany — enabling Government*. — London: Taylor & Francis.
- Boltanski L., Thévenot L. (2006). *On Justification: Economies of Worth*. — Princeton: Princeton University Press.
- Bonn — Rundum nachhaltig. (2025). Regionalgruppe «Gemeinwohl-Ökonomie» Köln/Bonn. — Bonn. (In German).
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen G. (1999). *Social Foundations of Postindustrial Economies*. — Oxford: Oxford University Press.
- ETUC Macroeconomic Outlook. (2025). European Trade Union Confederation (ETUC). December. — Brussels.

- Fanning A.L., Raworth K. (2025). Doughnut of social and planetary boundaries monitors a world out of balance // *Nature*. Vol. 646 (8083). Pp. 47–56.
- Ferrara L., Redoulès O. (2025). *French exports: a two-speed competitiveness* / Rexecode — SKEMA Business School Study.
- Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025. (2024). Publications of the Ministry of Social Affairs and Health 2024:5. — Helsinki.
- France 2030: *comprendre le plan d'investissement*. (2024). Gouvernement de la République française. — Paris. (In French).
- Gemeinwohl-Ökonomie — Immobilienmanagement Aachen (2025). Stadt Aachen. — Aachen. (In German)
- Governance Model for the Wellbeing Economy. (2025). Finnish Institute for Health and Welfare (THL). — Helsinki: THL.
- Halkenhäuser N. (2025). *Vorsorge als Prinzip: Beitrag zur Dogmatik des Vorsorgegebots im Unionsrecht*. — Berlin: Duncker & Humblot. (In German).
- Hiilamo H. (2025). *The Wellbeing of People and Nature as the Goal of National-Level Decision-Making*. — Helsinki: Finnish Institute for Health and Welfare.
- Jany-Catrice F. (2025). La place de l'estimation dans une «économie de la qualité». // *Les règles de la valeur. Les prix et l'estimation au prisme du droit (XVIIe — XVIIIe siècle)* / Sous la direction de F. Jany-Catrice. — Toulouse: Presses de l'Université Toulouse 1 Capitole. Pp. 259–275. (In French).
- Kallis G., Hickel J., O'Neill D.W., Jackson T., Victor P.A., Raworth K., Schor J.B., Steinberger J.K., Ürge-Vorsatz D. (2025). Post-growth: the science of wellbeing within planetary boundaries // *The Lancet Planetary Health*. Vol. 9(1). Pp. e62–e78.
- Kammer A. (2025). Introductory remarks at the IMF's European Department press briefing // *International Monetary Fund*. October 17.
- Karpik L. (1989). L'économie de la qualité // *Revue Française de Sociologie*. Vol. 30(2). Pp. 187–210. (In French).
- Nordhaus W., Tobin J. (1972). *Is Growth Obsolete?* / National Bureau of Economic Research (NBER).
- Norwegian Government. (2025). *Nasjonal livskvalitetsstrategi (National Quality of Life Strategy)*. — Oslo: Regjeringen. no. (In Norwegian).
- OECD (2023). Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025 and related initiatives. // *Well-being Knowledge Exchange Platform (KEP)*. — Paris: OECD Publishing.
- Raphael R., Hinton J.B., Paulsson A., Koch M., Islar M., Grolimund N. (2024). Postgrowth welfare systems: a view from the Nordic context // *Consumption and Society*. Vol. 3(3). Pp. 395–410.
- Regional Economic Outlook: Europe — *Securing Sustainable Growth*. (2025). International Monetary Fund (IMF). — Washington, DC: IMF.
- The Wellbeing Economy Forum Opens in Harpa Tomorrow* (2025). Reykjavík: Directorate of Health in Iceland.
- Torslov T.D., Foss R.E. (2026). *State aid and the risk of subsidy races in the EU*. — Copenhagen: Think Tank EUROPA.
- Wellbeing economy governments partnership: annual engagement report*. (2025). — Edinburgh: Scottish Government.
- Welsh Government. (2015). *Well-being of Future Generations (Wales) Act 2015*. — Cardiff: Welsh Government.
- Zander J. (2010). *The precautionary principle in EU law*. — Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

- A Beyond-GDP View of Nordic Performance* (2024). Demos Helsinki, Norion Consult, IVL Swedish Environmental Research Institute / TemaNord 2024:560. — Copenhagen.
- Balatskiy E.V. (2025). On the Threshold of a New Paradigm of Economic Science // *AlterEconomics*. Vol. 22. No. 1. Pp. 6–21. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2. (In Russ.).
- Beyond the Nordic Welfare State. Extending Social Investments with Interventions* (2026) / J. Erola, P. Moisio, J. Peltoniemi (Eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Boehmer-Christiansen S. (2013). *The Precautionary Principle in Germany — enabling Government*. — London: Taylor & Francis.
- Boltanski L., Thévenot L. (2006). *On Justification: Economies of Worth*. — Princeton: Princeton University Press.
- Bonn — *Rundum nachhaltig*. (2025). Regionalgruppe «Gemeinwohl-Ökonomie» Köln/Bonn. — Bonn. (In German).
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen G. (1999). *Social Foundations of Postindustrial Economies*. — Oxford: Oxford University Press.
- ETUC Macroeconomic Outlook. (2025). European Trade Union Confederation (ETUC). December. — Brussels.
- Fanning A.L., Raworth K. (2025). Doughnut of social and planetary boundaries monitors a world out of balance // *Nature*. Vol. 646 (8083). Pp. 47–56.
- Ferrara L., Redoulès O. (2025). *French exports: a two-speed competitiveness* / Rexecode — SKEMA Business School Study.
- Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025. (2024). Publications of the Ministry of Social Affairs and Health 2024:5. — Helsinki.

- France 2030: *comprendre le plan d'investissement*. (2024). Gouvernement de la République française. — Paris. (In French).
- Gemeinwohl-Ökonomie — Immobilienmanagement Aachen (2025). Stadt Aachen. — Aachen. (In German).
- Governance Model for the Wellbeing Economy. (2025). Finnish Institute for Health and Welfare (THL). — Helsinki: THL.
- Halkenhäuser N. (2025). *Vorsorge als Prinzip: Beitrag zur Dogmatik des Vorsorgegebots im Unionsrecht*. — Berlin: Duncker & Humblot. (In German).
- Hiilamo H. (2025). *The Wellbeing of People and Nature as the Goal of National-Level Decision-Making*. — Helsinki: Finnish Institute for Health and Welfare.
- Jany-Catrice F. (2025). La place de l'estimation dans une «économie de la qualité». // *Les règles de la valeur. Les prix et l'estimation au prisme du droit (XVIIe — XVIIIe siècle)* / Sous la direction de F. Jany-Catrice. — Toulouse: Presses de l'Université Toulouse 1 Capitole. Pp. 259–275. (In French).
- Kallis G., Hickel J., O'Neill D.W., Jackson T., Victor P.A., Raworth K., Schor J.B., Steinberger J.K., Ürge-Vorsatz D. (2025). Post-growth: the science of wellbeing within planetary boundaries // *The Lancet Planetary Health*. Vol. 9(1). Pp. e62–e78.
- Kammer A. (2025). Introductory remarks at the IMF's European Department press briefing // *International Monetary Fund*. October 17.
- Karpik L. (1989). L'économie de la qualité // *Revue Française de Sociologie*. Vol. 30(2). Pp. 187–210. (In French).
- Khodokormov A.G. (2021). New Data on the «Third Crisis» of Economics // *Issues of Political Economy*. No. 1. Pp. 103–125. (In Russ.).
- Levin S.N., Sablin K.A. (2025). Competing Paradigms within the Framework of Modern Political Economy // *Issues of Theoretical Economics*. No. 4. Pp. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67. (In Russ.).
- Nordhaus W., Tobin J. (1972). *Is Growth Obsolete?* / National Bureau of Economic Research (NBER).
- Norwegian Government. (2025). *Nasjonal livskvalitetsstrategi (National Quality of Life Strategy)*. — Oslo: Regjeringen. no. (In Norwegian).
- OECD (2023). Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025 and related initiatives. // *Well-being Knowledge Exchange Platform (KEP)*. — Paris: OECD Publishing.
- Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. (2025). Economic Theory of the «Blackboard»: Between Reality and Simulacrum // *AlterEconomics*. Vol. 22, No. 1. Pp. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4. (In Russ.).
- Raphael R., Hinton J.B., Paulsson A., Koch M., Islar M., Grolimund N. (2024). Postgrowth welfare systems: a view from the Nordic context // *Consumption and Society*. Vol. 3(3). Pp. 395–410.
- Regional Economic Outlook: Europe — Securing Sustainable Growth. (2025). International Monetary Fund (IMF). — Washington, DC: IMF.
- Tambovtsev V.L. (2025). Does the New World Economic Order Need a New Economic Theory? // *Issues of Theoretical Economics*. No. 4. Pp. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52. (In Russ.).
- The Wellbeing Economy Forum Opens in Harpa Tomorrow (2025). Reykjavík: Directorate of Health in Iceland.
- Tolkachev S.A. (2025). The Fate of Economic Theory at the Stage of the Global Economic Crisis // *AlterEconomics*. Vol. 22, No. 1. Pp. 22–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3. (In Russ.).
- Torslov T.D., Foss R.E. (2026). *State aid and the risk of subsidy races in the EU*. — Copenhagen: Think Tank EUROPA.
- Wellbeing economy governments partnership: annual engagement report. (2025). Edinburgh: Scottish Government..
- Welsh Government. (2015). *Well-being of Future Generations (Wales) Act 2015*. — Cardiff: Welsh Government.
- Zander J. (2010). *The precautionary principle in EU law*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Zaostrovtssev A.P. (2026). The Collapse of Liberal Modernization and the Challenge of the «Russian Matrix» // *Issues of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45. (In Russ.).

Толкачев Сергей Александрович

ORCID: 0000-0003-3766-2246

satolkachev@fa.ru

Sergey Tolkachev

Doctor of Economics, Professor, Professor in the Department of Economic Theory, Chief Research Fellow at the Institute of Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

ORCID: 0000-0003-3766-2246

satolkachev@fa.ru

Анисимова Алина Игоревна

ORCID: 0000-0002-4761-1656

aianisimova@fa.ru

Alina Anisimova

PhD in Economics, Assistant Lecturer in the Department of Economic Theory, Junior Research Fellow at the Institute of Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

ORCID: 0000-0002-4761-1656

aianisimova@fa.ru

DOCTRINAL SHIFTS IN ECONOMIC POLICY IN CONTINENTAL EUROPE AS A RESPONSE TO THE CRISIS OF THE NEOCLASSICAL PARADIGM OF ECONOMIC THEORY⁴

Abstract. The article provides a systematic analysis of the formation and conceptual content of alternative economic doctrines that have been institutionalized in continental European countries in response to the cumulative effects of the crises that have unfolded between 2020 and 2025. The empirical background of the study is the successive impact of three shocks: the pandemic shock, the energy shock, and the logistics and inflationary shock. The authors proceed from the hypothesis that the listed events did not simply temporarily destabilize the European economy, but initiated a profound revision of the fundamental postulates of the neoclassical mainstream — in particular, the reduction of economic value to market price, the idea of self-sufficiency. The object of the study is the three most representative cases: the French strategy of “quality economy”; the German concept of “common good economy”; and the Scandinavian model of transition from the “welfare state” to the “welfare economy”. The methodological basis of the work is comparative institutional analysis, supplemented by elements of economic epistemology, which allows us to identify not only differences in the tools used, but also deep-seated metatheoretical discrepancies between the doctrines under consideration and the neoclassical paradigm. Based on the comparative analysis conducted, the metatheoretical foundations of each of the three doctrines have been identified, and an expanded typology of criteria for evaluating economic systems has been proposed. The paper also explicates the risks associated with the implementation of these doctrines, particularly the potential fragmentation of the EU single market and the emergence of a “subsidiarity race” among member states. The conclusion of the article is that what is happening in continental Europe today is not just a change in the set of economic policy instruments, but a more fundamental shift in the paradigm of economic analysis. According to the authors, the transition from maximizing GDP to multidimensional well-being, from the automaticity of markets to their conscious design, and from discounting the future to the precautionary principle are the trends that make up the “quiet paradigm revolution,” whose consequences will unfold over the next ten to fifteen years.

Keywords: *quality economics, common good, precautionary principle, welfare economy, neoclassical orthodoxy, institutional construction.*

JEL: B52, B59, P16, O52, O43.

⁴ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment from the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Д.В. Мельник

к.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ЛИБЕРАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ИТАЛИИ: ЛУИДЖИ ЭЙНАУДИ И БОРЬБА ЗА СВОБОДУ ТОРГОВЛИ

Аннотация. Луиджи Эйнаути (1874–1961) был крупным экономистом, сделавшим теоретический вклад в итальянскую школу государственных финансов, влиятельным профессором, ярким публицистом, видным государственным деятелем, занимавшим пост президента страны в 1948–1955 гг. и заложившим своей деятельностью на этом посту основы института президентства Итальянской республики. Следуя Маффео Панталеони, Эйнаути отрицал плодотворность деления экономической науки на школы, рассматривая её историю как кумулятивный и эволюционный прогресс теоретического знания. Но вместе с тем Эйнаути сознательно и последовательно стремился использовать идеи как инструмент воздействия на изменения в обществе.

Его подход исходил из «единственно верного» понимания, сложившегося в 1820–1880-е гг. и рассматривавшего свободное рыночное ценообразование как фундаментальный механизм координации общественной системы. Данный подход был характерен того течения в итальянской экономической мысли конца XIX — первой половины XX вв., представители которого обозначаются в статье как «чистые» либералы. Противоречивость этого направления проявилась в ходе длительной борьбы, которую «чистые» либералы вели против социализма и за привлечение к своей программе свободы торговли социалистов.

В данной статье теоретическое содержание идей Эйнаути выступает фоном для рассмотрения нескольких десятилетий реализации этого политического проекта. Эйнаути примкнул к нему в самом начале своей карьеры, в 1890-е гг., и продолжил участие в нём с 1900-х гг. уже как влиятельный экономист и публицист. Анализ хода реализации данного проекта позволяет расширить понимание особенностей развития итальянской экономической мысли за период деятельности Эйнаути.

Ключевые слова: история экономической мысли Италии, экономический либерализм, социализм, Луиджи Эйнаути, Антонио Грамши.

JEL: B52, B59, P16, O52, O43

УДК: 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_65_82

© Д.В. Мельник, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельник Д.В. Либерализм и социализм в истории экономической мысли Италии: Луиджи Эйнаути и борьба за свободу торговли // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 65–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_65_82.

FOR CITATION: Melnik D. Liberalism and Socialism in the History of Italian Economic Thought: Luigi Einaudi and the Fight for Free Trade // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 65–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_65_82.

Введение

Луиджи Эйнауди (1874–1961) принадлежал к тому направлению итальянской экономической науки 1880–1950-х гг., которое можно обозначить как «чистый» либерализм. Его вдохновителем был итальянский экономист, общественный и политический деятель Франческо Феррара (1820–1900). Теоретически его взгляды основывались на идеях Жана-Батиста Сэя, Фредерика Бастиа и других либеральных популяризаторов наследия Адама Смита. Практически же Феррара стремился применить к экономическим условиям стремящегося объединить Италию под своей властью Сардинского королевства рецепты экономического либерализма. Неудивительно, что в центре его теоретических изысканий были проблемы государственных финансов. Это, наряду с богатой традицией исследований в данной области в итальянской экономической мысли, предопределило теоретический фокус и для последователей Феррары.

Однако «чистые» либералы не были лишь чистыми теоретиками, развивавшими исследования государственных финансов в русле маржинализма. Эта группа стала формироваться в 1880-е гг. на почве неприятия политической системы Италии в том виде, какой она приняла с 1870-х гг. — в том числе и с участием политиков из стана либералов, последователей одного из творцов объединения Италии Камилло Кавура (1810–1861). Фигура самого Кавура и проводимая им экономическая политика (ассоциируемая, в свою очередь, с идеалами Феррары) сформировали для «чистых» либералов образ утраченного "золотого века". Переход к протекционизму, усиление налогового гнёта, беспринципность правительственных коалиций воспринимались ими как предательство принципов подлинного либерализма — и как предательство тех идей, которыми изначально вдохновлялось стремление к национальному единству. Окончательное единство группа «чистых» либералов обрела в 1890–1900-е гг. на фоне борьбы с политической системой, персонифицированной фигурой прагматичного либерального политика и искусного творца парламентских коалиций Джованни Джолитти (1842–1928) [Мельник, 2024]. Интеллектуальными вождями «чистых» либералов на рубеже XIX–XX вв. являлись Вильфредо Парето (1848–1923) и Маффео Панталеони (1857–1924). Зная обоих, Эйнауди не был близок ни к одному из них.

Эйнауди родился в Пьемонте — области, которая исторически являлась ядром объединившего Италию Сардинского королевства. По рождению он не принадлежал к пьемонтской элите — его отец был провинциальным концессионером по сбору налогов. Отец рано умер, семья столкнулась с финансовыми трудностями, и мать переехала в родное селение Дольяни, полагаясь на помощь родственников. Они — прежде всего её брат — и обеспечили образование для Эйнауди. В 1895 г. он закончил престижный Университет Турина.

Своим учителем Эйнауди считал профессора экономики Университета Турина Сальваторе Коньетти де Мартииса (1844–1901) — южанина, в молодости примкнувшего к отрядам Джузеппе Гарибальди, либерала в духе Кавура и убеждённого антиклерикала. Но по своим экономическим взглядам Коньетти примыкал к той самой «ломбардо-венецианской школе», войну которой объявил Феррара. Коньетти стремился в экономических исследованиях к «конкретности». «Его концепция экономической науки основывалась на рассмотрении фактов и на её нацеленности на то, чтобы выступать полезным руководством для исследователей, для государственных деятелей, для промышленников и коммерсантов в приложении к наиболее злободневным вопросам» [Einaudi, 1921. P. 14]. В Университете Турина в 1893 г. Коньетти организовал лабораторию политической экономии. Сотрудничал Коньетти и с первой серией «Журнала экономистов», публикуя там статьи по истории итальянской экономической мысли. Не будучи социалистом, много писал об истории социалистических идей. Именно в духе «исследования фактов» и была написана первая научная публикация Эйнауди, подготовленная и представленная в лаборатории Коньетти и опубликованная в «Журнале экономистов» в 1894 г. — «Экспорт основных сельскохозяйственных

продуктов из Италии в период 1862–1892 гг.» [Einaudi, 1894]. Эту публикацию высоко оценил Франческо Саверио Нитти (1868–1953) — на тот момент видный общественный деятель, экономист и издатель. Четверть века спустя, в 1919 г., именно правительство Нитти выдвинет Эйнаути в сенат королевства. В «Журнале экономистов» будет опубликована и подготовленная в лаборатории Коньетти дипломная работа Эйнаути «Аграрный кризис в Англии» [Einaudi, 1895a; Einaudi, 1895b].

Сохранение приверженности к «конкретно-экономическим» исследованиям после «спора о методах» и «маржиналистской революции» нередко даёт основания ставить вопрос о влиянии немецкой исторической школы на соответствующих авторов. В случае Эйнаути речь может идти об оказанном через Коньетти влиянии «ломбардо-венецианской школы». Однако этот случай показывает и то, что заявляемые отдельными учёными (или приписываемые им) методологические принципы не стоит поспешно транслировать на их теоретические подходы и идеологические установки. Феррара в середине XIX в. использовал понятие «ломбардо-венецианской школы» в качестве ярлыка для всех противников либерализма в духе Бастиа. Но близость к принципам историко-эмпирических исследований экономики не делала Коньетти или Эйнаути сторонниками обычно связываемого с данным методологическим направлением «статализма» — обоснования неизбежности и необходимости роста государственного вмешательства и ограничения стихии рынка — и уж тем более противниками либерализма.

Эйнауди и социалисты

Эйнауди являлся убеждённым сторонником и последователем либерализма уже с самых ранних шагов своей интеллектуальной карьеры. Это показывает эпизод, свидетельствующий, казалось бы, об обратном.

Молодость европейских интеллектуалов поколения Эйнаути совпала по времени с ярким и противоречивым периодом в истории европейского социализма: периодом его институционального оформления как политической силы и идейного брожения в стане социалистов, связанного с воздействием ревизионизма (особенности этого периода хорошо известны на примере истории социал-демократии в России, но они, с учётом местного контекста, проявлялись и в других странах).

В Италии на рубеже 1880–1890-х гг. протекала активная деятельность кружков и движений на базе которых в конечном итоге была создана Итальянская социалистическая партия (ИСП). Тогда же, в 1891 г., один из лидеров социалистов Филиппо Турати вместе со своей спутницей Анной Кулешовой (начинавшей в России как народница и примкнувшей затем к итальянскому социалистическому движению) начал издавать периодическое издание «Общественная критика» (*Critica Sociale*), которое стало национальной трибуной для леворадикальных интеллектуалов 1890-х гг.

Одним из аналитических обоснований необходимости пересмотра теоретических и политических положений марксизма для ревизионистов, как известно, выступал тезис о том, что в сельском хозяйстве не действует тенденция к концентрации и централизации. Эйнаути читал «Общественную критику». В апреле 1893 г. Турати обратился с призывом к читателям ответить на вопросы о структуре и динамике земельной собственности на их территориях. В июле 1893 г. в газете было опубликовано письмо девятнадцатилетнего Эйнаути. Оно являлось откликом на опубликованный ранее в ответ на призыв Турати очерк Олиндо Малагоди. На материале предшествующих десятилетий истории сельского хозяйства в Эмилии — житнице северной Италии — Малагоди показывал процесс трансформации земельных отношений в сторону пролетаризации арендаторов и мелких собственников и становления местных капиталистов. В противовес этому, на материале земельных отношений в сельской округе Дольяни за период с 1870-х гг., Эйнаути опровергал тенденцию

к концентрации земельной собственности и обосновывал, напротив, тенденцию к расщеплению крупных землевладений в пользу мелких и средних. Угрозой для хозяев последних выступал у Эйнауди не образующийся в земледелии капитал, а ростовщичество банков и перекупщиков-спекулянтов. Соответственно, решение проблемы (и поле для деятельности социалистов) виделось им в развитии сбытовой и кредитной кооперации [Faicci, 1986. Рр. 6–7].

Сами по себе призывы к развитию кооперации признаком социалистических устремлений считать нельзя. По существу, единственным проявлением таковых у молодого Эйнауди можно считать указание им важной роли университетских социалистических кружков как «инструментов отбора, способных вырывать лучших представителей молодёжи из того безразличия и апатии, куда загоняют их учебная нагрузка и пустота университетской жизни, и направить их к научным исследованиям социальной проблематики, превратив в истовых апостолов, вооружённых точным научным материалом...» (цит. по: [Faicci, 1986. Р. 6]). Однако и здесь фокус был сделан на овладении «научным материалом», а не «материализмом». Путь молодого Эйнауди совпадал с путём социалистов лишь постольку, поскольку в социалистическом движении он видел не цель, а средство распространения позитивистских и прогрессистских идеалов (которые, как видно, разделял с молодости). Важно отметить и то, что либерализм как таковой не существовал для него в качестве отдельного направления мысли. Ценность в области идей представляло всё, что могло оторвать людей, молодых в особенности, от следования рутине и сподвигнуть их на активные и последовательные действия по переустройству общества — на путь прогресса.

Стремление к прогрессу, несомненно, двигало и социалистами. Но в тот период в стане социалистических интеллектуалов исподволь проходило переосмысление его движущих сил. Спустя всего лишь несколько лет, к концу 1890-х гг., значительная их часть окончательно встанет под знамёна лозунга «движение — всё, цель — ничто». Однако к середине 1890-х гг. видимость следования догматам ещё сохранялась. Опубликовав письмо Эйнауди, редакция сочла необходимым предпослать ему критическую заметку, в которой отмечала своё расхождение с автором и его «буржуазными принципами». Также следом было помещено другое локальное исследование истории земельных отношений. Его автором был один из членов – учредителей ИСП и видный социалистический публицист Антонио Пиккарولو. В нём, напротив, показывался процесс перерождения крупных феодальных собственников в капиталистов-ростовщиков и подчёркивался процесс неизбежного распада мелкой собственности и пролетаризации. Оно было подготовлено на материалах другой сельской местности в том же Пьемонте, что исключало возможность для обоснования разницы в выводах ссылками на различие географических и экономических условий [Faicci, 1986. Р. 7].

Критика первой публикации несколько не обескуражила юного автора. В конце 1893 г. он опубликовал это же исследование (вероятно, его расширенный и дополненный вариант) в местной газете Доляни (основателем которой был его дядя), а в начале 1894 г. представил его на семинаре лаборатории политической экономии. Социалистическая пресса была для него, на тот момент — студента, лишь одним из каналов распространения идей. Но немаловажно (скорее, для характеристики истории экономической мысли Италии, чем вклада в неё Эйнауди) то, что именно социалистическая «Общественная критика» фактически дала путёвку в жизнь одному из наиболее ярких и влиятельных либерально-консервативных «колумнистов» последующих десятилетий. Более того, сотрудничество Эйнауди с ней продолжилось ещё целое десятилетие, а завязавшиеся тогда связи со многими социалистами сохранялись и в дальнейшем.

В первые годы существования «Общественная критика» публиковала время от времени письма и заметки другого своего постоянного читателя — Фридриха Энгельса.

В одном из них, в начале 1894 г., он предвещал Италии грядущий кризис, обусловленный тем, что, завершив процесс национального объединения, буржуазия «не реорганизовала национального производства на современный буржуазный лад» [Энгельс, 1962b. С. 457]. Не предрекая конкретных путей реализации этого кризиса, он рекомендовал ИСП следовать тактике, намеченной в 1848 г. в «Коммунистическом манифесте» — и, в частности, даже в наиболее благоприятном для социалистов случае общей с радикалами и республиканцами победы и установления буржуазной республики тотчас после победы перейти в «оппозицию крайней левой». Предостерегал Энгельс и от «величайшей опасности» — согласия социалистов после совместной победы на вхождение в правительство, где они с необходимостью будут находиться в меньшинстве [Энгельс, 1962b. С. 460].

Но спустя лишь пять лет после смерти Энгельса перешедший на позиции ревизионизма Турати вместе с другими лидерами фракции ИСП в парламенте взял курс на продвижение реформ через поддержку несоциалистических правительственных коалиций. Подлинным творцом этих коалиций в 1901–1914 гг. выступал Джолитти. Неприязнь и даже ненависть к нему в начале 1890-х гг. навела идеологически невероятный мост между социалистами и «чистыми» либералами, в ряды которых тогда же вошёл и Эйнауди. Вполне объяснимо поэтому, что разворот социалистических реформистов в сторону Джолитти начал этот мост рушить. В среде «чистых» либералов стала расти враждебность к парламентским социалистам. С 1903 г. Эйнауди прекратил сотрудничество с «Общественной критикой».

Предостережение Энгельса, адресованное социалистам, вполне оправдалось. Эпоха Джолитти с точки зрения и экономической динамики, и социальных реформ (достаточно указать на переход к фактически всеобщему избирательному праву для мужчин) ознаменовала существенное улучшение и усиление позиций рабочего класса. Это стало безусловным успехом подталкивавших правительственные коалиции к реформам социалистов и лично Турати. Однако необходимость лавирования реформистов между запросами масс и парламентскими компромиссами постоянно поддерживала внутри ИСП напряжение между фракциями и течениями, неся угрозу раскола. А несмотря на все попытки лидеров реформистов отмежеваться от политического курса эпохи Джолитти в целом, они (в полном соответствии с предупреждением Энгельса) всё равно ассоциировались с пороками политической системы той эпохи, становясь лёгкой мишенью для критики как справа (в том числе и со стороны Эйнауди), так и слева.

В конечном итоге, уже в иной обстановке, в начале 1921 г. в результате раскола ИСП будет образована Итальянская коммунистическая партия (ИКП). А в октябре 1922 г. возобладавшая в ИСП фракция «максималистов» добьётся исключения из рядов партии реформистов, включая Турати. Они тут же образуют другую социалистическую партию и сохраняют контроль над большей частью парламентской группы ИСП. Но расколотое левое движение не сможет ничего противопоставить приходу к власти в том же октябре 1922 г. Бенито Муссолини — исключённого из ИСП в 1914 г. бывшего главного редактора *Avanti!* (официальной газеты партии). При этом сам Муссолини, стремясь расширить свою поддержку среди консерваторов, в месяцы до прихода к власти и первые пару лет после него стремился заигрывать с «чистыми» либералами, получая в ответ осторожную поддержку и со стороны Эйнауди — на тот период сенатора королевства и влиятельного публициста.

Сотрудничество Эйнауди с социалистами на раннем этапе его карьеры не было «ошибкой молодости». Оно отражало динамику политической борьбы в Италии 1890-х гг., в результате которой образовался временный тактический союз между радикалами справа — «чистыми» либералами, в ряды которых как раз тогда вошёл Эйнауди, — и радикалами слева, начавшими группироваться вокруг ИСП. Общей для них мишенью являлась контролируемая парламентскими коалициями большинства политическая система — или, пользуясь определением Энгельса, национальная буржуазия, которая, оказавшись «неспособна обеспечить стране относительные и временные преимущества капиталистического строя, ... взвалила на неё все

трудности, все тяготы этого строя. Не довольствуясь этим, она, из-за своих грязных финансовых афер, навсегда потеряла всякое уважение и доверие» [Энгельс, 1962b. С. 457].

Центристские коалиции, опираясь на благоприятную экономическую конъюнктуру, обеспечивали — в том числе и через «расширение» государства с сопутствующим усилением налогового гнёта — постепенное, «эволюционное» улучшение положения части рабочих севера страны, стабильные доходы для защищаемых пошлинами промышленных производств севера и крупных землевладельцев юга, рост сферы финансов и вовлечённых туда капиталов. Но процесс структурных изменений в преимущественно аграрной, отсталой экономике с огромными различиями между регионами, будучи «эволюционным», породил новые проблемы, не решая старых. Достаточно указать на цифры массовой эмиграции из Италии. Процесс начался вскоре после объединения в 1870-е гг. и шёл с неуклонным ростом среднегодовой численности выехавших от 100 тыс. до 300 тыс. чел. к началу XX в. Всю эпоху Джолитти это значение превышало 600 тыс. чел., достигнув предвоенного пика в 873 тыс. эмигрантов в 1913 г.¹ Иными словами, режим политического центризма обеспечивал экономический рост (с явным перекосом в распределении его результатов в пользу меньшинства), не обеспечивая экономического развития.

Появление на страницах одного и того же итальянского социалистического издания заметок неизвестного студента из Турина и патриарха европейского социализма было с точки зрения их индивидуальных интеллектуальных биографий чистым курьёзом, не оставившим ни малейшего следа в творчестве обоих. Однако с точки зрения более общей истории идей этим подтверждался диагноз, данный ситуации в Италии Энгельсом: национальная буржуазия (или, пользуясь менее идеологически окрашенным определением, «правлящая элита»), сталкиваясь с вызовами становления массового промышленного производства и всё большего вовлечения масс в политику, казалась неспособной обеспечить ни быстрой индустриализации, ни мобилизации масс вокруг внятного образа будущего. В результате создавались условия для весьма экстравагантных политических комбинаций среди критиков сложившейся системы.

Первый раунд либерального проекта

Эйнауди, будучи ещё студентом, стал участвовать в инициированном более старшими либеральными экономистами политическом проекте по привлечению социалистов в свой лагерь — во всяком случае, по ключевому для либералов пункту отмены введённого в 1887 г. протекционистского режима. Сколь бы странной ни казалась эта идея, она имела под собой основания.

Во-первых, политический режим надпартийных «трансформирующихся» коалиций был тем общим врагом, который объединял против себя носителей самых разных убеждений — практическая основа для тактического союза либералов с радикалами и социалистами была заложена в скандале с Banca Romana, закончившимся падением первого правительства Джолитти в конце 1893 г. Деятельным инициатором этого скандала со стороны либералов выступал, в частности, Панталеони, тогда как Энгельс, пристально следивший за событиями в Италии, опираясь в том числе и на сеть своих итальянских корреспондентов, оставил его ёмкое, пусть и пристрастное, описание [Энгельс, 1962a].

Во-вторых, социализм в Италии того периода был более силён убеждениями, но не теорией. Применительно к ключевому вопросу о путях и перспективах развития отсталого итальянского капитализма, социалисты, по существу, лишь воспроизводили со ссылками на К. Маркса положения об универсальности исторического процесса (тогда

¹ Emigrazione// Enciclopedia Treccani. URL: <https://www.treccani.it/enciclopedia/emigrazione/?search=emigrazione> (дата обращения: 08.06.2026).

как, например, в России того же времени марксистские теоретики в спорах о путях развития капитализма с народниками постепенно переходили от таких же постулатов к статистической и теоретической проработке вопроса). Напротив, итальянские либералы поднаторели в приложении схем экономического равновесия к своей критике текущей экономической политики. Отсюда вытекало, например, то, что введение протекционистского режима не решало ключевую для обеспечения экономического развития проблему ускорения в накоплении капитала, а лишь вело к перераспределению капитала в пользу искусственно поддерживаемых секторов экономики (промышленности), фактически замедляя общее экономическое развитие. Таким образом, именно либералы (а не социалисты) разрабатывали на рубеже веков несвойственную им, казалось бы, проблематику капиталистического развития.

В-третьих, отказ от протекционистских пошлин в части продовольствия и предметов потребления представлялся весьма понятным и привлекательным лозунгом для электората социалистов.

Будучи наследниками и носителями традиций не только итальянской экономической, но политической мысли, либералы исходили из реальности политики как процесса. А эта реальность определялась силой, точнее — соотношением сил. И с 1880-х гг. это соотношение всё более явно складывалось не в пользу либералов. Они превращались в «генералов без армии» [Are, 1974. P. 81], в утончённых интеллектуалов, имеющих читателей, но не последователей, а главное — теряющих своих избирателей среди всё более расширяющегося электората. Парламентские либеральные политики реагировали на это прагматичным разминиванием идеалов середины XIX в. на вхождение в правительственные коалиции. «Чистые» либералы, сохраняя приверженность догматам, следовали макиавеллиевским курсом привлечения союзников, объединяемых общим врагом — имея целью прежде всего их «армии избирателей».

Вместе с тем, продвигаемый либералами проект привлечения радикалов слева изначально содержал в себе противоречие на базовом уровне экономических интересов. Социалистические публицисты и политики могли использовать отдельные тезисы либералов в своих целях. Но сколь-нибудь последовательное развитие критики протекционизма и рассмотрение возможных результатов воплощения идеала свободы торговли неизбежно сталкивало их с вопросом о том, может ли партия, претендующая на выражение интересов пролетариата, становиться на ту позицию, согласно которой развитие промышленности (а, значит, и рост пролетариата) рассматривалось как результат искусственного насаждения мерами государственной политики (и здесь, опять-таки, можно провести параллели с дебатами марксистов и народников в России). А за этим с необходимостью возникал и вопрос о соответствии действий и призывов политиков интересам их избирателей: если промышленные рабочие севера и могли бы приветствовать отмену высоких ввозных пошлин на зерно, то идущее в пакете с этим снижение пошлин на промышленные товары немедленно било бы по их благосостоянию. Последователи неоклассической экономической теории с лёгкостью могли бы парировать это опасение ссылками на рост реальной заработной платы в долгосрочной перспективе. Но насколько готовы были бы использовать этот аргумент социалистические политики на встречах со своим активом?

В начале XX в. Турати, Кулешова, другие ведущие представители итальянского социализма, встав на позиции реформизма, приняли и протекционистский таможенный режим, и другие методы «искусственной» государственной поддержки как средства улучшения положения рабочего класса. Достигая договорённости с парламентскими либералами и представителями других партий правительственных коалиций, они не имели оснований для подключения к борьбе за свободу торговли. «Чистые» либералы проиграли этот раунд, но продолжили битву за влияние на политический процесс.

Эйнауди и элита

Публицистика стала для Эйнауди основным рупором для распространения и пропаганды либерализма и в то же время средством упрочения своего имени и влияния. При всей значимости раннего эпизода его сотрудничества с социалистической прессой именно уважаемые «буржуазные» газеты стали для него основным рупором. Лаборатория политической экономии Коньетти де Мартииса и здесь сыграла определяющую роль. Там Эйнауди познакомился с Луиджи Альбертини (1871–1941), который стал одним из его ближайших друзей, а также одним из творцов становления печатных средств массовой информации в Италии. Благодаря Альбертини, Эйнауди вошёл в орбиту издателя влиятельной туринской газеты «Stampa» (и личного друга Джолитти) Луиджи Ру. С 1896 г. он стал постоянным автором этой газеты. Ранее, в 1894 г., Ру вместе с Нитти начали издавать журнал «Общественная реформа» (*Riforma Sociale*). Журнал появился спустя год после основания лаборатории Коньетти и был «тесно связан с ней как составом редколлегии и авторов, так и общим научным, социально-политическим, институционально-юридическим настроением» [Malandrino, 1998. Р. 39]. С 1900 г. Эйнауди стал соредактором журнала, а с 1907 г. возглавил издание. Но в этом случае речь шла о нишевом издании, нацеленном на довольно узкую интеллигентскую аудиторию. Однако в том же 1900 г. Альбертини возглавил миланскую (и анти-джолиттианскую) газету «Corriere della Sera», куда перешёл вслед за ним в качестве постоянного автора и Эйнауди. В эпоху Джолитти «Эйнауди, утвердившись в качестве одного из ведущих итальянских экономистов, превратился, используя, главным образом, трибуну «Corriere della Sera», во влиятельного критика национальной политики» [Salvadori, 1973. Р. xxvi]. Это влияние росло пропорционально тиражам: от 76 000 экземпляров в день в 1900 г. до 350 000 в 1912 г. и около 600 000 в 1917–1918 гг. [Pavanelli, 2023. Р. 582].

Университет открыл Эйнауди дверь в круг туринской элиты, для которой была характерна не только высокая интеллектуальная культура, но и отсутствие внутренних теоретических и идеологических барьеров. Кажущаяся «всеядность» Эйнауди, круг общения которого охватывал практически весь идейный спектр тогдашней Италии, за исключением, пожалуй, клерикалов — от ведущих левых интеллектуалов и политиков Италии до консервативного гегельянца Бенедетто Кроче (также входившего и в политическую элиту сенатора королевства с 1917 г. и министра образования в последнем правительстве Джолитти в 1920–1921 гг.) — была отражением присущего туринской элите духа «республики учёных». Её «граждане» были равны в своём узком кругу, а связи между ними пережили все перипетии итальянской истории первой половины XX в. Но, справедливости ради, следует отметить, что границы этой республики не были непреодолимы для аутсайдеров: пример Эйнауди — свидетельство тому.

В 1903 г. Эйнауди женился на своей бывшей ученице, дочери итальянского графа. Салон Эйнауди вскоре становится одним из центров встреч туринской культурной элиты. Общение со временем перерастало и в семейные связи. Дети Эйнауди играли с детьми Роберта Михельса, историка и либерального публициста Гульельмо Ферреро (женатого на дочке Чезаре Ломброзо), посещали вместе с родителями семьи туринской интеллигенции.

В 1933 г. дочка Михельса, Манон, вышла замуж за первенца Эйнауди, Марио [Malandrino, 1999. Р. 446–447]. Манон Михельс в детстве часто гостила вместе с отцом на швейцарской вилле Парето, о чём оставила воспоминания [Michels Einaudi, 1999]. Парето, помимо своего вклада в экономическую теорию, «вместе с Гаэтано Моска и Робертом Михельсом стал основоположником... типично итальянской политической доктрины, ставшей известной под именем элитизма» [Malandrino, 1999. Р. 446–447]. В «итальянскости» этой доктрины можно найти отпечатки макиавеллиевской традиции, равно как и отражение критики итальянскими либералами политической системы страны рубежа

веков. Но в ней, очевидно, проявилось и особое положение той культурной элиты, которая в борьбе с «прогнившей» политической системой позиционировала себя как контрэлиту, но на деле вполне непротиворечиво переплеталась с политической и экономической элитами эпохи Джолитти. И в этой доктрине, несомненно, нет ни следа преклонения перед демократией, реальной или идеальной.

Растущее с 1900-х гг. влияние Эйнауди не ограничивалось исключительно публицистикой. Его значимость как публичного интеллектуала опиралась на авторитет университетского профессора. Им, впрочем, он стал не сразу. Первые годы после окончания университета Эйнауди учительствовал, несмотря на наличие влиятельной поддержки. Только в 1902 г. он получает приглашение на кафедру сначала в Пизе, а затем в Турине (в это же время Парето предлагал ему занять кафедру политической экономии в Женеве — предложение, которое Эйнауди в конечном итоге отклонил, предпочтя родной Пьемонт) [Fauci, 1986. Р. 34–42].

Судя по всему, Эйнауди, не будучи хорошим оратором, был хорошим преподавателем. Его профессорская кафедра стала форпостом, позволяющим рекрутировать в ряды туринской элиты перспективную молодёжь.

Так, в 1920 г. под его руководством защитил дипломную работу Пьеро Сраффа (1898–1983). В этом случае, впрочем, сыграли свою роль уже существовавшие личные связи. Сраффа был студентом Университета Турина с 1916 по 1920 гг. Однако большую часть этого периода он находился на военной службе, навещая в университет только во время отпусков для сдачи экзаменов. Его отец, Анджело Сраффа (1865–1937), был видным итальянским правоведом, редактировал раздел частного права национальной энциклопедии «Треккани», являлся профессором в ряде университетов, включая Университет Турина, а с 1917 г. стал ректором миланского Университета Боккони (где преподавали по совместительству и экономисты из Турина, включая Эйнауди). Весной 1920 г. Сраффа-отец обратился к Атилио Кабиати (1872–1950; одному из самых близких друзей и соратников Эйнауди среди либеральных экономистов) с просьбой помочь с подготовкой диплома его сына. Кабиати посоветовал тему по проблеме возвращения послевоенной денежной системы к довоенному золотому стандарту. Однако Сраффу-сына не привлекала возможность того, что его научным руководителем может стать влиятельный профессор и известный популяризатор и критик марксизма Акилле Лориа (1857–1943). Кабиати попросил Эйнауди выступить руководителем. Вероятно, фактические консультации проводил сам Кабиати, и Эйнауди увидел лишь готовую версию диплома, которая тем не менее весьма впечатлила его [Naldi, 2009. Р. 230–231]. Личная связь между Эйнауди и Сраффом-сыном установилась позднее, на почве интереса обоих к собиранию старых книг. Весьма близкий к коммунистическому движению Сраффа будет поддерживать контакты с либералом Эйнауди до конца его жизни.

Однако в орбиту профессора Эйнауди попадали и студенты, не происходившие из элиты. В 1911 г. в Университет Турина поступили, пройдя конкурсный отбор по одной и той же стипендиальной программе для бедных учеников, два выходца из многодетных семей мелких провинциальных служащих. Оба прибыли с Сардинии — острова, причудливо давшего название королевству, центром которого был Пьемонт, а столицей Турин, но являвшегося глубокой экономической периферией. Один из них, Антонио Грамши (1891–1937), поступил на филологический факультет. Другой, Пальмиро Тольятти (1893–1964), — на юридический. Знакомы они не были, обучались на разных факультетах, были несхожи по темпераменту. Но оба интересовались социализмом, оба желали вывести Сардинию из отсталости. Уже в 1912 г. они подружились [Lussana, 2006. Р. 625; Vacca, 2002]. Обучаясь на юридическом факультете, Тольятти слушал курс Эйнауди. Но, по свидетельству Тольятти, и Грамши, несмотря на принадлежность к другому факультету, весьма прилежно посещал лекции Эйнауди, [Savant, 2012. Р. 646]. Что касается Тольятти, то он также, по его собственным воспоминаниям, «обсуждал» с Эйнауди свою дипломную работу по таможенному режиму в итальянских колониях [Andreucci, 2019].

Разумеется, в орбиту Эйнаути и, шире, либеральной туринской интеллигенции попадали носители самых разных взглядов. Но наличие среди них будущих лидеров итальянского коммунистического движения весьма примечательно и в определённой степени закономерно. «Потеряв» реформистских лидеров ИСП, «чистые» либералы не утратили надежды увлечь за собой массы социалистов.

Второй раунд либерального проекта

В 1904 г., обращаясь к социалистической аудитории, видный представитель «чистых» либералов старшего поколения, южанин и крупный землевладелец Антонио Де Вити де Марко (1858–1943) представлял ей проект объединения в рамках «Лиги антипротекционизма» двух разных, но имеющих общего врага — протекционизм — сил: «социалистов или группы либеральных социалистов и либералов или группы радикал-либералов» [*De Viti de Marco*, 1904. Р. 31]. Де Вити не скрывал базовых различий двух течений. Но, проявляя немалую склонность к софистике, он стремился обосновать для заинтересованных социалистов и стоящих за ними «пролетариев» полезность их присоединения к либеральной борьбе за свободу торговли. Обозначая пространство для взаимовыгодного политического компромисса, Де Вити очерчивал экономические пределы выигрыша от него для социалистической аудитории так: «для нас, радикал-либералов, борьба трудящихся и предпринимателей задаёт верхнюю возможную границу денежной заработной платы. Равным образом, борьба с протекционизмом обеспечивает ... наивысшую возможную реальную заработную плату» [*De Viti de Marco*, 1904. Р. 76].

Уже сам Де Вити довольно трезво обозначил то, что за призывом к максимально широкому объединению с привлечением масс в реальности стояло стремление объединить хотя бы две группы из социалистического и либерального лагерей. А с учётом состава приверженцев этих групп, такое объединение привело бы к формированию не массовой политической силы, а верхушечного интеллигентского кружка, пусть и с большим культурным весом. Такой результат вполне соответствовал бы установкам «элитизма». Но он следовал не из изначального замысла, а из логики фактов. С либералами готовы были сотрудничать не столько представители ядра ИСП, сколько тяготевшие к социалистам радикальные демократы. А реальной экономической основой, задававшей общий интерес, стала не свобода торговли сама по себе, а неравномерность экономического развития и отсталость юга Италии. Эта проблема со времени объединения страны являлась основой того направления социально-экономической мысли, которое, объединяя носителей разных идеологических установок, обобщённо известно как «меридионализм».

Яркой и репрезентативной фигурой среди демократов-меридионалистов был историк и публицист Гаэтано Сальвемини (1873–1957). На рубеже веков он был членом ИСП. Но заданная реформизмом динамика партии всё более отдаляла его и других меридионалистов от неё. За 1900-е гг. Сальвемини прошёл путь от критики неравномерного развития к критике пороков политической системы и лично Джолитти как её воплощения [*Salvemini*, [1910]1966], а затем и к критике «олигархического перерождения» социалистов [*Are*, 1974. Р. 112]. В 1914 г. Муссолини (не обладавший особым весом в руководстве ИСП и стремившийся расширить свою базу в том числе и за счёт южан) предлагал Сальвемини вернуться в ряды ИСП. Но в том же году и сам Муссолини покинул партию, а оба бывших социалиста, будучи сторонниками вступления Италии в войну, достигнут пика в своём сотрудничестве на почве «интервенционизма» обоих (в начале 1920-х гг. Сальвемини станет одним из лидеров интеллектуалов-антифашистов).

Причину консервации отсталости юга Сальвемини видел в сохраняющейся силе «феодалных пережитков» — влиянии крупных землевладельцев-латифундистов, церкви при неразвитости институтов буржуазного общества. Это позволяло манипулировать

результатами выборов на всех уровнях, что, в свою очередь, играло на руку заседавшим в Риме политикам с севера при выстраивании их коалиций. Политический процесс выступал для него проявлением формирования экономического блока интересов, являющегося подлинной основой порочности буржуазной парламентской системы: связки рабочей аристократии севера (электоральной базы ИСП), части промышленной буржуазии севера и связанных с нею торговых и финансовых кругов (электоральной базы Джолитти и иных подобных буржуазных политиков-северян), латифундистов юга (регулярно поставляющих необходимые для сохранения большинства голоса в парламенте в обмен на сохранение своих местных привилегий).

Протекционизм у Сальвемини выступал, таким образом, одним из порождений этого блока, а не его причиной. Целью радикальных демократов выступала «правильная» политическая система. Целью радикальных либералов — «правильная» экономическая политика. Вытекающие отсюда различия станут проявляться лишь после окончания Первой мировой войны. Но в довоенный период наличие видимого общего врага создавало видимость единства в представлениях о «правильном».

Проект «Лиги антипротекционизма» не возымел особого успеха. Но с 1911 г. Сальвемини в сотрудничестве с Де Вити де Марко стал издавать еженедельник *L'Unità* («Единство»), выходивший, с перерывами, до 1920 г. Влияние Сальвемини и других радикальных демократов прослеживается на ранних этапах интеллектуальных биографий Грамши и Тольятти. Меридионализм, несомненно, резонировал с их личным восприятием проблем отсталости, а радикализм критики политической системы — с их собственными радикальными установками.

Вскоре после прихода Муссолини к власти, в конце 1922 г., Сальвемини, весьма пессимистически оценивая (как могло показаться на тот момент) грядущее развитие политической ситуации, давал и рецепт борьбы, который основывался на опыте «*L'Unità*»: «Единственным путём выхода было бы собрать человек двадцать ... с тем, чтобы в течение двадцати лет они сосредоточились бы на работе в области политической культуры, в особенности посредством очень хорошо делаемого еженедельника» [Moretti, 2017]. Культурная элита была готова отступить на привычные для себя позиции контрэлиты.

Эйнауди и коммунисты

С середины 1900-х гг. Эйнауди, Кабиати, другие либеральные экономисты активно включились в новый раунд борьбы за привлечение социалистических сторонников. При этом сам Эйнауди, будучи «чистым» либералом по своим экономическим воззрениям, ни по своим устремлениям, ни по образу своих публичных высказываний не мог быть отнесён к радикалам. Однако фактически установившийся фокус второго раунда — не массы, а узкие интеллигентские группы, не политическая борьба, а культуртрегерство — как нельзя лучше подходил его ипостаси профессора, много общавшегося с молодёжью и умевшего донести ей свои идеи. Случаи Грамши и Тольятти здесь весьма примечательны. Сальвемини и другие авторы из круга «*L'Unità*» дали первоначальное оформление их «природному» меридионализму. Эйнауди способствовал закреплению экономического содержания их взглядов — разумеется, среди прочих влияний, которые в 1912–1913 гг. расширяли культурный горизонт сардинских студентов, оказавшихся в интеллектуальном центре Италии (см., например: [Natoli, 2009. P. 177]). Именно это расширение быстро привело их к пониманию сначала того, что проблема отсталости Сардинии и юга в целом может быть решена лишь на национальном, а по итогам осмысления первой мировой войны и русской революции — на глобальном уровне.

Осенью 1917 г. Грамши возглавил небольшую туринскую социалистическую газету *Il Grido del Popolo* («Глас народа»), которая быстро стала заметным культурным явлением.

В его фокусе была русская революция. Однако уже в октябре 1917 г. Грамши организовал выпуск номера, специально посвящённого борьбе социалистов с таможенным протекционизмом. В числе авторов этого выпуска был и проходивший тогда военную службу Тольятти, который подготовил для газеты несколько позднее ещё две статьи по этому вопросу. Это сотрудничество свидетельствовало о желании Грамши «восстановить связь со своим товарищем и другом, но также характеризовало и типичный для левой туринской молодёжи способ усвоения и развития подхода «L'Unità», а также той кампании, которую вёл Луиджи Эйнаути» [Spriano, 1972. P. 495].

В итальянской традиции было принято различать «либералов» (сторонников расширения пространства свободы в самом широком смысле) и «либеристов» (последователей экономического либерализма, сводившегося в контексте Италии рубежа XIX–XX вв. к вопросам снятия режима таможенного протекционизма). Приверженность Грамши принципу свободы торговли «совершенно чётко проявилась весной 1916 г.» [Savant, 2012. P. 651]. А «идея о том, что буржуазный режим должен следовать принципам свободной конкуренции, оставалась одной из основ политической мысли Грамши до самого конца войны» [Ibid. P. 652]. Но и позднее, «будучи непреклонным в своей критике связки между протекционизмом и финансовым капиталом, Грамши останется либеристом *suī generis*» [Barbagallo, 1988. P. 38]. Однако именно во время войны его приверженность проекту «чистых» либералов представлялась наиболее полной. «Когда в конце августа 1916 г. в Турине состоялась конференция либеристов — с участием Эйнаути, Сальвемини, Де Вити Де Марко, Кабиати и других — с целью активизации антипротекционистской кампании Грамши заявил, что появление “либеристской школы политической экономии” в пьемонтской столице — это хорошо, но социалисты должны организовать масштабную пролетарскую демонстрацию, подтверждающую намерение противостоять любому повышению таможенных пошлин, поскольку доктрина не может быть воплощена в практику, если она не закреплена в организованном социальном движении, способном придать ей политическую состоятельность» [Savant, 2012. P. 651–652].

В этом, казалось бы, можно было увидеть пусть и частное, но свидетельство торжества плана «чистых» либералов по привлечению к своей борьбе социалистов. Однако в этом плане изначально имелся серьёзный изъян, проистекающий из веры либералов в «естественность» экономических законов и проистекающих из них представлений о неумолимости прогресса. Абсолютизируя свои идеалы, они в реализации своего макиавеллиевского плана недооценивали силу чужих. Социалисты, если они относились к своей доктрине хоть сколь-нибудь искренне, изначально исходили из исторически преходящего характера буржуазного общества. Их вера в прогресс предполагала не бесконечное совершенствование сущего, а его преодоление.

В ходе первого раунда борьбы за души социалистов на рубеже XIX–XX вв. «чистые» либералы с удивлением для себя обнаружили, что ставшая на путь эволюционного изживания капитализма реформистская верхушка ИСП рассматривает принцип свободы торговли (для «чистых» либералов — квинтэссенцию движения по пути прогресса в теории и на практике) лишь как разменную монету в торге с другими парламентскими группами.

В ходе второго раунда стояла задача воспользоваться трениями внутри ИСП, изолировать реформистскую верхушку и увести от неё кадры партийцев и симпатизирующие социалистам массы избирателей. Однако продвигавшийся Эйнаути, Кабиати и другими либеральными экономистами свыше десяти лет политический проект смог найти отклик лишь «среди маргинальных и гетеродоксальных фракций в лагере социалистов (Грамши, Муссолини, анархо-синдикалисты): фракций, которые, даже если отбросить вопрос о границах и характере их влияния, могли использовать стратегию [либералов] как инструмент для своих весьма различных целей» [Are, 1974. P. 129].

Если сфокусировать внимание только на одной из указанных фракций, то привлечение к своей программе будущих руководителей ИКП безусловно свидетельствует о политическом чутье и культуртрегерских способностях Эйнауди и его соратников. Однако и в этом случае реализация либеральных принципов выступала для Грамши и Тольятти не целью, а средством скорейшего преодоления отсталости через снятие искусственных преград накоплению капитала — и тем самым скорейшего преодоления капитализма. Под воздействием реальности представления о средствах изменения реальности у левой туринской молодёжи претерпели радикальную трансформацию. Преодоление капитализма стало считаться делом прямого действия масс.

В ходе всей Первой мировой войны «чистые» либералы неустанно отрицали наличие у неё материальных основ, обосновывали внеэкономическую природу войны, выводя её причины из политических и психологических факторов. Трудно сказать, в какой степени эта пропаганда влияла на представителей левой молодёжи. Но война не стала для них шоком, изменившим представления о сущем. Таким шоком стали события 1917 г. В 1924 г. Сраффа писал Грамши: «Я жёстко придерживался, до 1917, социалистического пацифизма образца 1914–1915, от которого меня отвергло появившееся после Капоретто и русской ноябрьской революции осознание того, что оружие находилось именно в руках солдат-рабочих» (цит. по: [Naldi, 2009. Р. 232]). А в 1919 г., в разгар «красного двухлетия» — послевоенного периода, характеризующегося вспышками стихийного движения рабочих и крестьян, а также верой левых интеллектуалов в возможность «сделать как в России» — Грамши публикует в пьемонтском издании газеты «Avanti!» небольшую заметку с названием «Эйнауди, или О либеральной утопии» [Gramsci, 1919]. В ней он отмечал, что «Луиджи Эйнауди останется в истории экономики как один из тех авторов, которые более всего трудились по строительству на песке». В полных сарказма строках Грамши, в частности, целился в самую сердцевину подхода Эйнауди, почерпнутого им ещё у Коньетти де Мартииса: «Либеральная экономическая наука обладает только видимостью серьёзности, и её экспериментальная обоснованность является лишь поверхностной иллюзией. Она изучает “факты” и не замечает “людей”». Эйнауди и другие сторонники этой науки уподоблялись им «священнослужителям», вечно недовольным и изумлённым тем, что некие «силы зла постоянно препятствуют им строить божий град в мире дольном». Противопоставляя теорию Эйнауди теории Маркса, Грамши показывал, что утопическая вера в вечные экономические законы, развёртывающиеся в прогрессивный ход истории, скрывала от Эйнауди то, что все политические пороки и иные несовершенства, с которыми он вёл неустанную борьбу на протяжении предшествующих двадцати лет, являлись порождением исторического процесса развития капитализма.

Утопии Эйнауди Грамши противопоставлял скорый триумф коммунизма, приближающийся деятельностью «советов рабочих и крестьян». Этот оптимизм оказался, в свою очередь, утопичным. Но отход самого Грамши от веры в принцип экономической свободы как основу и условие развития экономики в рамках реально существующего буржуазного общества был бесповоротным. Позднее, уже в заключении, он будет продолжать следить за творчеством Эйнауди и размышлять над ним в своих «Тюремных тетрадах». Однако исторический процесс он станет рассматривать исходя из того видения реальности, в котором «бюрократия расширилась, став более угнетающей и стесняющей. Непроизводительный, согласно либеральной экономической науке, милитаризм превратился в мощнейшее средство накопления и сохранения прибыли... Монополизм усилился во всех видах деятельности, подчиняя весь мир эгоистическим интересам горстки англосаксонских капиталистов» [Gramsci, 1919]. Сохраняющаяся влияние утопии Эйнауди в этом видении свидетельствовала об устойчивости мелкобуржуазного элемента итальянского общества.

Заключение

В октябре 1922 г. в своём предисловии к мемуарам Джолитти О. Малагоди в качестве основной его заслуги называл то, что «из грубой массы он вывел новые классы граждан, побуждая их к тому новыми правами, из которых, в свою очередь, вытекали новые обязанности» [Malagodi, 1922. Р. xxxiv]. Малагоди признавал наличие тех, кто «в нынешней смутной и противоречивой ситуации» находил основания полагать, что «джолиттианская политика, направленная прежде всего на демократизацию государства через призыв к массам участвовать в нём, отныне осуждена общепризнанной необходимостью анти-демагогической реакции для сохранения здоровья самого государства» [Malagodi, 1922. Рр. xxxiii–xxxiv]. Отвечая им в заочном споре, он подчёркивал, что эта политика стала уже частью истории страны. И как таковая, она с необходимостью вызывала как последствия, так и реакцию на них. Но она уже изменила историю, сделав народную массу её частью. Именно поэтому, отмечал Малагоди, фактом является то, что социализм, «рождённый и взращённый среди демократической политики Джолитти [читай: реформистский социализм], после длительной ошибки отрицания национального государства, осознаёт сегодня невозможность своего существования вне рамок государства и без его защиты». И именно поэтому, также отмечал он, «фактом является то, что фашизм по самой своей природе стремится распространиться среди толп» [Ibid. Р. xxxv].

Эйнауди было чуждо любование демократизмом. В росте влияния Муссолини он, как и многие, видел возможность как раз обуздания масс. А Муссолини, стремясь заручиться хотя бы нейтралитетом той части культурной элиты, к которой принадлежал Эйнауи, сулил ей не только это. В своей колонке в конце сентября 1922 г., комментируя недавнюю речь Муссолини, Эйнауи констатировал, что «программа фашизма всецело отражает либерализм классической традиции» [Einaudi, 1963a. Р. 863]. Однако он едва ли имел основания полагаться исключительно на слова. В конце концов, «доктрины мало что значат, — сказал Муссолини после того, однако, как воздал должное доктрине классического либерализма. — Действительно важно создание нового политического класса. Имеющийся, который Муссолини справедливо назвал джолиттианским, ...устал, измождён, побеждён» [Ibid. Р. 866]. Эйнауи выражал надежду на то, что Муссолини и его последователям удастся создать новый правящий класс. Однако, предупреждал он, эта попытка закончится сползанием назад к прежнему «трансформизму», если они «не отбросят решительно прискорбную привычку уходящего поколения проповедовать либерализм и придерживаться социализма...» [Gramsci, 1919].

Вскоре, в середине октября, Эйнауи вспоминал о своей состоявшейся примерно в 1900 г. беседе с видным пьемонтским политиком, в котором явно угадывается Джолитти. В ответ на «наивный» вопрос Эйнауи о том, каким ему видится средство преодоления «потрясений и беспорядков, которые уже тогда представлялись серьёзнейшими и опаснейшими для будущего страны», этот политик ответил лишь двумя словами на характерном пьемонтском диалекте: «Управлять хорошо» [Einaudi, 1963b. Р. 895]. Основной упрёк Эйнауи к Джолитти и всей той политической элите, которую он олицетворял, заключался в том, что под управлением понималось администрирование. Привычно оплакивая ушедший «золотой век» туринской культуры середины XIX в., Эйнауи сокрушался об укореившемся взамен антиинтеллектуализме и ложном прагматизме с полным невниманием к теории. Именно отсюда он выводил фундаментальный упрёк джолиттизму: стремлению и даже умению администрировать не доставало «лишь понимания того, зачем следовало управлять хорошо, иными словами не доставало лишь идеи либерализма» [Ibid. Р. 896].

Эйнауди верил в идею либерализма как в символ прогресса. И он верил в силу идей как в основу движения к прогрессу. Здесь Эйнауи-публицист уступал место Эйнауи-профессору — чувствовавшему молодёжь, видевшему в молодёжи чистое следование

идеям, принимавшему это следование как стремление к лучшему будущему даже тогда, когда сами идеи были для него неприемлемы. Среди молодёжи, а не в выкриках будущего дуче Эйнауди находил надежду. «Воинствующий интеллектуализм, как кажется, обрёл своё пристанище в Турине в “Ordine Nuovo” — несомненно самой выдающейся газете всех красных партий — и в некоем полуподпольном молодёжном издании, еженедельнике “Revoluzione Liberale”, в колонках которого немногие влюблённые в либерализм юноши делают первые пробы пера и, в отчаянии от того глухого окружения, в котором пребывают, вынужденно заигрывают с коммунистами из “Ordine Nuovo”» [Einaudi, 1963. P. 894].

Описание Эйнауди было весьма точным. Периодическое издание Ordine Nuovo («Новый порядок») было основано в 1919 г. в Турине Грамши, Тольятти, другими будущими лидерами ИКП. *Revoluzione Liberale* («Либеральная революция») стала издаваться в Турине в 1922 г. Пьеро Гобетти (1901–1926), интеллектуалом и антифашистом, оставившим яркий след в истории Италии 1920-х гг. Несмотря на первоначальную критику (например, со стороны Тольятти в адрес Гобетти), молодые представители идеологически противоположных движений быстро перешли к сотрудничеству. А в первом номере газеты Гобетти, вышедшем в феврале 1922 г., рядом с многословным и философическим манифестом молодого редактора (знакомого одного из сыновей Эйнауди) соседствовала солидная статья самого Эйнауди, в которой он доказывал, что понятие национальной экономики бессодержательно, а подлинно «национальными» являются лишь те предприятия, которые реализуют свою базовую цель: зарабатывать [Gobetti, 1922; Einaudi, 1922].

31 октября 1922 г. Муссолини возглавил правительство Италии. 22 года спустя, в декабре 1944 г., семидесятилетний Эйнауди начал свой путь из Швейцарии в Рим на предоставленном американскими военными транспорте [Faucsi, 1986. P. 334]. Эйнауди принял предложение возглавить Банк Италии. Ему впервые предоставился шанс бороться за идею либерализма не словом, а делом. Путь не обещал быть простым. Мирного транзита от фашизма в сторону англо-американской коалиции, который попытались организовать итальянские элиты в середине 1943 г., не произошло. Опираясь на немецкие войска, Муссолини окопался на севере Италии. Страна раздиралась оккупацией, кровопролитными сражениями между чужими армиями, ковровыми бомбардировками, фактической гражданской войной.

К 1947–1948 гг. ситуацию, в том числе благодаря усилиям Эйнауди, удалось стабилизировать. Экономика стояла на пороге того, чтобы преобразовать заложенный в предшествующие десятилетия промышленный потенциал в мощный рывок итальянского «экономического чуда». Но новая конституционная система, на самой вершине которой находился Эйнауди, казалось, не оставляла шансов старому либеральному проекту. Промелькнув тенью прошлого и не найдя себе места в новой политической конфигурации, отправились доживать свои дни в почёте Бономи, Орландо, Нитти, Кроче и другие. Не осталось и движения «чистых» либералов. Две мировые войны и два десятилетия фашистской диктатуры развеяли или физически уничтожили многие ростки, которые «чистые» либералы усиленно взращивали с 1890-х гг. Эйнауди возвышался к началу 1950-х гг. не как глава движения, а как последний из могикан. Но он был готов продолжать либеральный проект, и этот проект продолжился.

ЛИТЕРАТУРА

- Мельник Д.В. (2024). Либералы и государство в Италии: либеральный реформизм Джованни Джолитти и его критики // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 128–141. DOI: 10.52342/ 2587-7666VTE_2024_4_128_141.
- Энгельс Ф. (1962a). Об итальянской панаме // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 371–378.
- Энгельс Ф. (1962b). Будущая итальянская революция и социалистическая партия // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 457–460.
- Энгельс Ф. (1966). Письмо Филиппо Турати, 12.04.1894. // К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 39. С. 199–200.
- Andreucci F. (2019). Togliatti, Palmiro // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 95. — Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/palmiro-togliatti_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/palmiro-togliatti_(Dizionario-Biografico)/) (access date: 08.06.2026).
- Are G. (1974). *Economia e politica nell'Italia liberale (1890-1915)*. — Bologna: Il Mulino.
- Barbagallo F. (1988). Il Mezzogiorno, lo Stato e il capitalismo italiano dalla «Quistione meridionale» ai «Quaderni del carcere» // *Studi Storici*. Vol. 29. No. 1. Pp. 21–42.
- De Viti de Marco A. (1904). La politica commerciale e gl'interessi dei lavoratori // *Giornale degli Economisti*. Vol. 29. Luglio. Pp. 30–80.
- Einaudi L. (1894). La esportazione dei principali prodotti agrari dall'Italia nel periodo 1862–92 // *Giornale degli Economisti*. Vol. 9. Luglio. Pp. 1–22.
- Einaudi L. (1895a). La crisi agraria nell'Inghilterra // *Giornale degli Economisti*. Vol. 11. Novembre. Pp. 504–523.
- Einaudi L. (1895b). La crisi agraria nell'Inghilterra // *Giornale degli Economisti*. Vol. 11. Dicembre. Pp. 561–606.
- Einaudi L. (1921). Salvatore Cognetti de Martiis / L. Einaudi // *Gli ideali di un economista*. — Firenze: La Voce. Pp. 11–22.
- Einaudi L. (1922). Esiste una economia italiana? // *La Rivoluzione liberale*. 12.02.1922. URL: <https://www.bibliotecaginobianco.it/flip/RIL/RIL01-0100/> (access date: 08.06.2026).
- Einaudi L. (1963a). Parole e fatti // L. Einaudi. *Cronache economiche e politiche di un trentennio (1893–1925)*. Vol. VI. — Torino: Giulio Einaudi Editore. Pp. 863–866.
- Einaudi L. (1963b). Piemonte liberale // L. Einaudi. *Cronache economiche e politiche di un trentennio (1893–1925)*. Vol. VI. — Torino: Giulio Einaudi Editore. Pp. 889–896.
- Fauci R. (1986). *Luigi Einaudi*. — Torino: UTET.
- Gobetti P. (1922). Manifesto // *La Rivoluzione liberale*. 12.02.1922. URL: <https://www.bibliotecaginobianco.it/flip/RIL/RIL01-0100/> (access date: 08.06.2026).
- Gramsci A. (1919). Einaudi o dell'Utopia liberale // *Avanti! (edizione piemontese)*. 25.05.1919. URL: <https://avanti.senato.it/controller.php?page=archivio-pubblicazione-anno&anno=1919> (access date: 08.06.2026).
- Lussana F. (2006). Gramsci e la Sardegna. Socialismo e socialsardismo dagli anni giovanili alla grande guerra // *Studi Storici*. Vol. 47. No. 3. Pp. 609–635.
- Malagodi O. (1922). La figura e l'opera di G. Giolitti // G. Giolitti. *Memorie della mia vita*. Vol. I. — Milano: Fratelli Treves. Pp. I–XXXV.
- Malandrino C. (1998). Premessa // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi*. Vol. 32. Pp. 39–43.
- Malandrino C. (1999). Vilfredo Pareto visto con gli occhi di una bambina // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi*. Vol. 33. Pp. 445–450.
- Michels Einaudi M. (1999). Nella casa di Vilfredo Pareto // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi*. Vol. 33. Pp. 451–466.
- Moretti M. (2017). Salvemini, Gaetano // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 89. — Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/gaetano-salvemini_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/gaetano-salvemini_(Dizionario-Biografico)/) (access date: 08.06.2026).
- Naldi N. (2009). Piero Sraffa e gli economisti torinesi // *La scuola di economia di Torino. Co-protagonisti ed epigoni* / Ed. by R. Marchionatti. — Firenze: Leo Olschki Editore. Pp. 225–260.
- Natoli C. (2009). Crisi organica e rinnovamento del socialismo: il laboratorio degli scritti giovanili di Gramsci // *Studi Storici*. Vol. 50. No. 1. Pp. 167–230.
- Pavanelli G. (2023). The Economists and the Press in Italy from the End of the Nineteenth Century until Fascism: The Case of Luigi Einaudi // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 45. No. 4. Pp. 576–602.
- Salvadori M.L. (1973). Premessa // L. Einaudi. *Il buongoverno. Saggi di economia e politica*. Vol. I. (1897–1954). — Bari: Editori Laterza. Pp. xxv–xxx.
- Salvemini G. ([1910] 1966). Il ministro della mala vita // G. Salvemini. *Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana*. — Milano: Feltrinelli.
- Savant G. (2012). Antonio Gramsci e Luigi Einaudi // *Studi Storici*. Vol. 53. No. 3. Pp. 645–669.
- Spriano P. (1972). *Storia di Torino operaia e socialista: da De Amicis a Gramsci*. — Torino: Giulio Einaudi Editore.
- Vacca G. (2002). Gramsci, Antonio // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 58. — Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/antonio-gramsci_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/antonio-gramsci_(Dizionario-Biografico)/) (access date: 08.06.2026).

REFERENCES

- Engels F. (1962a). On the Italian Panama // *Marks K., Engels F. Works*. 2nd ed. Vol. 22. — M.: Politizdat. Pp. 371–378. (In Russ.)
- Engels F. (1962b). The Coming Italian Revolution and the Socialist Party // *Marks K., Engels F. Works*. 2nd ed. Vol. 22. — Moscow: Politizdat. Pp. 457–460. (In Russ.)
- Engels F. (1966). Letter to Filippo Turati, 12.04.1894 // *Marks K., Engels F. Works*. 2nd ed. Vol. 39. — Moscow: Politizdat. Pp. 199–200. (In Russ.)
- Andreucci F. (2019). Togliatti, Palmiro // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 95. — Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/palmiro-togliatti_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/palmiro-togliatti_(Dizionario-Biografico)/) (access date: 08.06.2026).
- Are G. (1974). *Economia e politica nell'Italia liberale (1890-1915)*. — Bologna: Il Mulino.
- Barbagallo F. (1988). Il Mezzogiorno, lo Stato e il capitalismo italiano dalla «Quistione meridionale» ai «Quaderni del carcere» // *Studi Storici*. Vol. 29. No. 1. Pp. 21–42.
- De Viti de Marco A. (1904). La politica commerciale e gl'interessi dei lavoratori // *Giornale degli Economisti*. Vol. 29. Luglio. Pp. 30–80.
- Einaudi L. (1894). La esportazione dei principali prodotti agrari dall'Italia nel periodo 1862–92 // *Giornale degli Economisti*. Vol. 9. Luglio. Pp. 1–22.
- Einaudi L. (1895a). La crisi agraria nell'Inghilterra // *Giornale degli Economisti*. Vol. 11. Novembre. Pp. 504–523.
- Einaudi L. (1895b). La crisi agraria nell'Inghilterra // *Giornale degli Economisti*. Vol. 11. Dicembre. Pp. 561–606.
- Einaudi L. (1921). Salvatore Cognetti de Martiis // L. Einaudi. *Gli ideali di un economista*. — Firenze: La Voce. Pp. 11–22.
- Einaudi L. (1922). Esiste una economia italiana? // *La Rivoluzione liberale*. 12.02.1922. URL: <https://www.bibliotecaginobianco.it/flip/RIL/RIL01-0100/> (access date: 08.06.2026).
- Einaudi L. (1963a). Parole e fatti // L. Einaudi. *Cronache economiche e politiche di un trentennio (1893–1925)*. Vol. VI. — Torino: Giulio Einaudi Editore. Pp. 863–866.
- Einaudi L. (1963b). Piemonte liberale // L. Einaudi. *Cronache economiche e politiche di un trentennio (1893–1925)*. Vol. VI. — Torino: Giulio Einaudi Editore. Pp. 889–896.
- Fauci R. (1986). *Luigi Einaudi*. — Torino: UTET.
- Gobetti P. (1922). Manifesto // *La Rivoluzione liberale*. 12.02.1922. URL: <https://www.bibliotecaginobianco.it/flip/RIL/RIL01-0100/> (access date: 08.06.2026).
- Gramsci A. (1919). Einaudi o dell'Utopia liberale // *Avanti! (edizione piemontese)*. 25.05.1919. URL: <https://avanti.senato.it/controller.php?page=archivio-pubblicazione-anno&anno=1919> (access date: 08.06.2026).
- Lussana F. (2006). Gramsci e la Sardegna. Socialismo e socialsardismo dagli anni giovanili alla grande guerra // *Studi Storici*. Vol. 47. No. 3. Pp. 609–635.
- Malagodi O. (1922). La figura e l'opera di G. Giolitti / G. Giolitti // *Memorie della mia vita*. Vol. I. — Milano: Fratelli Treves. Pp. I–XXXV.
- Malandrino C. (1998). Premessa // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi*. Vol. 32. Pp. 39–43.
- Malandrino C. (1999). Vilfredo Pareto visto con gli occhi di una bambina // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi*. Vol. 33. Pp. 445–450.
- Melnik D. (2024). Liberals and the State in Italy: Giovanni Giolitti's Liberal Reformism and Its Critics // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 128–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_128_141. (In Russ.)
- Michels Einaudi M. (1999). Nella casa di Vilfredo Pareto // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi*. Vol. 33. Pp. 451–466.
- Moretti M. (2017). Salvemini, Gaetano // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 89. — Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/gaetano-salvemini_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/gaetano-salvemini_(Dizionario-Biografico)/) (access date: 08.06.2026).
- Naldi N. (2009). Piero Sraffa e gli economisti torinesi // *La scuola di economia di Torino. Co-protagonisti ed epigoni* / Ed. by R. Marchionatti. — Firenze: Leo Olschki Editore. Pp. 225–260.
- Natoli C. (2009). Crisi organica e rinnovamento del socialismo: il laboratorio degli scritti giovanili di Gramsci // *Studi Storici*. Vol. 50. No. 1. Pp. 167–230.
- Pavanelli G. (2023). The Economists and the Press in Italy from the End of the Nineteenth Century until Fascism: The Case of Luigi Einaudi // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 45. No. 4. Pp. 576–602.
- Salvadori M.L. (1973). Premessa // L. Einaudi. *Il buongoverno. Saggi di economia e politica (1897–1954)*. Vol. I. — Bari: Editori Laterza. Pp. xxv–xxx.
- Salvemini G. ([1910] 1966). Il ministro della mala vita // G. Salvemini. *Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana*. — Milano: Feltrinelli.
- Savant G. (2012). Antonio Gramsci e Luigi Einaudi // *Studi Storici*. Vol. 53. No. 3. Pp. 645–669.
- Spriano P. (1972). *Storia di Torino operaia e socialista: da De Amicis a Gramsci*. — Torino: Giulio Einaudi Editore.
- Vacca G. (2002). Gramsci, Antonio // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 58. — Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/antonio-gramsci_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/antonio-gramsci_(Dizionario-Biografico)/) (access date: 08.06.2026).

Мельник Денис Валерьевич

ORCID: 0000-0002-0350-7304

dmelnik@hse.ru

Denis Melnik

Associate Professor, Deputy Head of the Center for the History and Methodology of Economic Science, HSE University (Moscow)

ORCID: 0000-0002-0350-7304

dmelnik@hse.ru

LIBERALISM AND SOCIALISM IN THE HISTORY OF ITALIAN ECONOMIC THOUGHT: LUIGI EINAUDI AND THE FIGHT FOR FREE TRADE

Abstract. Luigi Einaudi (1874–1961) was a prominent economist who made theoretical contributions to the Italian school of public finance, an influential professor, a brilliant publicist, and an outstanding statesman who served as president of the nation from 1948 to 1955, and whose activities laid the foundations for the institution of the presidency of the Italian Republic.

Following Maffeo Pantaleoni, Einaudi rejected the division of economics into schools, viewing the history of economics as the cumulative and evolutionary progress of theoretical knowledge. Yet, he consciously and consistently sought to affect social changes by influencing public opinion through ideas. His approach viewed free market price system as the fundamental mechanism for coordinating the social system. It was characteristic of representatives of that trend in Italian economic thought of the late 19th and first half of the 20th centuries, which are referred to in the article as “pure” liberals. The contradictory nature of this approach was revealed during the long struggle that “pure” liberals waged against socialism and for the attraction of socialists to their free-trade agenda.

In this article, the theoretical content of Einaudi’s ideas serves as the backdrop for an examination of several decades of implementation of this political project. Einaudi embraced it early in his career, in the 1890s, and continued to implement it from the 1900s onward, as an influential economist and publicist. An analysis of this project allows to broaden the understanding of the development of Italian economic thought during Einaudi’s lifetime.

Keywords: *history of Italian economic thought, economic liberalism, socialism, Luigi Einaudi, Antonio Gramsci.*

JEL: B13, B14, B23, B24, B31.

Т.А. Вархотов

*к.филос.н., доцент, старший научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)*

П.А. Ореховский

*д.э.н., профессор, главный научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)*

СОВЕТСКИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ¹

Аннотация. Работа посвящена проблеме социально-экономических экспериментов, которые осуществлялись в 1960–1970-е гг. в СССР; в частности бригадному подряду в строительстве Н. Злобина, расширению зон обслуживания на химическом комбинате в Щёкино, методу хозрасчётных звеньев в сельском хозяйстве И. Худенко. Для этого приведена ретроспектива в философии науки, посвящённая пониманию эксперимента и последствий использования различных техник при его осуществлении. Современные дискуссии философов показывают, что в науке наблюдается существенная степень изоляции феноменов, экспериментов и теории друг от друга. Однако в СССР эти понятия были неразделимы, что позволяло отождествлять эксперименты и передовой опыт, переходя от результатов к масштабированию (распространению) «лучших практик». Ретроспективный анализ советских хозяйственных экспериментов и попыток их масштабирования показывает, что их результаты являлись демонстрацией преимущества капиталистического способа производства над социализмом, однако этот вывод никак не согласовывался с тогдашней экономической теорией (политэкономией социализма). В свою очередь, современные российские экономические инновации сохраняют советскую методологию, что способствует рентоориентированному поведению инициаторов экспериментов.

Ключевые слова: социальные эксперименты, мысленные эксперименты, методология эксперимента, бригадный подряд, расширение зон обслуживания, хозрасчётные звенья, масштабирование, эпистемологический разрыв.

JEL: B41, B51, B59

УДК: 167.2, 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_83_101

© Т.А. Вархотов, П.А. Ореховский, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вархотов Т.А., Ореховский П.А. Советские хозяйственные эксперименты: методология и практические результаты // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 83–101. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_83_101.

FOR CITATION: Varkhotov T.A., Orekhovsky P.A. Soviet Economic Experiments: Methodology and Practical Results // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 83–101. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_83_101.

¹ Статья подготовлена на основе препринта доклада П.А. Ореховского и Т.А. Вархотова «Мысленные и реальные советские хозяйственные эксперименты: методология и практические результаты» URL: https://inecon.org/docs/2026/Orekhovsky_preprint_3_2026.pdf

Введение: социальные эксперименты как проблема

В экономической науке эксперименты являются вполне респектабельным инструментом научного познания. В. Смит, автор «Экспериментальной экономики», который с помощью лабораторных испытаний со студентами разработал подходы, позволившие подтвердить верность оснований микроэкономического анализа [Смит, 2008], получил в 2002 г. Нобелевскую премию. Старый Хоторнский эксперимент Э. Мейо, в котором сначала менялась освещённость рабочих мест для бригады сборщиц электрических реле, а впоследствии происходило психологическое «подстраивание» работниц друг к другу, и в результате был получен рост производительности труда, стал основой для «школы человеческих отношений» в менеджменте. С этим же экспериментом отчасти связаны идеи современной «экономики идентичности» [Акерлоф, Крэнтон, 2010] и «эндогенного» роста производительности труда, включающего самообучение. Идея большевиков о социалистическом обществе, основанном на достижениях передовой науки, после победы Октябрьской революции открыла широкие возможности для экспериментаторов. А.К. Гастев и созданный им Центральный институт труда (ЦИТ ВЦСПС), разрабатывая свои методы рационализации, сформировал специальные лаборатории по промышленной психотехнике и психофизиологии труда. Научная организация труда надолго стала обязательным требованием при проектировании и строительстве новых советских предприятий.

Эксперименты в экономике воспринимаются как прямое продолжение экспериментов в физических и биологических лабораториях. Полученные результаты интерпретировались и во многом продолжают интерпретироваться в *позитивистском духе*. Самые разные алгоритмы решения задач, в самых разных сферах — от наукометрии до инфляционного таргетирования, от бригадного подряда до обеспечения транспарентности в борьбе с коррупцией — получают статус «лучших практик» и рекомендуются к максимальному распространению. Это не может не настораживать. Если в определённых условиях и в определённом социальном контексте в результате хозяйственного эксперимента были получены желаемые результаты, то будут ли эти результаты получены в других условиях? Экономические организации — не лаборатории, обеспечить всем одинаковые условия бывает очень трудно (вдобавок создание искусственной однородности зачастую требует таких больших издержек, что может не перекрываться ожидаемым приростом эффективности). Поэтому первая проблема социальных экспериментов — *эта проблема масштабируемости*. Переход от университетских аудиторий, где студенты В. Смита демонстрировали эффект падающей предельной полезности, к реальным рынкам, где снижение цен сравнительно редко ведёт к увеличению спроса, далеко не всегда оказывается возможен.

Второй проблемой экономических экспериментов является то, что социологи называют «теоремой Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» (цит. по: [Мертон, 2006. С. 605]). Другими словами, на хозяйственное поведение в краткосрочном периоде (а это — обычное время проведения эксперимента) оказывают сильнейшее влияние ценностные установки и настроения людей. Скажем, уверенность в том, что результативность трудовых усилий будет соответствующим образом вознаграждена, приводит к одним результатам, а вера в то, что начальство в первую очередь будет премировать «своих», ориентируясь на степень лояльности, чревата другими последствиями. В этом случае результаты хозяйственных экспериментов, где создаётся искусственная, сконструированная экономистами, реальность, в которой на какое-то время оказываются люди, могут быть заведомо некорректны. Таким образом, возникает *проблема достоверности* результатов эксперимента.

Целью данной работы является ретроспективный анализ и реконструкция трёх широко освещавшихся советской прессой хозяйственных экспериментов. Они *имели место в реальности и являются фактами* экономической истории СССР. Тем не менее их эпистемологический статус (эксперимент? вариант обычной социальной практики? социальная реклама?) во многом остаётся дискуссионным.

Эксперимент и его родственники: очерк методологической эволюции экспериментализма

История экспериментально-ориентированной методологии представляет собой детективный и захватывающий сюжет, имеющий мало общего с расхожим стереотипом, согласно которому основывать знание на данных опыта — наблюдений и экспериментов — является чем-то само собой разумеющимся. Со времён античности, когда впервые возникает рефлексивная эпистемологическая культура (т.е. целенаправленное исследование оснований познания), и вплоть до позднего средневековья опыт и эксперимент (между которыми не проводилось различия, благо латинское слово *experimentum* означает именно опыт, искущённость в чём-либо) рассматривались как источники скорее вдохновения и познавательного интереса, нежели знания.

Античность и Средневековье

В самом начале «Метафизики» Аристотель формулирует ставшую канонической на следующие полторы тысячи лет ступенчатую классификацию результатов познавательной деятельности — опыт, искусство и знание: «...имеющие опыт знают “что”, но не знают “почему”; владеющие же искусством знают “почему”, т.е. знают причину. /.../ ...Человек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели те, кто имеет [лишь] чувственные восприятия, а владеющий искусством — более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник — более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном (*theoretikai*) — выше искусств творения (*poietikai*). Таким образом, ясно, что мудрость есть наука об определённых причинах и началах» [Аристотель, 1976. С. 66-67].

Несмотря на признание ограниченной ценности опыта и ремесленного искусства (техники), Аристотель безусловно субординирует опыт разуму и считает теоретическое знание в конечном счёте независимым от опыта, который всегда имеет дело с частными случаями и никогда не добирается до универсальных причин: «наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познаётся всё остальное, а не они через то, что им подчинено» [Там же. С. 68]. Поэтому роль чувств и основанного на них опыта — вдохновлять познание и обеспечивать деятельность человека, направленную на достижение локальных результатов (как, например, при врачевании). Подлинная же «природа вещей» и причина причин познаётся исключительно разумно и лежит принципиально за пределами опыта, в том числе практически — как подмечает Аристотель, мы обращаемся к этим проблемам, когда вопросы повседневного жизнеобеспечения уже решены и появляется необходимый для подлинных размышлений досуг.

Ограниченные возможности всегда в той или иной степени частных, лишённых строгости и универсальности чувств, ставили узкие рамки для опытного знания, заставляя рассматривать его как локальное и частное. Никогда нельзя быть уверенным, что конкретный опыт имеет значение за пределами обстоятельств, в которых он был получен, что в нём раскрывается что-то нелокальное и общезначимое, — во всяком случае, такая уверенность не может быть обеспечена средствами самого опыта. Привычное сегодня решение этой проблемы с помощью технологического вооружения экспериментально-измерительных операций в античности в целом отвергалось, поскольку искусственные средства порождают искусственные результаты, и техническое вооружение опыта уводит от природы

в область практической полезности для человека, — уловок, подражания и жульничества, а не универсальных причин и истинного знания [Шадевальд, 1989]. Поэтому даже те современные авторы, которые ищут истоки экспериментального (в широком смысле) знания в античности, курьёзно начинают эти поиски с диагностических утверждений такого рода: «Наука древнегреческих мыслителей изучала естественное естественными методами (актуальные явления в самой природе), и никакое сознательно организуемое и контролируемое экспериментирование (с реальными объектами) не имело в ней места» [Бондаренко, Иляшевич, Мартыненко, 2018. С. 2], и «в строгом смысле слова научный эксперимент является продуктом Нового времени» [Биргер, 2014. С. 41]².

Средневековье в целом унаследовало античный (аристотелевский) взгляд на эпистемологию опыта, однако внесло в неё ряд важных дополнений: подчеркнуло «авторитет», т.е. традицию, в качестве легитимного источника знания, и дополнило классификацию источников познания новым видом опыта — мистическим опытом, или опытом откровения. Представление о слабости человеческого разума по сравнению с разумом Творца заставило увидеть ограниченность абстрактно-теоретического познания, которое теперь нужно сбалансировать, дополнить истиной факта: «Аргумент даёт заключение и вынуждает нас соглашаться с заключением, но он не даёт твёрдой уверенности и не устранит сомнения так, чтобы разум успокоился в созерцании истины, если он не обнаружит её опытным путем... Следовательно, аргумент не достаточен, но [необходим] опыт» [Бэкон, 2005. С. 337]. Однако даже Р. Бэкон, ярый поборник опытного знания, уверенно утверждает, что «опыт бывает двояким. Один приобретается с помощью внешних чувств... Но этот опыт для человека недостаточен, поскольку он не даёт полной достоверности относительно телесных вещей вследствие их сложности, и не достигает вещей духовных. /.../ В соответствии с этим Птолемей говорит в Стослове, что путь к знанию вещей двойственен, один — философский опыт, а другой — Божественное вдохновение, которое, по его словам, куда превосходнее» [Там же. С. 339–341]³.

Под традицией и авторитетом имелось в виду преимущественно богословское, растущее из общего корня (библейское Откровение) и на общем стволе (святая апостольская церковь) знание, а под мистическим опытом — боговдохновенное знание, каким обладали пророки и какое несло Евангелие. Но со временем конкретный культурно-исторический контекст эпистемологии авторитета и откровения стал размываться и выхолащиваться, а созданная им возможность понять знание как консенсус, в основе которого лежит некий особый, не подпадающий под аристотелевские ограничения (и в этом смысле «мистический») опыт, становилась всё более востребованной.

Новое время

Экспериментальная методология Нового времени родилась из магии и поисков конвенционального основания в беспорядочном мире, последовательно и беспощадно демонстрирующего ненадёжность всех столпов средневековой культуры — от стремительно меняющегося под влиянием великих географических открытий и развития астрономии физического мира и политического порядка, развалившегося под напором религиозно-гражданских войн и развивающихся институтов светской власти, вплоть до вероучения, морали и языка, претерпевших серьёзные изменения под влиянием реформационных процессов, развития национальных языков и переоткрытия диссидентских античных философских течений — таких, как эпикурейство, гедонизм и атонизм. В условиях распада

² Более сложный и развёрнутый взгляд на проблему представляет работа А.В. Ахутина [Ахутин, 1976].

³ Цитируемый Бэконом в приведённом отрывке трактат «Стослов» (Centiloquium), ошибочно приписываемый Клавдию Птолемею, является средневековым сочинением неустановленного автора, известным приблизительно с XV в. и впоследствии довольно популярным. Таким образом, цитата ошибочно атрибутирована античности и, напротив, вполне репрезентативна для позднесредневековых взглядов.

социального порядка и утраты метафизических оснований интеллектуалы XVII в. искали универсальный метод, который должен был обеспечить необходимые основания и порядок в мире, где единственным инвариантом оказывается человек. В этой ситуации безусловной точкой опоры предсказуемо было выбрано «инвариантное человеческое» — трансцендентальный субъект или попросту рациональный индивид, а ключом к социальному порядку оказалось общественное согласие. Совместив эти две опорные точки, получаем универсальную цель методологических поисков Нового времени — разумный консенсус, построенный на таких основаниях, которые исключают возможность отзыва согласия кем-либо из участников. Хорошее правдоподобное знание — то, которому доверяют, с которым согласны многие («морально достоверное», вероятное), наилучшее знание — то, с которым никто не может не согласиться (истинное, метафизически достоверное знание) [Косарева, 1997].

В разгар научной революции ключевым камнем преткновения оказался вопрос об основании социального согласия: что должно служить отправной точкой — единство принципов устройства разума, доступ к которому носит приватный характер и относится к «внутреннему опыту», или истина факта, в которой природа раскрывает свои тайны перед внимательным взором потенциально неограниченного числа свидетелей? Защитникам «экспериментальной философии» (они же основатели Лондонского королевского общества и опытно-экспериментальной науки) второй вариант представлялся совершенно безальтернативным. При этом честность, рациональность, целенаправленность и вооружённость специальными орудиями должны были избавить опытное знание от его хорошо известных недостатков — локальности, единичности, приватности и смутности.

В отличие от обыденного чувственного опыта, вооружённое экспериментальное исследование позволяет стабилизировать факты и сделать их удобными для регистрации. Целенаправленность и предпосланная эксперименту поисковая задача исключают случайность получаемых в лаборатории результатов и делает экспериментальные факты весомыми и репрезентативными: как указывает один из основателей экспериментального метода Р. Гук, «эксперименты, где природа может очутиться как бы в затруднительном положении и принуждена бывает сознаться, прямо или косвенно, в том, чего мы добиваемся от неё, бывают наилучшими, если только они возможны» [Гук, 1948. С. 706]. Наконец, публичность экспериментов, прямо противопоставляемая закрытости лабораторных практик алхимиков и магов, превращает всех в потенциальных свидетелей — факты удобны для наблюдения, воспроизводимы и засвидетельствованы авторитетом беспристрастных и квалифицированных исследователей; с помощью специального языка наблюдений («литературная технология виртуального свидетельства» Р. Бойля) [Вархотов, 2020. С. 185–186] доступ к ним можно открывать не только непосредственным участникам экспериментов, но и всем, кто умеет читать. Сочетание перечисленных характеристик экспериментального знания делает его идеальным основанием для обеспечения социального согласия.

Необходимо отметить, что в период формирования экспериментального метода и основанного на нём естествознания факт вооружения опыта различными техническими средствами (что в современном лексиконе как раз и разграничивает, с одной стороны, наблюдение и опыт, а с другой — эксперимент) рассматривался как одновременно очень значимый и совершенно непроблематичный. Парадоксальным образом исследователи XVII в. не видели в вооружённом опыте ничего принципиально отличного от обычного опыта, кроме количественных изменений — большей стабильности, чёткости и ясности. Вооружённый опыт воспринимался как такой же естественный, и совершенно ясная для античной эпохи способность техники добавлять что-то качественно иное к естественным процессам, включая человеческое чувственное восприятие, для эпохи Нового времени оказалась полностью невидимой. Ответственными за это эпистемологическое смещение в трактовке технически опосредованного опыта, по-видимому, оказались две взаимосвязанные

установки новоевропейской интеллектуальной культуры: феноменализм, т.е. фактическое приращение восприятиям статуса реальности, и уверенность в единстве законов разума и природы, опирающаяся на унаследованную от Средневековья богословскую догматику творения. Последняя позволяла увидеть в мире божественный замысел, а в человеческом разуме — подобие разума Творца, что и обосновывало структурное подобие природы и разума.

Споры вокруг методологии эксперимента

Некритический взгляд на эксперимент как на *всего лишь* усовершенствованный опыт, — несмотря на отдельные яркие, но не получившие поддержки современников, попытки методологического анализа эксперимента с выходом на его конструктивные, а не рецептивные функции, на то, что «эксперимент является чем-то вроде очищения, изоляции одного-единственного действия, которое в общем процессе переживания не воспринимается непосредственно» [Динглер, 1997. С. 105]⁴, — продержится вплоть до начала 1980-х гг. [Вархотов, Волошин, 2025. С. 143–146]. В это время начинается «экспериментальный поворот» в философии науки, представленный первоначально развивавшимися параллельно германо-нидерландской (Х. Раддер) и американской (Я. Хакинг) линиями, каждая из которых имела собственные истоки: «немецкая» опиралась на марксистский анализ науки, разработанный франкфуртской школой, и Эрлангенскую конструктивистскую программу; американская линия была связана с витгенштейнианством, посткуновской философией науки и растущим влиянием социально-исторических исследований научной деятельности [Radder, 2009].

Методологические исследования научных экспериментальных практик оттолкнулись от двух ранее остававшихся сильно недооценёнными, если вообще замеченными (см. выше), положений: (1) научные эксперименты используют сложные технологические системы и фактически производят, изготавливают собственные результаты, тем самым (2) оказываясь не утончённой разновидностью практик наблюдения, а формой активной интервенции, целенаправленного вмешательства в естественный порядок вещей [Ibid.]. С одной стороны, именно эта устойчивая и воспроизводимая искусственность парадоксальным образом служит доказательством надёжности и достоверности экспериментальных результатов — если воспользоваться ставшей уже почти классической формулировкой Я. Хакинга, «если нечто можно “напылять”, оно реально» [Хакинг, 1997. С. 37]. При всей вопиющей простоте и кажущейся наивности, эта формулировка отражает суть позиции манипулятивного реализма: то, что может быть объектом систематической манипуляции, существует. Экспериментальные практики как раз и представляют собой эталонные образцы систематической манипуляции, причём есть масса примеров того, как такие устойчивые манипулятивные эпизоды возникали и долгое время жили без всякого теоретического контекста — например, фотоэлектрический эффект, экспериментально открытый А.С. Беккерелем в 1839 г., получил теоретическое объяснение только в начале XX в., — и, что более важно, оказывались инвариантными для разных теоретических контекстов, демонстрируя тем самым, что «эксперименты имеют свою собственную жизнь, независимую от теории» [Там же. С. 161–162].

Признание относительной самостоятельности экспериментальных практик, внутри которых «живут своей собственной жизнью» научные объекты, ломает классическую двухуровневую эпистемологическую схему, различающую чувственные данные и рациональные суждения и предполагающую либо восходящую траекторию построения знания — от фактов к законам (индуктивизм и позитивизм), либо нисходящую — гипотетико-дедуктивную

⁴ Публикация представляет собой перевод фрагментов одноимённой работы, впервые опубликованной в Германии в 1928 г.

(выдвижение предположений и проверка дедуцированных из них фактуальных утверждений — гипотетико-дедуктивный подход и методология критического рационализма). Экспериментальные данные не являются «просто» эмпирическими данными как своего рода естественное отражение объективной действительности в системе регистрации наблюдателя. Напротив, они активно извлекаются при специально созданных, тщательно контролируемых условиях, где, пользуясь метким выражением Дж. Гершеля, «не приходится выжидать опытности» [Гершель, 1868. С. 76]. Эксперименты предполагают принципиальную неестественность способа получения данных, что заставляет заново поставить старый аристотелевский вопрос: можно ли искусственным путём получить естественный результат, или: какие у нас есть основания считать устойчиво фабрикуемый результат значимо соответствующим чему-то природному — ведь «все исходные материалы были специально выращены и отобраны путём селекции. Большая часть веществ и химикатов очищена и получена от обслуживающей научную деятельность промышленности или из других лабораторий. Но независимо от того, были ли они куплены или приготовлены самими учёными, эти вещества являются не меньшим продуктом человеческих усилий, чем измерительные приборы или бумага на столах. Таким образом, кажется, что природу нельзя найти в лаборатории, если только она с самого начала не определяется как продукт научной работы» [Knorr-Cetina, 1981. Р. 4].

Развитая П. Фейерабендом критика теоретической нагруженности (theory-ladenness) фактов («эмпирическое “свидетельство” может быть создано некоторой процедурой, которая получает оправдание в том самом свидетельстве, которое сама же создаёт» [Фейерабенд, 2007. С. 61]) в сочетании с признанием их онтологической автономии в рамках манипулятивного реализма, или «реализма сущностей» (entity realism), рассматривающего возможность «контролировать поведение» объекта в рамках связки «теоретическое представление — экспериментальная модель» как признак его реальности без претензии на универсальность («Реальность вполне может быть всего лишь лоскутным одеялом законов») [Cartwright, 1999. Р. 34], привели к отказу от понимания «фактов» как элементарных структур опыта [Вархотов, Волошин, 2025. С. 141–142]. Факт расслаивается на «данные» (data) и «явления» (phenomena), где под явлениями понимаются «компоненты мира, которые в принципе могут повторяться в различных контекстах или условиях», а данные «это общедоступные записи, полученные в результате измерений и экспериментов, которые служат доказательством существования или характеристик явлений». В свою очередь, «исследователи пытаются разработать эксперименты и расположить измерительное оборудование таким образом, чтобы полученные с его помощью данные отражали особенности явлений, которые они пытаются обнаружить» [Woodward, 2011. Р. 166]. При этом, как отмечает Дж. Вудворд, заключение от данных к явлению (data-driven reasoning) — не простой индуктивный переход, поскольку содержит, помимо данных, теоретические и ценностные установки исследователя, но ещё и содержит качественный сдвиг от не имеющих систематического теоретического объяснения данных к дедуцируемым из теории явлениям [Ibid. Рр. 172–177].

Таким образом, отношения между данными и явлениями внутри экспериментальных практик проблематичны ввиду высокого уровня автономии этих слоёв: для того, чтобы свидетельствовать в пользу или против явления, данные должны быть соответствующим образом проинтерпретированы, т.е. соединены с теоретическими предпосылками, целями и моральными установками исследователя, а для того, чтобы их получить, требуется творческая мобилизация разнообразных ресурсов и способов их получения, никак не предполагаемых верифицируемой теорией. В свою очередь, явление может подтверждаться или опровергаться самыми разными типами данных, или вовсе представлять собой теоретическую фикцию, сопротивляющуюся в той или иной форме получению имеющих демонстративную ценность данных, — как, например, имеет место в случае чёрных дыр или частиц темной материи. В результате вместо простой и единообразной каузальной связи

«данные-явления-теория» либо «теория-явления-данные», возникают более сложные модели сетевого (например, концепция «добродетельного сплетения» различных научных практик и объектов, представленная в недавней работе Н. Картрайт с соавторами [Cartwright *et al.*, 2022]) либо коммуникативно-рыночного типа.

Советские экспериментальные кейсы и официальный контекст

Мы выбрали два эксперимента, результаты которых были признаны успешными, и руководство страны рекомендовало их к распространению. Третий эксперимент, связанный с именем И.Н. Худенко, несмотря на вроде бы хорошие результаты, закончился трагедией для его инициатора. Несколько забегаая вперёд, все эксперименты столкнулись с проблемой масштабирования и впоследствии не получили сколько-нибудь существенного распространения. И это обстоятельство требует отдельного обсуждения.

Н.А. Злобин и бригадный подряд в строительстве

Николай Анатольевич Злобин (1931 г.р.) — строитель, дважды Герой социалистического труда. Один из авторов так называемого «бригадного подряда» в строительстве.

Эксперимент как таковой был осуществлён в 1970 г. Суть его заключалась в том, что бригада отвечала за строительство объекта «от начала до конца», в отличие от прежнего советского опыта, когда монтажников сменяли каменщики, каменщиков — штукатуры и т.д. Подрядчик, в роли которого выступал сам бригадир (Н.А. Злобин), знал и сметную стоимость объекта. Сокращение сроков строительства приводило к экономии фонда оплаты труда, которая распределялась между застройщиком (строительным трестом) и бригадой. В результате 14-ти этажный дом был сдан «под ключ» за 155 дней вместо 235 дней, с оценкой «хорошо» (минимум замечаний приёмной комиссии в отношении устранения недоделок). Фактический рост производительности труда составил 36% при плане в 25%. Сметная стоимость объекта составляла 408 тыс. руб., бригада Злобина сэкономила 20 тыс. руб. Премии членам бригады составили от 362 до 495 руб., (при среднемесячной зарплате строительных рабочих в 1970 г. в 148,5 руб.). Следующий такой дом в 1971 г. был построен уже за 82 дня. Хотя экономия составила всего 17 тыс. руб., но среднемесячный заработок «злобинцев» составлял 240–250 руб., что было на 2/3 выше, чем в среднем по отрасли. Результаты эксперимента были признаны успешными, далее началось «распространение лучших практик».

Проблема масштабирования. У бригадного подряда было два «узких места», обусловленных общей институциональной средой советского социализма. Большие объёмы капитальных вложений порождали дефицит строительных материалов. Так, у тех же «злобинцев» в Зеленограде — пригороде Москвы, административно включённом в границы столицы, было 20–26 заводов-смежников, которые поставляли им свои изделия. Срыв поставок вёл к простоям и, соответственно, к потерям в заработках членов бригады. Вторая проблема — организация строительного процесса в самих трестах. Разные объекты имели различные приоритеты. И если обычные бригады можно было снимать с одних объектов и переводить на «горящие» стройки, то с бригадами, которые работали в условиях подряда («хозрасчётные бригады»), такого сделать было нельзя. Следует также отметить, что все закупки и, соответственно, «развёрстывание» материалов по строительным объектам осуществлялись инженерами и руководителями строительной организации. В случае конфликта с «хозрасчётной бригадой» они могли оставить её без материалов, техники и, как следствие, без заработков. Поэтому к концу 1970-х гг. репортажи о «злобинском методе» как панацее для решения проблемы повышения производительности труда в строительстве потихоньку стихают.

Авторство. Отдельный вопрос — кто был автором и инициатором эксперимента. В 1960-е гг. комплексной строительной бригадой в тресте «Печенганикельстрой» руководил Владислав Пахомович Сериков, получивший за высокие достижения своей бригады

звание Героя социалистического труда в 1966 г., за пять лет до эксперимента в Зеленограде. Впоследствии Злобин и Сериков договорились, что один «придумал» бригадный подряд в жилищном, а второй — в промышленном строительстве (они неоднократно встречались, и у них сложились тёплые личные отношения). Кроме того, цуоворя о зеленоградском эксперименте, следует отметить Сергея Тимофеевича Дементьева, начальника треста «Зеленоградстрой», который, во-первых, предложил Злобину идею такого подряда, а во-вторых, обеспечил бригаду материалами и техникой.

Вопрос об авторстве эксперимента как о личном социальном творчестве имеет отношение к традициям советского пиара и формирования образцов — своеобразных работников-эталонов (такую роль в 1930-е гг. сыграл, например, А.Г. Стаханов). Однако у этого вопроса есть и другая сторона — а что представлял собой «бригадный подряд»? Безымянные авторы интернет-статьи из Зеленограда о Н.А. Злобине цитируют В.М. Молотова: «Я не согласен с прославлением бригады Злобина — это же самый настоящий подрядчик, таких и при царе было полно!»⁵.

Щёкинский эксперимент: расширение зон обслуживания агрегатов в химическом производстве

Щёкино — средний (по численности населения) город в Тульской области, основным градообразующим предприятием в 1960-е гг. там был Щёкинский химкомбинат. После начала «косыгинских реформ» комбинату в 1966–1970 гг. были определены объёмы фонда оплаты труда в расчёте от заданных планом объёмов выпуска. Директор, Петр Михайлович Шаров, в 1968 г. предпринял реорганизацию производства, предложив работникам, по сути, «внутреннее совместительство». В результате к 1 января 1969 г. было сокращено 800 из 7 600 работников, производительность выросла на 86% при росте объёмов производства на 73%. К 1 января 1970 г. сократили ещё 200 человек. Зарплата на комбинате увеличилась в 1969 г. на 24,5%. За счёт прибыли начали строить бассейн и дом культуры (в принципе, это могло быть не результатом эксперимента, а предусматриваться отраслевым фондом развития соцкультбыта подведомственных предприятий, но об этом сейчас судить сложно). Затем комбинат был награждён орденом Ленина, а директор стал Героем социалистического труда. Как указывает автор комплиментарной заметки о Щёкинском эксперименте С.А. Обозов, в дальнейшем предполагалось сократить численность работников до 3 тыс. человек, увеличив среднюю зарплату на комбинате ещё на 70%. Но Шаров, по мнению Обозова, столкнулся с противодействием и местного горкома КПСС, озабоченного появлением безработных в городе, который в 1967 г. насчитывал 56 тыс. населения, и с руководством Минхимпрома, которому не нравилось, что «щёкинцы» будут зарабатывать на 70% больше⁶.

Достоверность. С.А. Обозов, как и другие комментаторы «щёкинского метода», сильно лукавят. В городе не было проблем с рабочими местами: кроме химкомбината (ныне компания Щёкиноазот), работал другой комбинат — Химволокно; заодно нуждались в рабочих руках Опытнo-механический, Опытнo-экспериментальный, Кирпичный заводы, завод ЖБИ, Райсельхозтехника, не говоря уже о строительных организациях. Численность населения города быстро росла: 1959 г. — 45 556, 1970 г. — 61 313, 1979 — 70 318 человек. Сокращение населения началось только к концу 1980-х гг., вместе с деиндустриализацией. Стоит отметить, что Щёкиноазот до сих пор является крупным предприятием — судя по сайту предприятия, в 2025 г. здесь продолжают работать больше 3 500 человек.

⁵ Кто такой строитель Николай Злобин, в честь которого названа улица в Зеленограде. История без глянца. Zelenograd.ru. URL: <https://www.zelenograd.ru/story/stroitel-zlobin/> (дата обращения: 15.06.2026).

⁶ Обозов С.А. Они смогли. Щёкинский бережливый эксперимент. Летопись бережливых побед. URL: <https://pspt.ru/history/tpost/g1j0l7e381-schekinskii-berezhlivii-eksperiment> (дата обращения: 15.06.2026).

То же самое относится и к росту оплаты труда. Вышеприведённые цифры — рост оплаты на 86% при росте объёмов на 73% и при сокращении численности работников примерно на 10% не представляет ничего «возмутительного», даже по советским меркам. И если бы министерство не поддерживало эксперимент П.М. Шарова, вряд ли бы он по результатам своей деятельности стал Героем труда.

Масштабирование. Результаты распространения «щёкинского метода» неизвестны, но в отличие от бригадного подряда он нашёл достаточно широкое распространение на предприятиях, где производительность зависела в первую очередь от бесперебойной и качественной работы крупных агрегатов, а не от индивидуального мастерства и интенсивности труда работников. Следует отметить, что эксперимент Шарова запустил процесс пересмотра нормативной численности как на действующих, так и на проектируемых заводах, что, естественно, ограничило рост планового фонда оплаты, но так и должно было произойти, будь то в рамках социалистического, будь то в рамках капиталистического (рыночного) планирования. Проблема масштабирования была в другом — для большинства предприятий с крупными агрегатами устанавливались *различные нормы выхода готовой продукции из одного и того же количества сырья*. И это свидетельствовало о различном уровне технической грамотности и технологической дисциплины как работников, так и руководителей предприятий. Дальнейшее обсуждение этой проблемы выводит на специфику кадровой политики соответствующих министерств, а заодно и партийном контроле за этой кадровой политикой, что находится вне рамок обсуждения результатов собственно эксперимента.

Что это было? Щёкинский эксперимент представляется прямым продолжением советской традиции научной организации труда и производства. В этом отношении любопытно то, что его нынешние комментаторы пытаются найти здесь конфликт между рационализацией и ценностями эгалитарности и искусственной поддержки занятости. Это явное «искажение ретроспективы». Тем не менее вопрос о качестве разработки норм и границах рационального планирования действительно остаётся открытым. Если при планировании требуемой численности советские проектировщики ошибались в два раза и больше, то чем могли быть обусловлены эти ошибки? И что именно доказал Щёкинский эксперимент?

И.Н. Худенко: хозрасчётные звенья в сельском хозяйстве

Иван Никифорович Худенко (1917–1974) после Великой Отечественной войны был демобилизован и в 1957 г. в Алма-Ате стал начальником отдела финансирования совхозов в министерстве сельского хозяйства Казахской ССР. Выходец из крестьянской семьи, он получил в 1930-х гг. средне-специальное образование (финансово-кредитный техникум). В начале 1960-х гг. стал директором большого совхоза «Илийский» в Алма-Атинской области, где и поставил свой первый хозяйственный эксперимент в 1963 г., получивший название «безнарядно-звеньевой системы организации и оплаты труда»⁷. В совхозе было три комплексных отделения с девятью полеводческими бригадами и общим совхозным фондом техники. Вместо этого было создано 17 звеньев по 4–5 человек, за которыми закрепили соответствующие единицы техники (5 комбайнов, 4 трактора, другие машины и техника). Была реорганизована и работа токов (площадок для первичной обработки и сушки зерна): было девять токов, где работало, в зависимости от объёмов поступающего зерна, 500–600 человек. После механизации остались три тока, которые обслуживало 12 человек. Худенко резко сократил административно-управленческий аппарат совхоза со 132 человек до двух: главного агронома и экономиста-бухгалтера. Эксперимент начался 1 марта 1963. Некоторые результаты приводятся в табл. 1.

⁷ Летопись бережливых побед. ПСПТ Росатом. URL: <https://pspt.ru/history/tpost/5cahkgdpz1-eksperiment-hudenko-skorostnoe-selskoe-h> (дата обращения: 15.06.2026).

Таблица 1

Показатели совхоза «Илийский»: 1962–1963 гг.

Показатель	1962 г.	1963 г.
Валовый сбор зерна, т	3 150	9 204
Среднегодовая численность, чел.	202	29
Производительность (ц зерна на 1 раб.)	156	3 173
Фонд оплаты труда, тыс. руб., год	181	59

Источник: Худенко Иван Викторович. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Худенко,_Иван_Никифорович#Эксперимент_в_Акчи (дата обращения: 15.06.2026).

Достоверность. Данные о результатах эксперимента противоречивы. 17 звеньев по 4–5 человек в каждом и три тока по 12 человек в каждом вряд ли можно привести к среднегодовой численности в 29 человек. То же самое относится и к численности работников до начала эксперимента, в 1962 г.: если только на 9 токах работало более 500 человек, не учитывая АУП в 132 чел. и неизвестное количество механизаторов, вряд ли это можно соотнести со среднегодовой численностью в 202 чел. Тем не менее понятно, что при таком росте объёма производства зерна экономические показатели совхоза (зарплата, выручка, прибыль, рентабельность) в условиях фиксированных закупочных цен резко выросли.

Вызывают сомнения и другие обстоятельства освещения эксперимента. Так, «Википедия» указывает, что «казахские документалисты сняли о Худенко фильм “Человек на земле”. В конце 1964 года новый первый секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев посмотрел фильм “Человек на земле” и завершил дискуссию: “Это дело преждевременное”»⁸. В свою очередь, известный советский экономист В. Белкин вспоминает, что на просмотр документального фильма «Человек на земле» (дипломная работа украинского режиссёра Р. Демина, сценарий Э. Дубровского) их пригласили в редакцию «Литературной газеты» уже во второй половине 1980-х. Фильм был снят в 1969 г. (!) и 18 лет «пролежал на полке» [Белкин, 2003. С. 79–91]. Но в таком случае Л.И. Брежнев никак не мог смотреть его в 1964 г. и обсуждать эксперимент И.Н. Худенко. Белкин указывает и другие цифры численности работников в «Илийском»: численность работников в полеводстве была 863 чел., во время эксперимента осталось 85 чел.

Второй эксперимент И.В. Худенко начался в 1967 г. в совхозе «Акчи» («Опытное хозяйство по производству витаминной травяной муки»). Условия были те же — звенья работали без нарядов, основные расчёты по результатам сезона, два управленца: директор М. Ли и экономист-бухгалтер И. Худенко. Белкин пишет, что заработки в «Акчи» были прямо связаны с «личным трудовым вкладом». Это трудно интерпретировать, так как при безнарядной системе личный вклад отдельного работника учесть трудно — результат определяется совместной работой всего «звена». Хозяйство было прибыльным, при этом себестоимость центнера готовой продукции была в 3–4 раза ниже, чем в сопоставимых хозяйствах данной климатической зоны.

Несмотря на высокую экономическую эффективность, в 1970 г. эксперимент прекращают, причём в разгар сезона; поэтому работники не смогли получить расчёт по конечным результатам работы. Худенко обращается в суд (иск к Министерству сельского хозяйства Казахской ССР о выплате рабочим фактически заработанных ими денег) и в СМИ, что в конце концов заканчивается его арестом в 1973 г. В 1974 г. Худенко умер в тюремной больнице.

⁸ Худенко Иван Викторович. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Худенко,_Иван_Никифорович.

В воспоминаниях В. Белкина есть несколько интересных моментов. Во-первых, по-видимому, первоначальный эксперимент Худенко в «Илийском» не был согласован с властями Казахстана (хотя, возможно, кто-то из министерства сельского хозяйства КазССР и обещал поддержку). Поэтому у событий 1963–1966 гг. не было официального статуса «эксперимента». Напротив, создание «Опытного хозяйства...» было согласовано с союзными ведомствами: Комитетом по труду, Центральным статистическим управлением, Министерством финансов, Госбанком СССР. Был и научный руководитель (!) — зам. министра сельского хозяйства республики, член-корреспондент Академии наук Казахстана А.Е. Елеманов, курировавший эксперимент. Однако Елеманов умер в марте 1970 г., ещё до летнего разгрома хозяйства Худенко.

Во-вторых, после фактической ликвидации хозяйства возникла уже реальная политическая борьба, в СМИ зазвучали имена руководителей как Минсельхоза, так и ЦК Компартии Казахстана. Показательно, что Белкин ничего не пишет о союзных ведомствах, которые ничего не предпринимали для защиты эксперимента, зато указывает: «губителей эксперимента нельзя было критиковать напрямую, поимённо. Должности позволяли им существовать вне гласности. Писали в газетах, что опыт Худенко хорош, но нельзя было писать, что отношение руководства республики к Худенко и его коллегам антиобщественно, некомпетентно» [Белкин, 2003. С. 90].

В-третьих, в современных публикациях пишется, что уголовное дело против Худенко основывалось на том, что при подаче исков использовалась печать ликвидированного (несуществующего) хозяйства «Акчи». Однако Худенко и Ли обвинили в присвоении государственных средств, едва ли не тех же самых, которые они требовали от Минсельхоза (?). Белкин пишет: «Суд над И.Н. Худенко предстоял летом 1973 г. Получив это сообщение, я позвонил в приёмную Д.А. Кунаева⁹, чтобы выяснить действительные намерения казахстанской власти в отношении Ивана Никифоровича. Меня заверили, что в самом крайнем случае суд приговорит его к минимальному сроку — меньше 5 лет лишения свободы и он будет тут же амнистирован как участник Отечественной войны. Меня предостерегли “от вмешательства Москвы в наши казахстанские дела”, мол “это плохо скажется на судьбе Худенко”. Я наивно поверил и на этот раз ничего не предпринял. Как оказалось, напрасно.

На заседании 28 августа 1973 г. Алма-Атинский городской суд вопреки коварным заверениям кунаевского помощника приговорил И.Н. Худенко к 6 годам лишения свободы с тем, чтобы под амнистию он не попадал» [Там же. С. 90–91].

Таким образом, в описании экспериментов Худенко определённо присутствует проблема *достоверности*, причём она связана не столько с автором эксперимента, сколько с «внешней средой». Вместо того, чтобы, как в случае с бригадным подрядом Н. Злобина и щёкинским методом, дать автору заслуженные награды, а заодно разделить с ним славу успешного реформатора, часть акторов сделала всё возможное, чтобы дискредитировать результаты. Поэтому вопрос о *масштабировании* эксперимента автоматически снимается. Зато наиболее остро встаёт другая проблема — *что показал эксперимент Худенко*, учитывая последовавший запрет на его повторение? Очевидные выводы об отрицательной роли партийной и хозяйственной бюрократии представляются поверхностными. Можно предположить, что проблема была в том, что эксперимент был *слишком* успешным. Попытка его масштабирования могла бы привести к развалу политического консенсуса, связанного с обменом финансовой и технической помощи «отстающим хозяйствам» на политическую поддержку¹⁰.

⁹ Динмухамед Ахмедович Кунаев — первый секретарь ЦК КП Казахстана (1964–1986).

¹⁰ Большинство партийных руководителей КазССР в 1960–1990-е гг. — председатели райкомов, непосредственно связанные с «аграрным лобби». Они успешно конкурировали за ресурсы и статусные места в ЦК и правительстве Казахстана с представителями горкомов, связанными с отраслями промышленности.

Интерпретация: единство теории и передового опыта

Естественно, что советский научный и хозяйственный истеблишмент полностью разделял взгляд на эксперимент как на «усовершенствованный опыт» и был нечувствителен «к различиям вооружённого и невооружённого опыта». В этом отношении марксизм, задававший основы когнитивной структуры социальных наук в СССР, *оставался метатеорией из XIX в.* О чём это говорит, когда мы начинаем обсуждать советские хозяйственные эксперименты? Дело в том, что «вооружённый опыт» в экономической науке предполагает специальные инструменты наблюдения, которые сводятся прежде всего к анкетированию, фиксации «циклов эксперимента», повторяемости и т.д. Это легко увидеть на примере экспериментов не только В. Смита, но и поведенческой экономики с её «якорями», избеганием потерь и прочим (см. например: [Талер, 2017]). Советские хозяйственные эксперименты в ретроспективе удивляют тем, что это специфические организационно-экономические конструкты, никак не изолированные от текущих практик.

Вопросы о «чистоте экспериментов», однако, имеет смысл обсуждать только в дискурсе философии науки XXI в., где эксперимент, феномены и теория представляют различные фрагменты научного знания. Если же вернуться к дискурсу «усовершенствованного опыта», который полностью доминировал в СССР, то всё становится на свои места. В случае позитивного исхода новая форма хозяйствования становилась «руководством к действию». И бригадный подряд, и «расширение зон обслуживания», и «хозрасчётные звенья», таким образом, являются полноценными экспериментами — и одновременно «передовым опытом».

Все три вышеописанных эксперимента столкнулись с проблемами масштабирования. Советские интерпретации последнего через появление «угрозы безработицы» были явно фантастическими. Более правдоподобным был вариант, связанный с трудностями планирования и снабжения, с которым столкнулись энтузиасты бригадного подряда в строительстве. Но если считать приобретённый опыт передовым, то что бы это могло означать?

Во-первых, если использовать советскую риторику того времени, успехи экспериментов показывают *«эффективность использования товарно-денежных отношений»*. Это были не «бригады коммунистического труда» или «кружки качества», где организаторы пытались добиться идентификации интересов работников с интересами начальства в процессе служения общему делу. Здесь же — как и в массе других новаций в СССР — имело место «повышение материальной заинтересованности работников в результатах своего труда». Начиная, по крайней мере с 1965 г., такой подход был вполне легитимным. Распространённость таких экспериментов, их пропаганда в печати доказывает то, что политэкономы — «товарники» теоретически победили своих оппонентов — «кавалеристов» в старом споре.

Во-вторых, вообще говоря, результаты этих экспериментов показывают *преимущества капиталистического хозяйствования над социалистическим*. Придуманная угроза безработицы в Щёкино, из-за которой якобы *нельзя повышать производительность труда* — социалистический аргумент *против капитализма*. Однако и признание проблем планирования и снабжения относится к этому же дискурсу, только с обратным знаком, как аргумент *против социализма*. Л. Крицман, рассматривая опыт военного капитализма, исчерпывающе охарактеризовал кризисы снабжения при социализме, которые являлись конъюнктурным, формальным выражением общего *кризиса недопроизводства* [Крицман, 1925]. Уместно здесь и замечание В. Молотова о том, что бригадный подряд не представляет собой ничего нового — так и при царе строили.

Именно второе обстоятельство лежало в основе как удач, так и последующего краха советских хозяйственных экспериментов. Здесь было «слепое пятно» советского истеблишмента: эксперименты вроде бы доказывали успешность *социалистического* хозяйствования,

но их распространение требовало рынка и, по крайней мере, допущения властью «элементов капитализма», включая частную собственность на средства производства в небольших аграрных предприятиях.

На наш взгляд, советские учёные не могли сделать такого вывода, основываясь на рассмотренных формах «передового опыта», несмотря на популярность теории конвергенции и «шведского социализма». Имел место разрыв между микро- и макроэкономикой, который проявлялся в СССР в оторванности планов от институтов, определявших повседневное функционирование предприятий и организаций. Результатом разрыва был регулярный провал правильных решений, принимавшихся руководством советского государства по опережающему развитию сферы производства предметов потребления на макроуровне, начиная с восьмой пятилетки. Но дело не только в этом. Находясь в рамках парадигмы, где опыт совпадал с теорией и феноменами, невозможно непротиворечиво объяснить *феномен разрыва* между ними. При этом надо подчеркнуть, что в СССР «практика» регулярно расходилась с «теорией» и это обстоятельство было общепризнанным. Однако особенностью старой когнитивной структуры было отрицание невозможности перехода *от существующего к должному*. Видение мира в рамках мировоззрения К. Маркса для искреннего коммуниста закрывало возможности серьёзного обсуждения «гильотины Юма». Поэтому расхождения практики и теории воспринимались как вызов — эти расхождения требовалось устранять *совершенствованием* практики и *углублением* теории. Признание фрагментации, того, что теория и опыт могут существовать отдельно друг от друга, при таком мировоззрении было невозможным.

Неудивительно, что к 1980-м гг. хозяйственные эксперименты в СССР прекратились. Однако признание фрагментации знания было по-прежнему невозможным. Поэтому реформы М.С. Горбачева не предполагали возможности возвращения к дореформенному состоянию в случае неудачи. Общее мнение активных участников процесса — экономистов, социологов, философов — было выражено в знаменитом и крайне популярном тогда сборнике «Иного не дано» [Иного..., 1988].

Заключение: что даёт понимание советских экспериментов для современной российской политики?

Методологический анализ трёх описанных выше советских экономических экспериментов обращает внимание на ряд важных особенностей как экспериментальных методов, так и экономики как специфического предмета исследования.

«Аккуратное», или попросту ориентирующееся на естественнонаучные методологические практики, использование эксперимента предполагает различие релевантных и нерелевантных исследуемому предмету факторов, изоляцию и взятие под контроль первых и вытеснение из экспериментальной системы последних. Для решения этих задач используются, с одной стороны, технические средства и устройство искусственного лабораторного пространства, а с другой — жёсткая связка *материального эксперимента* с направляющим его *экспериментом мысленным*, с помощью которого формируются ожидания относительно результатов («явлений») и критерии их чистоты (представления о том, от чего именно следует изолировать экспериментальную действительность, а что взять под контроль и наблюдение). Мысленный эксперимент, в свою очередь, связывает экспериментальное лабораторное пространство с теоретическим, позволяя понять, какие данные помогут предъявить ожидаемое теорией явление.

Советские экономические эксперименты проходили принципиально иначе: они представляли собой прямую локальную интервенцию в экономическую действительность, без обеспечения изоляции и установления границ между «лабораторной» и «нормальной» действительностью. Это позволяло легко, некритически смешивать «экспериментальную

реальность» и «лучшие практики», а также рассматривать результаты (наблюдаемые изменения — «явления») как «естественные», т.е. не сфабрикованные, а выявленные. Дополнительную сумятицу вносило отсутствие необходимой содержательной связи между экспериментом и теорией: ожидаемые «явления» опирались на «другую» (капиталистическую) экономическую теорию, либо представляли собой *ad hoc* гипотезы (догадки инициаторов экспериментов, подсказанные здравым смыслом) и с точки зрения канонической (марксистской) теории имели сомнительный статус (архаизировались, подвергались критике как чуждые сознанию советского человека и т.п.). Результаты экспериментов оказывались «успешными» с жизненно-практической, хозяйственной точки зрения, но разбивались, с одной стороны, об отсутствие у этих результатов теоретического места (они не принадлежали множеству явлений, ожидаемых советской марксистской политэкономией, и обслуживали совсем другие экономические теории), а с другой — о неопределённость границ «экспериментальной» и «естественной» экономической реальности и отсутствие чёткого понимания того, какая совокупность условий в действительности обеспечивает или разрушает предъявленное экспериментом заманчивое «явление» (например, как было отмечено выше, неэффективность снабжения, в обыденной реальности неподконтрольная строительной бригаде, легко сводила на нет эффективность бригадного подряда).

Отмеченные сложности вылились в проблему масштабируемости результатов экономических экспериментов. Эта проблема имеет, как минимум, два измерения: методологическое и административно-прагматическое. Методологическое измерение заключается в том, что советские экономические эксперименты дали хорошие жизненно-практические результаты («явления»), но не дали, пользуясь языком Н. Картрайт, «чертежей номологических машин» для воспроизводства этих результатов за пределами экспериментальной реальности. Во всех трёх описанных экспериментах «обычная» реальность в различной степени работала на обеспечение экспериментальной реальности (создавая особые условия снабжения, финансового и правового обеспечения и т.д.), а пренебрежение процедурами изоляции и различения «явления» и «данных» сделало невозможным оценку фактической роли этих и иных факторов в достигнутых успехах. Эксперименты предоставили привлекательные *ad hoc* решения, но не модели, а возможность построения моделей была заблокирована канонической эпистемологией советского марксизма. Подчеркнём, не политической идеологией, а именно эпистемологией — образом мысли, исключающим возможность признать успешными «архаичные капиталистические» решения.

В свою очередь, административно-прагматическая часть проблемы связана с наличием неустранимого напряжения между политическими, экономическими и корпоративными измерениями социальной действительности: экономическая эффективность не является универсальным или, тем более, единственным мотивом деятельности, и экономическая успешность стратегии определённой социальной группы («бригадный подряд» или «хозрасчетные звенья») может быть заблокирована другими группами по причине беспокойства о возможном нарушении Парето-равновесного состояния внутри корпорации («строителей», «колхозников» и т.д.)¹¹ или же по причине опасности политических экспликаций успешного экономического решения (например, дискредитации советского строя).

Перечисленное выше сохраняет актуальность и в настоящее время: так называемые экономические эксперименты остаются привлекательным способом апробации *ad hoc* решений посредством прямой «прививки» действительности и получения локального результата. В то же время неразрешимость проблемы изоляции и, соответственно, различения естественного хода событий и результатов целенаправленных манипуляций

¹¹ Такого рода примат квазисредневековой корпоративности, исключающей возможность кому-либо отличаться от остальных, А.А. Зиновьев называл «коммунальностью» и считал определяющей чертой советской социально-политической культуры [Ореховский, Вархотов, Кошовец, 2022].

приводит к проблемам масштабирования результатов и оценки их валидности. А попытка рассматривать экономическую действительность изолированно от других измерений социального мира приводит к недооценке значимости иных, «чуждых» институциональных систем и целей человеческой деятельности (политических, корпоративных, личных и т.д.) для имплементации «хороших» экономических «явлений» в пёструю ткань социального мира. И здесь нельзя не отметить существование ещё одного эпистемологического разрыва, помимо того, о котором говорилось выше. Речь идёт о невозможности перехода между анализом социально-экономических феноменов на уровне групп и анализа тех же самых феноменов на уровне исторических личностей. Общая схема советских экспериментов позволяла «манипулировать общественным мнением» (как написали бы исследователи «постправды» в наше время) и добиваться повышения социального статуса их организаторов. Но в случае с И.Н. Худенко, очевидно, такая схема «дала сбой».

Как показывает в своей большой работе Л. Болтански, заполнение разрыва между действиями личностей и поведением групп требует введения конспирологии в социологию [Болтански, 2019]. Остаётся только гадать, имело ли место желание тогдашних руководителей Казахстана показать Центру, «кто здесь власть», опасность разоблачения фактов сокрытия части урожая и реализации его на «сером» рынке для коллег Худенко, трения между ВАСХНИЛ и Минсельхозом или что-то ещё. Существование указанного разрыва без возможности изоляции условий эксперимента оставляют большие возможности для самых разных спекуляций.

Экспериментаторство в современной России идёт непрерывно. Это и предоставление различных налоговых льгот с целью поощрения предпринимательства и «вывода» последнего из «неформальной экономики» для создания хоть какого-то будущего пенсионного обеспечения «самозанятых», не говоря уже о надежде на рост налоговых поступлений. Это и организация многочисленных «территорий опережающего развития». Это и предоставление брони от службы в Вооружённых силах России работникам сектора информационно-компьютерных технологий с целью замедления их «релокации», и повышение утилизационного сбора для защиты отечественного автомобилестроения. Иногда какие-то из этих мероприятий срабатывают, сразу же получая хорошую прессу и зачисление в «лучшие практики», но большая часть результатов выглядит весьма спорной.

Тем не менее хозяйственные эксперименты продолжаются. Одна из основных задач нашей работы — объяснение того, что прожектёрство и экспериментаторство в России являются респектабельными не только из-за рентоориентированного поведения, которое наблюдается на уровне различных социальных групп. Главное — сохраняющееся в общественном сознании (в первую очередь, когнитивной структуре представителей социальных наук и политического истеблишмента) отождествление феноменов, эксперимента и теории. Поэтому «лучшие практики» — это всё тот же старый «передовой опыт», а последний — это «экономический эксперимент», основа которого заимствована в лучшем случае из западных теорий, включая «кривую Лаффера», а в худшем — из архаичных представлений Ж.-П. Прудона о том, что субъекту хозяйствования должен доставаться «полный продукт труда».

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф Дж., Крэнтон Р. (2010). *Экономика идентичности*. — М.: Карьера Пресс.
- Аристотель (1976). *Метафизика* / Соч.: В 4-х т. Т. 1. — М.: Мысль.
- Ахутин А.В. (1976). *История принципов физического эксперимента от античности до XVII в.* — М.: Наука.
- Белкин В.Д. (2003). *Тернистый путь экономиста: Воспоминания о прожитом и размышления о грядущем*. — М.: Дело.
- Биргер П.А. (2014). Успехи и проблемы античного научного эксперимента // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Философия*. №3. С. 40–47.
- Болтански Л. (2019). *Тайны и заговоры. По следам расследований*. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
- Бондаренко О.В., Ильяшевич Н.П., Мартыненко А.И. (2018). Философско-методологические основы генезиса мысленного эксперимента и его роль в формировании античной науки // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. № 10. С. 1–10. DOI: 10.24422/MCITO.2018.10.18206.
- Бэкон Р. (2005). *Избранное*. — М.: Издательство францисканцев.
- Вархотов Т.А. (2020). В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // *Логос*. №3. С. 178–201.
- Вархотов Т.А., Волошин М.Ю. (2025). Таксономия нематериального эксперимента // *ПРАЭНМА*. №1. С. 138–167. DOI: 10.23951/2312-7899-2025-1-138-167.
- Гершель Дж. (1868). *Философия естествознания*. — СПб.: Изд-во русской книжной торговли.
- Гук Р. (1948). Общая схема или идея настоящего состояния естественной философии // *Научное наследство*. Т. 1. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Динглер Г. (1997). Эксперимент. Его сущность и история // *Вопросы философии*. № 12. С. 94–134.
- Иного не дано (1988): Сб. статей / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. — М.: Прогресс.
- Косарева Л.М. (1997). *Рождение науки Нового времени из духа культуры*. — М.: Институт психологии РАН.
- Крицман Л. (1925). *Героический период Великой русской революции (Опыт анализа т.н. «Воен. коммунизма»)*. — М.: Гос. изд.
- Мертон Р. (2006). Самоосуществление пророчества // Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. — М.: АСТ: МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ. С. 605–626.
- Ореховский П.А., Вархотов Т.А., Кошовец О.Б. (2022). Конкурирующие проекты социализма в СССР периода политического романтизма. Часть II. Социализм без экономики: конструктивизм и антиутопия // *Вопросы философии*. №4. С. 140–152. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-140-152.
- Смит В. (2008). *Экспериментальная экономика*. — М.: ИРИСЭН.
- Талер Р. (2017). *Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать*. — М.: БОМБОРА.
- Фейрабенд П. (2007). *Против метода*. — М.: АСТ.
- Хакинз Я. (1997). *Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук*. — М.: Логос.
- Шадевальд В. (1989). Понятия «природа» и «техника» у греков // *Философия техники в ФРГ*. — М.: Прогресс. С. 90–103.
- Cartwright N. (1999). *The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Cartwright N., Hardie J., Montuschi E., Soleiman M. and Thresher A.C. (2022). *The Tangle of Science. Reliability Beyond Method, Rigour, and Objectivity*. — Oxford: Oxford University Press, E-Book. DOI: 10.1093/oso/9780198866343.001.0001.
- Knorr-Cetina K. (1981). *The Manufacture of Knowledge*. — Oxford: Pergamon Press Ltd.
- Radder H. (2009). The philosophy of scientific experimentation: a review // *Automated Experimentation*, 1:2. DOI: 10.1186/1759-4499-1-2.
- Woodward J.F. (2011). Data and phenomena: a restatement and defense // *Synthese*. Pp.165–179. DOI: 10.1007/s11229-009-9618-5.

REFERENCES

- Akerlof J., Kranton R. (2010). *The Economics of Identity*. — M.: Career Press. (In Russ.).
- Akhutin A.V. (1976). *History of the Principles of Physical Experimentation from Antiquity to the 17th Century*. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Aristotle (1976). *Metaphysics. Works: In 4 vols. Vol. 1*. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Bacon R. (2005). *Selected Works*. — M.: Franciscan Publishing House. (In Russ.).
- Belkin V.D. (2003). *The Thorny Path of an Economist: Memories of the Past and Reflections on the Future*. — M.: Delo. (In Russ.).
- Birger P.A. (2014). Successes and Problems of the Ancient Scientific Experiment // *Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University. Philosophy Series*. No. 3. Pp. 40–47. (In Russ.).
- Boltanski L. (2019). *Secrets and Conspiracies. Following the Investigations*. — St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).

- Bondarenko O.V., Ilyashevich N.P., Martynenko A.I. (2018). Philosophical and Methodological Foundations of the Genesis of the Thought Experiment and Its Role in the Formation of Ancient Science // *Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept»*. No. 10. Pp. 1–10. (In Russ.) DOI: 10.24422/MCITO.2018.10.18206.
- Cartwright N. (1999). *The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Cartwright N., Hardie J., Montuschi E., Soleiman M. and Thresher A.C. (2022). *The Tangle of Science. Reliability Beyond Method, Rigour, and Objectivity*. — Oxford: Oxford University Press, E-Book. DOI: 10.1093/oso/9780198866343.001.0001.
- Dingler G. (1997). Experiment. Its Essence and History // *Voprosy Filosofii*. No. 12. Pp. 94–134. (In Russ.).
- Feyrabend P. (2007). *Against the Method*. — M.: AST. (In Russ.).
- Gook R. (1948). General Scheme or Idea of the Present State of Natural Philosophy // *Scientific Heritage*. Vol. 1. — M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Hacking J. (1997). *Representation and Intervention. Introduction to the Philosophy of the Natural Sciences*. — M.: Logos. (In Russ.).
- Herschel J. (1868). *Philosophy of Natural Science*. — St. Petersburg: Publishing House of the Russian Book Trade. (In Russ.).
- Knorr-Cetina K. (1981). *The Manufacture of Knowledge*. — Oxford: Pergamon Press Ltd.
- Kosareva L.M. (1997). *The Birth of Modern Science from the Spirit of Culture*. — M: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Kritzman L. (1925). *The Heroic Period of the Great Russian Revolution (An Attempt at Analyzing the So-Called «Military Communism»)*. — M.: State Publishing House. (In Russ.).
- Merton R. (2006). Self-Fulfillment of Prophecy // R. Merton. *Social Theory and Social Structure*. — M.: AST: MOSCOW KHANITEL. Pp. 605–626. (In Russ.).
- Nothing Else Given (1988): Collection of Articles / Yu. N. Afanasyev (ed.). — M: Progress. (In Russ.).
- Orehovsky P.A., Varkhotov T.A., Koshovets O.B. (2022). Competing Projects of Socialism in the USSR during the Period of Political Romanticism. Part II. Socialism without Economics: Constructivism and Dystopia // *Voprosy Filosofii*. No. 4. Pp. 140–152. (In Russ.) DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-140-152.
- Radder H. (2009). The philosophy of scientific experimentation: a review // *Automated Experimentation*, 1:2. DOI: 10.1186/1759-4499-1-2.
- Schadevald W. (1989). The Concepts of «Nature» and «Technology» among the Greeks // *Philosophy of Technology in the FRG*. — M.: Progress. Pp. 90–103. (In Russ.).
- Smith W. (2008). *Experimental Economics*. — M.: IRISEN. (In Russ.).
- Thaler R. (2017). *The New Behavioral Economics: Why People Break the Rules of Traditional Economics and How to Make Money from It*. — M.: BOMBORAH. (In Russ.).
- Varkhotov T.A. (2020). In Search of the Epistemology of Consent: On the 35th Anniversary of «Leviathan and the Air Pump» // *Logos*. No. 3. Pp. 178–201. (In Russ.).
- Varkhotov T.A., Voloshin M.Yu. (2025). A Taxonomy of the Immaterial Experiment // *PRAHEMA*. No. 1. Pp. 138–167. (In Russ.) DOI: 10.23951/2312-7899-2025-1-138-167.
- Woodward J.F. (2011). Data and phenomena: a restatement and defense // *Synthese*. Pp. 165–179. DOI: 10.1007/s11229-009-9618-5.

Вархотов Тарас Александрович

ORCID: 0000-0003-3363-7596

varkhotov@gmail.com

Taras Varkhotov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ORCID: 0000-0003-3363-7596

varkhotov@gmail.com

Ореховский Петр Александрович

ORCID: 0000-0003-2816-1298

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

ORCID: 0000-0003-2816-1298

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

orekhovskaya@mail.ru

SOVIET ECONOMIC EXPERIMENTS: METHODOLOGY AND PRACTICAL RESULTS

Abstract. This paper examines the socioeconomic experiments conducted in the USSR in the 1960s and 1970s, specifically N. Zlobin's team contracting in construction, the expansion of service areas at the Shchekino chemical plant, and I. Khudenko's method of cost-accounting units in agriculture. A retrospective review of the philosophy of science is provided, focusing on understanding experiments and the consequences of using various techniques in their implementation. Contemporary philosophical discussions demonstrate that in science, phenomena, experiments, and theory are significantly isolated from one another. However, in the USSR, these concepts were inseparable, allowing experiments to be equated with best practices, moving from results to the scaling (dissemination) of «best practices». A retrospective analysis of Soviet economic experiments and attempts to scale them up shows that their results demonstrated the superiority of the capitalist mode of production over socialism, but this conclusion was in no way consistent with the economic theory of the time (the political economy of socialism). In turn, modern Russian economic innovations retain Soviet methodology, which contributes to rent-seeking behavior among those initiating these experiments.

Keywords: *social experiments, thought experiments, experimental methodology, team contracting, expansion of service areas, cost-accounting units, scaling, epistemological gap.*

JEL: B41, B51, B59.

О.А. Алексеев

ведущий специалист, АО «Банк ДОМ.РФ» Москва

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ ФРАНСУА КЕНЭ

Аннотация. В статье предпринята имманентная реконструкция теории стоимости Франсуа Кенэ на основе систематического анализа его ключевых экономических сочинений. Вопреки распространённому в историографии представлению о том, что у Кенэ отсутствовала развитая теория стоимости, автор доказывает, что в работах основоположника физиократии содержится внутренне согласованная система теоретических положений, охватывающая субстанцию стоимости, её мерило, формы прибавочной стоимости и механизм реализации. Показано, что субстанция стоимости у Кенэ носит двойственный характер: это земля как носитель даровой производительной силы природы, соединённая с трудом земледельца, который реализует эту способность. Мерилом стоимости выступают издержки производства (авансы), скорректированные через механизм свободной конкуренции и внешней торговли. Чистый продукт (*produit net*) интерпретируется как единственная форма прибавочной стоимости, возникающая исключительно в земледелии. Реконструированы различия между структурой стоимости в земледелии и промышленности, механизм перехода авансов в чистый продукт, роль денег в реализации стоимости и соотношение стоимости с рыночной ценой. Показано, что прибыль фермера (процент на авансы) функционирует как необходимый, но «нерасполагаемый» элемент издержек, обеспечивающий накопление капитала, и сознательно исключается Кенэ из чистого продукта по фискально-политическим причинам. Полученные результаты позиционированы в контексте основных интерпретационных линий — марксистской, неорикардianской, леонтьевской и институциональной, что позволяет снять противоречие между «натуралистическими» и «формалистическими» прочтениями физиократической системы.

Ключевые слова: Франсуа Кенэ, физиократия, теория стоимости, чистый продукт, авансы, экономическая таблица Кенэ, цена производства.

JEL: B11, B31, B51

УДК: 330.1, 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_102_114

© О.А. Алексеев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алексеев О.А. Реконструкция теории стоимости Франсуа Кенэ // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 102–114. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_102_114.

FOR CITATION: Alekseev O. Reconstructions of François Quesnay's theory of value // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 102–114. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_102_114.

Введение: постановка проблемы

В историографии экономической мысли сложился примечательный парадокс. С одной стороны, Франсуа Кенэ признаётся «настоящим отцом современной политической экономии» [Маркс, 1978. С. 12], создателем первой макроэкономической модели и автором «величайшего достижения в истории экономической мысли» до работ Л. Вальраса [Schumpeter, 1954]. С другой стороны, ему нередко отказывают в наличии развитой теории стоимости. Й. Шумпетер квалифицировал подход физиократов как «бухгалтерский» или «метаболический», где субстанцией является не труд, а материальный излишек. М. Блауг утверждал, что у Кенэ была физическая теория излишка, а не теория стоимости [Blaug, 1997]. Дж. Жилибер вынес приговор: Кенэ создал теорию стоимости без теории цен [Gilibert, 1987].

Между тем дискуссия отнюдь не завершена. Дж. Ваджи в монографии 1987 г. и статьях 1983 и 1985 гг. доказал наличие у Кенэ последовательной системы ценообразования, построенной на различении фундаментальной цены (*prix fondamental*) и надлежащей цены (*bon prix*) [Vaggi, 1983; Vaggi, 1985; Vaggi, 1987]. Ф. Серрано и Н. Мазе реконструировали физический излишек как необходимое условие стоимостного чистого продукта в рамках «подхода излишка» (*surplus approach*) [Serrano, Mazat, 2013]. Р. Ван ден Берг вернул в центр анализа понятие «полной конкуренции» как институционального условия физиократической теории стоимости [Van den Berg, 2004]. М. Менегатти показал, что Кенэ сознательно исключил прибыль фермера из чистого продукта по политико-фискальным причинам, связанным с обоснованием единого налога (*impôt unique*), и что прибыль играет ключевую роль в динамике накопления капитала через механизм *bon prix* [Menegatti, 2018].

Эти разнонаправленные интерпретации свидетельствуют об отсутствии консенсуса. Каждая из них улавливает отдельные аспекты учения Кенэ, но ни одна не даёт целостной реконструкции его теории стоимости. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел. Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: можно ли на основании текстов самого Кенэ реконструировать внутренне согласованную теорию стоимости, которая объединяет субстанцию стоимости, её мерило, формы прибавочной стоимости и механизм реализации?

Актуальность такой реконструкции определяется тем, что физиократическая концепция стоимости остаётся недоисследованным звеном между меркантилизмом и классической политической экономией. Без понимания того, как Кенэ мыслил стоимость, невозможно адекватно оценить ни его «Экономическую таблицу», ни его влияние на А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса. Как показали Х. Курц и Н. Сальвадори, Кенэ стоял у истоков идеи «производства товаров посредством товаров», которую впоследствии формализовал П. Сраффа [Kurz, Salvadori, 2006]. Понимание физиократических корней этого подхода проливает свет на всю последующую эволюцию теории стоимости.

Историография проблемы: основные линии интерпретации

Интерпретации теории стоимости Кенэ могут быть сгруппированы в несколько направлений, каждое из которых задаёт собственную оптику анализа.

Марксистская линия (К. Маркс, Р. Мик, К. Герке и Х. Курц).

Стоимость у Кенэ рассматривается сквозь призму категории прибавочной стоимости. Маркс определял субстанцию стоимости у физиократов как «вещество природы» и критиковал их за сведение прибавочной стоимости к единственной форме — земельной ренте [Маркс, 1978. С. 26-32]. Вместе с тем он высоко оценил перенесение анализа из сферы обращения в сферу производства и создание «Экономической таблицы» как

первой модели общественного воспроизводства. Мик продолжил эту линию, представив чистый продукт как «зачаточную форму прибавочной стоимости» и предложив одну из наиболее детальных классификаций авансов [Meek, 1962]. Герке и Курц проследили, как Маркс использовал физиократические категории (авансы, чистый продукт, кругооборот) при построении собственных схем воспроизводства, показав непосредственную преемственность «Таблицы» с марксовыми моделями простого и расширенного воспроизводства [Gehrke, Kurz, 1995].

Неорикардрианская (сраффианская) линия (П. Гареньяни, Дж. Ваджи, Дж. Жилибер, Ф. Серрано и Н. Мазе).

Её сторонники делают акцент на физическом излишке как основе стоимостного чистого продукта и формализуют систему Кенэ в терминах моделей Леонтьева-Сраффы. Гареньяни реконструировал общую структуру «подхода излишка», где физические величины (общественный продукт, необходимое потребление) задаются экзогенно, а цены и норма прибыли определяются как зависимые переменные [Garegnani, 1984]. Ваджи, развивая этот подход, построил математическую модель относительных цен в системе Кенэ и доказал, что Кенэ располагал последовательной теорией ценообразования, предвосхитившей классическую теорию цен производства [Vaggi, 1985; Vaggi, 1987]. Серрано и Мазе показали, что без физического излишка зерна положительный чистый продукт в стоимостном выражении невозможен, а Grande culture представляла собой капиталистическое сельское хозяйство с наёмным трудом, авансированием капитала и арендой земли [Serrano, Mazat, 2013]. Жилибер охарактеризовал подход Кенэ как «объективно-технический»: стоимость определяется не метафизической силой земли, а совокупностью физических затрат, необходимых для воспроизводства системы [Gilibert, 1987].

Леонтьевская линия (А. Филлипс, Ш. Майтал, Л. Цулфидис).

Её сторонники переводят «Экономическую таблицу» на язык межотраслевого анализа. Филлипс первым представил «зигзаг» Кенэ как статическую модель «затраты–выпуск» и доказал её математическую безупречность [Phillips, 1955]. Майтал предложил открытую модель Леонтьева, в которой вектор добавленной стоимости (0, 0, 1) строго доказывает, что добавленная стоимость создаётся исключительно в секторе земли, и подверг критике закрытую модель Филлипса за то, что она маскирует различие между производительным и стерильным классами [Maital, 1972]. Цулфидис разделил физические и денежные потоки в «Таблице» и проверил логическую обоснованность максим Кенэ, показав, в частности, что изменение структуры потребления землевладельцев не влияет на объём излишка в стационарном состоянии [Tsoulfidis, 1994].

Институционально-конкурентная линия (Р. Ван ден Берг, Л. Шарль, М. Менегатти).

Её представители акцентируют роль рыночных институтов в теории стоимости Кенэ. Ван ден Берг доказал, что без «состояния полной конкуренции» модели относительных цен теряют смысл; стоимость у Кенэ рождается из субъективных оценок (valeur usuelle), но получает объективное выражение только через механизм рыночной конкуренции [Van den Berg, 2004]. Шарль реконструировал генезис «Таблицы» и обнаружил промежуточное звено — «Заметку о последствиях свободы торговли зерном» (1758), где Кенэ впервые применил арифметическую прогрессию для описания кумулятивного эффекта либерализации [Charles, 2000]. Менегатти продемонстрировал, что в ранних работах Кенэ включал прибыль фермера в чистый продукт, но впоследствии исключил её, «спрятав» в процент на авансы ради защиты от налогообложения. Прибыль сохраняет двойственную природу: стабильную (заработная плата за надзор и риск) и динамическую (денежная прибыль от bon prix) [Menegatti, 2018].

Историко-аналитическая линия (Й. Шумпетер, М. Блауг, У. Элтис, Г. Хиггс, А. Брюэр).

Оценивается вклад Кенэ преимущественно в контексте развития аналитического инструментария. Шумпетер видел в «Таблице» прообраз общего равновесия и модели «затраты–выпуск», но отрицал наличие теории стоимости [Schumpeter, 1954]. Блауг отождествлял физиократическую концепцию с «теорией физического излишка» [Blaug, 1997]. Элтис связал чистый продукт с темпом роста экономики и формализовал модель Кенэ в виде разностных уравнений, показав рациональность физиократических выводов [Eltis, 1984]. Хиггс дал первый обстоятельный англоязычный обзор школы, обратив внимание на различие *prix fondamental* и *prix courant* как раннюю форму различения стоимости и цены [Higgs, 1897]. Брюэр доказал структурное сходство «Таблицы» с описанием циркуляции у Кантильона и показал, что Кенэ заимствовал у Кантильона «скелет» модели, но наполнил его новым содержанием — понятием чистого продукта, авансов и роста [Brewer, 2005].

Таким образом, в современной литературе сосуществуют интерпретации, выдвигающие на первый план физический излишек, трудовую субстанцию, систему цен или институциональные условия. Ни одна из них не предлагает синтеза, опирающегося непосредственно на тексты Кенэ. Именно такой синтез является целью настоящей статьи.

Методология: принципы реконструкции

Настоящее исследование основано на методе имманентной реконструкции: извлечение внутренней логики теории из текстов самого Кенэ с минимальным привлечением позднейших категорий. Я не стремлюсь модернизировать Кенэ в терминах современной теории («рациональная реконструкция» по Блаугу) и не ограничиваюсь воспроизведением исторического контекста. Цель — выявить систему теоретических положений, которая содержится в текстах, но не была сформулирована автором в эксплицитном виде.

Базу исследования составляют семь ключевых работ Кенэ по изданию «Физиократы. Избранные экономические произведения» [Кенэ, 2008]. Это «Фермеры» (С. 87–121), «Зерно» (С. 122–182), «О торговле» (С. 367–406), «О ремесленном труде» (С. 436–458), «Общие принципы экономической политики земледельческого государства» (С. 407–435), «Объяснение “Экономической таблицы”» (С. 279–287) и «Анализ “Экономической таблицы”» (С. 350–366). Все ссылки на страницы даются по этому изданию в тексте, в круглых скобках. Привлечение вторичной литературы служит целям позиционирования результатов, а не подмены первоисточников.

Субстанция стоимости: земля, труд и «даровая сила природы»

Для Кенэ исходным пунктом анализа является земля как единственный источник богатства. В «Общих принципах экономической политики земледельческого государства» он формулирует фундаментальный тезис: «Земля есть единственный источник богатства» (С. 407). Это положение развивается в статье «Зерно», где земледелие характеризуется как «наиболее плодотворная и наиболее благородная основа нашей торговли и источник доходов королевства» (С. 123). Однако земля сама по себе не создаёт стоимости: для этого необходим труд, который приводит землю в действие как производительную силу.

Кенэ различает два вида труда: земледельческий (производительный) и ремесленный (непроизводительный). Производительность земледельческого труда заключается в том, что он не только возмещает издержки производства (семена, содержание работников, авансированный капитал), но и даёт избыток — чистый продукт, достигающийся землевладельцу в виде ренты. В «Общих принципах...» Кенэ уточняет механизм этого превышения: «Труд земледельца производит больше, чем стоит его содержание» (С. 408). Именно этот избыток, остающийся после вычета всех издержек (авансов), и составляет чистый продукт.

Принципиально важно, что субстанция стоимости у Кенэ носит двойственный характер. В статье «О торговле» он сравнивает продукт земледелия с продуктом промышленности: нация получает «значительно больше в результате продажи на один миллион продуктов своего земледелия, чем в результате продажи на один миллион товаров, произведённых рабочей силой в промышленности, так как за эти изделия она получает цену труда ремесленника, а за продукты земледелия она получает цену труда, затраченного на возделывание земли, и цену продуктов, произведённых землею» (С. 168). Здесь прямо указано, что в стоимости сельскохозяйственного продукта содержится дополнительный элемент — ценность, созданная землей, который отсутствует в стоимости промышленных изделий.

Таким образом, субстанция стоимости для Кенэ — это не просто «вещество природы» (как утверждал Маркс [Маркс, 1978. С. 31–32]) и не просто издержки обмена (как предлагает Ваджи [Vaggi, 1987]), а труд, соединённый с естественной производительной силой земли. Избыток, который земля даёт сверх затрат труда, и составляет прибавочную стоимость. Этот подход принципиально отличается как от трудовой теории стоимости Смита и Рикардо, где труд является единственным источником стоимости, так и от позднейших маржиналистских концепций, где стоимость определяется субъективной полезностью.

Следует отметить, что Кенэ не придаёт спросу функции источника или меры стоимости. Спрос и предложение воздействуют на рыночную цену, заставляя её колебаться вокруг объективной стоимости, однако в условиях свободной конкуренции цена не может длительно отклоняться от стоимости: «Свободная конкуренция поддерживает цены на уровне, достаточном для возмещения издержек производства и получения чистого продукта» (С. 410). Полезность или желание потребителя сами по себе не создают стоимости, а лишь делают возможной реализацию уже существующей стоимости — позиция, кардинально отличающая Кенэ от маржиналистской традиции.

Чистый продукт как форма прибавочной стоимости: механизм перехода авансов в *produit net*

Понятие авансов (*avances*) занимает центральное место в системе Кенэ. Как справедливо отмечал Р. Мик, именно классификация авансов предвосхитила деление на основной и оборотный капитал у А. Смита [Meek, 1962]. Авансы — это затраты капитала, необходимые для ведения хозяйства. Кенэ различает первоначальные авансы (*avances primitives / foncières*) — долгосрочные вложения в лошадей, плуги, тележки, постройки — и ежегодные авансы (*avances annuelles*) — затраты на семена, корм, оплату труда и жатву.

В «Фермерах» Кенэ детально рассчитывает эти издержки для хозяйства в 40 арпанов, включая арендную плату (640 ливров), налоги (320 ливров), расходы на жатву (220 ливров), молотьбу и проценты на фонды (300 ливров), что в сумме даёт «на один арпан, занятый под посевами зерновых хлебов, примерно восемьдесят ливров» (С. 106). Этот детальный расчёт, как подчёркивает У. Элтис, представляет собой первую в истории калькуляцию производственных издержек в сельском хозяйстве [Eltis, 1984]. Первоначальные авансы одного хозяйства, по расчётам Кенэ, могут достигать трёх тысяч ливров, а проценты на них составляют не менее 300 ливров в год (С. 106).

Переход авансов в чистый продукт происходит благодаря даровой производительной силе природы. Механизм этого перехода может быть представлен следующим образом: фермер авансирует первоначальные и ежегодные затраты; в процессе производства, благодаря плодородию земли, возникает избыток продукта над этими затратами; этот избыток и составляет чистый продукт, который присваивается землевладельцем в виде ренты. В «Анализе “Экономической таблицы”» Кенэ определяет: «Чистый продукт есть избыток

годовой продукции над издержками её производства... Он составляет доход земельного собственника, который он получает ежегодно, не затрачивая труда» (С. 352).

В количественном выражении Кенэ показывает, что при высоких авансах и хорошей обработке земли чистый продукт может вырасти многократно. В «Фермерах» он приводит сравнение: если при экстенсивном ведении хозяйства четыреста арпанов плодородных земель дают в среднем «всего лишь 1 ливр 10 су дохода» на арпан, то при интенсивной культуре «арендная плата за каждый арпан составит 10 ливров. Таким образом, 400 арпанов должны будут доставить своим владельцам 4000 ливров вместо 575» (С. 133). Этот расчёт демонстрирует, что чистый продукт — разница между стоимостью произведённой продукции и стоимостью авансов — может возрастать пропорционально объёму капитала, вложенного в землю. Именно это обстоятельство, как убедительно показали Ф. Серрано и Н. Мазе, позволяет квалифицировать Grande culture как капиталистическое сельское хозяйство [Serrano, Mazat, 2013].

Принципиально важно, что в промышленности такого перехода не происходит. Труд ремесленника, по Кенэ, не создаёт нового богатства, а лишь преобразует сырьё, полученное от земледелия. В работе «О ремесленном труде» (С. 436–458) он обосновывает, что цена промышленного продукта «сводится к сумме издержек производства» (С. 437), под которыми подразумеваются стоимость сырья, заработная плата ремесленника и возмещение орудий труда. Следовательно, приращение стоимости возможно только в сельском хозяйстве. Это различие наглядно представлено на рис. 1.

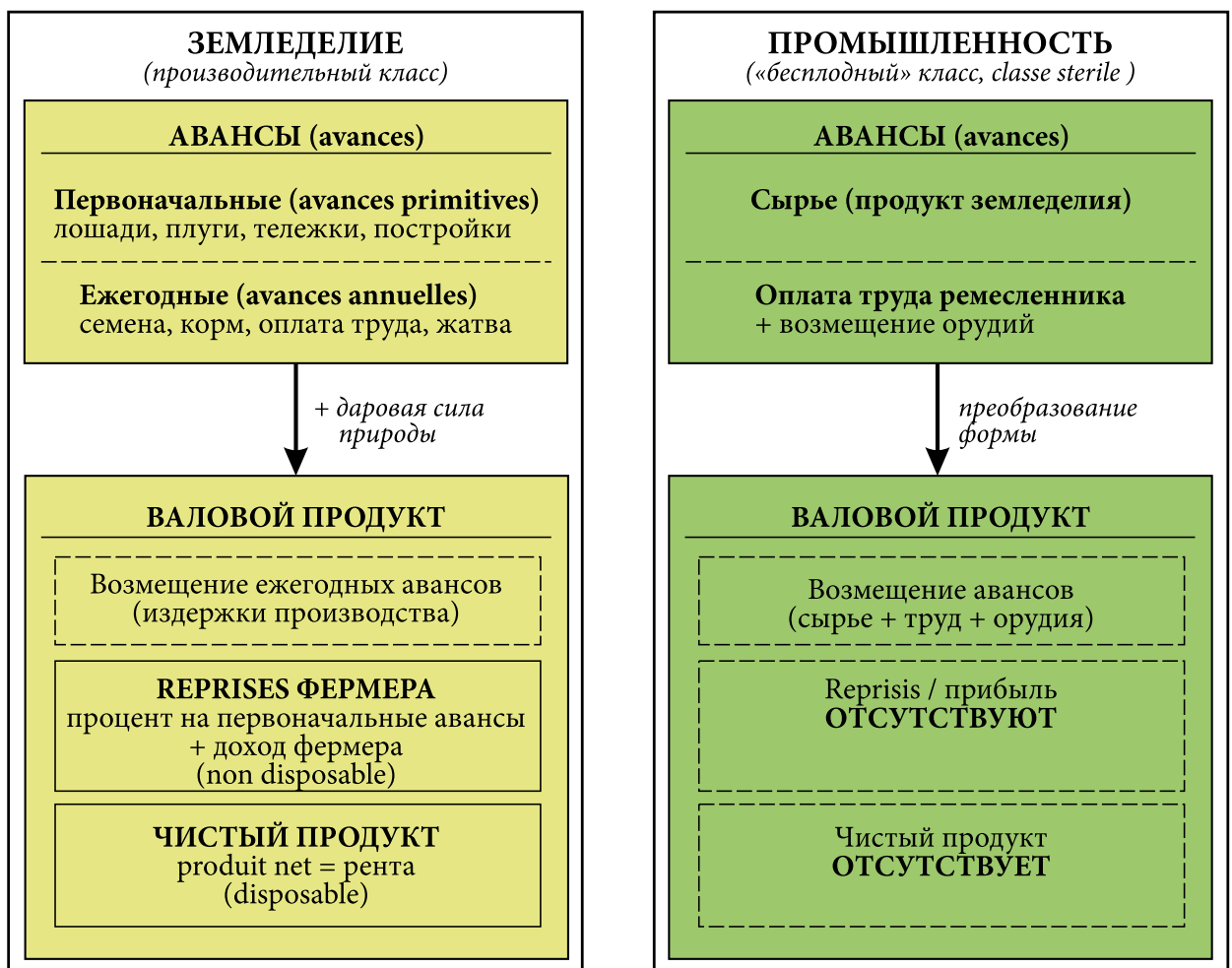

Рис. 1. Структура стоимости в земледелии и промышленности по Кенэ

Источник: составлено автором на основе работ Ф. Кенэ «О торговле» (С. 168), «О ремесленном труде» (С. 436–458), «Фермеры» (С. 87–121).

Как видно из рис. 1, стоимость сельскохозяйственного продукта распадается на три составные части: издержки производства (авансы), доход фермера и земельную ренту (чистый продукт). Стоимость промышленного продукта включает только возмещение затрат. Это различие является основанием для физиократического деления общества на производительный класс, бесплодный класс и класс земельных собственников. Как справедливо подчёркивает С.Картер, физиократы первыми выделили излишек как аналитическую категорию, хотя и в ограниченной — аграрной — форме [Carter, 2011].

Прибыль фермера: издержка, прибавочная стоимость или политическая категория?

Вопрос о месте прибыли фермера в системе Кенэ — ключевой для оценки внутренней согласованности его теории стоимости. Как убедительно показал М. Менегатти [Menegatti, 2018], этот вопрос трактовался самим Кенэ неоднозначно, и его позиция претерпела существенную эволюцию.

В ранних работах Кенэ включал прибыль фермера в чистый продукт. В «Зерне» (1757) он приводит таблицу распределения продукта, где отдельной строкой выделена «прибыль и вознаграждение за риск» (С. 136). Менегатти установил, что доля фермера в чистом продукте составляла $\frac{1}{5}$ при *petite culture* и $\frac{1}{4}$ при *grande culture* [Menegatti, 2018. Р. 4]. В «Фермерах» Кенэ прямо упоминает «богатых фермеров, производящих многочисленные издержки ради увеличения прибылей» (С. 117). Таким образом, на раннем этапе прибыль фермера рассматривалась как составная часть прибавочной стоимости.

Однако к 1760 г. позиция Кенэ существенно меняется. В «Анализе “Экономической таблицы”» (1766) он фиксирует: «Фермеры удерживают из продукта: возмещение своих ежегодных авансов; возмещение процентов на первоначальные авансы; свой доход, обеспечивающий их существование. Остаток составляет чистый продукт, который поступает землевладельцу» (С. 356). В «Общих принципах» (1767) процент на авансы прямо назван частью издержек производства: «Под издержками производства разумеются: заработная плата рабочих, процент на авансы земледельцев и прибыль торговцев» (С. 409).

Каковы причины этой эволюции? Менегатти, развивая гипотезу П. Груневегена [Groenewegen, 1974], доказывает, что исключение прибыли из чистого продукта было продиктовано политико-фискальными причинами. Физиократическая доктрина единого налога (*impôt unique*) предполагала обложение исключительно ренты землевладельцев. Если бы прибыль фермера оставалась частью чистого продукта, она подпала бы под этот налог, что подорвало бы стимулы к накоплению и переходу от мелкого хозяйства (*petite culture*) к крупному (*grande culture*). А.-Р.-Ж. Тюрго в 1763 г. подтверждал: «Г-н Кенэ первым установил верное понятие дохода, когда научился различать валовой продукт и чистый продукт и не включать прибыль земледельца в чистый продукт» (цит. по: [Groenewegen, 1977. Р. 102]).

Р. Мик предложил четыре интерпретации физиократического понятия прибыли: 1) прибыль включена в чистый продукт; 2) прибыль включена в процент на авансы; 3) в «состоянии блаженства» в Таблице прибыль равна нулю, поскольку она «кристаллизуется в ренту»; 4) прибыль представляет собой «высшую заработную плату за надзор». Мик принял третий вариант [Meek, 1962. Рр. 297–312]. Однако, как показал Менегатти, эта интерпретация неудовлетворительна, поскольку оставляет без объяснения роль прибыли в динамике накопления. В моей реконструкции третий вариант Мика сохраняет силу в статике (в рамках Таблицы прибыль не видна), но дополняется четвёртым вариантом (Маркс) и динамической моделью Ваджи [Vaggi, 1985]: прибыль существует как стабильная «заработная плата за надзор и риск» и как временная денежная прибыль, возникающая при повышении оптовых цен в результате либерализации торговли.

Механизм появления динамической прибыли состоит в следующем. Введение свободной торговли повышает оптовые цены (*prix de la vente de la premiere main*), перераспределяя

маржу торговцев в пользу фермеров. Фермер фиксирует ренту на весь срок аренды, поэтому повышение цен порождает дополнительную прибыль, которая реинвестируется в авансы. Это ведёт к переходу от *petite* к *grande culture*, росту физического излишка и реальному увеличению чистого продукта [Menegatti, 2018. Рр. 11–15]. Кенэ писал: «Прибыли фермеров и доходы людей, которых фермеры нанимают для обработки земли, следует отличать от дохода, который эта же обработка приносит ежегодно собственнику» (С. 257–258).

Для моей реконструкции эта эволюция имеет принципиальное значение. Прибыль фермера у Кенэ реально существует и играет важнейшую роль в динамике накопления, однако она не является частью прибавочной стоимости в строгом смысле. Чистый продукт тождествен только «располагаемому» доходу — ренте землевладельца. Процент на авансы и «заработная плата за надзор» представляют собой необходимые элементы издержек. Это различие между «располагаемым» (*disposable*) и «нерасполагаемым» (*non disposable*) доходом составляет одну из наиболее тонких черт физиократической системы и, как показал Менегатти, было введено Кенэ вполне осознанно.

Мерило стоимости: издержки производства и *bon prix*

Если субстанцией стоимости является земля в соединении с трудом, то мерилom стоимости у Кенэ выступают не абстрактные «часы труда» (как впоследствии у Д. Рикардо и К. Маркса), а конкретные издержки производства, скорректированные через механизм свободной конкуренции. В статье «Зерно» Кенэ формулирует основное условие нормального ценообразования: «Цена на зерновые культуры должна превышать затраты на их производство» (С. 138). Это превышение, однако, не может быть произвольным.

В «Общих принципах» Кенэ обобщает: «Цены товаров должны быть установлены сообразно издержкам производства и свободной конкуренции» (С. 409). Данная формулировка позволяет выделить два элемента мерила стоимости. Первый — издержки производства (авансы), включающие все затраты на ведение хозяйства: от арендной платы и налогов до расходов на семена и оплату труда. Второй — свободная конкуренция, которая не позволяет ценам длительно отклоняться от уровня, обеспечивающего возмещение издержек и получение чистого продукта.

Используя терминологию, предложенную Дж. Ваджи [Vaggi, 1983; Vaggi, 1985], можно различить *prix fondamental* (фундаментальную цену), равную сумме авансов и необходимого содержания фермера, и *bon prix* (надлежащую цену), включающую фундаментальную цену и чистый продукт (ренту). Ваджи формализовал это различие алгебраически, доказав, что относительные цены в системе Кенэ определяются условиями производства и распределением дохода [Vaggi, 1985]. Ф. Серрано и Н. Мазе уточнили, что рента не входит в *prix fondamental*, а *bon prix* = фундаментальная цена + рента [Serrano, Mazat, 2013]. При этом, как справедливо подчёркивает Р. Ван ден Берг, *bon prix* достижима только в условиях свободной конкуренции — без неё ценовые пропорции искажаются, и физический излишек не превращается в стоимостной чистый продукт [Van den Berg, 2004].

Кенэ особо подчёркивает роль внешней торговли как регулятора: «Если торговля является свободной, то дороговизна продуктов имеет свои пределы, определяемые ценами на эти же товары, существующие у других наций» (С. 182). Экспорт зерна, по мнению Кенэ, не вызывает устойчивого повышения цен, но предотвращает их падение ниже уровня рентабельности: «Экспорт зерна... не будет вызывать повышение цен на зерно. Об этом можно судить по тем умеренным ценам, по которым наши соседи производят продажу зерна за границу. Но зато экспорт будет противодействовать обесценению зерновых хлебов» (С. 162). Как показал Л. Шарль, именно анализ эффектов свободной торговли зерном в «Заметке» 1758 г. стал аналитическим мостом между энциклопедическими статьями Кенэ и «Экономической таблицей» [Charles, 2000].

Таким образом, мерилом стоимости выступает не абстрактный «труд», а конкретные затраты производства, скорректированные через рыночную конкуренцию. Рыночная цена, устанавливающаяся под влиянием конкуренции, позволяет реализовать стоимость, включающую как возмещение издержек, так и чистый продукт. Этот вывод существенно отличается от позиции Й. Шумпетера, полагавшего, что Кенэ не разработал механизм формирования цен [Schumpeter, 1954].

Стоимость и цена: колебания рыночной цены вокруг «истинной ценности»

Хотя Кенэ не употребляет терминов «естественная цена» и «рыночная цена» в том виде, как это сделает Смит, он фактически работает с этим различием. В статье «Зерно» он сравнивает ценовые режимы двух стран: «В Англии зерно продаётся примерно по 22 ливра — это обычная цена. Но в связи с существующей там свободой торговли цены за различные годы не подвержены большим колебаниям» (С. 104). Эта «обычная цена» и есть, по сути, стоимость, определяемая условиями производства. Во Франции же, где торговля зерном ограничена, цены колеблются значительно резче: «...часто наступают периоды голода. На протяжении уже больше тридцати лет цена на зерновые хлеба не поднималась выше семнадцати ливров. Самая низкая цена... составляла... от одиннадцати до тринадцати ливров» (С. 104). Г. Хиггс справедливо обратил внимание на то, что это различие — раннее предвосхищение различия стоимости и цены у классиков [Higgs, 1897].

Кенэ объясняет колебания цен не изменением стоимости, а искусственными препятствиями свободной торговле. Механизм сближения цены со стоимостью действует следующим образом. Если цена падает ниже стоимости (ниже издержек + нормальный чистый продукт), фермеры сокращают производство, что ведёт к росту цены. Если цена поднимается выше, расширение производства возвращает её к норме. Внешняя торговля усиливает этот эффект, поскольку международные цены задают верхний предел колебаний. Монополии, запреты экспорта и административное вмешательство нарушают этот естественный механизм, создавая устойчивые отклонения цены от стоимости и подрывая воспроизводство.

В промышленности, где нет чистого продукта, цена должна просто возмещать издержки. Конкуренция и здесь не позволяет цене устойчиво превышать сумму затрат на сырьё и заработную плату, но её колебания не создают прибавочной стоимости, а лишь перераспределяют доходы. Как показал Л. Цулфидис, фундаментальная относительная цена промышленного товара к зерну определяется исключительно технологией (коэффициентом прямых затрат), и любое её отклонение нарушает условия воспроизводства [Tsoulfidis, 1994].

Существенно также, что Кенэ предостерегает от смешения денежного выражения цены с реальной стоимостью: «Увеличение количества денег в государстве не увеличивает богатства, если не сопровождается ростом производства» (С. 410). Рост цен, вызванный инфляцией, не означает роста стоимости. Истинная ценность определяется условиями производства, а не количеством денег.

Роль денег в реализации стоимости и кругооборот в «Экономической таблице»

В системе Кенэ деньги выполняют инструментальную роль: они не являются богатством сами по себе, но служат средством обращения и реализации стоимости, созданной в земледелии. В «Общих принципах» он формулирует принципиальное положение: «Деньги не составляют богатства; богатство состоит в предметах, необходимых для удовлетворения потребностей и для умножения производства» (С. 409). Кенэ решительно отвергает меркантилистское отождествление денег с богатством, что, как подчёркивал Р. Мик, представляло собой методологический прорыв [Meek, 1962].

Ключевую роль деньги играют в реализации чистого продукта. В «Экономической таблице» (С. 279–287, 350–366) Кенэ показывает, как чистый продукт, присваиваемый землевладельцами в денежной форме, распределяется между классами. Землевладельцы тратят свои денежные доходы на покупку промышленных изделий у бесплодного класса и продуктов питания у фермеров. Благодаря этому кругообороту денег происходит возмещение авансов всех классов и поддерживается воспроизводство. В «Объяснении “Экономической таблицы”» Кенэ отмечает, что «без денег невозможно было бы ни собирать налоги, ни поддерживать обращение продуктов, ни оплачивать авансы, необходимые для земледелия» (С. 281).

Как показал Л. Цулфидис, разделение физических и денежных потоков в «Таблице» позволяет понять, почему у Кенэ сбережения и налоги разрушают экономику: не только из-за физического недопроизводства, но и из-за нарушения денежной сферы — фермеры не получают денег, необходимых для выплаты ренты в будущем [Tsoulfidis, 1994]. А. Брюэр, в свою очередь, критикует логику неравновесных таблиц Кенэ, показывая, что предпосылка об удержании части дохода для восстановления авансов не может быть простым процентом от дохода, а должна быть фиксированной величиной [Brewer, 2005]. Тем не менее общая идея — деньги как связующее звено между классами — остаётся плодотворной.

Существенно, что стоимость в системе Кенэ существует одновременно и как запас, и как поток. Авансы (первоначальные и ежегодные) представляют собой запас — накопленную стоимость, обеспечивающую производственный процесс. Чистый продукт имеет потоковый характер — это ежегодно создаваемый избыток. «Экономическая таблица» демонстрирует циклическое соединение запаса и потока: авансы в процессе производства превращаются в продукт, часть которого возвращается в форму авансов для следующего цикла, а чистый продукт расходуется на потребление и может быть направлен на расширение авансов. Это соединение, как отмечает С. Картер, делает Кенэ родоначальником «подхода излишка», где ключевая переменная — способность экономики генерировать излишек сверх необходимого воспроизводства [Carter, 2011].

Высокий денежный процент Кенэ считает вредным, поскольку он отвлекает капиталы из сельского хозяйства в бесплодные спекуляции (С. 483). Деньги должны служить реальному производству, а не существовать в отрыве от него. Реализация стоимости через деньги эффективна лишь тогда, когда деньги используются для поддержания и расширения авансов в земледелии.

Обсуждение: место теории стоимости Кенэ в эволюции экономической мысли

Проведённая реконструкция позволяет выявить внутреннюю структуру теории стоимости Кенэ, которая включает четыре взаимосвязанных элемента: субстанцию стоимости (земля в соединении с трудом земледельца), мерило стоимости (издержки производства и конкуренция), форму прибавочной стоимости (чистый продукт как единственный вид избытка) и механизм реализации (денежное обращение в рамках «Экономической таблицы»).

Данная реконструкция позволяет уточнить позицию Кенэ в спектре существующих интерпретаций. Марксова оценка Кенэ как «отца современной политической экономии» подтверждается: перенесение анализа из сферы обращения в сферу производства и концепция чистого продукта — действительно ключевые достижения. Однако марксова критика, сводящая субстанцию стоимости у Кенэ к одному лишь «веществу природы» [Маркс, 1978. С. 31], не вполне точна. Тексты самого Кенэ свидетельствуют о более сложной конструкции, в которой труд земледельца выступает необходимым условием создания стоимости. Как отмечали К. Герке и Х. Курц, даже у Тюрго, ближайшего последователя Кенэ, «дар природы» превращается в прибавочный труд [Gehrke, Kurz, 1995].

Неорикардрианская формализация (Дж. Ваджи, Ф. Серрано и Н. Мазе) верно схватывает соотношение физического излишка и стоимостного чистого продукта. Модель Ваджи, построенная на различении *prix fondamental* и рыночной цены, даёт строгий математический аппарат для анализа ценообразования у Кенэ [Vaggi, 1985]. Тезис Серрано и Мазе о физическом излишке как необходимом условии положительного чистого продукта убедительно подкреплён формальной трёхсекторной моделью [Serrano, Mazat, 2013]. Однако оба подхода упускают из вида роль денег в реализации стоимости и институциональные условия конкуренции, без которых модель теряет объяснительную силу. Леонтьевская интерпретация (А. Филлипс, Ш. Майтал) демонстрирует формальную строгость «Таблицы», но редуцирует теорию стоимости к техническим коэффициентам, игнорируя вопрос о субстанции [Phillips, 1955; Maital, 1972].

Институционально-конкурентная линия справедливо указывает на необходимость свободной конкуренции. Р. Ван ден Берг прав, утверждая, что без конкурентного механизма все модели относительных цен теряют смысл [Van den Berg, 2004]. М. Менегатти, развивая гипотезу П. Груневегена [Groenewegen, 1974], доказал, что Кенэ исключил прибыль из чистого продукта по фискальным мотивам [Menegatti, 2018], снимает противоречие между макроэкономической «Таблицей» (где вся рента уходит собственнику) и микроэкономическими статьями Кенэ (где фермер богатеет). Тем не менее и эта линия не анализирует субстанцию стоимости.

Предложенная реконструкция позволяет снять противоречие между «натуралистическим» и «формалистическим» прочтениями физиократической системы. Теория стоимости Кенэ не является ни «наивным натурализмом» (стоимость как физическое свойство земли), ни «чисто бухгалтерским подходом» (стоимость как система технических пропорций). Это оригинальная система, в которой субстанция стоимости, её мерило, формы прибавочной стоимости и механизм реализации образуют внутренне согласованное целое.

Вместе с тем необходимо отметить и ограниченность физиократической теории. Кенэ не распространяет понятие производительного труда на промышленность, что впоследствии преодолеет Смит. Он не различает стоимость и цену производства в строгом смысле, что станет возможным лишь у Рикардо. Наконец, он не формализует роль нормы прибыли в определении цен, что потребует аппарата Сраффы [Garegnani, 1984; Kurz, Salvadori, 2006]. Однако эти ограничения не отменяют наличия у Кенэ целостной теории стоимости — они лишь фиксируют исторический горизонт её создания.

Заключение

Предложенный в статье анализ позволяет утверждать, что в работах Франсуа Кенэ содержится внутренне согласованная теория стоимости, которая до сих пор не была реконструирована как целостная система. Об этой целостности свидетельствует взаимосвязанность её элементов: субстанцией стоимости является земля в соединении с трудом земледельца; её мерило — издержки производства, скорректированные свободной конкуренцией; единственная форма располагаемой прибавочной стоимости — чистый продукт (рента), возникающий в земледелии; прибыль фермера (процент на авансы) существует, но сознательно исключена Кенэ из чистого продукта как «нерасполагаемый» элемент издержек, обеспечивающий накопление; механизм реализации — денежное обращение в рамках кругооборота «Экономической таблицы».

Данная реконструкция вносит вклад в историографию, демонстрируя недостаточность одномерных интерпретаций (исключительно марксистских, сраффианских или леонтьевских) и, предлагая синтез, опирающийся непосредственно на первоисточники. В качестве перспектив дальнейших исследований видятся сравнительный анализ теории стоимости Кенэ и идей Тюрго, формализация реконструированной системы в рамках модели Сраффы, а также исследование эволюции взглядов Кенэ на протяжении 1756–1767 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Кенэ Ф. (2008). *Физиократы. Избранные экономические произведения*. — М.: Эксмо.
- Маркс К. (1978). *Теории прибавочной стоимости* / К. Маркс // *Капитал*. Т. 4. Ч. I. — М.: Политиздат.
- Blaug M. (1997). *Economic Theory in Retrospect*. 5th ed. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Brewer A. (2005). Cantillon, Quesnay, and the Tableau Economique // *Discussion Paper*. No. 05/577. — Bristol: University of Bristol.
- Carter S. (2011). A Simple Model of the Surplus Approach to Value, Distribution, and Growth // *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 70. No. 5. Pp. 1117–1146.
- Charles L. (2000). From the Encyclopedie to the Tableau economique: Quesnay on Freedom of Grain Trade and Economic Growth // *European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 7. No. 1. Pp. 1–21.
- Eltis W. (1984). *The Classical Theory of Economic Growth*. — London: Macmillan.
- Garegnani P. (1984). Value and Distribution in the Classical Economists and Marx // *Oxford Economic Papers*. Vol. 36. No. 2. Pp. 291–325.
- Gehrke C., Kurz H.D. (1995). Karl Marx on Physiocracy // *European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 2. No. 1. Pp. 53–90.
- Gilibert G. (1987). Quesnay: The Critique of the Physiocratic Theory of Value // *Contributions to Political Economy*. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–22.
- Groenewegen P. (1974). Review of Meek's Turgot on Progress, Sociology and Economics // *History of Political Economy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 478–481.
- Groenewegen P. (1977). *The Economics of A. R. J. Turgot*. — The Hague: Martinus Nijhoff.
- Higgs H. (1897). *The Physiocrats: Six Lectures on the French Economistes of the 18th Century*. — London: Macmillan.
- Kurz H.D., Salvadori N. (2006). Input–Output Analysis from a Wider Perspective: A Comparison of the Early Works of Leontief and Sraffa // *Economic Systems Research*. Vol. 18. No. 4. Pp. 373–389.
- Maital S. (1972). The Tableau Economique as a Simple Leontief Model: An Amendment // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 86. No. 3. Pp. 504–507.
- Meek R.L. (1962). *The Economics of Physiocracy: Essays and Translations*. — London: Allen & Unwin.
- Menegatti M. (2018). Bon prix, Profit, and Capital Accumulation in Quesnay // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 40. No. 1. Pp. 23–40.
- Phillips A. (1955). The Tableau Economique as a Simple Leontief Model // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 69. No. 1. Pp. 137–144.
- Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. — Oxford: Oxford University Press.
- Serrano F., Mazat N. (2013). Quesnay and the Analysis of the Surplus in an Agrarian Capitalist Economy // *ESHET Conference Paper*.
- Tsoufidis L. (1994). Quesnay's Tableau Economique and the Economic Maxims: A Linear Analysis // *Oxford Economic Papers*. Vol. 46. No. 3. Pp. 519–535.
- Vaggi G. (1983). The Physiocratic Theory of Prices // *Contributions to Political Economy*. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–22.
- Vaggi G. (1985). A Physiocratic Model of Relative Prices and Income Distribution // *The Economic Journal*. Vol. 95. No. 380. Pp. 928–947.
- Vaggi G. (1987). *The Economics of Francois Quesnay*. — Durham: Duke University Press.
- Van den Berg R. (2004). «Un état de pleine concurrence»: Old and New Controversies about Physiocratic Theory of Value // *Economies et Sociétés*. Vol. 35. No. 8–9. Pp. 1431–1457.

REFERENCES

- Blaug M. (1997). *Economic Theory in Retrospect*. 5th ed. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Brewer A. (2005). Cantillon, Quesnay, and the Tableau Economique // *Discussion Paper* No. 05/577. — Bristol: University of Bristol.
- Carter S. (2011). A Simple Model of the Surplus Approach to Value, Distribution, and Growth // *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 70. No. 5. Pp. 1117–1146.
- Charles L. (2000). From the Encyclopedie to the Tableau economique: Quesnay on Freedom of Grain Trade and Economic Growth // *European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 7. No. 1. Pp. 1–21.
- Eltis W. (1984). *The Classical Theory of Economic Growth*. — London: Macmillan.
- Garegnani P. (1984). Value and Distribution in the Classical Economists and Marx // *Oxford Economic Papers*. Vol. 36. No. 2. Pp. 291–325.
- Gehrke C., Kurz H.D. (1995). Karl Marx on Physiocracy. *European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 2. No. 1. Pp. 53–90.
- Gilibert G. (1987). Quesnay: The Critique of the Physiocratic Theory of Value // *Contributions to Political Economy*. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–22.
- Groenewegen P. (1974). Review of Meek's Turgot on Progress, Sociology and Economics // *History of Political Economy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 478–481.
- Groenewegen P. (1977). *The Economics of A. R. J. Turgot*. — The Hague: Martinus Nijhoff.

- Higgs H. (1897). *The Physiocrats: Six Lectures on the French Economistes of the 18th Century*. — London: Macmillan.
- Kurz H.D., Salvadori N. (2006). Input–Output Analysis from a Wider Perspective: A Comparison of the Early Works of Leontief and Sraffa // *Economic Systems Research*. Vol. 18. No. 4. Pp. 373–389.
- Maital S. (1972). The Tableau Economique as a Simple Leontief Model: An Amendment // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 86. No. 3. Pp. 504–507.
- Marx K. (1978). *Theories of Surplus Value / K. Marx // Capital*. Vol. IV. Part I. — M.: Politizdat. (In Russ.).
- Meek R.L. (1962). *The Economics of Physiocracy: Essays and Translations*. — London: Allen & Unwin.
- Menegatti M. (2018). Bon prix, Profit, and Capital Accumulation in Quesnay // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 40. No. 1. Pp. 23–40.
- Phillips A. (1955). The Tableau Economique as a Simple Leontief Model // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 69. No. 1. Pp. 137–144.
- Quesnay F. (2008). *Physiocrats: Selected Economic Works*. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. — Oxford: Oxford University Press.
- Serrano F., Mazat N. (2013). Quesnay and the Analysis of the Surplus in an Agrarian Capitalist Economy // *ESHET Conference Paper*.
- Tsoufidis L. (1994). Quesnay's Tableau Economique and the Economic Maxims: A Linear Analysis // *Oxford Economic Papers*. Vol. 46. No. 3. Pp. 519–535.
- Vaggi G. (1983). The Physiocratic Theory of Prices // *Contributions to Political Economy*. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–22.
- Vaggi G. (1985). A Physiocratic Model of Relative Prices and Income Distribution // *The Economic Journal*. Vol. 95. No. 380. Pp. 928–947.
- Vaggi G. (1987). *The Economics of Francois Quesnay*. — Durham: Duke University Press.
- Van den Berg R. (2004). «Un état de pleine concurrence»: Old and New Controversies about Physiocratic Theory of Value // *Economies et Sociétés*. Vol. 35. No. 8–9. Pp. 1431–1457.

Алексеев Олег Андреевич
ORCID: 0009-0004-2337-0896
alekseev773@yandex.ru

Oleg Alekseev
Leading Specialist, JSC «Bank DOM.RF» (Moscow)
ORCID: 0009-0004-2337-0896
alekseev773@yandex.ru

RECONSTRUCTION OF FRANÇOIS QUESNAY'S THEORY OF VALUE

Abstract. This article presents an immanent reconstruction of François Quesnay's theory of value based on a systematic analysis of his key economic writings. Contrary to the widespread historiographical view that Quesnay lacked a developed theory of value, the author demonstrates that the founder of physiocracy articulated an internally consistent system of theoretical propositions covering the substance of value, its measure, forms of surplus value, and the mechanism of its realization. The substance of value in Quesnay's framework is shown to be dual in nature: it combines land as a bearer of nature's gratuitous productive force with the labour of the farmer who activates this capacity. The measure of value consists of production costs (avances) adjusted through the mechanism of free competition and foreign trade. The net product (produit net) is interpreted as the sole form of surplus value, arising exclusively in agriculture. The article reconstructs the differences between the value structure in agriculture and manufacturing, the mechanism by which avances are transformed into net product, the role of money in value realization, and the relationship between value and market price. It is demonstrated that the farmer's profit (interest on advances) functions as a necessary but 'non-disposable' cost element ensuring capital accumulation, and is deliberately excluded by Quesnay from the net product for fiscal-political reasons. The results are situated within the major interpretive traditions — Marxist, neo-Ricardian, Leontief-based, and institutional — thereby resolving the contradiction between «naturalistic» and «formalist» readings of the physiocratic system.

Keywords: *François Quesnay, physiocracy, theory of value, net product, avances, Tableau économique, price of production.*

JEL: B11, B31, B51.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.П. Казун

*к.с.н., директор Института анализа предприятий и рынков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Москва)*

В.Ю. Девятников

*стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

М.Д. Белов

аспирант, Калифорнийский университет (Лос-Анджелес, США)

АСИММЕТРИЯ ИНФОРМАЦИИ НА РЫНКЕ АДВОКАТСКИХ УСЛУГ: СОЗДАНИЕ РЕЙТИНГА МЕТОДАМИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ¹

Аннотация. Как понять, хорош адвокат или нет? В данной статье мы описываем методологию, позволяющую измерять качество юридической помощи через разницу между тем, что предсказывает модель машинного обучения по объективным характеристикам дела, и тем, чем дело закончилось в реальности. Мы исходим из предпосылки, что если у адвоката дела стабильно заканчиваются лучше ожидаемого, то он делает свою работу хорошо. Похожую логику давно используют в других областях: так оценивают учителей в экономике образования, хирургов в медицине и игроков в профессиональном спорте. Мы адаптируем эти подходы для уголовного судопроизводства. Такая прогнозная модель может быть обучена на данных российских судов за 2010–2025 гг. и будет учитывать, что уголовное дело проходит через несколько последовательных процессуальных развилок. Рейтинг корректируется на командную работу нескольких защитников, стадию рассмотрения и малое число дел. В статье мы обсуждаем слабые места подхода: прежде всего то, что досудебная стадия для нас невидима, публикуемые решения неполны, а сильные адвокаты могут целенаправленно браться за сложные дела. Тем не менее даже в таком виде подобный инструмент оценки способен дать клиентам значимый и объективный ориентир при выборе защитника, что может существенно улучшить качество информации на рынке юридических услуг.

Ключевые слова: оценка эффективности работы адвокатов, прогнозирование судебных решений, машинное обучение, информационная асимметрия, уголовная защита.

JEL: K14, K41, C53, C55, D82

УДК: 34.08, 34.096

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_115_135

© А.П. Казун, В.Ю. Девятников, М.Д. Белов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казун А.П., Девятников В.Ю., Белов М.Д. Асимметрия информации на рынке адвокатских услуг: создание рейтинга методами машинного обучения // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 115–135. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_115_135.

FOR CITATION: Kazun A., Devyatnikov V., Belov M. Information Asymmetry in the Legal Services Market: Creating a Ranking Using Machine Learning Methods // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 115–135. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_115_135.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, № HSE-BR-2025-034.

Введение

Оценка качества работы адвокатов в уголовном судопроизводстве — одна из наиболее сложных нерешённых задач в экономике права. В отличие от многих других профессий, где результативность специалиста может быть измерена с помощью объективных показателей — количество успешных операций у хирурга, результаты учеников у преподавателя, статистика голов или результативных передач у спортсмена, — работа адвоката оценивается преимущественно на основе субъективных критериев: репутации, отзывов, стоимости услуг. Между тем рынок юридических услуг в сфере уголовной защиты характеризуется выраженной информационной асимметрией, при которой потенциальный доверитель не обладает достаточными инструментами для объективного сопоставления профессиональных качеств различных адвокатов [Galanter, 1974].

Проблема информационной асимметрии на рынке юридических услуг приобретает особую остроту в контексте уголовного правосудия, где последствия выбора защитника для подсудимого наиболее значимы. Ошибка в выборе адвоката может привести к реальному лишению свободы в тех случаях, когда более квалифицированный защитник мог бы добиться или условного наказания, или прекращения дела, или оправдания. Зарубежные исследования показывают, что разброс в результативности адвокатов существен: лучшие из них снижают вероятность лишения свободы на 14 п. п. по сравнению с адвокатами, котирующимися на уровне нижнего, десятого, процентиля [Abrams, Yoon, 2007]. Однако для клиента, обращающегося за помощью на рынок юридических услуг, эта информация остаётся недоступной.

Существующие подходы к оценке качества юридической помощи в уголовных делах можно разделить на несколько групп. Первая — простые показатели процентов выигрышных дел (win rates), которые не учитывают различия в сложности дел и потому систематически искажают картину. Вторая — экспертные оценки коллег и судей, которые, будучи информативными, страдают от субъективности и ограниченного масштабирования. Третья — рейтинговые системы, основанные на репутации юридических фирм, корреляция которых с реальными результатами, если верить последним исследованиям, оказывается крайне слабой [Mojon, Mahari, Lera, 2025]. Ни один из этих подходов не предлагает систематической оценки, основанной на методологии, которая бы контролировала сложность дел, т.е. обеспечивала бы сопоставление «при прочих равных условиях».

Методологические трудности оценки качества адвокатов во многом аналогичны проблемам, возникающим при оценке качества работы специалистов в других областях. В сфере образования исследователи используют модели добавленной стоимости учителя. Одна из проблем этой сферы состоит в том, что успех ученика зависит совсем не только от учителя. Нельзя не учитывать и множество других характеристик — от базовой успеваемости и мотивации к обучению, способностей ученика, образования его родителей и т.п. Но есть модели, позволяющие оценить вклад конкретного преподавателя в достижения учеников, контролируя исходные характеристики последних [Chetty, Friedman, Rockoff, 2014a; Chetty, Friedman, Rockoff, 2014b]. Аналогичные модели учитывающие то, что успешность операции зависит не только от хирурга, но и от того, насколько в целом здоровым был человек, который ложится на операционный стол, используются в медицине [Hall et al., 2015; Krell et al., 2014]. Наконец, в спортивной аналитике метрика, называемая «Adjusted Plus-Minus» (APM), позволяет оценить индивидуальный вклад игрока в командный результат, контролируя силу партнёров и соперников [Grassetti et al., 2021; Macdonald, 2012]. Общий принцип всех этих подходов состоит в сравнении фактических результатов с ожидаемыми (предсказанными) на основе характеристик контекста, в котором действует профессионал: разница между фактическим и предсказанным исходом атрибутируется как показатель качества работы специалиста.

В данной статье мы предлагаем методологию, которая использует описанный выше подход, применяющийся при оценке специалистов в других сферах деятельности. Суть состоит в том, что мы строим модели, предсказывающие судебные решения на основе различных характеристик дела, на которые адвокат не может повлиять, а затем сравниваем их с реальными исходами. Разница между реальностью и прогнозом будет рассматриваться как вклад адвоката: если он систематически добивается более благоприятных исходов, то мы увеличиваем его рейтинг. Разумеется, это справедливо при условии, что для каждого адвоката мы оцениваем большое количество дел за достаточно длительный период, ибо на «длинной дистанции» некоторые случайные факторы (такие как «удачное стечение дел») сглаживаются, а накопленная дельта начинает отражать реальный уровень эффективности защитника.

Применительно к российскому контексту предлагаемая методология приобретает особую значимость в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, российское уголовное правосудие характеризуется так называемым обвинительным уклоном: доля оправдательных приговоров составляет менее 0,2% [Панеях, 2012]. Этот факт делает некорректным простое сравнение процента оправдательных приговоров между адвокатами (ввиду редкости такого исхода). При столь низком базовом уровне оправданий необходимо оценивать более тонкие градации исходов. Во-вторых, тексты судебных решений размещаются в открытом доступе в соответствии с Федеральным законом № 262-ФЗ от 2008 г., что обеспечивает масштабную информационную базу для количественного анализа. Суммарный объём доступных решений за период 2010–2025 гг. превышает 7 млн документов. В-третьих, такие факторы, как присутствие прокурора в процессе, существенно влияют на исходы дел [Volkov, 2021]. Это делает необходимым тщательный контроль разнообразных характеристик дела при любой попытке приписать благоприятные исходы именно действиям защитника.

Вклад настоящей статьи в анализ рассматриваемой проблемы можно охарактеризовать как двойной. С теоретической точки зрения статья предлагает формализованную методологию оценки эффективности работы адвокатов, основанную на подходе *value-added*, который до настоящего времени систематически не применялся в данном контексте. Методология включает трёхэтапную модель прогнозирования судебных решений, систему корректировок для командной работы и малых выборок, а также байесовское сглаживание рейтинговых оценок. С практической точки зрения статья демонстрирует применимость предлагаемого подхода к российским данным, что открывает перспективы для снижения информационной асимметрии на рынке юридических услуг и повышения качества защиты прав подсудимых.

Статья имеет следующую структуру. Ниже представлен обзор литературы, охватывающий существующие подходы к оценке качества адвокатов, методы прогнозирования судебных решений, аналогии из спортивной аналитики и медицины, эмпирические исследования российского уголовного правосудия, а также рейтинговые системы и байесовские подходы. Следующий раздел содержит детальное описание предлагаемой методологии, включая данные и источники информации, трёхэтапную модель прогнозирования, применяемые методы машинного обучения, формулы расчёта рейтинга и учёт специфических факторов. Четвёртый раздел обсуждает ограничения методологии и перспективные направления исследований. В заключении приведены наиболее важные результаты работы.

Обзор литературы

Оценка качества работы адвокатов: существующие подходы

Систематическое изучение вопроса о том, влияет ли (и в какой мере) качество работы адвоката на исходы судебных дел, имеет длительную историю в правовой и экономической науке. Самая известная работа в данной области принадлежит М. Галантеру, который разграничил участников процесса, обращающихся в суд единожды (так называемые

«one-shotters») и регулярно участвующих в судебных разбирательствах, накапливающих экспертизу специалистов («повторяющихся игроков» — игроков с опытом, или «repeat players») [Galanter, 1974]. Галантер показал, что опытные игроки (это, как правило, компании, обладающие более квалифицированными юристами, но не всегда) систематически добиваются лучших результатов благодаря аккумулированным знаниям, стратегическому планированию и институциональным преимуществам. Эта теоретическая рамка до сих пор остаётся наиболее цитируемой основой для понимания структурного неравенства в доступе к качественной юридической помощи. Существенным выводом работы было то, что она показала, — важен именно опыт участия в судебных делах, а не только и не столько «ресурсы», за счёт которых большие фирмы могут побеждать маленьких игроков.

Одной из немногих эмпирических работ, использующих случайное распределение дел для идентификации эффекта адвоката, является исследование Абрамса и Юна, выполненное на данных публичных защитников Лас-Вегаса [Abrams, Yoon, 2007]. Авторы обнаружили значительную гетерогенность в результативности адвокатов: разница между 90-м и 10-м процентилем составила 14 п. п. в вероятности лишения свободы подзащитного. При этом опыт работы оказался значимым предиктором качества, тогда как престижность юридической школы не показала значимости. Аналогичная стратегия идентификации на основе случайного распределения дел была применена Васконселосом и соавторами в контексте бразильской гражданской юстиции: на выборке из 30 821 решения по 386 адвокатам авторы обнаружили статистически значимые различия в результативности примерно в 43% исследованных команд [Vasconcelos, Oliveira, Netto, 2018]. Примечательно, что в гражданских делах корреляция между опытом и результативностью не была обнаружена, что указывает на контекстуальную специфику качества юридического образования. К сожалению, подобных работ с каузальной идентификацией «эффекта адвоката» крайне мало, поскольку в реальной практике судебные дела почти никогда не распределяются между адвокатами полностью случайно (в этом отношении интересно случайное распределение дел «по назначению», введённое в России, которое, однако, сложно использовать из-за отсутствия в текстах судебных решений информации о типе контракта адвоката).

На уровне апелляционного судопроизводства Нельсон и Эпштейн продемонстрировали, что опытные адвокаты в Верховном суде США значительно чаще выигрывают дела и получают более благоприятные приговоры по сравнению с адвокатами, впервые представляющими дела в высшей инстанции [Nelson, Epstein, 2022]. Лазарус зафиксировал формирование элитного частного «клуба юристов» Верховного суда, представители которого непропорционально доминируют по результативности [Lazarus, 2008]. Эти исследования подтверждают, что эффект адвоката системен и обусловлен имеющимися институтами, но его нельзя свести просто к качеству юридического образования или к опыту.

Честерман, проведя собственное эмпирическое исследование в Верховном суде Сингапура, обнаружил, что более крупные и обеспеченные ресурсами юридические фирмы достигают лучших по сравнению со средними результатов. Однако более опытные индивидуальные адвокаты иногда демонстрируют более низкие показатели успеха. Предположительно это — следствие самоотбора в более сложные дела [Chesterman, 2020]. Такой вывод позволяет сформулировать важнейшую методологическую проблему: без контроля сложности дел «чистые» показатели результативности (например, доля побед) могут быть контринтуитивными и вводящими в заблуждение.

Другим важным методологическим ориентиром для нас стала работа Грейнера и Паттанаяк, проводивших первое рандомизированное контролируемое испытание эффекта юридического представительства в апелляциях по страхованию от безработицы [Greiner, Pattanayak, 2012]. Авторы не обнаружили статистически значимого эффекта на исходы дел. Неожиданный нулевой результат, однако, подчеркивает необходимость строгой методологической базы для исследований эффективности адвокатов и невозможность

экстраполяции результатов между разными контекстами. Систематический обзор предшествующей литературы, выполненный в этой работе, показал, что подавляющее большинство исследований о влиянии юристов на исходы дел страдает от столь серьёзных методологических проблем, что их выводы не могут считаться надёжными.

В последние годы появились подходы, использующие большие данные и алгоритмические методы для оценки качества юридических услуг. Можон, Махари и Лера предложили модель для попарного сравнения юридических фирм, рассматривая каждый гражданский процесс как соревнование между фирмами [Mojon, Mahari, Lera, 2025]. На выборке из более чем 60 540 гражданских дел в США авторы показали, что существующие репутационные рейтинги (Vault, ALM) слабо коррелируют с реальной результативностью, тогда как основанные на реальных данных рейтинги повышают прогностическую точность примерно на 10% по сравнению с базовым уровнем. Этот результат наглядно демонстрирует разрыв между восприятием качества (разными субъективными рейтингами) и объективными результатами адвокатов на рынке юридических услуг.

Прогнозирование судебных решений методами машинного обучения

Второе направление литературы, критически важное для предлагаемой методологии, связано с прогнозированием судебных решений с помощью методов машинного обучения. Способность алгоритмов предсказывать исходы дел на основе их характеристик — необходимое условие для построения value-added моделей качества работы адвокатов: чем точнее прогноз, тем более информативно остаточное отклонение, атрибутируемое действиям защитника.

Ключевой работой в данном направлении стало исследование Алетраса с соавторами, применивших методы обработки естественного языка (NLP) к прогнозированию решений Европейского суда по правам человека [Aletras et al., 2016]. Авторы достигли средней точности 79% при бинарной классификации (нарушение или его отсутствие). Примечательно, что раздел фактов по делу оказался наиболее сильным предиктором — результат, согласующийся с теорией правового реализма.

Катц, Боммарито и Блэкман разработали эволюционирующий во времени классификатор Random Forest для прогнозирования решений Верховного суда США. Базой исследования были более чем 240 000 голосов судей и 28 000 исходов дел за период 1816–2015 гг. Они достигли 70,2% точности на уровне анализа дел при использовании исключительно тех, данные которых были доступны до судебного решения [Katz, Bommarito, Blackman, 2017]. Это исследование продемонстрировало, что данные методы существенно превосходят линейные модели в задачах судебного прогнозирования.

В области прогнозирования рецидивизма — задачи, структурно близкой к прогнозированию судебных решений, — накоплен значительный объём сравнительных исследований. Толленаар и Ван дер Хейден систематически сопоставили градиентный бустинг (XGBoost-типа), Random Forest и классическую логистическую регрессию для прогнозирования рецидивизма на нидерландских и северокаролинских данных [Tollenaar, van der Heijden, 2019]. Для бинарного прогноза методы машинного обучения не показали значимого улучшения по сравнению с хорошо специфицированной логистической регрессией, хотя градиентный бустинг продемонстрировал преимущество в моделях с временным компонентом. Дрессель и Фарид показали, что широко используемый алгоритм COMPAS со 137 признаками не превосходит по точности (примерно 65%) простую двухфакторную логистическую регрессию [Dressel, Farid, 2018], ставя под вопрос целесообразность усложнения алгоритмов в отдельных контекстах.

Систематические обзоры методов машинного обучения в прогнозировании судебных решений подтверждают общую картину: большинство методов достигают точности выше 70% при бинарной классификации, а наиболее распространёнными алгоритмами являются

SVM, Random Forest, нейронные сети и наивный байесовский классификатор [Rosili et al., 2021]. Обзор Травайни и его соавторов, выполненный по стандарту PRISMA на двенадцати высококачественных исследованиях прогнозирования рецидивизма, сообщает о средней точности 0,81 и AUC 0,74 [Travaini et al., 2022]. Важно, что сложность модели не обеспечивает её устойчивого превосходства над более простыми базовыми линейными регрессиями, что подчёркивает значимость тщательного подбора метода под конкретную задачу.

Отдельного внимания заслуживает работа Менезес-Нето и Клементино, обучивших три модели глубокого обучения (ULMFiT, BERT, Big Bird) на более чем 612 000 апелляций бразильских федеральных судов [Menezes-Neto, Clementino, 2022]. Все модели превзошли 22 высококвалифицированных юридических экспертов в прогнозировании исходов апелляций (лучшая модель: MCC = 0,37 против 0,13 у экспертов). Этот результат непосредственно подтверждает, что алгоритмические прогнозы судебных решений могут служить надёжной основой для построения value-added моделей.

Комплексный обзор NLP-приложений в юридической сфере, выполненный Ариаи с коллегами на основе 131 исследования, систематизирует методы анализа юридических текстов, включая прогнозирование решений, суммаризацию документов и извлечение именованных сущностей [Ariai, Mackenzie, Demartini, 2025]. Авторы выделяют 16 открытых исследовательских проблем, в том числе обнаружение смещений, интерпретируемость моделей и ограниченность открытых наборов данных. Русскоязычный систематический обзор международных исследований по прогнозированию судебных решений представлен в [Казун, 2024].

Аналогии из спортивной аналитики и медицины

Методологическое ядро предлагаемого подхода к оценке эффективности адвокатов имеет наиболее тесные параллели с двумя областями, в которых проблема измерения индивидуального вклада профессионала в условиях множества неконтролируемых факторов решается наиболее последовательно. Это спортивная аналитика и оценка работы специалистов в сфере медицины.

В спортивной аналитике центральная задача — оценка индивидуального вклада игрока в командный результат. Метрика Adjusted Plus-Minus (APM) и её регуляризованные варианты (Regularized APM, RAPM) решают эту задачу с помощью регрессионных моделей, контролирующих силу партнёров и соперников. Макдональд адаптировал методологию APM/RAPM, применявшуюся в оценках баскетболистов, для игроков в хоккей, используя гребневую регрессию для получения стабильных оценок наступательного и оборонительного вклада каждого игрока [Macdonald, 2012]. Регуляризация выступает ключевым техническим решением, позволяющим изолировать индивидуальный вклад при ограниченных данных. Это проблема, аналогичная задаче по оценке работы адвоката с малым числом дел. Коллектив авторов под руководством Грассетти расширил модель RAPM для баскетбола, продемонстрировав продвинутое техники регуляризации при оценке индивидуального вклада в командной игре [Grassetti et al., 2021].

Вместе с тем Гимире, Эрлих и Сандерс показали на данных NBA за 2013–2019 гг., что стандартные APM-модели не полностью учитывают командную игру: оценки RPM зависят от качества партнёров на площадке [Ghimire, Ehrlich, Sanders, 2020]. А Брэйв, Баттерс и Робертс показали, что примерно 40% необъяснённой вариации в результатах команд MLB связано с синергетическими эффектами командной работы игроков [Brave, Butters, Roberts, 2019]. Эти результаты наталкивают на возможности решения аналогичных задач в юридическом контексте: изолирование индивидуального вклада в командной игре имеет принципиальные методологические ограничения.

Метрика Wins Above Replacement (WAR) в бейсболе предлагает иную, но комплементарную логику: она измеряет, насколько побед данный игрок превосходит «replacement-level» — легкодоступного «заменителя» [Baumer, Jensen, Matthews, 2015]. Концепция

replacement level применима к оценке адвокатов, позволяя оценить, насколько данный защитник превосходит типичного («среднего») адвоката по данному типу дел. В футболе метрика Expected Goals (xG) даёт оценку, исходящую не от прямых результатов, а ориентированную на зависимость от скорректированной вероятности успеха [Anzer, Bauer, 2021].

В медицинской литературе оценка результативности работы индивидуальных хирургов представляется как наиболее прямая аналогия с задачей оценки адвокатов. Холл и его соавторы на данных реестра ACS NSQIP (39 976 случаев, 197 хирургов, 9 больниц) построили иерархические регрессионные модели с корректировкой на риск для оценки индивидуальных показателей хирургов по возможности осложнений (морбидности), раневой инфекции и смертности [Hall et al., 2015]. Авторы ввели метрики надёжности принципа «сигнал-к-шуму» (signal-to-noise reliability) для определения условий, при которых индивидуальные профили хирургов могут статистически различаться, и показали, что частота возникновения у пациента осложнений лучше различима, чем смертность. Эта методология непосредственно переносима на задачу профилирования адвокатов: она определяет минимальные требования к статистической мощности, методы корректировки на риск и учёт институционального контекста.

Крелл и соавторы, используя данные ACS NSQIP, установили, что большинство стандартных показателей качества имеют низкую надёжность для различения больниц — в особенности для малоинвазивных специальностей или редких событий [Krell et al., 2014]. Дюкло и коллеги разработали графические контрольные карты для мониторинга индивидуальных хирургов, скорректированные как на характеристики пациентов, так и на опыт хирурга [Maruthappu et al., 2014]. Питчес, Мохаммед и Лилфорд в систематическом обзоре 36 исследований обнаружили, что корреляция между скорректированной на риски смертностью и реальным качеством медицинской помощи неустойчива: лишь около половины исследований подтвердили тут положительную связь [Pitches, Mohammed, Lilford, 2007]. Этот результат может отражать неизмеренные факторы сложности случаев, а не подлинные различия в качестве. Чен с коллегами предложили композитные показатели качества, комбинирующие различные факторы [Chen et al., 2013], — методологический подход, релевантный для построения многомерных рейтинговых систем адвокатов.

Эмпирические исследования российского уголовного правосудия

Контекст российского уголовного правосудия обладает рядом специфических характеристик, которые существенно влияют на проектирование методологии оценки эффективности адвокатов. Центральной особенностью отечественной ситуации является выраженный обвинительный уклон: по данным исследований, доля оправдательных приговоров составляет менее 0,2%, что означает осуждение более чем 499 из каждых 500 подсудимых, прошедших через судебный процесс [Панеях, 2012]. Э. Панеях продемонстрировала, что данный уклон обусловлен институциональным давлением на судей, включающим неформальную иерархическую подотчётность и показатели эффективности, привязанные к низким показателям оправданий.

В. Волков провёл первый масштабный количественный анализ более 5 млн приговоров российских уголовных судов, зафиксировав систематические диспропорции в назначении наказаний по полу, занятости, гражданству и должностному положению [Волков, 2014]. Эти результаты свидетельствуют о наличии как легальных, так и экстралегальных факторов, формирующих судебные решения, что делает необходимым их учёт в прогнозистических моделях. В последующей работе Волков, используя более 350 тыс. судебных решений, изолировал каузальный эффект присутствия прокурора: в делах с участием государственного обвинителя вероятность оправдания оказалась примерно в десять раз ниже [Volkov, 2021]. Дополнительные свидетельства систематических различий в назначении наказаний на материале дел об убийствах см. в [Zhuchkova, Kazun, 2023].

К. Титаев на случайной выборке из 10 тыс. решений районных судов за 2011 г. продемонстрировал, что содержание под стражей до суда значительно повышает вероятность последующего приговора к реальному лишению свободы, указывая на кумулятивный эффект ранних прокурорских решений на итоговые исходы [Titaev, 2017]. А. Виноградов, анализируя структурные причины обвинительного уклона на досудебной стадии, аргументировал, что основная системная причина тут — помещение следователей на сторону обвинения в структуре Уголовно-процессуального кодекса РФ [Виноградов, 2025].

Развитие вычислительной инфраструктуры для анализа российских правовых текстов представлено работой Д. Савельева и Р. Кучакова, создавших масштабный открытый корпус из 281 413 федеральных правовых текстов за 1991-2023 гг. (176 млн токенов с полной морфосинтаксической разметкой) [Saveliev, Kuchakov, 2024]. В рамках проекта «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)» исследовательский коллектив НИУ ВШЭ собрал корпус из более 7 млн текстов судебных решений и разработал методику их анализа [Жучкова и др., 2025]. Эти корпуса текстов могут быть отправной точкой для решения задач, связанных с оценкой качества работы российских адвокатов.

Рейтинговые системы и байесовские подходы

Методология построения рейтингов профессионалов на основе результатов их деятельности тесно связана с классической теорией парных сравнений. Модель Брэдли-Терри, предложенная в 1952 г., назначает каждому объекту латентный параметр силы, определяющий вероятность победы в парном сравнении [Bradley, Terry, 1952]. М. Каттелан в обширном обзоре моделей парных сравнений систематизировала расширения базовой модели для учёта ковариат, ничьих, порядковых эффектов и зависимых наблюдений [Cattelan, 2012]. Эти методы непосредственно применимы к конструированию рейтингов адвокатов на основе исходов дел.

Отдельно следует отметить опыт таких систем, как TrueSkill. Мастерство каждого игрока представляется в них как гауссовское распределение, учитывающее и среднее значение его навыка, и неопределённость, связанную с его оценкой [Herbrich, Minka, Graepel, 2006]. Этот подход можно использовать для оценки качества работы адвокатов с небольшим числом дел.

Фундаментальным инструментом для работы с малыми выборками в задачах ранжирования является эмпирическая байесовская сшивка (shrinkage). Эфрон и Моррис в классической работе по оценке «бейсбольных средних» показали, что объединение информации между объектами и сжатие индивидуальных оценок к общему среднему снижает общую ошибку предсказания [Efron, Morris, 1975]. Этот принцип лежит в основе сглаживающих процедур в методологии оценки работы адвокатов: при малом числе дел индивидуальная оценка эффективности «подтягивается» к средней по совокупности, предотвращая экстремальные рейтинги на основе недостаточных данных.

Методы матричной факторизации, получившие известность в контексте рекомендательных систем и Netflix Prize, предоставляют дополнительный инструмент для моделирования латентных факторов качества [Koren, Bell, Volinsky, 2009]. Хотя нельзя не отметить, что непосредственное применение коллаборативной фильтрации к задаче оценки адвокатов не является прямым, лежащая в её основе идея декомпозиции наблюдаемых результатов на латентные факторы концептуально близка к предлагаемому подходу.

Вопрос о так называемой «алгоритмической справедливости» очень важен в контексте обсуждений о работе алгоритма COMPAS, предсказывающего в США вероятность преступного рецидива. Дело в том, что алгоритм завышал риски для чернокожих подсудимых [Angwin et al., 2016], определив на основе обучающих данных, что этот фактор — значимый

предиктор. Карими-Хаги и Кастильо предложили метод смягчения подобных алгоритмических смещений [Karimi-Haghighi, Castillo, 2021]. Эти работы подчёркивают важность контроля за подобными систематическими смещениями, которые модели могут «наследовать» из-за смещений в данных реального мира.

Методология

Настоящий раздел содержит детальное описание предлагаемой методологии оценки эффективности работы адвокатов по уголовным делам. Она основана на принципе *value-added*: прогностические модели машинного обучения строят ожидаемые исходы дел на основе характеристик, не зависящих от действий защитника, а систематическое отклонение фактических исходов от предсказанных рассматривается как вклад адвоката.

Данные и источники информации

Информационной основой методологии служат тексты судебных решений по уголовным делам, публикуемые в открытом доступе на сайтах судов общей юрисдикции в соответствии с Федеральным законом № 262-ФЗ от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Суммарный объём анализируемых решений составляет более 7 млн документов за период 2010 — 2025 гг. Из текстов решений методами автоматизированного извлечения информации можно получить следующие переменные:

- ▶ характеристики преступления: статья Уголовного кодекса Российской Федерации (с точностью до части статьи), категория тяжести преступления;
- ▶ характеристики подсудимого: наличие рецидива, смягчающие обстоятельства (явка с повинной, активное содействие расследованию, наличие малолетних детей и др.), отягчающие обстоятельства (совершение преступления в группе, состояние опьянения и др.);
- ▶ институциональные характеристики: идентификатор суда, регион, социально-демографические характеристики населённого пункта (численность населения, уровень образования, структура занятости);
- ▶ временные характеристики: год и месяц вынесения решения;
- ▶ процессуальные характеристики: рассмотрение дела в особом порядке, мера пресечения;
- ▶ идентификация адвоката: ФИО защитника, установленные путём сопоставления с данными Единого государственного реестра адвокатов Министерства юстиции Российской Федерации [Минюст России, 2026].

Принципиальным элементом конструирования предикторного пространства является разделение переменных на две группы: а) факторы, не зависящие от действий адвоката (состав преступления, рецидив, регион, суд, время); б) факторы, на которые адвокат потенциально может повлиять (процессуальная форма рассмотрения дела, избранная мера пресечения, а также непосредственно исходы дел). Прогностические модели обучаются исключительно на переменных первой группы, что обеспечивает экзогенность прогнозов относительно действий защитника и позволяет интерпретировать остаточное отклонение как вклад адвоката.

Этапы прогнозирования судебных решений

Прогнозирование исходов судебных решений осуществляется поэтапно, что обусловлено логикой движения уголовного дела в суде и наличием нескольких ключевых процессуальных развилок, каждая из которых формирует самостоятельный объект анализа. Трёхэтапная структура обеспечивает методологическую корректность сопоставления прогнозируемых и фактических результатов на каждом уровне принятия решения.

Этап 1. Прогнозирование наличия судимости (судимость/несудимость). На первом этапе оценивается вероятность того, что итоговый судебный исход повлечёт судимость. К категории «несудимость» относятся прекращение дела, возвращение дела прокурору, примирение сторон, судебный штраф, оправдательный приговор и иные исходы, не влекущие судимости. К категории «судимость» относятся обвинительные приговоры, завершающиеся её возникновением (в том числе дела, которые закончились условным сроком). С учётом того, что, как было отмечено выше, оправдательные приговоры в российских судах чрезвычайно редки, основная эмпирическая граница на данном этапе проходит именно между исходами, влекущими и не влекущими судимость. Модели на данном этапе обучаются на полной совокупности уголовных дел.

Этап 2. Прогнозирование вида наказания при вынесении приговора (реальное лишение свободы или альтернативные наказания). Внутри категории дел, завершившихся приговором, прогнозируется вероятность назначения реального срока лишения свободы по сравнению со всеми альтернативными исходами (условное осуждение, штраф, обязательные работы и др.). Этот этап представляет собой ключевой момент оценки тяжести последствий для подсудимого. Модели обучаются на подвыборке дел, по которым был вынесен приговор, что исключает влияние структурных особенностей дел, завершившихся постановлением о прекращении дела.

Этап 3. Прогнозирование продолжительности срока реального лишения свободы. Для дел, по которым было назначено реальное лишение свободы, прогнозируется продолжительность срока (в месяцах). Данный этап направлен на выявление способности адвоката снизить тяжесть наказания в тех случаях, когда назначение реального срока неизбежно. Модели обучаются исключительно на подвыборке дел с назначенным реальным сроком.

Совокупное применение трёх этапов прогнозирования обеспечивает построение детализированной структуры ожидаемых исходов, позволяющей оценить вклад адвоката на каждом уровне процессуального решения: от вопроса «влечёт ли итоговый исход судимость?» через вопрос «назначено ли реальное лишение свободы?» до вопроса «каков срок?».

Методы машинного обучения

Основными моделями, применяемыми в рамках предлагаемой нами методологии, являются ансамблевые методы Random Forest и Extreme Gradient Boosting (XGBoost), а также обобщённые линейные модели (GLM) в качестве базовой модели для сравнения, что соответствует стандартным международным практикам.

Random Forest применяется для построения совокупности деревьев решений на основе случайных подвыборок предикторов и наблюдений (bagging + random feature selection), что обеспечивает минимизацию риска переобучения и высокую стабильность прогнозов [Katz, Bommarito, Blackman, 2017]. Метод доказал свою эффективность в задачах судебного прогнозирования: Катц с соавторами продемонстрировали устойчивое превосходство Random Forest при прогнозировании решений Верховного суда США.

Extreme Gradient Boosting (XGBoost) основан на процедуре последовательного улучшения качества прогнозов путём минимизации функции потерь на каждом шаге и демонстрирует высокую точность при наличии сложных взаимодействий между переменными [Tollenaar, van der Heijden, 2019]. В задачах прогнозирования бинарных исходов в уголовном правосудии XGBoost неоднократно демонстрировал конкурентные результаты по сравнению с другими методами.

Обобщённые линейные модели (GLM) рассматриваются в качестве базового метода для сопоставления результатов. Предварительные испытания показывают, что показатели точности GLM систематически уступают ансамблевым методам на большинстве подвыборок данных, что согласуется с результатами сравнительных исследований [Dressel, Farid, 2018; Tollenaar, van der Heijden, 2019].

Для оценки качества прогнозов применяется дифференцированная система метрик. На этапах 1 и 2 (бинарная классификация) используется показатель AUC (Area Under the ROC Curve), позволяющий оценить способность модели различать благоприятные и неблагоприятные исходы. На этапе 3 (непрерывная переменная — срок в месяцах) используется RMSE (Root Mean Square Error), измеряющий среднеквадратичное отклонение прогнозов от фактических значений.

Оценка качества проводится посредством пятиблочной кросс-валидации, обеспечивающей объективность и статистическую надёжность. По итогам обучения для каждой подвыборки и этапа выбирается модель с наилучшими показателями качества.

Методика расчёта рейтинга эффективности адвокатов

Расчёт рейтинга эффективности адвокатов осуществляется в ходе нескольких последовательных шагов, начиная от «сырой» разницы между прогнозом и фактом и заканчивая итоговым децильным рейтингом.

Шаг 1. Расчёт «сырой» дельты. Для каждого дела k на каждой стадии s рассчитывается разница между фактическим и предсказанным исходом по формулам (1a) и (1b):

Для бинарных исходов (этапы 1 и 2):

$$\delta_{k,s} = \gamma_{k,s} - \rho_{k,s}, \quad (1a)$$

где $\gamma_{k,s} \in \{0,1\}$ — фактический результат; $\rho_{k,s}$ — предсказанная наилучшей моделью вероятность исхода.

Для непрерывной переменной (этап 3 — продолжительность лишения свободы в месяцах):

$$\delta_{k,s} = \hat{x}_{k,s} - x_{k,s}, \quad (1b)$$

где $\hat{x}_{k,s}$ — наилучшее предсказание модели; $x_{k,s}$ — фактическое значение переменной.

В обеих формулах положительная дельта означает более благоприятный для подсудимого исход, чем предсказывала модель. В формуле (1a) положительное значение возникает, когда фактический исход лучше ожидаемого (например, дело прекращено, хотя прогнозировался приговор). В формуле (1b) положительное значение означает, что фактический срок оказался короче предсказанного.

Шаг 2. Штраф за последовательность этапов. Если на предыдущей стадии ($s-1$) была предсказана высокая вероятность благоприятного исхода $\rho_{k,s-1}$, но фактически он не был достигнут, то на стадии s адвокату назначается штраф $\phi_{k,s-1}$ по формуле (2):

$$\phi_{k,s-1} = \{0, \text{ если } \gamma_{k,s-1} = 1 \text{ или } \rho_{k,s-1} \leq \bar{\rho}; \lambda \cdot \frac{1}{1-\bar{\rho}} (\rho_{k,s-1} - \bar{\rho}), \text{ иначе}\}, \quad (2)$$

где λ — максимально возможный штраф (параметр; $\lambda = 0,2$); $\bar{\rho}$ — порог вероятности благоприятного исхода ($\bar{\rho} = 0,6$). Данный штраф реализует принцип последовательности: если модель предсказывала, что дело с высокой вероятностью завершится прекращением, но этого не произошло, то бонус адвоката за относительно мягкий приговор на следующей стадии уменьшается.

Штрафы применяются кумулятивно:

$$\delta_{k,s} = \delta_{k,s} - |\delta_{k,s}| \cdot \sum_{t < s} \phi_{k,t}, \quad (3)$$

где левая часть формулы обозначает дельту после применения штрафов за последовательность этапов.

Шаг 3. Корректировка на командную работу. Если в деле участвуют несколько адвокатов, то индивидуальный вклад каждого из них уменьшается по формуле (4):

$$\tilde{\delta}_{k,s} = \delta_{k,s} - |\dot{\delta}_{k,s}| \cdot \min\{\mu, n_k - 1\} \cdot \vartheta, \quad (4)$$

где ϑ — размер штрафа за одного дополнительного адвоката ($\vartheta = 0,05$); μ — максимальное число дополнительных адвокатов, за которых накладывается штраф ($\mu = 5$); n_k — общее количество адвокатов в деле k . Данная корректировка отражает принцип, аналогичный учёту командных эффектов в спортивной аналитике [Ghimire, Ehrlich, Sanders, 2020; Brave, Butters, Roberts, 2019]: при коллективном достижении результата индивидуальная атрибуция снижается.

Шаг 4. Агрегирование по делам. Пусть $\Omega_{i,s}$ обозначает множество дел, в которых адвокат i участвовал на стадии s . Средняя дельта адвоката i на стадии s рассчитывается по формуле:

$$\delta_{i,s}^{avg} = \frac{1}{N_{i,s}} \sum_{k \in \Omega_{i,s}} \tilde{\delta}_{k,s}, \quad (5)$$

где $N_{i,s}$ — количество дел адвоката i на стадии s .

Шаг 5. Байесовское сглаживание (shrinkage). При малом количестве дел индивидуальная средняя дельта может оказаться нестабильной. Для адвокатов с $N_{i,s} < \alpha_s$ (где α_s — минимальное число дел для устойчивой оценки; для всех стадий $\alpha_s = 10$) применяется сглаживание:

$$\hat{\Delta}_{i,s} = \begin{cases} \delta_{i,s}^{avg}, & \text{если } N_{i,s} \geq \alpha_s \\ \frac{N_{i,s}}{\alpha_s} \cdot \delta_{i,s}^{avg} + \frac{\alpha_s - N_{i,s}}{\alpha_s} \cdot \bar{\Delta}_s, & \text{иначе} \end{cases}, \quad (6)$$

где левая часть формулы (6) представляет собой итоговую сглаженную среднюю дельту адвоката i на стадии s , тогда как $\bar{\Delta}_s$, т. е. среднее значение дельты на стадии s среди всех адвокатов, выступает в качестве shrinkage-ориентира. Данная процедура реализует принцип эмпирической байесовской shrinkage-оценки, обоснованной в классических работах по статистике малых выборок [Efron, Morris, 1975]: при недостаточном количестве наблюдений индивидуальная оценка «подтягивается» к средней, предотвращая экстремальные рейтинги. По мере накопления данных ($N_{i,s} \rightarrow \alpha_s$) вес глобального среднего убывает до нуля, и оценка полностью определяется индивидуальными результатами.

Шаг 6. Позиция в распределении (ECDF). Для множества всех адвокатов на стадии s , обозначаемого D_s , пусть $m_s = |D_s|$. Для каждого адвоката i вычисляется значение эмпирической функции распределения по формуле (7):

$$T_{i,s} = \frac{1}{m_s} \sum_j I(\hat{\Delta}_{j,s} \leq \hat{\Delta}_{i,s}), \quad (7)$$

где $I(\cdot)$ — индикаторная функция, принимающая значение 1, когда условие в скобках выполняется, и 0 в противном случае.

Шаг 7. Агрегирование по стадиям. Для получения итоговой оценки адвоката по всем стадиям значения $T_{i,s}$ взвешиваются на количество дел на каждой стадии. Пусть p_i — множество стадий, в которых адвокат участвовал. Тогда итоговая оценка рассчитывается по формуле (8):

$$\bar{T}_i = \frac{1}{\sum_{s \in p_i} N_{i,s}} \sum_{s \in p_i} N_{i,s} \cdot T_{i,s}. \quad (8)$$

Шаг 8. Итоговая ECDF. По множеству итоговых агрегированных значений рассчитывается финальная позиция каждого адвоката в общем распределении по формуле (9):

$$r_i = \frac{1}{|D|} \sum_j I(\bar{T}_j \leq \bar{T}_i). \quad (9)$$

Шаг 9. Децильный рейтинг. Итоговый рейтинг адвоката определяется его позицией в соответствующем дециле по формуле (10):

$$R_i = q, \text{ если } \frac{q-1}{10} < r_i \leq \frac{q}{10}, \quad q = 1, \dots, 10 \quad (10)$$

Значение R_i представляет собой итоговый децильный рейтинг эффективности адвоката i : $R_i = 10$ соответствует высшему децилю (наиболее эффективные адвокаты), $R_i = 1$ — низшему. Рейтинг рассчитывается отдельно по каждой статье Уголовного кодекса, что обеспечивает специализированную оценку в рамках каждого типа дел.

Учёт специфических факторов

Предлагаемая методология включает ряд механизмов, направленных на учёт специфических факторов, влияющих на корректность оценки.

Командные эффекты. Формула (4) реализует дисконтирование индивидуального вклада при участии в деле нескольких адвокатов. Данный механизм концептуально аналогичен учёту командных эффектов в спортивной аналитике: так же, как метрики АРМ в командных видах спорта корректируют индивидуальные оценки с учётом вклада партнёров [Macdonald, 2012; Grassetti et al., 2021], формула (4) снижает атрибуцию индивидуальному адвокату при совместной защите. Параметры $\vartheta = 0,05$ и $\mu = 5$ обеспечивают умеренное дисконтирование: при двух адвокатах каждый получает 95% от полной дельты; при шести и более — 75%.

Сделки с правосудием (особый порядок). Значительная часть уголовных дел в России рассматривается в особом порядке, что существенно ограничивает пространство возможных исходов и, соответственно, возможность атрибуции результата качеству защиты. Поскольку выбор особого порядка может быть связан со стратегией защиты, в базовой спецификации этот показатель не включается в набор экзогенных предикторов; вместо этого он используется для стратификации выборки и проверки устойчивости оценок.

Малые выборки. Формула (6) реализует байесовское сглаживание, направленное на повышение устойчивости рейтинговых оценок при малом числе дел. Данный подход непосредственно соответствует методологии, описанной в классической работе по оценке бейсбольных средних [Efron, Morris, 1975], а также в практике медицинских регистров, где аналогичная проблема решается с помощью иерархических моделей с корректировкой на объём наблюдений [Hall et al., 2015; Krell et al., 2014]. Параметр $\alpha_s = 10$ означает, что для адвокатов с числом дел на данной стадии менее 10 рейтинг приближается к среднему значению, т.е. к центру шкалы (5–6 из 10).

Последовательность этапов. Формулы (2) и (3) реализуют принцип последовательной атрибуции: если на предшествующей стадии была высока вероятность благоприятного исхода, который тем не менее не был реализован, то бонус на последующей стадии уменьшается. Это предотвращает ситуацию, при которой адвокат, «потерявший» благоприятный исход на ранней стадии (например, модель предсказывала прекращение дела, но дело дошло до приговора), получает непропорционально высокий бонус за незначительное смягчение приговора.

Социально-демографические факторы. Включение социально-демографических характеристик населенного пункта (численность, уровень образования, структура

занятости) в предикторное пространство моделей обеспечивает контроль межрегиональной вариации, обусловленной различиями в социальном контексте [Volkov, 2014]. Это позволяет корректнее сопоставлять эффективность адвокатов, работающих в различных субъектах Российской Федерации.

Ограничения и направления развития

Предлагаемая методология имеет ряд существенных ограничений, связанных как с характером доступных данных, так и с методологическими допущениями. Важно честно указать на них, хотя, как мы описали выше, предложенный подход позволяет аккуратно учесть многие особенности данных.

Во-первых, на основе имеющихся данных возможна оценка только судебной стадии. Однако важной, часто решающей, частью деятельности защитника является досудебная стадия: участие в следственных действиях, обжалование мер пресечения, работа с доказательной базой, сбор показаний свидетелей, психологическая поддержка доверителя. Многие высококвалифицированные адвокаты специализируются именно на досудебной защите и порой вообще не ходят в суд. Однако дела, не поступившие в суд, полностью выпадают из анализа. Это создаёт систематическое смещение: адвокаты, наиболее эффективные на досудебной стадии, могут быть недооценены или вообще не войти в рейтинговую систему. Таким образом, предложенный подход должен учитывать тот факт, что он позволяет оценивать только и исключительно ту часть работы адвоката, которая связана с работой на судебной стадии процесса. Это важно учитывать ещё и потому, что порой исходные условия, в которых адвокат начинает работать на судебной стадии, задаются неграмотной помощью другого адвоката на предыдущей стадии процесса, которую мы не можем наблюдать.

Во-вторых, в качестве стандартного ограничения предстаёт неполнота данных. Не все судебные решения размещаются в открытом доступе (некоторые не должны публиковаться в соответствии с законом, другие не появляются из-за технических или организационных проблем). Часть документов публикуется с существенными задержками (до одного–двух лет). Кроме того, из некоторых текстов судебных решений изымаются персональные данные участников процесса, включая ФИО адвокатов. Это означает, что даже при наличии текста судебного решения не всегда возможно точно соотнести его с конкретным адвокатом.

В-третьих, на данном этапе алгоритм не позволяет адекватно оценивать дела с несколькими подсудимыми. Предложенная методология не включает в расчёт рейтинга те дела, в которых одновременно представлены несколько подсудимых и/или одному подсудимому предъявлено несколько обвинений. Это ограничение обусловлено техническими сложностями автоматизированного извлечения информации из текстов приговоров отдельно для каждого обвиняемого: различные подсудимые могут иметь различные наборы смягчающих и отягчающих обстоятельств, один из них может признать вину, а другой нет, на этом основании они могут получить разные сроки. Безусловно, аккуратное чтение текстов часто позволяет чётко определять те или иные исходы и обстоятельства дела, но для машинной обработки миллионов текстов это оказывается препятствием. Впрочем, данное препятствие имеет исключительно техническую природу и при должном развитии алгоритмов в обозримом будущем будет устранено.

В-четвёртых, точная идентификация адвокатов на основе текстов решений не всегда возможна. Небольшое число адвокатов остаётся неидентифицированным вследствие наличия у них полных тёзок (совпадение фамилии, имени и отчества). Это встречается удивительно часто и может говорить, в том числе, о высоком уровне династичности данной профессии. В таких случаях невозможно достоверно связать конкретные дела с конкретным адвокатом. Дополнительно в реестре адвокатов встречаются чисто технические ошибки, которые могут препятствовать корректной привязке дел к защитникам.

В-пятых, важно учитывать проблему ненаблюдаемых факторов. Центральным методологическим допущением нашего подхода является то, что остаточное отклонение фактических исходов от предсказанных в значительной мере обусловлено качеством работы адвоката. Однако на это отклонение могут влиять и другие ненаблюдаемые факторы: сила доказательственной базы обвинения (не полностью отражённая в тексте приговора), личностные характеристики судьи или суда (которые не ловятся фиксированными эффектами), специфические обстоятельства дела, не зафиксированные в извлекаемых переменных. Эта проблема хорошо известна при решении аналогичных задач в медицинской литературе [Pitches, Mohammed, Lilford, 2007]. В целом она является общей для всех value-added моделей, включая оценку учителей [Chetty, Friedman, Rockoff, 2014a] и врачей [Hall et al., 2015].

В-шестых, может быть недооценён эффект самоотбора. Более опытные и квалифицированные адвокаты систематически берутся за более сложные дела, что может приводить к занижению их рейтинга при недостаточном контроле сложности [Chesterman, 2020]. Хотя включение в модели характеристик преступления и обстоятельств дела частично контролирует этот эффект, полностью избежать эффекта самоотбора без рандомизации распределения дел невозможно [Greiner, Pattanayak, 2012].

Кроме того, важно учитывать точность прогностических моделей. Качество рейтинговой системы непосредственно зависит от точности моделей, которые мы строим. Систематические обзоры показывают, что точность ML-моделей для бинарных судебных исходов обычно находится в диапазоне 70–81% [Travaini et al., 2022; Rosili et al., 2021], что означает наличие существенной доли необъяснённой дисперсии. Впрочем, важно отметить, что эта дисперсия и не должна быть нулевой, ведь внутри (помимо «шума» и прочих ненаблюдаемых факторов) лежит именно то, что нас интересует — качество работы адвоката.

Наконец, широкое применение предложенной методики должно учитывать этические соображения. Любая рейтинговая система, оценивающая профессионалов, сопряжена с рисками (в том числе из-за ограничений, описанных выше). Первый риск связан с возможным вредом для репутации честного адвоката. По ряду причин адвокат может быть несправедливо оценён вследствие ограничений данных (неполнота профиля, самоотбор в сложные дела и пр.). В связи с этим рейтинговая система не может и не должна использоваться в качестве единственного критерия выбора защитника и тем более как свидетельство ненадлежащего качества работы. Система не должна применяться для «очистки» профессиональных рядов и применения иных дисциплинарных мер. Второй этический риск связан с обсуждавшейся выше алгоритмической справедливостью. Систематические смещения в моделях (например, обусловленные расовыми, гендерными или социальными факторами) могут касаться и рейтинговых оценок [Angwin et al., 2016; Karimi-Haghighi, Castillo, 2021]. По этим причинам требуется аккуратная этическая экспертиза при любом прикладном применении данных алгоритмов.

Можно выделить некоторые перспективные направления развития предлагаемой методологии:

1. Расширение анализа на досудебную стадию. Интеграция данных о ходатайствах, обжаловании мер пресечения, результатов рассмотрения процессуальных вопросов на стадии следствия позволит более полно оценить вклад адвоката. Впрочем, в настоящее время такие данные не доступны публично.

2. Применение NLP-методов для анализа текстов. Использование различных языковых моделей (BERT, и их адаптаций для русского языка) для извлечения дополнительных признаков из текстов приговоров может повысить точность прогнозирования [Ariai, Mackenzie, Demartini, 2025; Menezes-Neto, Clementino, 2022; Saveliev, Kuchakov, 2024].

3. Динамические рейтинговые модели. Применение байесовских моделей, аналогичных TrueSkill [Herbrich, Minka, Graepel, 2006], позволит формировать динамические, обновляемые в реальном времени рейтинги с явным учётом неопределённости оценки.

4. Каузальная идентификация. Использование квазиэкспериментальных методов (инструментальные переменные, разрывный дизайн) на основе институциональных особенностей распределения дел может повысить надёжность каузальной интерпретации рейтинговых оценок [Abrams, Yoon, 2007].

5. Решение проблемы множественных подсудимых. Разработка алгоритмов автоматизированного извлечения информации отдельно для каждого подсудимого в групповых делах позволит существенно расширить выборку.

6. Композитные показатели. Полезно формирование многомерных рейтингов, комбинирующих исходы дел с процессными показателями (активность в представлении ходатайств, скорость работы), по аналогии с композитными показателями качества в медицине [Chen et al., 2013].

Заключение

Настоящая статья предлагает формализованную методологию оценки эффективности работы адвокатов по уголовным делам, основанную на сравнении прогнозируемых и фактических исходов судебных решений. Теоретической основой подхода является принцип value-added, успешно применяемый в экономике образования [Chetty, Friedman, Rockoff, 2014a; Chetty, Friedman, Rockoff, 2014b], медицине [Hall et al., 2015] и спортивной аналитике [Grassetti et al., 2021; Macdonald, 2012].

Наша методология включает несколько ключевых компонентов. Во-первых, трёх-этапную модель прогнозирования, отражающую логику последовательных процессуальных развилок в уголовном судопроизводстве: от вопроса о форме итогового решения (следует ли судимость) через вопрос о виде наказания (реальное лишение свободы или альтернативы) до прогнозирования продолжительности срока заключения. Во-вторых, алгоритм предполагает применение ансамблевых методов машинного обучения (Random Forest, XGBoost), продемонстрировавших эффективность в задачах судебного прогнозирования [Katz, Bommarito, Blackman, 2017]. В-третьих, методология включает систему корректировок, учитывающих последовательность этапов рассмотрения дела (формулы 2–3), командную работу нескольких адвокатов (формула 4) и нестабильность оценок при малом числе дел (формула 6). Последняя корректировка реализует принцип байесовского сглаживания, обоснованный для задач на малых выборках [Efron, Morris, 1975] и широко применяемый в медицинских исследованиях [Hall et al., 2015] и спортивной аналитике.

Предлагаемый подход, в случае его широкой реализации (при условии соблюдения этических ограничений), может быть использован для снижения информационной асимметрии на рынке юридических услуг в сфере уголовной защиты. Исследования показывают, что существующие репутационные рейтинги слабо коррелируют с реальной результативностью юридических фирм [Mojon, Mahari, Lera, 2025], а разброс в качестве работы адвокатов является значительным и имеет существенные последствия для клиентов [Abrams, Yoon, 2007; Nelson, Epstein, 2022]. Основанные на данных рейтинги предоставляют объективную, количественно обоснованную дополнительную информацию для участников рынка.

Вместе с тем методология имеет существенные ограничения, которые необходимо принимать во внимание. Ключевая проблема здесь — невозможность полного учёта ненаблюдаемых факторов [Pitches, Mohammed, Lilford, 2007]. Описанные выше ограничения данных также требуют осторожности в интерпретации результатов. Рейтинговая система предоставляет важную дополнительную информацию при выборе адвоката, но не может и не должна рассматриваться как единственный или безусловный критерий оценки. Впрочем, создание подобной системы, на наш взгляд, создало бы существенно больше позитивных эффектов для рынка юридических услуг (как в части «спроса», так и в части «предложения»), чем вызывало бы дополнительные сложности.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов А.С. (2025). Обвинительный уклон в досудебном производстве по уголовным делам: причины и пути преодоления // *Журнал правовых и экономических исследований (Вестник ГИЭФ)*. Т. 59. № 1. С. 133–138. DOI: 10.26163/gief.2025.59.52.016.
- Волков В.В. (2014). *Социально-экономический статус и различия в вынесении приговоров: данные о рассмотрении уголовных дел в судах РФ* / Препринт Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. — СПб.: ИПП ЕУСПб.
- Жучкова С.В., Девятников В.Ю., Казун А.П., Белов М.Д., Сидорова О.И. (2025). Тексты судебных приговоров как источник данных для эмпирических исследований права в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 170–192. DOI: 10.14515/monitoring.2025.2.2575.
- Казун А.П. (2024). Может ли искусственный интеллект прогнозировать решения суда? Систематический обзор международных исследований // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 5. С. 100–122. DOI: 10.14515/monitoring.2024.5.2580.
- Минюст России. (2026). *Единый государственный реестр адвокатов*. <https://minjust.gov.ru/ru/pages/advokaty-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 17.03.2026).
- Панях Э.Л. (2012). Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счёт подсудимого // *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права* / под ред. В.В. Волкова. — М.: Статут. С. 107–127.
- Abrams D.S., Yoon A.H. (2007). The Luck of the Draw: Using Random Case Assignment to Investigate Attorney Ability // *University of Chicago Law Review*. Vol. 74. No. 4. Pp. 1145–1177. DOI: 10.2307/20141859.
- Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V. (2016). Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // *PeerJ Computer Science*. Vol. 2. Art. e93. DOI: 10.7717/peerj-cs.93.
- Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. (2016). Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks // *ProPublica*. May 23. <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (access date: 17.03.2026).
- Anzer G., Bauer P. (2021). A Goal Scoring Probability Model for Shots Based on Synchronized Positional and Event Data in Football (Soccer) // *Frontiers in Sports and Active Living*. Vol. 3. Art. 624475. DOI: 10.3389/fspor.2021.624475.
- Ariai F., Mackenzie J., Demartini G. (2025). Natural Language Processing for the Legal Domain: A Survey of Tasks, Datasets, Models, and Challenges // *ACM Computing Surveys*. Vol. 58. No. 6. Art. 163. Pp. 1–37. DOI: 10.1145/3777009.
- Baumer B.S., Jensen S.T., Matthews G.J. (2015). OpenWAR: An open source system for evaluating overall player performance in Major League Baseball // *Journal of Quantitative Analysis in Sports*. Vol. 11. No. 2. Pp. 69–84. DOI: 10.1515/jqas-2014-0098.
- Bradley R.A., Terry M.E. (1952). Rank Analysis of Incomplete Block Designs: The Method of Paired Comparisons // *Biometrika*. Vol. 39. No. 3–4. Pp. 324–345. DOI: 10.1093/biomet/39.3-4.324.
- Brave S.A., Butters R.A., Roberts K.A. (2019). Uncovering the sources of team synergy: Player complementarities in the production of wins // *Journal of Sports Analytics*. Vol. 5. No. 4. Pp. 247–279. DOI: 10.3233/JSA-190248.
- Cattelan M. (2012). Models for Paired Comparison Data: A Review with Emphasis on Dependent Data // *Statistical Science*. Vol. 27. No. 3. Pp. 412–433. DOI: 10.1214/12-STS396.
- Chen L.M., Staiger D.O., Birkmeyer J.D., Ryan A.M., Zhang W., Dimick J.B. (2013). Composite Quality Measures for Common Inpatient Medical Conditions // *Medical Care*. Vol. 51. No. 9. Pp. 832–837. DOI: 10.1097/MLR.0b013e31829fa92a.
- Chesterman S. (2020). Do Better Lawyers Win More Often? Measures of Advocate Quality and Their Impact in Singapore's Supreme Court // *Asian Journal of Comparative Law*. Vol. 15. No. 2. Pp. 250–280. DOI: 10.1017/asjcl.2020.13.
- Chetty R., Friedman J.N., Rockoff J.E. (2014a). Measuring the Impacts of Teachers I: Evaluating Bias in Teacher Value-Added Estimates // *American Economic Review*. Vol. 104. No. 9. Pp. 2593–2632. DOI: 10.1257/aer.104.9.2593.
- Chetty R., Friedman J.N., Rockoff J.E. (2014b). Measuring the Impacts of Teachers II: Teacher Value-Added and Student Outcomes in Adulthood // *American Economic Review*. Vol. 104. No. 9. Pp. 2633–2679. DOI: 10.1257/aer.104.9.2633.
- Dressel J., Farid H. (2018). The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism // *Science Advances*. Vol. 4. No. 1. Art. eaao5580. DOI: 10.1126/sciadv.aao5580.
- Efron B., Morris C. (1975). Data Analysis Using Stein's Estimator and its Generalizations // *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 70. No. 350. Pp. 311–319. DOI: 10.2307/2285814.
- Galanter M. (1974). Why the «Haves» Come Out Ahead: Speculations on the Limits of Legal Change // *Law & Society Review*. Vol. 9. No. 1. Pp. 95–160. DOI: 10.2307/3053023.
- Ghimire S., Ehrlich J.A., Sanders S.D. (2020). Measuring individual worker output in a complementary team setting: Does regularized adjusted plus minus isolate individual NBA player contributions? // *PLOS ONE*. Vol. 15. No. 8. Art. e0237920. DOI: 10.1371/journal.pone.0237920.

- Grassetti L., Bellio R., Di Gaspero L., Fonseca G., Vidoni P. (2021). An extended regularized adjusted plus-minus analysis for lineup management in basketball using play-by-play data // *IMA Journal of Management Mathematics*. Vol. 32. No. 4. Pp. 385–409. DOI: 10.1093/imaman/dpaa022.
- Greiner D.J., Pattanayak C.W. (2012). Randomized Evaluation in Legal Assistance: What Difference Does Representation (Offer and Actual Use) Make? // *Yale Law Journal*¹. Vol. 121. No. 8. Pp. 2118–2208.
- Hall B.L., Huffman K.M., Hamilton B.H., Paruch J.L., Zhou L., Richards K.E., Cohen M.E., Ko C.Y. (2015). Profiling Individual Surgeon Performance Using Information from a High-Quality Clinical Registry: Opportunities and Limitations // *Journal of the American College of Surgeons*. Vol. 221. No. 5. Pp. 901–913. DOI: 10.1016/j.jamcollsurg.2015.07.454.
- Herbrich R., Minka T., Graepel T. (2006). TrueSkill™: A Bayesian Skill Rating System // *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 19. Pp. 569–576. DOI: 10.5555/2976456.2976528.
- Karimi-Haghighi M., Castillo C. (2021). Enhancing a recidivism prediction tool with machine learning: effectiveness and algorithmic fairness // *Proceedings of the 18th International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL '21)*. Pp. 210–214. DOI: 10.1145/3462757.3466150.
- Katz D.M., Bommarito M.J. II, Blackman J. (2017). A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States // *PLOS ONE*. Vol. 12. No. 4. Art. e0174698. DOI: 10.1371/journal.pone.0174698.
- Koren Y., Bell R., Volinsky C. (2009). Matrix Factorization Techniques for Recommender Systems // *Computer*. Vol. 42. No. 8. Pp. 30–37. DOI: 10.1109/MC.2009.263.
- Krell R.W., Hozain A., Kao L.S., Dimick J.B. (2014). Reliability of Risk-adjusted Outcomes for Profiling Hospital Surgical Quality // *JAMA Surgery*. Vol. 149. No. 5. Pp. 467–474. DOI: 10.1001/jamasurg.2013.4249.
- Lazarus R.J. (2008). Advocacy Matters Before and Within the Supreme Court: Transforming the Court by Transforming the Bar // *Georgetown Law Journal*. Vol. 96. No. 5. Pp. 1487–1564.
- Macdonald B. (2012). Adjusted Plus-Minus for NHL Players Using Ridge Regression with Goals, Shots, Fenwick, and Corsi // *Journal of Quantitative Analysis in Sports*. Vol. 8. No. 3. Pp. 1–24. DOI: 10.1515/1559-0410.1447.
- Maruthappu M., Carty M.J., Lipsitz S.R., Wright J., Orgill D., Duclos A. (2014). Patient- and surgeon-adjusted control charts for monitoring performance // *BMJ Open*. Vol. 4. No. 1. Art. e004046. DOI: 10.1136/bmjopen-2013-004046.
- Menezes-Neto E.J., Clementino M.B.M. (2022). Using deep learning to predict outcomes of legal appeals better than human experts: A study with data from Brazilian federal courts // *PLOS ONE*. Vol. 17. No. 7. Art. e0272287. DOI: 10.1371/journal.pone.0272287.
- Mojon A., Mahari R., Lera S.C. (2025). Data-driven law firm rankings to reduce information asymmetry in legal disputes // *Nature Computational Science*. Vol. 5. No. 11. Pp. 1010–1016. DOI: 10.1038/s43588-025-00899-2.
- Nelson M.J., Epstein L. (2022). Human Capital in Court: The Role of Attorney Experience in US Supreme Court Litigation // *Journal of Law and Courts*. Vol. 10. No. 1. Pp. 61–85. DOI: 10.1086/714577.
- Pitches D.W., Mohammed M.A., Lilford R.J. (2007). What is the empirical evidence that hospitals with higher risk-adjusted mortality rates provide poorer quality care? A systematic review of the literature // *BMC Health Services Research*. Vol. 7. Art. 91. DOI: 10.1186/1472-6963-7-91.
- Rosili N.A.K., Hassan R., Zakaria N.H., Kasim S., Che Rose F.Z., Sutikno T. (2021). A systematic literature review of machine learning methods in predicting court decisions // *IAES International Journal of Artificial Intelligence*. Vol. 10. No. 4. Pp. 1091–1102. DOI: 10.11591/ijai.v10.i4.pp1091-1102.
- Saveliev D., Kuchakov R. (2024). The Russian Legislative Corpus // *arXiv preprint arXiv:2406.04855*. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2406.04855.
- Titaev K. (2017). Pretrial detention in Russian criminal courts: a statistical analysis // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 41. No. 3. Pp. 145–161. DOI: 10.1080/01924036.2016.1239117.
- Tollenaar N., van der Heijden P.G.M. (2019). Optimizing predictive performance of criminal recidivism models using registration data with binary and survival outcomes // *PLOS ONE*. Vol. 14. No. 3. Art. e0213245. DOI: 10.1371/journal.pone.0213245.
- Travaini G.V., Pacchioni F., Bellumore S., Bosia M., De Micco F. (2022). Machine Learning and Criminal Justice: A Systematic Review of Advanced Methodology for Recidivism Risk Prediction // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 17. Art. 10594. DOI: 10.3390/ijerph191710594.
- Vasconcelos C.C., Oliveira E.W., Netto W.L. (2018). The Impact of Attorneys on Judicial Decisions: Empirical Evidence from Civil Cases // *International Journal for Court Administration*. Vol. 9. No. 2. Pp. 32–42. DOI: 10.18352/IJCA.244.
- Volkov V. (2021). The prosecutor effect in trials for petty violent offences in Russia // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 45. No. 2. Pp. 207–220. DOI: 10.1080/01924036.2020.1732434.
- Zhuchkova S., Kazun A. (2023). Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining // *Homicide Studies*. Advance online publication. DOI: 10.1177/10887679231217159.

¹ Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России.

REFERENCES

- Abrams D.S., Yoon A.H. (2007). The Luck of the Draw: Using Random Case Assignment to Investigate Attorney Ability // *University of Chicago Law Review*. Vol. 74. No. 4. Pp. 1145–1177. DOI: 10.2307/20141859.
- Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lamos V. (2016). Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // *PeerJ Computer Science*. Vol. 2. Art. e93. DOI: 10.7717/peerj-cs.93.
- Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. (2016). Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks // *ProPublica*. May 23. <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (access date: 17.03.2026).
- Anzer G., Bauer P. (2021). A Goal Scoring Probability Model for Shots Based on Synchronized Positional and Event Data in Football (Soccer) // *Frontiers in Sports and Active Living*. Vol. 3. Art. 624475. DOI: 10.3389/fspor.2021.624475.
- Ariai F., Mackenzie J., Demartini G. (2025). Natural Language Processing for the Legal Domain: A Survey of Tasks, Datasets, Models, and Challenges // *ACM Computing Surveys*. Vol. 58. No. 6. Art. 163. Pp. 1–37. DOI: 10.1145/3777009.
- Baumer B.S., Jensen S.T., Matthews G.J. (2015). OpenWAR: An open source system for evaluating overall player performance in Major League Baseball // *Journal of Quantitative Analysis in Sports*. Vol. 11. No. 2. Pp. 69–84. DOI: 10.1515/jqas-2014-0098.
- Bradley R.A., Terry M.E. (1952). Rank Analysis of Incomplete Block Designs: The Method of Paired Comparisons // *Biometrika*. Vol. 39. No. 3–4. Pp. 324–345. DOI: 10.1093/biomet/39.3-4.324.
- Brave S.A., Butters R.A., Roberts K.A. (2019). Uncovering the sources of team synergy: Player complementarities in the production of wins // *Journal of Sports Analytics*. Vol. 5. No. 4. Pp. 247–279. DOI: 10.3233/JSA-190248.
- Cattelan M. (2012). Models for Paired Comparison Data: A Review with Emphasis on Dependent Data // *Statistical Science*. Vol. 27. No. 3. Pp. 412–433. DOI: 10.1214/12-STS396.
- Chen L.M., Staiger D.O., Birkmeyer J.D., Ryan A.M., Zhang W., Dimick J.B. (2013). Composite Quality Measures for Common Inpatient Medical Conditions // *Medical Care*. Vol. 51. No. 9. Pp. 832–837. DOI: 10.1097/MLR.0b013e31829fa92a.
- Chesterman S. (2020). Do Better Lawyers Win More Often? Measures of Advocate Quality and Their Impact in Singapore's Supreme Court // *Asian Journal of Comparative Law*. Vol. 15. No. 2. Pp. 250–280. DOI: 10.1017/asjcl.2020.13.
- Chetty R., Friedman J.N., Rockoff J.E. (2014a). Measuring the Impacts of Teachers I: Evaluating Bias in Teacher Value-Added Estimates // *American Economic Review*. Vol. 104. No. 9. Pp. 2593–2632. DOI: 10.1257/aer.104.9.2593.
- Chetty R., Friedman J.N., Rockoff J.E. (2014b). Measuring the Impacts of Teachers II: Teacher Value-Added and Student Outcomes in Adulthood // *American Economic Review*. Vol. 104. No. 9. Pp. 2633–2679. DOI: 10.1257/aer.104.9.2633.
- Dressel J., Farid H. (2018). The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism // *Science Advances*. Vol. 4. No. 1. Art. eaao5580. DOI: 10.1126/sciadv.aao5580.
- Efron B., Morris C. (1975). Data Analysis Using Stein's Estimator and its Generalizations // *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 70. No. 350. Pp. 311–319. DOI: 10.2307/2285814.
- Galanter M. (1974). Why the «Haves» Come Out Ahead: Speculations on the Limits of Legal Change // *Law & Society Review*. Vol. 9. No. 1. Pp. 95–160. DOI: 10.2307/3053023.
- Ghimire S., Ehrlich J.A., Sanders S.D. (2020). Measuring individual worker output in a complementary team setting: Does regularized adjusted plus minus isolate individual NBA player contributions? // *PLOS ONE*. Vol. 15. No. 8. Art. e0237920. DOI: 10.1371/journal.pone.0237920.
- Grassetti L., Bellio R., Di Gaspero L., Fonseca G., Vidoni P. (2021). An extended regularized adjusted plus-minus analysis for lineup management in basketball using play-by-play data // *IMA Journal of Management Mathematics*. Vol. 32. No. 4. Pp. 385–409. DOI: 10.1093/imaman/dpaa022.
- Greiner D.J., Pattanayak C.W. (2012). Randomized Evaluation in Legal Assistance: What Difference Does Representation (Offer and Actual Use) Make? // *Yale Law Journal*². Vol. 121. No. 8. Pp. 2118–2208.
- Hall B.L., Huffman K.M., Hamilton B.H., Paruch J.L., Zhou L., Richards K.E., Cohen M.E., Ko C.Y. (2015). Profiling Individual Surgeon Performance Using Information from a High-Quality Clinical Registry: Opportunities and Limitations // *Journal of the American College of Surgeons*. Vol. 221. No. 5. Pp. 901–913. DOI: 10.1016/j.jamcollsurg.2015.07.454.
- Herbrich R., Minka T., Graepel T. (2006). TrueSkill™: A Bayesian Skill Rating System // *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 19. Pp. 569–576. DOI: 10.5555/2976456.2976528.
- Karimi-Haghighi M., Castillo C. (2021). Enhancing a recidivism prediction tool with machine learning: effectiveness and algorithmic fairness // *Proceedings of the 18th International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAAIL '21)*. Pp. 210–214. DOI: 10.1145/3462757.3466150.
- Katz D.M., Bommarito M.J. II, Blackman J. (2017). A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States // *PLOS ONE*. Vol. 12. No. 4. Art. e0174698. DOI: 10.1371/journal.pone.0174698.

² Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России.

- Kazun A.P. (2024). Can Artificial Intelligence Predict Court Decisions? A Systematic Review of International Research // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. No. 5. Pp. 100-122. DOI: 10.14515/monitoring.2024.5.2580. (In Russ.).
- Koren Y., Bell R., Volinsky C. (2009). Matrix Factorization Techniques for Recommender Systems // *Computer*. Vol. 42. No. 8. Pp. 30–37. DOI: 10.1109/MC.2009.263.
- Krell R.W., Hozain A., Kao L.S., Dimick J.B. (2014). Reliability of Risk-adjusted Outcomes for Profiling Hospital Surgical Quality // *JAMA Surgery*. Vol. 149. No. 5. Pp. 467–474. DOI: 10.1001/jamasurg.2013.4249.
- Lazarus R.J. (2008). Advocacy Matters Before and Within the Supreme Court: Transforming the Court by Transforming the Bar // *Georgetown Law Journal*. Vol. 96. No. 5. Pp. 1487–1564.
- Macdonald B. (2012). Adjusted Plus-Minus for NHL Players Using Ridge Regression with Goals, Shots, Fenwick, and Corsi // *Journal of Quantitative Analysis in Sports*. Vol. 8. No. 3. Pp. 1–24. DOI: 10.1515/1559-0410.1447.
- Maruthappu M., Carty M.J., Lipsitz S.R., Wright J., Orgill D., Duclos A. (2014). Patient- and surgeon-adjusted control charts for monitoring performance // *BMJ Open*. Vol. 4. No. 1. Art. e004046. DOI: 10.1136/bmjopen-2013-004046.
- Menezes-Neto E.J., Clementino M.B.M. (2022). Using deep learning to predict outcomes of legal appeals better than human experts: A study with data from Brazilian federal courts // *PLOS ONE*. Vol. 17. No. 7. Art. e0272287. DOI: 10.1371/journal.pone.0272287.
- Minyust Rossii. (2026). *Unified State Register of Advocates*. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/advokaty-rossijskoj-federacii/> (accessed: 17.03.2026). (In Russ.).
- Mojon A., Mahari R., Lera S.C. (2025). Data-driven law firm rankings to reduce information asymmetry in legal disputes // *Nature Computational Science*. Vol. 5. No. 11. Pp. 1010–1016. DOI: 10.1038/s43588-025-00899-2.
- Nelson M.J., Epstein L. (2022). Human Capital in Court: The Role of Attorney Experience in US Supreme Court Litigation // *Journal of Law and Courts*. Vol. 10. No. 1. Pp. 61–85. DOI: 10.1086/714577.
- Paneyakh E.L. (2012). Practical logic of judicial decision-making: discretion under pressure and compromises at the expense of the defendant // *How judges make decisions: empirical studies of law / edited by V.V. Volkov*. — M.: Statut. Pp. 107–127. (In Russ.).
- Pitches D.W., Mohammed M.A., Lilford R.J. (2007). What is the empirical evidence that hospitals with higher risk-adjusted mortality rates provide poorer quality care? A systematic review of the literature // *BMC Health Services Research*. Vol. 7. Art. 91. DOI: 10.1186/1472-6963-7-91.
- Rosili N.A.K., Hassan R., Zakaria N.H., Kasim S., Che Rose F.Z., Sutikno T. (2021). A systematic literature review of machine learning methods in predicting court decisions // *IAES International Journal of Artificial Intelligence*. Vol. 10. No. 4. Pp. 1091–1102. DOI: 10.11591/ijai.v10.i4.pp1091-1102.
- Saveliev D., Kuchakov R. (2024). The Russian Legislative Corpus // *arXiv preprint arXiv:2406.04855*. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2406.04855.
- Titaev K. (2017). Pretrial detention in Russian criminal courts: a statistical analysis // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 41. No. 3. Pp. 145–161. DOI: 10.1080/01924036.2016.1239117.
- Tollenaar N., van der Heijden P.G.M. (2019). Optimizing predictive performance of criminal recidivism models using registration data with binary and survival outcomes // *PLOS ONE*. Vol. 14. No. 3. Art. e0213245. DOI: 10.1371/journal.pone.0213245.
- Travaini G.V., Pacchioni F., Bellumore S., Bosia M., De Micco F. (2022). Machine Learning and Criminal Justice: A Systematic Review of Advanced Methodology for Recidivism Risk Prediction // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 17. Art. 10594. DOI: 10.3390/ijerph191710594.
- Vasconcelos C.C., Oliveira E.W., Netto W.L. (2018). The Impact of Attorneys on Judicial Decisions: Empirical Evidence from Civil Cases // *International Journal for Court Administration*. Vol. 9. No. 2. Pp. 32–42. DOI: 10.18352/IJCA.244.
- Vinogradov A.S. (2025). Accusatory Bias in Preliminary Criminal Proceedings: Causes and Ways to Overcome // *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy (Vestnik GIEF)*. Vol. 59. No. 1. Pp. 133–138. DOI: 10.26163/gief.2025.59.52.016. (In Russ.).
- Volkov V.V. (2014). *Socioeconomic status and differences in sentencing: data on the consideration of criminal cases in the courts of the Russian Federation* / Preprint of the Institute of Law Enforcement Problems at the European University at St. Petersburg. — SPb.: IPP EUSP (In Russ.).
- Volkov V. (2021). The prosecutor effect in trials for petty violent offences in Russia // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 45. No. 2. Pp. 207–220. DOI: 10.1080/01924036.2020.1732434.
- Zhuchkova S.V., Devyatnikov V.Yu., Kazun A.P., Belov M.D., Sidorova O.I. (2025). Texts of Court Verdicts as a Data Source for Empirical Legal Studies in Russia // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. No. 2. Pp. 170–192. DOI: 10.14515/monitoring.2025.2.2575. (In Russ.).
- Zhuchkova S., Kazun A. (2023). Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining // *Homicide Studies*. Advance online publication. DOI: 10.1177/10887679231217159.

Казун Антон Павлович

ORCID: 0000-0002-0091-5388

akazun@hse.ru

Anton Kazun

Cand. Sci. (Soc.), Director, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University (Moscow, Russia)

ORCID: 0000-0002-0091-5388

akazun@hse.ru

Девятников Вадим Юрьевич

ORCID: 0009-0009-5278-7232

vdevyatnikov@hse.ru

Vadim Devyatnikov

Research Assistant, International Center for the Study of Institutions and Development, HSE University (Moscow, Russia)

ORCID: 0009-0009-5278-7232

vdevyatnikov@hse.ru

Белов Михаил Дмитриевич

ORCID: 0000-0001-8848-2726

mikaelbelov@gmail.com

Mikhail Belov

PhD student, University of California, Los Angeles, Los Angeles, USA

ORCID: 0000-0001-8848-2726

mikaelbelov@gmail.com

INFORMATION ASYMMETRY IN THE LEGAL SERVICES MARKET: CREATING A RANKING USING MACHINE LEARNING METHODS³

Abstract. How can you tell whether a defense attorney is any good? In this article, we describe a methodology for measuring the quality of legal representation by comparing machine learning predictions based on objective case characteristics with actual case outcomes. Our premise is that if an attorney's cases consistently end better than expected, they are probably doing their job well. Similar logic has long been used in other fields: it is how teachers are evaluated in the economics of education, surgeons in healthcare, and players in professional sports. We adapt these approaches to criminal proceedings. Such a predictive model can be trained on Russian court data from 2010–2025 and would account for the fact that a criminal case passes through several sequential procedural decision points. The resulting rating is adjusted for teamwork among multiple defense attorneys, the stage of proceedings, and small caseloads. We discuss the weaknesses of the approach: most importantly, the pretrial stage is invisible to us, published decisions are incomplete, and skilled attorneys may systematically select more difficult cases. Nevertheless, even in this form, such an evaluation tool can provide clients with a meaningful and objective benchmark when choosing a defense attorney, which could substantially improve the quality of information in the legal services market.

Keywords: *defense attorney performance evaluation; judicial decision prediction; machine learning; information asymmetry; criminal defense.*

JEL: K14, K41, C53, C55, D82.

³ The study was carried out within the framework of the Basic Research Program of HSE University, No. HSE-BR-2025-034.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.А. Нисневич

*д.полит.н., профессор департамента политики и управления,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Москва)*

А.В. Рябов

*к.ист.н., ведущий научный сотрудник, Национальный
исследовательский институт мировой экономики и международных
отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва)*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА

Аннотация. Статья посвящена трансформации мирового социального пространства как переходу от фрагментированного пространства к целостному, которое характеризуется глобальностью, открытостью и инклюзивностью, взаимосвязанностью процессов глобализации культурного, экономического, социально-коммуникационного и политического пространств. Выявлены особенности глобализации в каждой из этих сфер. В частности показано, что в результате революционных преобразований информационно-коммуникационных технологий социальные и инфокоммуникационные процессы неразрывно переплелись, что породило качественно новое социально-коммуникационное пространство. Особо отмечены новые проблемы инфокоммуникационной открытости, такие как масштабное распространение недостоверной и специально сконструированной информации, использование социальных сетей и средств медиа-коммуникаций преступными сообществами. Показано, что процесс глобализации мирового социально-коммуникационного пространства сопровождается отклонениями от его поступательного развития, обусловленные политическими мотивами. На основе анализа процесса глобализации мирового политического пространства определено, что первоочередной задачей является построение полицентричной, функционально открытой и инклюзивной мировой политической системы. Установлено, что некоторые государства с авторитарным правлением занимают негативные и даже деструктивные позиции по отношению к построению такой системы и могут провоцировать возникновение проблем и препятствий в ходе этого процесса. Определено, что задачи и в научном, и в практическом плане состоят в повышении инклюзивного характера процессов глобализации социального пространства в разных сферах и поисках рациональных решений проблем, возникающих уже на современном этапе глобализации.

Ключевые слова: *мировое социальное пространство, глобализация, инклюзивность, открытость, ансамбль культурного, экономического, социально-коммуникационного и политического пространств, полицентричная мировая политическая система.*

JEL: F01, F02, F5, F6

УДК: 327

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_136_152

© Ю.А. Нисневич, А.В. Рябов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Глобализация мирового социального пространства как ключевой фактор цивилизационного транзита // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 136–152. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_136_152.

FOR CITATION: Nisnevich Yu.A., Ryabov A. Globalization of the global social space as a key factor of civilizational transition // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 136–152. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_136_152.

Введение

В результате технологической революции конца XX в. начался процесс постиндустриального цивилизационного транзита, перехода к новой стадии развития человеческой цивилизации [Нисневич, 2020]. Смена технологической парадигмы развития в соответствии с подходом технологического детерминизма американского социолога Лесли Уайта [White, 1949] предопределяет изменения организации социума, трансформацию социального пространства.

В концепции французского социолога Пьера Бурдьё социальное пространство рассматривается как многомерное пространство занимаемых социальными агентами и практиками социальных позиций, положения которых в этом пространстве определяются через их взаимообусловленные местоположения и дистанции, отделяющие их друг от друга [Бурдьё, 1993. С. 35]. При этом, как отмечает Бурдьё, «социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нём более или менее полно и точно» [Там же. С. 39]. С другой стороны, социальное пространство определяется Бурдьё как «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала» [Там же. С. 40]. Выбор конкретной системы подпространств и соответствующих им эмпирических показателей, которые репрезентируют общее социальное пространство, зависит от стоящих перед исследователем задач [Беляева, 2012].

Социальное пространство будет рассматриваться как пространство социальных позиций, отношений, практик, процессов и социальных полей (подпространств), функционально связанных между собой. В качестве ансамбля подпространств, определяющих социальное пространство, в предлагаемом исследовании рассматриваются:

- ▶ экономическое пространство, в котором распределяется экономический капитал — накопленное богатство, реализованное в средствах производства либо способное (хотя бы потенциально) их создать или приобрести¹;
- ▶ политическое пространство, в котором распределяется политический капитал — доверие, репутация и влияние, которыми располагает политик в своих отношениях с обществом и другими политическими деятелями²;
- ▶ культурное пространство, в котором распределяется культурный капитал — богатство в форме знания или идей, которое узаконивает обладание статусом и властью³;
- ▶ социально-коммуникационное пространство (пространство социальных связей и сетей), в котором распределяется социальный капитал — связи между индивидами, социальные сети и нормы взаимности, которые из упомянутых сетей проистекают [Putnam, 2000. P. 22].

В исторической ретроспективе процесс формирования мирового социального пространства развивался в общем русле трансформации мировой цивилизации. На начальных этапах цивилизационного процесса это пространство было фрагментировано, и его территориальная фрагментация определялась границами государств (в Европе после Вестфальского мира 1648 г. границами национальных государств — «бильярдных шаров» [Хантингтон, 2003. С. 38]).

¹ Капитал: Большой толковый социологический словарь. — М.: Вече, АСТ, 1999. С. 272.

² Политический капитал: Новая российская интернет-энциклопедия. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Политический капитал](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Политический_капитал) (дата обращения: 21.11.2025).

³ Культурный капитал. Большой толковый социологический словарь. — М.: Вече, АСТ, 1999. С. 359.

Ключевым фактором происходящей трансформации мирового социального пространства служит переход от фрагментированного пространства, границы территориально распределённых фрагментов которого определяются границами государств, к целостному пространству, которое характеризуется глобальностью, открытостью и инклюзивностью.

Под глобальностью понимается стремление к охвату всего мирового сообщества, всего мира, под инклюзивностью — возможность включения в его состав новых объектов и отношений. Под открытостью в данном случае понимается то, что границы государств не служат препятствием для функционирования и трансформаций социального пространства. Такие процессы протекают поверх государственных границ, которые при этом сохраняются, но становятся «прозрачными». Условным аналогом перехода от фрагментированного закрытого к целостному открытому социальному пространству может служить переход от построения офисного пространства по принципу закрытых офисов к его построению по принципу «open space»⁴.

Процесс трансформации мирового социального пространства от фрагментированного к целостному, охватывающему всё мировое сообщество, открытому и инклюзивному можно определить как процесс глобализации мирового социального пространства. Такое определение соответствует подходу американского политолога Збигнева Бжезинского к глобализации, определявшая её как «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной» [Бжезинский, 2006. С. 3]. Он также отметил, что «концепция глобализации подразумевает, прежде всего, и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активностью пространственных границ» [Там же. С. 9].

Процесс глобализации мирового социального пространства будем рассматривать как ансамбль взаимосвязанных процессов глобализации экономического, политического, культурного и социально-коммуникационного пространств, которые протекают асинхронно и неравномерно как в каждом из указанных пространств, так и между ними. При этом особенности современных тенденций и проблем глобализации будут проанализированы в каждом из перечисленных выше подпространств мирового социального пространства — соответственно, культурного, экономического, социально-коммуникационного, политического.

Мировое культурное подпространство

Прежде всего обратимся к мировому культурному пространству. По определению российского правоведа Сергея Алексеева под культурой следует понимать «объективированное выражение и аккумулятор творчества человечества, его материального и духовного богатства, накапливаемых обществом социальных ценностей» [Алексеев, 2000. С. 19–20]. То есть культура рассматривается как своеобразный накопитель духовного наследия и ценностей, вырабатываемых в течение всей истории человечества. При таком подходе следует, что мировому культурному пространству изначально свойственно стремление к глобальности, открытости и инклюзивности, но и в этом случае процесс глобализации базовых компонент культуры протекал и протекает асинхронно и неравномерно.

Знания (включая научные), технологии и технические средства, искусство во всём многообразии его форм (литература, театр, живопись, скульптура, архитектура и т. д.) являются результатом творческой деятельности людей, принадлежащих к различным нациям и государствам, но создающих единое, общечеловеческое духовное и материальное

⁴ Королев Гавриил. Open space или кабинеты: как эффективнее организовать рабочее пространство в офисе. РБК, 23 декабря 2015. URL: <http://realty.rbc.ru/news/577d16509a7947e548ea49bf> (дата обращения: 21.11.2025).

богатство. Такое богатство принципиально носит глобальный, открытый и инклюзивный характер, хотя на протяжении всей истории человечества неоднократно предпринимались попытки ограничивать его религиозными, традиционалистскими и политическими рамками, «цензурировать» вплоть до физического уничтожения отдельных результатов творчества. Такие попытки имели место и в новейшее время, но все они воспринимались и воспринимаются мировым сообществом прежде всего как проявления варварства и невежества.

Примером может служить начавшаяся в 30-е гг. XX в. в СССР борьба с генетикой как с лженаукой, противоречащей марксистской диалектике. Эта борьба велась более тридцати лет под руководством «агронома Трофима Денисовича Лысенко (1898–1976), провозгласившего в 1934 г. вместе с философом И.И. Презентом создание мичуринской агробиологии как альтернативы мировой науке» [Колчинский, 2018. С. 3]. Другим примером может служить уничтожение в начале XXI в. памятников мировой культуры боевиками радикальных исламских организаций: движения Талибан — Бамианских статуй Будды (Афганистан) в 2001 г.; группировки Ансар ад-Дин — мавзолея Сиди Махмуда в Тимбукту (Мали) в 2012 г., Исламского государства⁵ — памятников античности в Пальмире (Сирия), древнего ассирийского города Нимруд (Ирак) и шиитских мечетей и святынь в Мосуле (Ирак) в 2015 г.⁶

Сложнее ситуация складывается в сфере таких компонент культуры, как религия (верования) и ценности, включая традиции и обычаи. В настоящее время в мире насчитывается от четырехсот до более пяти тысяч религий в зависимости от того, как исследователь определяет религию⁷. По данным проекта *Countrymeters* за 2023 г. 99% населения мира составляли последователи христианства (31,7%), ислама (25,2%), индуизма (14,9%), буддизма (6,5%), народных верований (5,6%), а также неверующие и атеисты (15,1%). При этом распространение в первую очередь мировых религий носит трансграничный характер, а именно, к христианскому миру, под которым понимается множество государств, в которых последователи христианства составляют более 50% населения, относятся 130 государств — членов ООН, к мусульманскому миру — 45 таких государств и к буддистскому — 7 государств. Кроме того, следует отметить, что в Индии последователи индуизма составляют 79,5% населения и в Израиле последователи иудаизма — 75,6%, и ещё в 9 государствах последователи ни одной из религий не составляют абсолютного большинства.

Так как сторонники каждой из существующих религий считают только свою веру единственно истинной, то формирование некой мировой религии, объединяющей все существующие, представляется нереалистичным. Тем не менее в 1844 г. была создана «независимая мировая религия» — Вера Бахаи, которая провозглашает, что «Бог един, что все религии — выражение “неизменной веры Божией, вечной в прошлом, вечной в грядущем”, что человечество — единый народ, призванный жить в мире и согласии» и которая выступает за «сплочение наций во всемирное сообщество, сохраняя при этом культурное разнообразие»⁸. Однако последователей этой религии в настоящее время насчитывается всего порядка пяти миллионов человек.

История мировой цивилизации не только изобилует войнами на религиозной почве, но практически во всех войнах и вооружённых конфликтах проявлялся и проявляется религиозный фактор. Поэтому одной из важнейших задач в процессе глобализации мирового социального пространства служит задача обеспечения бесконфликтного сосуществования,

⁵ признано в России террористической организацией и запрещено

⁶ Новикова А. Руины в наследство: достопримечательности, которых лишился мир. *Forbes*, 14 сентября 2015. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/obrazovanie-i-karera/298479-ruiny-v-nasledstvo-dostoprimechatelnosti-kotoryk> (дата обращения: 21.11.2025).

⁷ Волуйская М. Дерево религий. Инфографика. Аргументы и факты, 12.09.2017. URL: https://aif.ru/dontknows/infographics/derevo_religiy_infografika (дата обращения: 21.11.2025).

⁸ Вера Бахаи — независимая мировая религия. Архивы — память общины. URL: <https://bahaiarc.org/about-bahai-faith> (дата обращения: 21.11.2025).

взаимодействия и мирного диалога религий. Представляется, что основным препятствием на пути успешного решения этой задачи выступает религиозный фундаментализм, который проецирует религиозные противоречия и разногласия на политическое пространство, что приводит к вооружённым конфликтам и террористической деятельности экстремистских религиозных организаций.

Примерами могут служить и произошедшее в 2017 г. очередное столкновение в штате Ракхайн Мьянмы между большинством населения штата, исповедующим буддизм, и меньшинством — представителями народности рохинджа, исповедующей ислам⁹, и повышенная террористическая активность, которую с 2013 г. в регионе Африки — Сахель проявляют исламские радикальные движения, в частности такие, как Фронт освобождения Масыны, Исламское государство («Исламское государство» (ИГИЛ))¹⁰ в Большой Сахаре и другие [Исаев, Кортаев, Бобарыкина, 2022].

Глобализация мирового социального пространства сопровождается процессом трансформации системы общечеловеческих ценностей, который в принципе допустимо обозначать как глобальный ценностный кризис, так как происходит изменение ценностного основания жизнедеятельности человека, смена системы ценностей [Котлярова, 2011]. При этом, несмотря на то, что по-прежнему дискуссионным остаётся вопрос о том, в чём суть общечеловеческих ценностей и как они соотносятся с культурными традициями, идеалами, национальными ценностями и обычаями, представляется, что высшая ценность на сегодняшний день абсолютным большинством государств определяется однозначно. Такой ценностью является человек, его жизнь, права и свободы. Это подтверждает тот факт, что ещё в 1948 г. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека и на сегодняшний день ~90% суверенных государств — членов ООН являются участниками Международных пактов о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах. В частности, можно отметить, что эта ценность устанавливается конституциями большинства государств. Например, ст. 2 Конституции России устанавливает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

На практике ситуация с ценностью человека, его жизни, прав и свобод в мире не столь оптимистична. Хотя подавляющее большинство государств с авторитарным правлением — это участники международных пактов о правах и свободах, декларирующие свою приверженность их соблюдению, но мировой опыт показывает, что в авторитарных государствах права и свободы человека в должной мере не соблюдаются. Более того, в рамках некоторых авторитарных режимов официально признаётся, что интересы личности должны быть подчинены интересам государства, что интересы государства выше интересов личности. Потому в практической политике решения и действия правителей ряда авторитарных государств демонстрируют, что они не считают жизни людей, в том числе и своих сограждан, ценностью.

Такое отношение к высшей общемировой ценности в государствах с авторитарным правлением естественно создаёт существенное препятствие на пути к глобализации мирового культурного и в целом всего социального пространства.

Мировое экономическое подпространство

Следует напомнить, что первоначально термин «глобализация» был предложен в 2000 г. американским специалистом по международным отношениям Чарльзом Дораном как характеристика процессов в мировом экономическом пространстве, связанных

⁹ Бирманский узел: что происходит с мусульманами-рохинджа. РБК, 5 сентября 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/09/2017/59ad26f89a794753701fc93d> (дата обращения: 21.11.2025).

¹⁰ признано в России террористической организацией и запрещено.

с глобальными последствиями технологической революции, и прежде всего с появлением качественно новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [Doran, 2000]. Определив сущность феномена глобализации как «взаимодействие информационной технологии и мировой экономики», Доран отметил: «Этот процесс можно характеризовать в плане интенсивности, глубины, объёма и стоимости международных операций в информационной, финансовой, коммерческой, торговой и административной сферах во всемирном масштабе. Резкое увеличение масштаба этих операций в последнее десятилетие и повышение их уровня составляет наиболее поддающееся измерению проявление процесса глобализации» (цит. по: [Бжезинский, 2006. С. 184]).

В настоящее время наибольшее внимание в сфере глобализации мирового экономического пространства привлечено к вопросу об открытости этого пространства и влиянию на динамику изменения его открытости тех или иных решений международных организаций и отдельных государств.

Открытость мирового экономического пространства можно рассматривать в двух аспектах — как открытость, во-первых, институциональную и, во-вторых, как функциональную [Оболенский, 2017. С. 5]. Институциональная открытость определяется степенью либерализации торгового и валютного регулирования, а функциональная — включённостью национальных экономик в международные экономические связи, их зависимостью от внешних рынков товаров, услуг и капитала.

Начало институциональной открытости мирового экономического пространства было положено подписанием в 1947 г. Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). В соответствии с восьмым Уругвайским раундом многосторонних торговых переговоров в рамках ГАТТ в 1995 г. была создана Всемирная торговая организация (ВТО), целью которой является либерализация международной торговли и регулирование торгово-политических отношений государств — членов этой организации. В настоящее время в ВТО входят 166 участников, включая 84% государств — членов ООН, ЕС, Тайвань, Гонконг и Макао¹¹. В 2013 г. ВТО было принято ключевое Соглашение об упрощении процедур торговых отношений, которое вступило в силу в феврале 2017 г. после его ратификации двумя третями членов ВТО.

Хотя процесс формирования полностью открытого мирового экономического пространства тормозится в рамках ВТО из-за позиций отдельных государств, сам процесс либерализации международной торговли интенсивно продолжается «за счёт стремительного увеличения числа региональных торговых соглашений (РТС), в которых участвуют две или несколько стран» [Там же. С. 6]. По состоянию на 1 августа 2024 г. в ВТО было направлено 608 уведомлений о заключении РТС, и 369 региональных соглашений, в которых участвуют все члены организации, вступили в силу¹².

Рост мировой торговли увеличивает функциональную открытость мирового экономического пространства, усиливая включённость национальных экономик в международные экономические связи. Снижение барьеров на пути трансграничного движения товаров и услуг сопровождается увеличением трансграничных финансовых потоков, открытостью мирового экономического пространства для потоков капитала. Трансграничное перемещение продукции, услуг, капиталов и технологий, а также трудовых ресурсов за счёт модернизации транспортных технологий и либерализации миграционной политики, расширяет возможности международного разделения труда, которое представляет собой практическое воплощение открытости мирового экономического пространства.

¹¹ Members and Observers. World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (access date: 21.11.2025).

¹² Regional Trade Agreements. World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (access date: 21.11.2025).

Разумеется, есть препятствия на пути развития мировой экономики и глобализации мирового экономического пространства, создаваемые и протекционизмом в экономике¹³, и торговыми войнами¹⁴. Однако глобализация этого пространства достигла такого уровня, при котором экономика ни одного современного государства, включая даже такие претендующие на «самоизоляцию от всего остального мира», как Афганистан и Северная Корея, не может нормально функционировать и развиваться, как минимум, без внешнеторговых связей с другими государствами. Так, даже «осаждённая крепость» Северная Корея имеет торговые отношения с более чем 100 государствами, но основной «пуповиной», связывающей её с мировой экономикой, служит Китай, на который приходится 96,7% внешней торговли этого государства¹⁵.

Представляется, что глобализация мирового экономического пространства носит необратимый характер, хотя в этом процессе и проявляются экономическая турбулентность и отклонения от поступательного движения, и наряду с положительными эффектами имеют место негативные моменты в аспекте межгосударственных отношений. Например, в последние годы под влиянием таких факторов, как ослабление роли США в качестве мирового экономического и финансового лидера, негативное воздействие пандемии COVID-19 на мировую торговлю и мирохозяйственные связи, наблюдаются активные процессы регионализации мировой экономики. Однако это явление представляется лишь временным отступлением от глобализации, которая со временем не только восстановит поступательный характер, но и обретёт новую форму [От «потерянного будущего»..., 2025]¹⁶.

Мировое социально-коммуникационное подпространство

Революционные преобразования ИКТ и транспортных технологий позволили создать качественно новую информационно-коммуникационную инфраструктуру, которая стала одним из технологических оснований мирового социального пространства. При этом социальные и инфокоммуникационные процессы неразрывно переплелись, что породило, по сути, качественно новое социально-коммуникационное пространство, которое можно рассматривать как одно из подпространств ансамбля, определяющего мировое социальное пространство.

Ключевая роль не только в указанном «переплетении», но и в глобализации социально-коммуникационного пространства принадлежит Интернету и создаваемым в нём сетям, которые из-за их влияния на социальные взаимодействия получили название социальных. В 2025 г. насчитывалось около 5,24 млрд пользователей таких социальных сетей, что составило 63,9% населения планеты. Количество активных пользователей в месяц (в миллиардах) в самых популярных в мире социальных компьютерных сетях по состоянию на октябрь 2025 г. представлено на рис. 1.

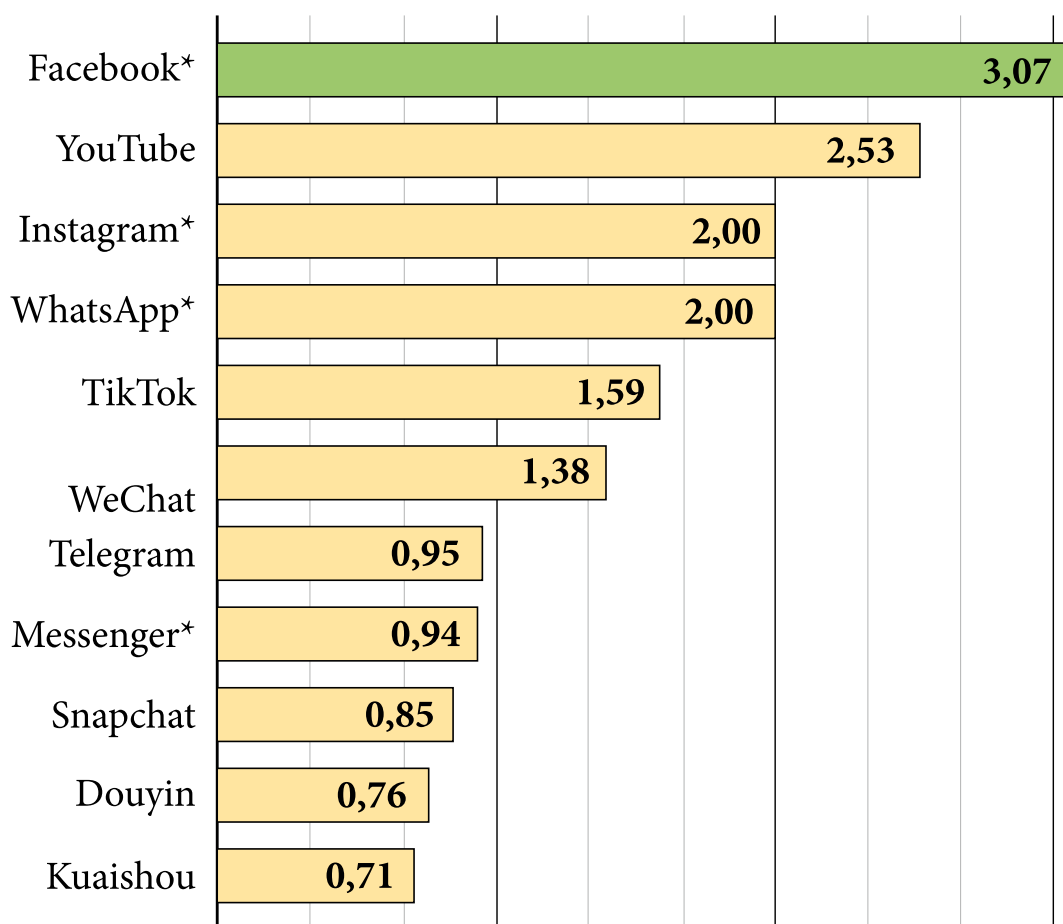
Социальные сети и другие средства медиа-коммуникаций в Интернете, а также традиционные медиа (телевидение, радио, печатные издания) обеспечивают инфокоммуникационную открытость социально-коммуникационного пространства, под которой будет пониматься трансграничное распространение различных видов массовой информации в различных формах её представления, а также опосредованных коммуникациях.

¹³ Добрынина К. Запретить, чтобы защитить: что такое протекционизм в экономике. РБК, 18 октября 2022. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/634d2e7b9a7947b52da6b49a?from=souru> (дата обращения: 21.11.2025).

¹⁴ Торговые войны — главная угроза мировой экономике. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://www.un.org/ru/desa/world-economic-situation-and-prospects-wesp-2019> (дата обращения: 21.11.2025).

¹⁵ Объём внешней торговли КНДР в 2022 году вырос на 122,3%. ТАСС, 20 июля 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18324161> (дата обращения: 21.11.2025).

¹⁶ В этом отношении авторы не разделяют пессимизм многих специалистов, полагающих, что политика президента США Д. Трампа приведёт к разрушению объективных процессов глобализации.

* Принадлежит компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ);

Рис. 1. Количество пользователей социальных компьютерных сетей

Источник: составлено авторами по данным Datareportal (www.datareportal.com) (дата обращения: 21.11.2025).

При этом инфокоммуникационная открытость породила ряд существенных проблем. Теоретически она должна позволять каждому человеку получать достаточно достоверную информацию о происходящих событиях и процессах и препятствовать информационному манипулированию общественным мнением. Однако на практике наблюдается принципиально иная картина: происходит масштабное распространение недостоверной, специально сконструированной информации для манипулирования общественным мнением в различных целях, включая ведение так называемых информационных войн, пропаганду различных политических, идеологических и религиозных установок и т. д. При этом повысилась мощь и эффективность такого манипулирования, основанного на использовании как традиционных, так и современных инфокоммуникационных технологий пропагандистского воздействия на массовое сознание [Малашенко, Нисневич, Рябов, 2019].

Проведённое в 2023 г. Всемирным экономическим форумом исследование глобальных рисков показало, что лидером среди глобальных рисков в краткосрочной (два года) перспективе стала дезинформация и недостоверная информация, в том числе сгенерированная искусственным интеллектом (ИИ) [The Global Risks Report... 2024. Р. 15]. Это обусловлено тем, что «больше не требуя узкоспециализированных навыков, простые в использовании интерфейсы для крупномасштабных моделей ИИ уже обеспечили взрыв фальсифицированной информации и так называемого «синтетического» контента, от сложного клонирования голоса до поддельных веб-сайтов» [Ibid. Р. 18]. Недостоверная, сознательно фальсифицированная информация и дезинформация в политических и в первую очередь в избирательных процессах может серьезно дестабилизировать легитимность вновь избранных правительств, создавая риск политических беспорядков, насилия и терроризма,

а также долгосрочного подрыва демократических процессов, провоцируя расколы и поляризацию взглядов в обществе.

Усиление манипулятивных возможностей ИКТ, существенно усиливающее власть тех, кто ими владеет и их контролирует, происходит в контексте смены аудио-культуры, культуры текста, ориентированной на критическое восприятие информации, на видео-культуру, при которой главным становится эмоциональное восприятие событий. В решающей степени технические возможности современных ИКТ и определяют этот переход, способствуя значительному росту их манипулятивных возможностей.

Ситуация усугубляется и тем, что у большинства людей отсутствует понимание необходимости и умения анализировать и критически осмысливать большие потоки информации, «отсеивать» недостоверную и пропагандистскую информацию, но при этом любой пользователь Интернета потенциально может стать популярным распространителем информации, включая мнения и оценки происходящих событий, и оперативно вступать в инфокоммуникационные взаимодействия с широким кругом пользователей социальных сетей. Проблема, однако, осложняется тем, что в условиях отсутствия соответствующих фильтров профессиональные, экспертные мнения тонут в огромном потоке новостей и оценок, исходящих от потребителей, имеющих весьма смутное представление по тому или иному вопросу.

Поэтому чрезвычайно важна задача выявления и блокировки недостоверной информации. Для этого в социальных сетях и других средствах медиа-коммуникаций может быть использована модерация на основе фактчекинга — проверки информации на правдивость, точность и достоверность¹⁷, хотя тут возможно возникновение противоречий между необходимостью, с одной стороны, модерации информации для повышения её достоверности и с другой — обеспечения свободы распространения информации. Определяющую роль в защите пользователей от недостоверной информации призваны играть владельцы и менеджеры социальных сетей.

Вопреки расхожим утверждениям о скорой кончине «больших СМИ» важным представляется их сохранение. Причём в рамках свободной конкуренции, как носителей качественной и проверенной информации, создающей основу для критического восприятия происходящих в мире и конкретных странах процессов.

Инфокоммуникационная открытость, к сожалению, также создаёт условия для использования, включая трансграничное, социальных сетей и других средств медиа-коммуникаций преступными сообществами для подготовки и осуществления преступлений различной направленности, в том числе и террористических актов. Для предотвращения преступлений с использованием средств медиа-коммуникаций необходимо взаимодействие владельцев и менеджеров таких средств с правоохранительными органами и спецслужбами. Но здесь возникает классическая проблема, которая заключается в том, что для предотвращения и пресечения преступной деятельности необходимо, с одной стороны, предоставлять правоохранительным органам и спецслужбам доступ к частной информации, а, с другой — обеспечивать защиту конфиденциальности и свободы распространения такой информации. Решение указанной проблемы, как представляется, лежит в правовой плоскости, а именно, в осуществлении необходимых взаимодействий на основе норм как национального законодательства, так и международного права.

Ярким примером ситуаций, которые могут возникать из-за указанной проблемы, может служить задержание в парижском аэропорту Ле-Бурже основателя социальной сети Telegram Павла Дурова¹⁸ по подозрению в причастности к обороту наркотиков, терро-

¹⁷ Осипян А. Что такое фактчекинг — объясняем простыми словами. РБК, 06.09.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/645b68429a7947bf577e4986?from=copy> (дата обращения: 21.11.2025).

¹⁸ Внесен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

ризму, преступлениям против детей и мошенничеству из-за того, что он не сотрудничал с властями Франции и отказывался участвовать в модерации в Telegram. После освобождения судом под залог Дуров сообщил об усилении борьбы с преступниками в Telegram и пообещал перевести модерацию «из области критики в область похвалы»¹⁹.

Следует также отметить, что в ряде государств с авторитарным правлением целенаправленно ограничивают использование Интернета и, следовательно, соответствующих медиа-коммуникаций для того, чтобы их граждане не могли получать иную, кроме официальной, информацию о событиях и процессах как в этих государствах, так и в мире, а также аналитические материалы и экспертные оценки, противоречащие официальной позиции властей. Так, в Северной Корее, согласно некоторым исследованиям, доступ в Интернет имеют всего одна-две тысячи пользователей (партийные деятели, пропагандисты, сотрудники министерства иностранных дел, иностранных представительств, части научных и образовательных организаций, субъектов внешнеэкономической деятельности), а пересматривает и утверждает список организаций, имеющих доступ в Интернету, лично высший руководитель Ким Чен Ын²⁰. В Китае осуществляется масштабная и жёсткая цензура Интернета посредством специально созданной для этого системы «Золотой щит» (неофициальное название — «Великий Китайский файрвол») — системы фильтрации Интернет-трафика на уровне магистральных каналов, которыми китайский сегмент сети связан с остальным миром²¹. Более жёсткая, чем в Китае, и одна из самых жёстких в мире цензура Интернета в Иране. А в Саудовской Аравии она строже, чем в Китае, но многократно мягче, чем в Иране и Северной Корее²². В большинстве государств с авторитарным правлением цензура Интернета выражена слабо, как, например, в ЮАР, Марокко и Египте²³. Кроме того, в государствах с авторитарным правлением в периоды острой политической напряжённости используется отключение Интернета прежде всего для противодействия массовым акциям протеста, вызванным социальным, политическим или экономическим недовольством²⁴.

Следствием модернизации транспортных технологий и либерализации миграционной политики стало повышение миграционной мобильности, в том числе и трансграничной, которая определяет миграционную открытость мирового социально-коммуникационного пространства. Расширились возможности людей перемещаться по всему миру, пересекая государственные границы.

Миграционная открытость, с одной стороны, позволяет гражданам разных государств, перемещаясь по миру, непосредственно самим познавать «иной по сравнению с их собственным образ жизни, иные системы морально-нравственных ценностей, иные мировоззрения и вероисповедания, культуру, исторические обычаи и традиции, различные подходы к организации политической и экономической деятельности» [Малашенко, Нисневич, Рябов, 2019. С. 41], а также искать и находить необходимые им условия для жизни и работы

¹⁹ Что Павел Дуров (внесен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторинга) решил изменить в Telegram после задержания во Франции. РБК, 07.09.2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/09/2024/66db1fea9a7947f865e262c5?from=column_1 (дата обращения: 02.11.2025).

²⁰ Вяхирев Е. Как устроен интернет в Северной Корее — один из вариантов нашего будущего. TexTerra. URL: <https://texterra.ru/blog/kak-ustroen-internet-v-severnoy-koree.html> (дата обращения: 21.11.2025).

²¹ Круглов П. Интернет по всему миру: Китай. Хабр. 26 января 2017. URL: <https://habr.com/ru/companies/vk/articles/401021/> (дата обращения: 21.11.2025.).

²² Круглов П. Интернет по всему миру: Иран, Ирак, Саудовская Аравия. Хабр. 7 февраля 2017. URL: <https://habr.com/ru/companies/vk/articles/401295/> (дата обращения: 21.11.2025).

²³ Круглов П. Интернет по всему миру: Африка. Хабр, 9 февраля 2017. URL: <https://habr.com/ru/companies/vk/articles/373151/> (дата обращения: 21.11.2025).

²⁴ Отключение Интернета: тенденции, причины, правовые последствия и воздействие на ряд прав человека. Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека A/HRC/50/55. URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/50/55> (дата обращения: 21.11.2025).

за пределами своих государств. С другой стороны, миграционная открытость провоцирует возникновение серьёзных проблем межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия в государствах — реципиентах миграционных потоков из государств, в которых идут вооружённые конфликты и/или очень высокий уровень нищеты и безработицы.

Такие проблемы обостряются в результате миграционных кризисов, возникающих во многом из-за нелегальной миграции. Примером может служить миграционный кризис в Европе, пик которого пришёлся на 2015 г., когда многократно увеличился поток беженцев и нелегальных мигрантов из государств Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и только официально в страны ЕС было подано 1,26 млн первичных прошений о предоставлении убежища [Квашнин, Кузнецов, Трофимова, Четверикова, 2017]. Также можно упомянуть миграционный кризис на границе США и Мексики, когда после снятия ограничений, вызванных пандемией COVID-19, резко вырос поток мигрантов в США через эту границу не только непосредственно из Мексики, но и из государств Центральной и Южной Америки. В результате количество задержаний на границе в 2022 г. по сравнению с 2020 г. возросло в 4,8 раза, достигнув 2,379 млн человек²⁵.

Важно отметить, что реакцией на нелегальную миграцию служит ужесточение миграционной политики в государствах — реципиентах миграционных потоков. Так, в 2024 г. в ЕС для противодействия нелегальной миграции был принят обновлённый Шенгенский кодекс о границах, который регулирует управление внутренними и внешними границами Шенгенской зоны. Внесённые изменения позволяют: ограничивать доступ граждан третьих государств на уровне всего ЕС в случае возникновения крупномасштабной чрезвычайной ситуации в области здравоохранения; сокращать количество действующих контрольно-пропускных пунктов, ограничивать их работу по времени, усиливать меры по охране внешней границы ЕС; депортировать нелегальных мигрантов из государств ЕС в те государства ЕС, из которых они прибыли; в исключительных случаях и на срок не более двух лет вводить пограничный контроль внутри Шенгенской зоны²⁶.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе глобализации мирового социально-коммуникационного пространства происходят определённые отклонения от её в целом поступательного развития. Так, в ряде государств с авторитарным правлением в интересах правящих режимов цензура используется для ограничения в той или иной степени их инфокоммуникационной открытости, вплоть до полной самоизоляции как в Северной Корее.

Кроме того, в ряде государств с авторитарным правлением в той или иной степени по политическим мотивам также ограничивается миграционная открытость. При этом все изученные источники сходятся в том, что самыми закрытыми государствами в данном смысле сегодня являются Северная Корея, Эритрея, которую называют африканской Северной Кореей, и Туркменистан. Закрытость этих государств — результат политики на самоизоляцию от внешнего мира, целенаправленно проводимой их правителями. К отклонениям можно отнести и в определённой мере вынужденное снижение уровня миграционной открытости, прежде всего в государствах — реципиентах основных миграционных потоков. Происходит ужесточение их миграционной политики с целью ограничения масштабов миграции и противодействия её нелегальным формам.

²⁵ Кудярова Н. Мексикано-американская граница: кризис навсегда? Российский совет по международным делам. 3 февраля 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/meksikano-amerikanskaya-granitsa-krizis-navsegda/> (дата обращения: 21.11.2025).

²⁶ Шенгенская зона: Совет принимает обновлённую версию Шенгенского кодекса о границах. Совет Европейского союза, 24 мая 2024. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/05/24/schengen-area-council-adopts-update-of-schengen-borders-code/> (дата обращения: 21.11.2025).

Мировое политическое подпространство

Глобализация мирового политического пространства была предопределена начавшейся после окончания Второй мировой войны институциональной трансформацией этого пространства. Такая трансформация началась с увеличения количества базовых акторов мирового политического пространства — суверенных государств с пятидесяти одного на момент создания ООН в 1945 г. до ста девяносто трёх в настоящее время. При этом наряду с такими акторами, как суверенные государства, появились и иные акторы, количество которых также стало нарастать. К ним относятся международные межправительственные (межгосударственные) организации, которых в настоящее время насчитывается более пятисот, международные неправительственные (негосударственные) организации, количество которых в настоящее время превышает сорок пять тысяч, международные социальные движения политического и общественного характера, а также транснациональные корпорации и банки. Количественные и качественные изменения состава акторов мирового политического пространства обуславливают изменения его топологии, которая приобрела распределённый зонтичный характер и по территориальному охвату стала многослойной со взаимопересечениями как между слоями, так и в рамках одного слоя.

Этот процесс поставил на повестку дня вопрос не просто о формировании нового, отличного от Вестфальского, мирового порядка взаимодействия государств, а о построении мировой политической системы регулирования отношений и связей между всеми акторами политического пространства. Эта система должна носить полицентричный характер, предполагающий наличие множества центров согласования интересов различных государств и принятия на этой основе политических решений на национальном (локальном), региональном в широком смысле и общемировом уровнях, быть открытой и инклюзивной в функциональном контексте [Нисневич, Рябов, 2025].

Построение такой системы находится пока только на начальном этапе и многие её аспекты ещё до конца не определены, а некоторые даже и не обозначены. И этот процесс сопровождается необходимостью решать широкий круг проблем и преодолевать множество спорадически возникающих кризисных ситуаций, что обусловлено участием в построении или препятствовании построению полицентрической мировой политической системы, основанной на нормативных порядках и правилах, большинства суверенных государств — членов ООН.

Современный опыт мировой политики показывает, что государства с демократическим правлением в основном готовы в той или иной мере поступаться частью своих национальных интересов, в том числе и в пользу наднациональных, и склонны к компромиссам при согласовании и поиске баланса интересов. А как раз такой подход способствует построению полицентричной мировой политической системы.

Сложнее дело обстоит с государствами авторитарного правления. Для того, чтобы оценить возможное отношение таких государств к процессу глобализации мирового политического пространства, определялись их текущие позиции в этом процессе по последующим показателям:

- ▶ наличие государственной религии или идеологии, установленной конституцией²⁷;
- ▶ применение смертной казни в XXI в.²⁸;
- ▶ использование политической интернет-цензуры²⁹;

²⁷ Мастерская конституционного дизайна. URL: <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения: 21.11.2025).

²⁸ Список стран по давности последнего применения смертной казни. NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/last-death-penalty> (дата обращения: 21.11.2025).

²⁹ Bischoff Paul Internet Censorship 2024: A Map of Internet Censorship and Restrictions. Comparitech. URL: <https://www.comparitech.com/blog/vpn-privacy/internet-censorship-map/> (дата обращения: 21.11.2025).

Таблица 1

Характеристики позиций авторитарных государств в социальном пространстве

№	Государство	Регион	Религия, идеология	Смертная казнь	Интернет-цензура	Ограничение транснациональной миграции	Позиционирование
1	Куба	Карибский бассейн	коммунистическая идеология	+	+	—	—
2	Египет	Северная Африка	ислам	+	+	—	—
3	Ливия	Северная Африка	ислам	+	+	+	—
4	Судан	Северная Африка Ближний Восток	ислам	+	+	—	—
5	Сомали	Восточная Африка	ислам	+	+	—	—
6	Афганистан	Южная Азия	ислам	+	+	+	изоляция от «западного мира» исламский эмират
7	Бангладеш	Южная Азия	ислам	+	+	—	—
8	Бахрейн	Западная Азия Ближний Восток	ислам	+	+	—	—
9	Вьетнам	Юго-Восточная Азия	коммунистическая идеология	+	+	—	—
10	Иордания	Западная Азия Ближний Восток	ислам	+	+	—	—
11	Иран	Южная Азия	ислам	+	+	—	лидер «шиитского полумесяца»
12	Йемен	Западная Азия Ближний Восток	ислам	+	+	—	—
13	Катар	Западная Азия Ближний Восток	ислам	+	+	—	—
14	Китай	Восточная Азия	коммунистическая идеология	+	+	—	полюс силы гипотетического многополярного мира
15	Малайзия	Юго-Восточная Азия	ислам	+	+	—	—
16	ОАЭ	Западная Азия Ближний Восток	ислам	+	+	—	—
17	Пакистан	Южная Азия	ислам	+	+	—	—
18	Саудовская Аравия	Западная Азия Ближний Восток	ислам	+	+	—	лидер суннитской части арабского мира
19	Северная Корея	Восточная Азия	идеология чучхе	+	+	+	самоизоляция «осажденная крепость»
20	Сирия	Западная Азия Ближний Восток	ислам	+	+	—	—

Источник: составлено авторами.

- ограничение трансграничной мобильности, т.е. наличие ограничений на въезд иностранных граждан и выезд собственных граждан³⁰;
- позиционирование в смысле притязаний на особую роль в мировом политическом пространстве [Нисневич, 2025].

Первый и второй показатели определяют позиции государств с авторитарным правлением в мировом культурном пространстве в аспекте отношения к религии или заменяющей её политической идеологии и ценности человеческой жизни, а третий и четвёртый — в мировом социально-коммуникационном пространстве в отношении их информационно-коммуникационной и миграционной открытости. В табл.1 представлены двадцать государств с авторитарным правлением, для которых три и более выбранных показателя имеют положительные значения.

Представленные в табл. 1 авторитарные государства, которые составляют ~10% от всех суверенных государств — членов ООН создают и с высокой вероятностью могут создавать проблемы и препятствия в процессе глобализации мирового социального пространства, а также и при построении полицентричной мировой политической системы. При этом представляется важным отметить, что во всех этих государствах либо государственной религией служит ислам и в различных формах реализуется политический ислам, либо государственной является коммунистическая идеология, включая идеологию чучхе в Северной Корее, а также и в XXI в. продолжает применяться смертная казнь. В частности, в 2024 г., по данным Amnesty International³¹, больше всего смертных приговоров в мире было приведено в исполнение в Иране (не менее 972) и в Саудовской Аравии (не менее 345). Но лидером по числу приведённых в исполнение смертных приговоров остаётся Китай, и хотя в Китае такая информация официально не публикуется, однако по имеющимся данным речь может идти о тысячах казнённых. Также предполагается, что широкое применение смертной казни имеет место в Северной Корее и Вьетнаме, хотя эти государства также не раскрывают соответствующие данные.

Принципиальное значение имеет и тот факт, что пять из указанных государств претендуют на особое положение в мировом политическом пространстве — доминирование (Китай, Иран и Саудовская Аравия) и самоизоляцию (Афганистан и Северная Корея), и их позиции можно оценить как деструктивные по отношению к построению полицентричной мировой политической системы. К этой группе также может быть отнесена светская Турция, которая претендует не только на лидерство в мусульманском мире, но и стремится оказывать влияние на политические процессы во всём мировом политическом пространстве, хотя её политическое поведение существенно более вариативно, чем у остальных государств этой группы [Нисневич, 2025].

Таким образом, в качестве ключевой тенденции глобализации мирового политического пространства можно рассматривать построение полицентричной, функционально открытой и инклюзивной мировой политической системы. Но некоторые государства с авторитарным правлением занимают негативные, а отдельные — даже деструктивные позиции по отношению к построению такой системы, и могут провоцировать возникновение проблем и препятствий в ходе этого процесса.

³⁰ Правила въезда в страну назначения. Сервисная платформа для туристов, мигрантов, экспатов VisitWorld. Available at: <https://visitworld.today/ru> (дата обращения 21.11.2025); Кораблев В. «Посторонним вход воспрещён»: 5 самых закрытых стран мира. Techinsider, 22.07.2024. URL: <https://www.techinsider.ru/popmem/1651637-postoronnim-vhod-vospreshchen-5-samyh-zakrytyh-stran-mira/> (дата обращения: 21.11.2025.); Талибы ввели ограничения на выезд из Афганистана. Афганистан.Ру, 01.03.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/148333.html> (дата обращения: 21.11.2025).

³¹ Amnesty International Ltd (AMNESTY INTERNATIONAL LIMITED) («Международная Амнистия Лимитед», «МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ ЛИМИТЕД») (Великобритания) признана нежелательной организацией в России.

Заключение

Складывание глобального социального пространства во всех сферах — культурной, экономической, социально-коммуникационной, политической, носит необратимый характер. Эти процессы взаимосвязаны и взаимозависимы. В то же время в разных сферах они продвигаются неравномерно. И это обусловлено несколькими факторами: разной степенью готовности различных сфер социального пространства, а также различных обществ к вызовам глобализации; сопротивлением идущим процессам части социальных, экономических и политических акторов, неспособных адаптироваться к новым условиям существования; возникновением новых проблем, противоречий и конфликтов, порождённых нынешним этапом глобализации. К числу последних относятся новые формы социального («цифрового») неравенства [*The Digital Divide...*, 2013], слабая контролируемость новейших «цифровых» глобальных монополий, имеющих, как правило, «зонтичный» характер [Срничек, 2019], перспектива вытеснения из активной социальной жизни значительной части населения в результате кардинальных изменений на рынке труда под влиянием нарастающего внедрения ИИ и робототехники.

Проблемы как в научном, так и в практическом смысле состоят, таким образом, в том, как повысить инклюзивный характер процессов глобализации социального пространства в разных сферах и найти рациональные решения проблем, возникающих уже в развёртывании нынешнего этапа глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев С.С. (2000). *Право на пороге нового тысячелетия*. — М.: Статут.
- Беляева Л.А. (2012). Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // *Российский журнал философских наук*. № 6. С. 22–35. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/1637/1569>
- Бжезинский З. (2006). *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. — М.: Международные отношения.
- Бурдые П. (1993). *Социология политики*. — М.: Socio-Logos.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. (2022). Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 22. № 2. С. 411–421. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421.
- Квашин Ю., Кузнецов А., Трофимова О., Четверикова А. (2017). Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 1. С. 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107.
- Колчинский Э. (2018). Н. И. Вавилов и Т. Д. Лысенко в пространстве историко-научных дискуссий // *Природа*. № 1. С. 3–14.
- Котлярова В.В. (2011). Современный ценностный кризис и поиск общечеловеческих ценностей // *Гуманитарные и социальные науки*. №2. С. 86–95.
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. (2019). *Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства*. — М.: Издательство Юрайт.
- Нисневич Ю.А. (2020). Постиндустриальный цивилизационный транзит: институциональный аспект // *Общественные науки и современность*. №1. С. 77–88. DOI: 10.31857/S086904990008512-5.
- Нисневич Ю.А. (2025). Мир авторитарного правления. Часть II // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 110–129. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_110_129.
- Оболенский В.П. (2017). Открытость национальных экономик: мир и Россия // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 10. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-5-15.
- От «потерянного будущего» к миру XXI столетия (2025): «Круглый стол» экспертов // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 69. № 11. С. 119–129. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-11-119-129.
- Срничек Н. (2019). *Капитализм платформ*. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Хантингтон С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. — М.: АСТ.
- Doran Ch.F. (2000). Globalization and Statecraft. SAISphere (Winter) // *Paul H. Nitze School of Advanced International Studies / Hopkins School of Advanced International Studies (SAIS)*.
- Putnam R. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. — N. Y.: Simon & Schuster.
- The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. (2013). M. Ragnedda, G.W Muschert (Eds).. — London, N.Y.: Routledge.
- White L.A. (1949). *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. — N. Y.: Grove Press.

REFERENCES

- Alekseev S.S. (2000). *Law on the Threshold of the New Millennium*. — M.: Statut. (In Russ.).
- Belyaeva L.A. (2012). Social space: from theoretical constructions to empirical study] // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. No. 6. Pp. 22–35. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/1637/1569>. (In Russ.).
- Bourdieu P. (1993). *Sociology of Politics*. — M.: Socio-Logos. (In Russ.).
- Brzezinski Zb. (2006). *The Choice: World Domination or Global Leadership*. — M.: Publishing house «Mezhdunarodnye otnosheniya». (In Russ.).
- Doran Ch.F. (2000). Globalization and Statecraft. SAISphere (Winter) // *Paul H. Nitze School of Advanced International Studies / Hopkins School of Advanced International Studies (SAIS)*.
- From the «lost future» to the world of the 21st century (2025): Expert round table // *World Economy and International Relations*. Vol. 69. No. 11. Pp. 119–129. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-11-119-129. (In Russ.).
- Huntington S. (2003). *Clash of Civilizations*. — M.: AST. (In Russ.).
- Isaev L.M., Korotaev A.V., Bobarykina D.A. (2022). The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso // *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22. No. 2. Pp. 411–421. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421. (In Russ.).
- Kolchinsky E. (2018). N. I. Vavilov and T. D. Lysenko in the space of historical and scientific discussions // *Nature*. No. 1. Pp. 3–14. (In Russ.).
- Kotlyarova V.V. (2011). The modern value crisis and the search for universal human values // *Humanities and Social Sciences*. No. 2. Pp. 86–95. (In Russ.).
- Kvashnin Yu., Kuznetsov A., Trofimova O., Chetverikova A. (2017). Migration crisis in the EU: national responses to a common challenge // *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 1. Pp. 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107. (In Russ.).
- Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. (2019). *Formation of a Post-industrial Civilization: from Digitalization to Barbarism*. — M.: Publishing house Jurajt. (In Russ.).
- Nisnevich Yu.A. (2020). Post-industrial civilizational transition: institutional aspect // *Social Sciences and Modernity*. No. 1. Pp. 77–88. DOI: 10.31857/S086904990008512-5. (In Russ.).
- Nisnevich Yu.A. (2025) The world of authoritarian rule. Part II // *Issues of Economic Theory*. No. 2. Pp. 110–129. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_110_129. (In Russ.).
- Obolensky V.P. (2017). Openness of national economies: the World and Russia] // *World Economy and International Relations (Primakov Institute)*. Vol. 61. No. 10. Pp. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-5-15. (In Russ.).
- Putnam R. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. — N. Y.: Simon & Schuster.
- Srnicek N. (2019). *Platform Capitalism*. — M.: Publishing house Higher School of Economics. (In Russ.).
- The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective* (2013) / M. Ragnedda, G.W. Muschert (Eds). — London, N.Y.: Routledge.
- White L.A. (1949). *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. — New York: Grove Press.

Нисневич Юлий Анатольевич

ORCID: 0000-0001-9911-9623

jnisnevich@hse.ru

Yuliy A. Nisnevich

Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0001-9911-9623

jnisnevich@hse.ru

Рябов Андрей Виленович

ORCID: 0000-0002-7724-3962

andreyr@imemo.ru

Andrey V. Ryabov

Ph. D. in History Science, lead researcher National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ORCID: 0000-0002-7724-3962

andreyr@imemo.ru

GLOBALIZATION OF THE GLOBAL SOCIAL SPACE AS A KEY FACTOR OF CIVILIZATIONAL TRANSITION

Abstract. This article explores the transformation of global social space as a transition from a fragmented space to a holistic one characterized by globality, openness, and inclusiveness, as well as the interconnectedness of the globalization processes in cultural, economic, socio-communicative, and political spaces. The article identifies the specific features of globalization in each of these spheres. It demonstrates that, specifically, as a result of revolutionary changes in information and communication technologies, social and info communicative processes have become inextricably intertwined, giving rise to a qualitatively new socio-communicative space. Special attention is paid to emerging challenges of infocommunicative openness, such as the large-scale dissemination of false and specially constructed information, and the use of social networks and media communications by criminal groups. It is proven that the process of globalization of the global socio-communicative space is accompanied by deviations from its progressive development, caused by political motives. Based on an analysis of the globalization of the global political space, it is determined that the primary task is to build a polycentric, functionally open, and inclusive global political system. It has been established that some states with authoritarian governance take negative and even destructive positions toward the construction of such a system and can provoke problems and obstacles during this process. It has been determined that the challenges, both scientific and practical, lie in enhancing the inclusive nature of social globalization processes across various spheres and in finding rational solutions to the problems arising in the current stage of globalization.

Keywords: *global social space, globalization, inclusiveness, openness, ensemble of cultural, economic, socio-communicative and political spaces, polycentric global political system.*

JEL: F01, F02, F5, F6.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Мусихин

*д.полит.н., профессор, Российский биотехнологический университет
(Москва)*

РАЗГОВОРЫ И НАРРАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка диалектического синтеза политических разговоров и политических нарративов в пространстве политической коммуникации. Поднимаемая в статье исследовательская проблема касается уникальности политического авторитета в качестве специфического динамического порядка, который составляет фундамент политики как коммуникативного взаимодействия по поводу власти, где стабильность и изменчивость содержатся в диалектически снятом виде. В этой связи на политическую реальность в рамках символизации можно смотреть не только как на взаимодействие акторов на микро- и макроуровне создания нарративов, но и как на продукт коллективных практик и структурных взаимодействий. Практики в данном контексте будут видаться как чреватые множественным смыслом паттерны деятельности, упорядочивающей взаимодействия. Структуры же будут скорее нормами как ресурсами (устоявшимися смыслами), которыми пользуются акторы для упорядочивания политической реальности.

Ключевые слова: коммуникация, символ, политическая символизация, дискурс-анализ, речевая ситуация, нарратив, политический контекст, вовлечённость, динамический политический порядок, государственное управление.

JEL: Z10, Z18

УДК: 303.01, 32.0195, 351

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_153_161

© Г.И. Мусихин, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мусихин Г.И. Разговоры и нарративы в контексте политической коммуникации // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 153–161. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_153_161.

FOR CITATION: Musikhin G. Conversations and narratives in the context of political communication // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 153–161. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_153_161.

Введение

Данная статья является продолжением работы «Коммуникация в контексте политической символизации: от дискурсов к речевым ситуациям» [Мусихин, 2024; Мусихин, 2025], где делается вывод: символическое видение коммуникации показывает, что взаимоотношения индивид-коллектив/агент-структура не являются «объективным» системным свойством политики, сама *системность конструируется как механизм коммуникативных практик*, возникающих в процессе взаимодействия акторов и артефактов в пространстве совместной деятельности. Политические нарративы могут выходить за рамки *фиксированных языковых форм*, приобретая *символизирующее* толкование как образование новых способов *контекстуальной коммуникации*. Акцент на контексте показывает ограниченность дискурс-анализа для понимания политических коммуникаций [Fairclough, Wodak, 1997]. Контекст «не помещается» в дискурс-анализ как таковой, требуя серьёзных аналитических допущений и оговорок, которые либо критически сокращают точность

дискурс-анализа, либо недопустимо упрощают содержание контекста. Принципиальная особенность коммуникации в контексте политики состоит в том, что политическая реальность *одновременно и состоит из интерактивных процессов, и реализуется через них*.

Диалектика разговора и нарратива в контексте политической коммуникации

Если отталкиваться от акторного видения политической реальности, то её можно рассматривать как процесс специфической *координации*. Специфичность состоит в том, что координация понимается как *ориентация* акторов (позитивная или негативная) *друг на друга*. Участники политических процессов обращают друг на друга заинтересованное внимание (демонстративное игнорирование — негативный вариант такого внимания). Так или иначе ориентируясь друг на друга, участники политики тем самым координируют и контролируют деятельность в политическом контексте.

Ориентация друг на друга в политическом контексте предполагает коммуникацию, проявляющуюся в виде разговора и нарратива. *Разговор* можно считать речевой ситуацией *микроуровня*, которая диалектическим образом и развивается из интеракции, и рефлексивирует последнюю. Тем самым политические разговоры определённым образом *самоупорядочиваются* (см. например, о разговоре как микро-уровне речевого взаимодействия: [Taylor, 2009; Taylor, 2011], о рынках как разговорах: [Черных, 2013]).

Включение определённого внешнего организационного компонента данному самоупорядочиванию не противоречит, но принципиально изменить политическое качество последнего не может. *Нарратив* можно понимать как субстанцию, *порождающую* разговоры. Нарратив содержит в себе комплекс символических ресурсов, которые кодируют/декодируют смыслы, отражают намерения, акцентируют внимание, связывая акторов общими практиками. В свою очередь, нарратив сам является продуктом разговоров, но не как соединение частей (смыслов), а как диалектический *синтез*, снимающий микро-ситуационное качество разговора. Можно сказать, что нарратив — это *субстанция политического настоящего, возникшего из прошлых разговоров и являющегося символическим ресурсом будущих смыслов и действий*.

Таким образом, *диалектика* разговора и нарратива не в том, что они переходят друг в друга по замкнутому кругу (это не диалектика), а в том, что они воплощаются в политическое действие, упорядочивающееся разговорами и нарративами в политическом контексте. Это действие проявляется как структурирующиеся практики и отношения *авторитета*, т.е. как *динамический политический порядок*. Поскольку такие действия становятся упорядоченными, они проявляют «*экспансию упорядочивания*» по отношению к другим действиям, *включая их в политический контекст*. Это влияние становится возможным вследствие того, что политический нарратив, развивающийся в логике координации как ориентации друг на друга, обращает на себя заинтересованное *внимание* тех, кто ещё не причастен к актуальному упорядочиванию.

За последние три года мы наблюдали, как в мире сформировались два принципиально разных нарратива СВО России на Украине. Российский нарратив обвиняет в начале СВО «коллективный Запад», а западный нарратив содержит противоположную аргументацию. Для нас принципиально важно, что оба эти нарратива, конфликтно взаимодействуя друг с другом, запускают «экспансию упорядочивания» нового мирового порядка, в котором уже никто и не вспоминает о казавшейся незыблемой идее неолиберализма о «мире, основанном на правилах».

Диалектическая связка разговор-нарратив запускает символизирующую способность языка общения к *суждениям* по выработке смыслов. То есть сама герменевтика конкретного языка, на котором думают (а не просто говорят) люди, выступает необходимым и достаточным условием упорядочивания (которое, впрочем, не обязательно будет

успешным). Образно говоря, *политический порядок возникает и разрушается, потому что люди думают и говорят на конкретных человеческих языках*. Разумеется, здесь можно вспомнить про Вавилонскую башню.

Ещё одним важным аспектом коммуникации как действия в контексте политической символизации является то, что символизация чаще всего предполагает наличие компонентов, которые являются *«нечеловеческими»*. То есть они прямо не связаны с людьми и группами людей в их данности или непосредственном проявлении: артефакты, элементы среды обитания, информация о персоналиях (но не сами люди), известные теории или произведения искусства и т.д. Всё это обладает способностью порождать политические смыслы уже в рамках собственно человеческих интеракций. Поэтому политическая реальность, понятая как коммуникативное взаимодействие, всегда включает в себя не только собственно человеческие интеракции, но и взаимодействие свойств неодушевлённых объектов с намерениями и целями людей.

«Теневой танкерный флот» стал устойчивой риторической фигурой речи в нарративе геополитического противостояния России и Запада. Можно сказать, что данный флот превратился в политический артефакт, возникший «ниоткуда». Словно всех этих многочисленных и довольно крупных судов ранее не было, хотя мы понимаем, что эмпирически это не так.

Нарратив, наделённый *стратегическим смыслом*, можно трактовать как *нарратив*, получивший политический *авторитет*. Это не только предполагает упорядочивание политического макроактора, но и то, что появляются конкретный человек или группа конкретных лиц, наделяемых *полномочиями* выступать от имени макроактора в целом. Очевидно, что процесс появления таких лиц не политически нейтрален. При этом конкуренция за данные полномочия может носить как публичный *делиберативный* характер (и тогда выявление политических лидеров в целом соответствует диалектике политического публичного разговора-нарратива) так и иметь *авторитарные* основания.

В последнем случае политическая коммуникация будет иметь скорее обратный характер (от нарратива к разговорам). Однако здесь процесс политического упорядочивания будет происходить не столько как выработка авторитета, сколько как насаждение технологической *пропагандистской иллюзии авторитета*. Её длительное существование будет возможным только в условиях систематического препятствования распространению информации о конфликте интересов политического сообщества и правящей элиты. В последние годы такие процессы можно было наблюдать в странах как «суверенной демократии», так и «либеральной демократии». Это совершенно по-новому ставит проблему авторитаризма в современном мире, но это тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Динамический политический порядок

Если признать, что политический порядок существует в интеракции (и через неё) и обозначает реальность своего присутствия в диалектике разговор-нарратив, следовательно, он (порядок) мотивируется *актуальной* интеракцией. В данном случае следует различать политический порядок и государственное управление и даже не только политический порядок, но и политический режим. Государственное управление и политический режим фиксируются формальными институтами и устоявшимися рабочими процедурами. Политический порядок в контексте политической символизации есть процесс упорядочивания социальных практик, фиксируемый диалектикой разговоров-нарративов. Такое упорядочивание может оказать реальное влияние на политический режим и даже государственное управление. Но оно не обязательно будет зафиксировано в последних в корректных для них терминах. Хотя коммуникативное речевое воздействие будет фиксироваться достаточно чётко.

Когда Дональд Трамп заявил, что его полномочия как верховного главнокомандующего ограничены только его собственной моралью, а не нормами международного права,

это явный признак нового динамического политического порядка. Последний, скорее всего, никак не зафиксирован в нормах американского государственного управления, но оно следует именно в рамках такого порядка.

Данную особенность динамического политического порядка можно проиллюстрировать казусом из политической истории Германии. Когда Фридрих-Вильгельм IV изъявил желание учредить наконец прусскую конституцию, среди прусских либералов распространились радужные иллюзии конституционной монархии в стране. Однако при открытии прусского Ландтага в апреле 1841 г. король достаточно жёстко заявил: «Никакая сила на земле не смеет побуждать меня к замене естественного ... отношения государя и народа на конвенционально-конституционное ... я никогда не допущу, чтобы между Господом Богом на небе и этой страной проскользнул исписанный листок бумаги (т.е. конституция. — Г.М.), принятый за второе провидение, чтобы своими параграфами управлять Нами и подменять ими священную верность и преданность» [Huber, 1960. S. 495].

Тем самым власти предрежающие устами короля дали понять, что конституция для них — не более чем *сборник инструкций*, являющийся упорядоченным инструментом управления, но не более того. Для наследников же Просвещения, которые определяли господствовавшие в общественном мнении Германии настроения, принципы конституционализма имели самодостаточное ценностное значение. С точки зрения прогрессистов конституция была не менее чем самой воплощенной в правовые нормы *властью истины*. Не случайно один из лидеров немецкого либерализма Якоби сокрушённо отмечал: «Беда королей в том, что они не хотят слышать истину» [Huber, 1960. S. 747]. Однако для правящей бюрократии Германии власть истины была не более чем красивой фразой, она (бюрократия) целиком полагалась на *истину власти*.

С формально правовой точки зрения Пруссия с 40-х гг. XIX в. стала конституционной монархией. В концептуальной логике политического режима она была авторитарным монархическим правлением с конституционными элементами. Однако *акценты* политического *упорядочивания* непрерывно *менялись* в Пруссии, а затем в Германской империи вплоть до революции 1918 г., которую также можно считать новым этапом политического упорядочивания.

Вышеописанные события можно фиксировать через правовые документы, анализировать через институциональную деятельность правительства и представительных органов, описывать как череду событий. Однако диалектический механизм интерактивного взаимодействия разговор-нарратив позволит понять происходившее максимально полно, с одной стороны, и выявить упорядочивающие тенденции политической реальности — с другой.

От локальных языковых практик к текстам как политическим обязательствам

Один из ключевых модусов диалектики разговор-нарратива — понимание того, как *локальные* практики интеракций соединяются в упорядоченной деятельности *коллективных* акторов. Такое случается, если/когда производимые на локальном уровне разговорные практики дистанцируются в *нарратив*, понимаемый *коллективно*. Данные *практики* выходят за пределы локализации участников, становясь *медиумом* среды общения. Это снимает качество ситуативности разговорных практик, которое в снятом виде способствует передаче смыслов как *фреймов*, порождающих новые разговоры. В свою очередь фреймы, упорядочиваясь через смысловую *стандартизацию*, порождённую коллективным толкованием, становятся *текстом*, несущим в себе коллективный нарратив. То есть разговорные локальные практики развиваются через фреймы как медиумы в тексты как коллективные нарративы. Диалектическую логику такого развития можно обозначить как развёртывание *конкретного* через *абстрактное* к *общему*.

Нарратив, дистанцированный в тексте от непосредственных носителей политической коммуникации, способен оказывать автономное воздействие на коллективные и индивидуальные практики, получая статус кодифицированного коллективного представления. *Текст* конденсирует сложность упорядочивающихся практик в общность, которая коллективно истолковывается как требование и/или *обязательство* по осуществлению того или иного политического действия.

Можно сказать, что процесс дистанцирования политических разговоров в текст происходит через *суждения* о совместной стратегии как практике. Для этого интеракция должна приобрести *рекурсивные* черты, чтобы процессы деконтекстуализации и реконтекстуализации стали *повторяющимися*. При этом текстуальное оформление нарратива, включая разговорные практики толкования, не станет, как правило, включать непосредственную ссылку на конкретные практики, т.е. будет иметь место своеобразный «плагиат», представляющий собой диалектическое снятие первоначального разговорного ситуативного качества в нарративе как тексте. Однако сохраняются представления о том, что обсуждение имело место, наделяя дистанцирующийся от разговорных практик (ситуативных *мнений*) текст стратегическим смыслом (*авторитетом*). Насильственный вывоз президента Венесуэлы спецназом США можно называть или арестом, или террористическим актом, но данное конкретное событие вполне укладывается в логику текста новой «Стратегии национальной безопасности США», принятой в конце 2025 г., хотя и ставит в тупик концептуальное соотношение международного права и политики [Медушевский, 2025а; Медушевский, 2025b].

Стратегический смысл как авторитет будет фиксировать *упорядочивание макроактора*, в рамках которого вырабатываемый авторитет имеет смысл для тех, кто становится (является) частью «Левиафана» (страна, партия, заинтересованная группа, сетевое сообщество и т.д. [Филиппов, 2025]).

Таким образом, выделение микро- и макроуровней политической коммуникации возможно только диалектически. Если попытаться сделать это формально-логически, то либо нужно будет искусственно допускать существование имманентного микровзаимодействия, «очищая» его от трансцендентных элементов макроуровня (или наоборот) [Cooren, Fairhurst, 2009. Р. 124], либо допускать существование двух данных уровней в «загрязнённом» виде. Аналитическая ценность обоих вариантов весьма сомнительна. В контексте диалектики разговора-нарратива микро- и макроуровни — это не столько уровни анализа, сколько концептуальные элементы, которые аналитикам следует использовать для понимания особенностей политической коммуникации, а не для объяснения конкретной логики событий.

Коммуникативное взаимодействие как производство практик и структур политики

Одна из ключевых особенностей политической символизации — способность смещения акцентов в парных категориях означаемого-означающего и объекта-субъекта. Именно эта способность делает символизацию способной диалектически преодолевать парные категории в новом качестве. В этой связи на политическую реальность в рамках символизации можно смотреть не только как на взаимодействие акторов на микро- и макроуровнях создания нарративов, но и как на продукт коллективных практик и структурных взаимодействий. *Практики* в данном контексте будут видаться как чреватые множественным смыслом *паттерны деятельности*, упорядочивающей взаимодействия. *Структуры* же будут скорее *нормами* как *ресурсами* (устоявшимися смыслами), которыми пользуются акторы для упорядочивания политической реальности.

Можно вспомнить скандально известный казус «квартиры Ларисы Долиной». Здесь судебные практики, соединившись с разговорами (обсуждениями в социальных сетях),

продиктовали финальное решение Верховного суда РФ, которое стало не только (и не столько) юридическим казусом, но и задало структуру *политического* оценочного суждения: в России все равны перед законом. В данном случае не столь важно, насколько это суждение соответствует реальным судебным практикам, так как основной эффект был не юридическим, а политическим: массовое удовлетворение тем, что справедливость восторжествовала.

Для коммуникации здесь будет уместна метафора *потока*, состоящего из речевых и невербальных взаимодействий, которые синтезируются в процессе символизации через производство смыслов в интерактивных суждениях. Данный поток *интегрирует* людей как участников коммуникации. Интеграция выходит за пределы самой себя, порождая *контекстуализирующую* коммуникацию как *координационный* импульс. И наконец коммуникация возвращается к субъектам взаимодействия как упорядочивающая структура коллективного *самоосознания*. Если помнить, что символизация подразумевает множественность и непредзаданность толкования смыслов, то качественное многообразие данного потока коммуникации является открытым сценарием развития, чреватым многочисленными «ответвлениями» потока [McPhee, Iverson, 2009].

Тот же «казус Долиной» приобрёл политическое звучание не сам по себе, а после того, как суды стали на него ориентироваться как на судебный прецедент. Это вызвало волну мошеннических схем при продаже недвижимости, переведя имущественные споры в суде в сферу политических разговоров о справедливости.

Коммуникация как интеграция участников способствует их *ситуативной социализации*, вызывающей идентификацию и связывающей людей в процессе общения. В этом «потоке» разворачиваются практики рекрутирования, инициации, обмен элементами нарративов, взаимное позиционирование и связанное с последним *инструктирование* как *упорядоченная оценка*, порождающая *представление о распределении власти как репутации и актуального потенциала возглавления сообщества* (говорить от имени сообщества).

Возникнув как *интеракция* участников, коммуникация «возвращается» к ним как *контекст* координации их деятельности, который уже оговаривается как внешний, как обсуждение совместных задач и способов их выполнения. Это влечёт за собой определённое разделение труда и совместное поддержание сотрудничества как должного состояния (отношения друг к другу и к тому, что наделяется смыслом *общего* дела, т. е. *авторитетом*).

Обогатившись модусом контекстуального долженствования как *координации*, коммуникация приводит к коллективному *самоосознанию* сообщества, которое упорядочивает внутренние взаимодействия и устанавливает внешние границы. Происходит *обоснование* способов распределения политических *ресурсов*, ключевым из которых является *власть как авторитет*. На данной стадии коммуникации политическое сообщество уже есть не просто группа или сеть. Этот уровень символизирует статус *порядка* как *организации*, способной производить официальные *тексты* как документы, наделённые *публичным обязующим смыслом*.

Публичный обязующий смысл текстов как документов способен создавать *институциональное позиционирование* сообщества как *коммуникативную ситуацию социального порядка*. Здесь происходит коллективное толкование обоснования существования сообщества и его идентификации во взаимодействии с другими организациями или структурами.

Сообщество получает символическое качество *места в социальном пространстве* [Филиппов, 2008]. Именно в этом контексте чаще всего происходит символическое «телескопическое схлывывание» коллективного тождества, когда мы говорим о том, что «Америка виновата», «Россию подвергли», «Германия столкнулась», «"Единой России" предстоит». Примечательно, что так (при обсуждении политических проблем) говорят даже те, кто осознает, что с позитивистски социологической точки зрения эти конструкции не более чем фантазии. Однако эти фантазии наделены реальным смыслом, а значит, и преобразующим потенциалом в политической коммуникации.

Хотя следует помнить об опасности ошибочного (тенденциозного) толкования обязующего смысла текстов как документов, исходя только из самих этих текстов. Последние наделяются обязующим смыслом *не столько на основе их содержания, сколько в процессе взаимодействия суждений по поводу этого содержания*. Если данной символизирующей связи нет, то возникает классическая российская ситуация со строгостью закона и необязательностью его исполнения.

Нужно отметить, что микро- и макровзаимодействия не исчезают в сфере производства политических практик и структур. Очевидно, что в вопросе координации деятельности будут преобладать взаимодействия микроуровня, а в институциональном позиционировании акцент будет делаться на макроуровне. Однако возникающие коммуникативные ситуации всегда содержат в себе комбинацию различных элементов в явном или снятом качестве, выходящую за рамки чистого микро- или макроразделения. Микро- и макроуровни политической коммуникации всегда отбрасывают друг на друга «тень» [McPhee, Iverson, 2009. Р. 61] другого контекста толкования, создавая текучесть речевых ситуаций пространственно-временного континуума даже при сохранении стабильных скоординированных взаимодействий, продиктованных коллективной памятью.

Заключение

Таким образом, взаимодействие в контексте политической символизации может толковаться как диалектический синтез *речевых ситуаций, невербальных символов и случаев интеракции*. Данный синтез ведёт к конституированию *политического порядка* как коллективного самоосознания. Это способствует политической символизации пространственно-временного континуума, где *эмпирически* зафиксированное соединяется с коллективными *фантазиями*, образуя политическую *реальность*, в определённых ситуациях именуемую коллективной памятью¹.

Соотношение речевых ситуаций и коммуникаций в контексте политической символизации предполагает реконцептуализацию дуализма сфер материального и нематериального. Позитивистская проверка независимости влияния первого на второе или наоборот, на мой взгляд, не ведёт к приращению понимания политической реальности, становясь всё более анализом в себе. В этой связи продуктивнее будет, признавая онтологическое различие материального и нематериального модусов политики, разрабатывать концептуальный аппарат, снимающий (а не игнорирующий) данное различие.

Исходя из вышеобозначенного, можно утверждать, что реляционный характер политической реальности является не тупиком в *объяснении* последней, а плодотворной почвой для её *понимания*. Политическая реальность *одновременно состоит и реализуется через интерактивные процессы*. Данные процессы охватывают как иерархии и сети политических акторов, так и артефакты политики; как имплицитные намерения, так и эксплицитные речевые ситуации; как материально-организационную «экипировку» политики, так и коллективные суждения о последней.

Ещё одной принципиально важной парной категорией политического взаимодействия является *порядок-хаос*. Учитывая тяготение государственной организации к формальным юридическим институтам, именно порядок и ведущая к нему координация политических действий имплицитно или эксплицитно становится для позитивистского анализа политических коммуникаций ключевым содержательным понятием и желаемым состоянием политической действительности. Дезорганизация и беспорядок при этом не отрицаются, но трактуются либо как неудача политической деятельности, либо как катализатор (способ достижения) нового порядка.

¹ О коллективной памяти и нарративах см.: [Мусихин, 2024].

В контексте политической символизации² данная оппозиция *не уравнивается, а снимается* акцентированием на процессе *упорядочивания*, которое не есть движение к порядку от беспорядка, но является *развитием*. В его ходе создаётся новое политическое качество, где коммуникативные моменты организации и дезорганизации — именно моменты, фиксируемые в определённой констелляции речевых ситуаций (и развивающиеся через неё). В этой связи можно утверждать, что *ни порядок, ни хаос как таковые не являются «естественным состоянием» политики*, ибо политика как конструируемая в ходе символизации реальность в принципе не может быть «естественной».

На уровне текстуально зафиксированных нарративов обозначенное выше упорядочение можно понимать как *интертекстуальность*. Даже тексты, наделённые стратегическим смыслом как авторитетом в процессе политической коммуникации, неизбежно получают развивающие добавления других текстов как суждений об авторитете. И если коммуникация является действительной, а не пропагандистски имитируемой, авторитет текста тем выше, чем больше он способен к восприятию суждений по его поводу в других текстах. Тем самым срабатывает озвученный ещё в конце 1960-х гг Луманом механизм: «Кто хочет получить власть, тот должен открыть себя влиянию» [Luhmann, 1973. P. 105]. Подобная открытость — не «всеядность» или беспринципность, она будет свидетельствовать об авторитете в процессе политического упорядочивания. Поэтому тезис «Мы — народ», будучи многократно (и разнообразным способом) доказанной *эмпирической иллюзией*, вместе с тем остаётся *политической реальностью* в случае полноценной политической коммуникации и множественности речевых ситуаций политической символизации, в контексте которой «Мы — народ» будет так или иначе толковаться, рождая комплексы упорядочивающихся суждений.

ЛИТЕРАТУРА

- Медушевский А.Н. (2025a). Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 1) // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 130–143.
- Медушевский А.Н. (2025b). Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 2) // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 119–133.
- Мусихин Г.И. (2015). Концептуализация политической символизации // *Полис. Политические исследования*. №5. С. 130–144.
- Мусихин Г.И. (2024). Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 116–133.
- Мусихин Г.И. (2025). Коммуникация в контексте политической символизации: от дискурсов к речевым ситуациям // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 134–143.
- Филиппов А.Ф. (2008). *Социология пространства*. — СПб.: Владимир Даль.
- Филиппов А.Ф. (2025). *Восстание Левиафана. Очерки о Томасе Гоббсе, политической философии и социальной теории*. — М.: Владимир Даль.
- Черных А.И. (2013). *Медиа и ритуалы*. — М., СПб.: Университетская книга.
- Cooren F., Fairhurst G.T. (2009). Dislocation and Stabilization: How to Scale up from Interactions to Organization // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 117–152.
- Fairclough N., Wodak R. (1997). Critical Discourse Analysis // *Discourse as Social Interaction (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* / T. van Dijk (Ed). — CA: Sage. Pp. 258–284.
- Huber E.R. (1960). *Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789*. — Berlin und Koeln: W. Kohlhammer. Bd. II.
- Luhmann N. (1973). *Zweckbegriff und Systemrationalität: über die Funktion von Zwecken in sozialen Systemen*. — Frankfurt a.M: Suhrkamp.
- McPhee R.D., Iverson J.O. (2009). Agents of Constitution in Comunidad: Constitutive Processes of Communication in Organizations // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 49–88.
- Taylor J.R. (2009). Organizing from the Bottom Up? Reflections on the Constitution of Organization in Communication // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 153–186.
- Taylor J.R. (2011). Organization as an (Imbricated) Configuring of Transactions // *Organization Studies*. № 32. Pp. 1273–1294.

² О политической символизации см.: [Мусихин, 2015].

REFERENCES

- Chernykh A.I. (2013). *Media and rituals*. — M., SPb.: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
- Cooren F., Fairhurst G.T. (2009). Dislocation and Stabilization: How to Scale up from Interactions to Organization // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 117–152.
- Fairclough N., Wodak R. (1997). Critical Discourse Analysis // *Discourse as Social Interaction (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction)* / T. van Dijk (Ed). — CA: Sage. Pp. 258–284.
- Filippov A.F. (2008). *Sociology of space*. — SPb.: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Filippov A.F. (2025). *The Leviathan Rebellion. Essays on Thomas Hobbes, political philosophy and social theory*. — M.: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Huber E.R. (1960). *Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789*. — Berlin und Koeln: W. Kohlhammer. Bd. II.
- Luhmann N. (1973). *Zweckbegriff und Systemrationalität: über die Funktion von Zwecken in sozialen Systemen*. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- McPhee R.D., Iverson J.O. (2009). Agents of Constitution in Comunidad: Constitutive Processes of Communication in Organizations // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 49–88.
- Medushevskiy A. (2025a). International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 1) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 130–143. (In Russ.).
- Medushevskiy A. (2025b). International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 2) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* № 3. Pp. 119–133. (In Russ.).
- Musikhin G.I. (2015). The Conceptualization of Political Symbolization // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. Pp. 130–144. (In Russ.).
- Musikhin G.I. (2024). Narrative as a semantic element of political symbolization // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 116–133. (In Russ.).
- Musikhin G.I. (2025). Communication in the context of Political symbolization: from discourses to speech situations // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 134–143. (In Russ.).
- Taylor J.R. (2009). Organizing from the Bottom Up? Reflections on the Constitution of Organization in Communication // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 153–186.
- Taylor J.R. (2011). Organization as an (Imbricated) Configuring of Transactions // *Organization Studies*. № 32. Pp. 1273–1294.

Мусихин Глеб Иванович

ORCID: 0000-0002-6796-0327

glebmus@yandex.ru

Gleb Musikhin

Doctor of Science (Political Science), Department of Social and Humanitarian Disciplines, Russian Biotechnological University (Moscow)

ORCID: 0000-0002-6796-0327

glebmus@yandex.ru

Conversations and narratives in the context of political communication

Abstract. The article attempts to provide a dialectical synthesis of political conversations and political narratives in the space of political communication. The research problem addressed in the article concerns the uniqueness of political authority as a specific dynamic order that forms the foundation of politics as a communicative interaction regarding power, where stability and variability are contained in a dialectically resolved form. In this regard, political reality can be viewed not only as the interaction of actors at the micro-macro level of narrative creation, but also as a product of collective practices and structural interactions. In this context, practices will be seen as patterns of activity that organize interactions and have multiple meanings. Structures, on the other hand, are norms that actors use to organize political reality.

Keywords: communication, symbol, political symbolization, discourse analysis, speech (verbal) situation, narrative, political context, involvement, dynamic political order, public administration.

JEL: Z10, Z18.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.М. Лебедева

*д. психол. н., профессор, главный научный сотрудник Центра
социокультурных исследований НИУ ВШЭ (Москва)*
nlebedeva@hse.ru

Д.Д. Строгов

*стажёр-исследователь Центра социокультурных исследований
НИУ ВШЭ (Москва)*

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА КРЕАТИВНОСТИ КАК РЕСУРС ОРАНЖЕВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТ ОНТОГЕНЕЗА К РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу связи между возрастной динамикой креативности и потенциалом оранжевой (креативной) экономики в российских регионах. Опираясь на современные психологические и нейрокогнитивные исследования, авторы показывают, что различные компоненты творческого мышления, а именно, беглость, гибкость, оригинальность, семантическая глубина, подчиняются разной возрастной логике. Ранняя взрослость (18–35 лет) характеризуется высокой скоростью и когнитивной гибкостью. Зрелый возраст (35–60 лет) отличается накопленной экспертизой и генеративной мотивацией. Старший возраст (60+) даёт семантическую глубину и стратегическую избирательность. Сектора оранжевой экономики (ИТ, наука, архитектура, исполнительские искусства, народные промыслы и др.) предъявляют к занятым в них принципиально различные когнитивные требования. Это делает возрастную структуру населения структурным фактором регионального инновационного потенциала. На основе данных Росстата предложена типология российских регионов по возрастному профилю населения. Также сформирована матрица соответствия между демографическими типами регионов и секторами оранжевой экономики. Сформулированы рекомендации для дифференцированной региональной политики поддержки креативных индустрий.

Ключевые слова: креативность, онтогенез, возрастная динамика, оранжевая экономика, когнитивные профили, региональная политика.

JEL: E31, N75, I38, J11, O15, Z13

УДК: 159.954.4

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_162_175

© Н.М. Лебедева, Д.Д. Строгов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лебедева Н.М., Строгов Д.Д. Возрастная динамика креативности как ресурс оранжевой экономики: от онтогенеза к региональной политике // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 162–175. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_162_175.

FOR CITATION: Lebedeva N., Strogov D. Age Dynamics of Creativity As a Resource of the Orange Economy: from Ontogenesis to Regional Policy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 162–175. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_162_175.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00544. <https://rscf.ru/project/25-18-00544/>

Введение

Россия стареет. Медианный возраст населения вырос с 34 лет в 2002 г. до 40,5 лет по итогам переписи 2020 г., а в ряде регионов Центральной России превысил 43 года. Параллельно государство последовательно делает ставку на развитие «оранжевой» (креативной) экономики — совокупности отраслей, в основе которых лежит интеллектуальное и творческое производство. Перечень таких видов деятельности закреплён в обновлённом ОКВЭД и охватывает информационные технологии, науку и R&D, исполнительские искусства, дизайн, архитектуру, образование, народные промыслы [Абанкина, 2022]. Между тем в дискуссии о политике поддержки креативных индустрий остаётся без ответа один принципиальный вопрос. В равной ли мере разные отрасли оранжевой экономики доступны регионам с принципиально различной возрастной структурой населения?

Психологические исследования творчества давно установили, что креативность не является постоянной чертой. Она меняет свои механизмы и функции на протяжении всего жизненного пути человека [Lubart, Sternberg, 1998]. Скорость генерации идей и когнитивная гибкость достигают максимума в ранней взрослости (18–35 лет), тогда как оригинальность, глубина семантических связей и стратегическое мышление сохраняются и усиливаются в зрелом возрасте (35–60 лет) [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Patel, MacPherson, Hoffman, 2025]. Сектора оранжевой экономики при этом предъявляют к работникам разные когнитивные требования. Стартап в сфере IT нуждается в одном профиле, фундаментальная наука или культурные индустрии — в другом. Выходит, возрастная структура населения региона во многом определяет реальные преимущества или проблемы разных территорий в конкретных секторах.

Этот факт практически не учитывается ни в академических работах по экономической географии инноваций, ни в региональных стратегиях. Единый шаблон поддержки «креативных кластеров» копируется из региона в регион, хотя Чечня со средним возрастом около 29 лет и Тамбовская область со средним возрастом около 43 лет располагают принципиально разным человеческим капиталом.

Цель настоящей статьи — показать, как возрастная динамика креативности соотносится с требованиями различных отраслей оранжевой экономики и на этой основе предложить типологию российских регионов по их демографическому потенциалу для развития конкретных секторов. Работа опирается на обзор современных психологических и нейрокогнитивных исследований возрастной динамики творчества, анализ отраслевой структуры оранжевой экономики в России, демографическую типологию регионов по данным Росстата и их сопоставление в рамках единой аналитической матрицы. В конце формулируются рекомендации для дифференцированной региональной политики.

Возрастная динамика креативности на протяжении жизненного пути

Распространены два противоположных мифа о творчестве и возрасте. Первый заключается в том, что креативность принадлежит молодости. Второй говорит о том, что с годами она неизбежно угасает. Ни то, ни другое не соответствует тому, что показывают современные исследования.

Креативность сегодня понимается как способность генерировать идеи, которые одновременно новы и ценны [Runco, Jaeger, 2012]. Беглость, гибкость, оригинальность и семантическая глубина являются компонентами одного конструкта, но каждый из них следует своей возрастной логике [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014]. Именно это различие имеет прямые экономические следствия. Рассмотрим основные возрастные особенности креативности.

Детство и юность

Детский и подростковый периоды не являются непосредственным предметом настоящего анализа, однако без понимания того, как формируется творческий потенциал в ранние годы, трудно объяснить особенности его проявления впоследствии.

В дошкольном детстве (0–5 лет) ключевым механизмом развития креативности выступает символическая игра. Расс рассматривает сюжетно-ролевую игру как механизм интеграции эмоций и когний, создающий основу для дивергентного мышления [Russ, 2014]; Выготский указал на игру как ведущую деятельность дошкольного возраста, создающую зону ближайшего развития [Выготский, 1966]. Качество символической игры в дошкольные годы предсказывает показатели дивергентного мышления и учебные достижения в более позднем возрасте [Wallace, Russ, 2015].

В школьном возрасте (6–17 лет) происходит перестройка отношения между спонтанной креативностью и нормативными требованиями среды. «Спад креативности в четвёртом классе», описанный Торрансом [Torrance, 1968], по современным метааналитическим данным не является универсальным эффектом [Said-Metwaly et al., 2021]. Более устойчиво снижение показателей дивергентного мышления при переходе между школьными ступенями [He, Wong, 2015]. В подростковом возрасте (11–17 лет) творческое мышление тесно переплетается с формированием идентичности. Высокий уровень креативности связан с большей толерантностью к неопределённости и более широким горизонтом профессионального самоопределения [Sica et al., 2019; Sica et al., 2023].

С точки зрения экономики образовательная среда в детстве закладывает инновационный потенциал населения с горизонтом в 15–20 лет. Важно, насколько она поддерживает дивергентное мышление, игру и самостоятельность ребёнка. Инвестиции в дошкольное и школьное образование в этом смысле работают как часть инновационной политики с отложенным, но системным эффектом.

Ранняя взрослость (18–35 лет)

В ранней взрослости флюидный интеллект — скорость обработки информации, объём рабочей памяти и когнитивная гибкость — достигает своего пика [Salthouse, 2010]. Именно эти функции обеспечивают высокую беглость при генерации идей, способность удерживать множество условий задачи одновременно и гибко комбинировать элементы опыта. Нейрокогнитивные исследования показывают, что в этот период взаимодействие сети пассивного режима и сети исполнительного контроля достигает наибольшей слаженности [Beaty, Benedek, Silvia, Schacter, 2016; Kruse et al., 2023].

Исследование Кэнсер и коллег подтвердило, что рабочая память и когнитивная гибкость — значимые предикторы успешности в творческом решении проблем именно в ранней взрослости. Участники этой возрастной группы демонстрировали более высокую продуктивность в генерации идей и более сложные стратегии их комбинирования по сравнению со старшими [Cancer, Iannello, Salvi, Antonietti, 2023].

Важную роль играет и мотивационный профиль молодых взрослых. По компонентной модели Амабайл, внутренняя мотивация, поддерживаемая автономией и подлинным интересом к задаче, представляет собой ключевое условие творческой активности [Amabile, 2011]. В ранней взрослости мотивационная структура качественно меняется. Креативность оказывается тесно связанной с формирующейся профессиональной идентичностью и стремлением к мастерству. Открытость опыту, являющаяся одним из наиболее устойчивых предикторов творческой активности [Feist, 1998], достигает высоких значений именно в этот период.

Возрастные пики творческих достижений изучаются давно. Масштабный анализ научной продуктивности показал, что в дисциплинах, требующих быстрого концептуального синтеза и когнитивной гибкости, значимые достижения чаще приходятся на более ранний

возраст [Jones, Weinberg, 2011]. Лонгитюдные исследования подтверждают, что показатели творческого мышления, измеренные в детстве по тестам Торранса, предсказывают реальные творческие достижения во взрослой жизни [Cramond, Matthews-Morgan, Bandalos, Zuo, 2005].

Применительно к экономической сфере можно заключить, что тип мышления ранней зрелости, а именно высокая скорость, гибкость, толерантность к риску, органично соответствует требованиям ИТ, цифрового дизайна, стартап-предпринимательства, аудиовизуальных медиа. При этом относительно небольшой накопленный доменный опыт делает молодых работников эффективными генераторами идей, но менее результативными в ролях стратегов и руководителей сложных долгосрочных проектов.

Зрелый возраст (35–60 лет)

После сорока лет механика интеллекта уступает первенство его прагматике. Скорость, рабочая память и гибкость переключения отходят на второй план, а кристаллизованный интеллект, семантические знания и экспертные схемы набирают вес [Salthouse, 2012].

Данные метаанализов показывают, что дивергентное мышление в зрелом возрасте меняется неоднородно. Выявлено, что скорость генерации идей снижается, тогда как оригинальность и содержательная глубина остаются относительно стабильными при отсутствии жёсткого временного давления [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014]. Возрастные пики научной продуктивности варьируют по дисциплинам. Так, в биологии, социальных и гуманитарных науках пик цитируемости приходится на 45–55 лет, в то же время в физике и математике — на 30–35 [Jones, Weinberg, 2011]. Для достижения выдающихся результатов в сложных доменах требуется не менее 10 лет интенсивной работы [Simonton, 2000].

Существенную роль в зрелом возрасте играет нарастание генеративности — стремления создавать продукты, значимые для будущих поколений [Erikson, 1950]. Эмпирически подтверждено, что генеративная мотивация связана с вовлечённостью в наставничество и социально ориентированные формы творчества [McAdams, de St. Aubin, 1992]. С позиций теории жизненного пути, в зрелом возрасте человек всё более избирательно распределяет когнитивные ресурсы, компенсируя снижение скорости за счёт более глубокого использования накопленного знания [Baltes, Baltes, 1990]. Творческая активность в эти годы тесно связана с психологическим благополучием и жизненной удовлетворённостью [Lachman, 2015].

Для рынка труда это означает, что когнитивный и мотивационный профиль зрелого возраста органично соответствует требованиям наукоёмких, образовательных и культурных секторов оранжевой экономики. Речь идёт о фундаментальной науке, управлении инновациями, архитектуре, образовании, литературе и издательском деле, наставничестве. Именно зрелые специалисты формируют «хребет» инновационных экосистем как носители системного знания. Без этого знания идеи не превращаются в устойчивые продукты и институции.

Старший возраст (60+ лет)

Современные данные убедительно опровергают представление о старшем возрасте как о периоде неизбежного угасания творческого потенциала. Беглость мышления действительно снижается, однако оригинальность идей и их семантическая насыщенность сохраняются на высоком уровне при отсутствии жёсткого временного давления [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Ross et al., 2023]. Пожилые взрослые генерируют меньше идей, но эти идеи оказываются более проработанными, контекстуально обоснованными и семантически богатыми.

Нейровизуализационные исследования показывают, что сохранение когнитивного функционирования в преклонном возрасте связано с компенсаторной реорганизацией мозговых сетей. У пожилых взрослых при выполнении задач на дивергентное мышление наблюдается более распределённая активация областей мозга, что является

компенсаторным механизмом, позволяющим поддерживать продуктивность за счёт вовлечения дополнительных нейронных ресурсов [Adnan et al., 2019; Kruse et al., 2023].

Исследование Пател и коллег, посвящённое роли семантического контроля в творческом мышлении у людей 60–90 и 18–35 лет, показало, что возрастные различия в креативности связаны прежде всего с изменением механизмов семантического контроля, а не с общим снижением мыслительной продуктивности. Пожилые участники демонстрировали более точный отбор семантически релевантных ассоциаций и большую устойчивость к интерференции [Patel, MacPherson, Hoffman, 2025].

Немаловажна и социальная функция творчества в старшем возрасте. Исследование, проведённое на репрезентативной немецкой выборке людей старше 80 лет, подтвердило, что творческая активность связана со снижением одиночества и экзистенциальной тревоги [Hajek et al., 2025]. По Эриксону, центральная задача старости — интеграция против отчаяния [Erikson, 1950], а креативность выступает одним из психологических инструментов этой интеграции.

На практике это означает, что потенциал людей старшего возраста в оранжевой экономике недооценён. Меньшая скорость и беглость компенсируются у них семантической глубиной и накопленным мастерством. Эти качества определяют конкурентоспособность в народных промыслах, культурных индустриях, экспертном консультировании и образовании. Данные о возрасте успешных предпринимателей показывают, что вероятность успеха бизнеса, основанного предпринимателем, которому около 45 лет, статистически выше, чем у бизнеса, основанного тридцатилетним [Azoulay, Jones, Kim, Miranda, 2020].

Анализ трёх взрослых возрастных профилей приводит к выводу, принципиальному для понимания инновационного потенциала. Ни один из них не является «лучшим» сам по себе. Возрастное разнообразие в команде — не автоматическое преимущество, поскольку в организациях с негативным климатом в отношении возраста оно может оборачиваться конфликтами и снижением производительности [Kunze, Boehm, Bruch, 2011]. Но при позитивном возрастном климате и грамотной HR-политике картина меняется. Организации с высоким возрастным разнообразием демонстрируют более высокие показатели инновационной активности [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. Когнитивная гибкость молодых и семантическая экспертиза зрелых специалистов взаимно дополняют друг друга на разных стадиях инновационного процесса. В табл. 1 представлены сильные стороны и ограничения разных возрастных когнитивных профилей и сектора оранжевой экономики, приоритетные для работников тех или иных возрастов.

Таблица 1

Возрастные когнитивные профили и их релевантность для секторов оранжевой экономики

Возраст	Сильные стороны	Ограничения	Приоритетные сектора
18–35 лет	Беглость, гибкость, скорость, толерантность к риску	Невысокий доменный опыт, стратегическая незрелость	IT, цифровой дизайн, медиа, стартапы
35–60 лет	Кристаллизованный интеллект, экспертиза, генеративность	Снижение беглости и скорости	Наука, исследования и разработки, архитектура, образование, управление инновациями
60+ лет	Семантическая глубина, избирательность, мастерство	Снижение беглости, скорости обработки	Народные промыслы, культурные индустрии, экспертный консалтинг
Возрастно-разнородные команды	Синергия всех профилей	Требует управления климатом организации	Широкий спектр секторов

Источник: составлено авторами на основе [Salthouse, 2010; Salthouse, 2012; Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Kunze, Boehm, Bruch, 2013].

Оранжевая экономика в России

Понятие «оранжевой», или креативной, экономики вошло в научный и политический дискурс в начале 2000-х гг. Хоукинс определил её как совокупность отраслей, в которых экономическая ценность создаётся прежде всего посредством творческой деятельности и интеллектуального труда [Howkins, 2001]. Термин «оранжевая экономика» был закреплён в докладе Межамериканского банка развития, где оранжевый цвет выбран как символ творчества и культурного многообразия [Buitrago, Duque, 2013]. ЮНКТАД относит к ней широкий спектр отраслей, от традиционных искусств и ремёсел до высокотехнологичных цифровых индустрий. Они объединены тем, что их главным производственным ресурсом является творческий потенциал человека [UNCTAD, 2022].

Отечественные подходы к систематизации творческих индустрий разрабатывались в том числе в НИУ ВШЭ, в частности в работах Т.В. Абанкиной, которая последовательно анализировала структуру российского креативного сектора, тенденции его экспорта и меры государственной поддержки [Абанкина, 2022]. Параллельно велась работа по выделению соответствующих видов деятельности в рамках ОКВЭД, что открыло возможность для регулярного статистического мониторинга отрасли.

Опираясь на российскую классификацию и коды ОКВЭД-2, выделим восемь укрупнённых секторов оранжевой экономики. Информационные технологии и программирование (ОКВЭД 62, 63) работают по быстрому циклу разработки с высокой премией на скорость и когнитивную гибкость. Наука, исследования и разработки (ОКВЭД 72) создают ценность на длинном временном горизонте. Главный ресурс здесь заключается в накопленном доменном знании. Архитектура и дизайн (ОКВЭД 71.11, 74.1) совмещают требования к техническим знаниям, эстетическому чутью и пониманию потребительского контекста. Исполнительские искусства и развлечения (ОКВЭД 90) охватывают широкий возрастной диапазон, причём мастерство здесь накапливается десятилетиями. Аудиовизуальные и медиаиндустрии (ОКВЭД 59, 60) сочетают технологический и художественный компоненты. Издательское дело и литература (ОКВЭД 58) прямо зависят от глубины языковой и культурной компетентности. Образование и просвещение (ОКВЭД 85) требуют значительного собственного профессионального опыта педагога. Народные промыслы и традиционные ремёсла (ОКВЭД 32.99, 90) представляют собой отрасль, в которой мастерство приходит после многолетней практики.

Каждый из перечисленных секторов предъявляет специфические требования к когнитивному профилю работников. Их можно систематизировать по двум параметрам. Первый параметр касается скорости и гибкости. Здесь важно, насколько значима беглость генерации идей и быстрое переключение. Второй параметр связан с глубиной и экспертизой. Здесь ценится накопленный доменный опыт. Соотношение этих параметров определяет «возрастную чувствительность» отрасли, т. е. то, насколько её конкурентоспособность зависит от возрастного состава занятых (табл. 2).

Демографическая карта российских регионов

Возникает вопрос: насколько возрастная структура населения конкретного региона соответствует когнитивным требованиям тех или иных секторов оранжевой экономики.

По данным Всероссийской переписи 2020 г., средний возраст жителей России составил 40,5 лет — на 1,6 года больше, чем в 2010 г. [Итоги Всероссийской..., 2022]. Доля лиц пенсионного возраста превысила 25%. Но общероссийские цифры при этом скрывают чрезвычайно высокую межрегиональную дифференциацию. Разрыв в среднем возрасте между самым «молодым» и самым «зрелым» регионом страны превышает 14 лет [Оценка численности..., 2019].

Таблица 2

Сектора оранжевой экономики и их требования к возрастному когнитивному профилю

Сектор	Ключевые когнитивные требования	Преимущественный возрастной профиль
IT и программирование	Скорость, гибкость, алгоритмическое мышление	18–35 лет
Наука и R&D	Доменная экспертиза, концептуальная интеграция	35–55 лет (варьирует по дисциплине)
Архитектура и дизайн	Сочетание технических знаний и эстетики	30–50 лет
Исполнительские искусства	Мастерство + физические возможности	Широкий диапазон; пик 25–45 лет
Аудиовизуальные медиа	Скорость + технологическая компетентность	25–40 лет
Издательство и литература	Языковая глубина, жизненный опыт	35–60+ лет
Образование	Экспертиза, педагогический опыт	40–65+ лет
Народные промыслы	Мастерство, культурная идентичность	50+ лет

Источник: составлено авторами на основе классификации ОКВЭД-2 и [UNCTAD, 2022; Абанкина, 2022].

По данным Росстата, наиболее молодой регион России — Чеченская Республика (средний возраст 28,7 лет); следом идут Республика Тыва (29,8 лет), Республика Ингушетия (31,6 лет), Республика Дагестан (33,0 лет) [Оценка численности..., 2019]. Особняком стоят ресурсные регионы, прежде всего Ямало-Ненецкий автономный округ (33,9 лет), где молодость населения обусловлена притоком трудовых мигрантов, а не высокой рождаемостью.

Молодые регионы располагают значительным трудовым ресурсом с высоким потенциалом в части скорости и когнитивной гибкости. Вместе с тем они, как правило, испытывают дефицит накопленного доменного знания и страдают от оттока наиболее образованной молодёжи в крупные центры [Мкртчян, 2017].

Наиболее «зрелые» по возрастной структуре — Тамбовская область (43,4 лет), Тульская область (43,3 лет), Рязанская область (42,8 лет), Пензенская область (42,6 лет) [Оценка численности..., 2019]. Доля лиц старше 65 лет составляет здесь 23–26% при среднероссийском уровне около 19%. Молодёжная когорта сокращается вследствие устойчивого миграционного оттока.

Важно, однако, что «зрелость» возрастной структуры сочетается в этих регионах с реальной экспертной глубиной работающего населения и богатым культурным наследием. Именно здесь нередко сохраняются развитые традиции художественных промыслов. Тульская область славится оружейным и самоварным делом. Рязанская область известна кружевоплетением. Тамбовская область сохранила вышивку и гончарное дело.

Это наиболее многочисленная группа, охватывающая большинство субъектов РФ. Внутри неё выделяются два принципиально разных подтипа. Москва (средний возраст 42,3 лет) формально близка к «зрелым» регионам, однако её «зрелость» обусловлена не депопуляцией, а сочетанием высокой продолжительности жизни и постоянного притока молодёжи. Результатом является максимальное возрастное разнообразие занятого населения, служащее ключевым конкурентным преимуществом для инновационной экономики [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. Университетские регионы (Новосибирская, Томская, Свердловская, Нижегородская области) отличаются повышенной концентрацией молодёжи 18–25 лет при наличии развитой научной инфраструктуры.

На региональный демографический профиль (табл.3) влияет и процесс «двойного старения», т. е. одновременного оттока молодёжи и естественного старения остающегося населения. По оценкам, численность населения в трудоспособном возрасте сокращается более чем в половине субъектов Федерации [Вишневский, Щербакова, 2018].

Таблица 3

Типология российских регионов по возрастной структуре

Тип региона	Средний возраст	Примеры регионов	Демографические особенности
«Молодые»	до 33–34 лет	Чечня (28,7), Тыва (29,8), Ингушетия (31,6), Дагестан (33,0)	Высокая рождаемость, отток образованной молодёжи
«Средние» — крупные центры	40–43 лет	Москва (42,3), Санкт-Петербург (42,4)	Высокое возрастное разнообразие, приток мигрантов
«Средние» — университетские	37–41 лет	Новосибирская (39,7), Томская (38,8), Свердловская обл. (40)	Повышенная доля молодёжи 18–25 лет, развитая научная инфраструктура
«Средние» — типичные	37–42 лет	Большинство регионов Урала, Поволжья, Юга (~40,5)	Профиль, близкий к общероссийскому
«Зрелые»	свыше 42–43 лет	Тамбовская (43,4), Тульская (43,3), Рязанская (42,8)	Высокая доля лиц 65+, богатое культурное наследие

Источник: составлено авторами по данным Росстата, 2019, 2022 гг.

Возрастной потенциал регионов и приоритеты оранжевой экономики

Рассмотрев возрастные когнитивные профили, отраслевые требования к человеческому капиталу и демографическую типологию регионов, перейдем к соединению этих компонентов анализа воедино.

Поскольку разные отрасли оранжевой экономики предъявляют неодинаковые когнитивные требования к работникам, а когнитивный профиль систематически меняется с возрастом, возрастная структура населения региона является структурным фактором его сравнительного преимущества в конкретных секторах оранжевой экономики. Регионы с молодой возрастной структурой теоретически хорошо совместимы с требованиями IT-индустрии, цифрового дизайна, разработки мобильных приложений. Однако здесь обнаруживается принципиальное противоречие. Демографический потенциал и институциональная готовность к его реализации расходятся. Чтобы молодёжная когорта стала реальным ресурсом цифровых индустрий, нужны развитая система высшего образования, венчурная инфраструктура, рынок квалифицированного труда. В большинстве «молодых» регионов эти условия пока не созданы в достаточной мере. Отсюда естественный результат — наиболее подготовленная молодёжь уезжает в крупные центры.

Вместе с тем есть сектор, где «молодые» регионы способны реализовать сочетание демографического и культурного потенциала. Речь идёт о народных промыслах и традиционных ремёслах. Здесь молодость населения сама по себе не создаёт преимущества. Но в регионах с живой ремесленной традицией (прежде всего республики Северного Кавказа) она открывает возможность для обновления отрасли через цифровые инструменты маркетинга и выхода на национальный и международный рынок.

Регионы с высокой долей зрелого и пожилого населения в доминирующем дискурсе об инновациях нередко воспринимаются как «демографически неблагоприятные». Этот вывод представляется поспешным. Зрелый возраст формирует когнитивный профиль,

оптимальный для наукоёмких, образовательных и культурных секторов. Речь идёт о накопленной доменной экспертизе, стратегическом мышлении, генеративной мотивации.

Отдельного внимания заслуживает «серебряное предпринимательство». Исследования показывают, что вероятность успеха бизнеса, основанного предпринимателем возраста около 45 лет, статистически выше, чем основанного тридцатилетним предпринимателем [Azoulay et al., 2020]. Накопленный опыт, социальный капитал и устойчивость к стрессу с лихвой компенсируют меньшую скорость адаптации. Для «зрелых» регионов развитие инфраструктуры поддержки зрелого предпринимательства — потенциально более результативная стратегия, чем попытки воспроизвести модель молодёжных стартапов при отсутствии соответствующего демографического ресурса.

Москва и Санкт-Петербург занимают особое место. Устойчивый приток молодёжи при сохранении крупных когорт зрелых специалистов формирует максимальное возрастное разнообразие занятого населения. Именно это разнообразие, а не просто «молодость» или «зрелость» сами по себе, является ключевым конкурентным преимуществом мегаполисов в инновационной экономике [Kunze, Boehm, Bruch, 2013].

Университетские регионы второго эшелона располагают специфической демографической структурой. Повышенная концентрация молодёжи 18–25 лет в сочетании с развитой научной инфраструктурой советского и постсоветского периода делает их потенциально сильными площадками для наукоёмких секторов оранжевой экономики. Однако это справедливо при условии удержания выпускников в регионе. В целом для России уровни соответствия демографического потенциала регионов требованиям различных секторов оранжевой экономики представлены в табл. 4.

Таблица 4

Матрица демографического потенциала регионов для секторов оранжевой экономики
(++ высокое соответствие; + умеренное; — низкое; ± потенциал при дополнительных условиях)

Сектор	«Молодые»	Крупные центры	Университетские	«Типичные»	«Зрелые»
IT и программирование	±	++	++	+	—
Наука, исследования и разработки	—	++	++	+	+
Архитектура и дизайн	±	++	+	+	+
Исполнительские искусства	+	++	+	+	+
Аудиовизуальные медиа	+	++	+	+	±
Издательства и литература	—	++	+	+	++
Образование	±	++	++	+	++
Народные промыслы	+	±	—	+	++

Источник: составлено авторами.

Рекомендации для региональной политики поддержки оранжевой экономики

Сложившаяся в России модель поддержки креативных индустрий в значительной мере воспроизводит единый институциональный шаблон, безотносительно к демографическому профилю конкретного региона. Между тем возрастные особенности населения являются структурным фактором сравнительного преимущества территории в конкретных секторах оранжевой экономики. Игнорирование этого фактора снижает отдачу от инвестиций в инновационную инфраструктуру.

Принципиальная рекомендация состоит в переходе от универсальных к дифференцированным инструментам поддержки оранжевой экономики. Необходимо учитывать демографический профиль региона при определении приоритетных секторов финансирования. Современные федеральные программы (субсидии технопаркам, венчурные фонды, гранты стартапам) разработаны преимущественно под модель молодёжного технологического предпринимательства. Для «зрелых» регионов Центральной России она объективно нерелевантна.

Конкретные меры могут включать введение демографического критерия при распределении субсидий на развитие креативных кластеров, отдельные программы поддержки «серебряного предпринимательства», ориентированные на основателей бизнеса старше 45–50 лет, а также включение показателей развития традиционных ремёсел и культурных индустрий в систему оценки инновационного потенциала регионов наравне с числом стартапов и патентов.

На региональном уровне ключевой принцип можно сформулировать как демографический реализм. Стратегии развития оранжевой экономики должны опираться на реальный возрастной профиль трудоспособного населения, а не на желаемый образ «инновационного региона», воспроизводящий московскую или «кремниевую» модель.

Для «молодых» регионов это означает приоритет в развитии цифровой инфраструктуры и дистанционной занятости при одновременном создании механизмов, позволяющих молодёжи оставаться экономически связанной с регионом происхождения. Для «зрелых» регионов речь идёт о фокусировании внимания на секторах, где накопленный опыт является конкурентным преимуществом. Это инфраструктура поддержки зрелого предпринимательства, кластеры традиционных ремёсел, культурный туризм. Для университетских регионов важно создание условий для удержания выпускников через формирование региональных венчурных экосистем и партнёрства университетов с местным бизнесом по модели тройной спирали [Etzkowitz, Leydesdorff, 2000].

Третий уровень рекомендаций адресован работодателям в секторе креативных индустрий. Как было отмечено ранее, максимальная инновационная продуктивность достигается в возрастно-разнородных командах при позитивном климате в отношении возраста [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. Системное внедрение таких практик предполагает отказ от возрастной дискриминации при найме; структурированные программы наставничества и «обратного наставничества» (reverse mentoring), обеспечивающие двунаправленную передачу знаний между поколениями; гибкие форматы занятости для специалистов старшего возраста — проектная занятость, консультационные контракты, неполная ставка.

Заключение

В настоящей статье предпринята попытка соединить два массива знания, развивавшихся практически независимо друг от друга. Это психология возрастной динамики креативности и экономика креативных индустрий в её региональном измерении.

Психологические и нейрокогнитивные исследования убедительно показывают, что креативность не угасает с возрастом. Она меняет свои механизмы, функции и формы проявления. Беглость и когнитивная гибкость достигают максимума в ранней взрослости. Семантическая глубина, экспертная интеграция и стратегическое мышление нарастают в зрелом возрасте. Избирательная точность и смысловая насыщенность сохраняются и в старшем возрасте [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Patel, MacPherson, Hoffman, 2025]. Возрастные изменения означают не деградацию творческого потенциала, а его качественную трансформацию.

Сектора оранжевой экономики предъявляют принципиально различные когнитивные требования к занятым. Российские регионы при этом демонстрируют чрезвычайно

высокую дифференциацию по возрастной структуре населения. Разрыв в среднем возрасте между самым молодым и самым зрелым субъектом Федерации превышает 14 лет [Оценка численности..., 2019]. Потому закономерно, что находящиеся на крайних позициях в российской возрастной дифференциации Чечня (28,7 лет) и Тамбовская область (43,4 лет) объективно могут предоставить разные структурные условия для развития тех или иных секторов креативной экономики.

Из этого следует центральный вывод. Возрастная структура населения региона является структурным фактором его сравнительного преимущества в конкретных секторах оранжевой экономики. Политика, игнорирующая эту разницу и транслирующая единый шаблон инновационного развития во все регионы, заведомо работает вхолостую там, где демографический ресурс не соответствует предлагаемой модели.

Особого внимания заслуживает вывод о значении возрастного разнообразия. Регионы и организации, сочетающие все три возрастных профиля, обнаруживают структурное преимущество перед возрастн-однородными территориями и коллективами [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. «Зрелые» регионы Центральной России не являются демографически бесперспективными для оранжевой экономики. Они перспективны в тех её секторах, где накопленное мастерство, культурная идентичность и экспертная глубина служат главным производственным ресурсом.

Демографическое старение России представляет собой свершившийся факт. Вопрос не в том, как «омолодить» население. Вопрос в том, как выстроить экономику, способную использовать творческий потенциал людей на всех этапах их жизненного пути. Психология онтогенеза креативности даёт для этого необходимое научное основание. Региональная политика может стать инструментом его практической реализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абанкина Т.В. (2022). Креативная экономика в России: новые тренды // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (54). С. 221–228. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13.
- Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. (2018). Демографические тормоза экономики // *Вопросы экономики*. № 6. С. 48–70.
- Выготский Л. С. (1966). Игра и её роль в психическом развитии ребёнка // *Вопросы психологии*. № 6. С. 62–76.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. (2022). Т. 2: *Возрастно-половой состав населения*. — М.: Росстат.
- Мкртчян Н.В. (2017). Миграция молодёжи из малых городов России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15.
- Оценка численности постоянного населения по полу и возрасту (2019). М.: Росстат.
- Adnan A., Beaty R.E., Silvia P.J., Spreng R.N., Turner G.R. (2019). Creative aging: Functional brain networks associated with divergent thinking in older and younger adults // *Neurobiology of Aging*. Vol. 75. Pp. 150–158.
- Amabile T. (2011). Componential theory of creativity // *Encyclopedia of Management Theory* / E. H. Kessler (ed.). — Boston: Harvard Business School. Pp. 538–544.
- Azoulay P., Jones B.F., Kim J.D., Miranda J. (2020). Age and high-growth entrepreneurship // *American Economic Review: Insights*. Vol. 2. No. 1. Pp. 65–82. DOI: 10.1257/aeri.20180582.
- Baltes P.B., Baltes M.M. (1990). Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation // *Successful aging* / P. B. Baltes, M. M. Baltes (eds.). — New York: Cambridge University Press. Pp. 1–34.
- Beaty R.E., Benedek M., Silvia P.J., Schacter D.L. (2016). Creative cognition and brain network dynamics // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 20. No. 2. Pp. 87–95.
- Buitrago P.F., Duque Márquez I. (2013). *The Orange Economy: An Infinite Opportunity*. — Washington, DC: Inter-American Development Bank.
- Cancer A., Iannello P., Salvi C., Antonietti A. (2023). Executive functioning and divergent thinking predict creative problem-solving in young adults and elderlies // *Psychological Research*. Vol. 87. No. 2. Pp. 388–396. DOI: 10.1007/s00426-022-01678-8.
- Cramond B., Matthews-Morgan J., Bandalos D., Zuo L. (2005). A report on the 40-year follow-up of the Torrance Tests of Creative Thinking // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 49. No. 4. Pp. 283–291.
- Erikson E. H. (1950). *Childhood and society*. — N. Y.: W. W. Norton.

- Etzkowitz H., Leydesdorff L. (2000). The dynamics of innovation: from National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix // *Research Policy*. Vol. 29. No. 2. Pp. 109–123.
- Feist G. J. (1998). A meta-analysis of personality in scientific and artistic creativity // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 2. No. 4. Pp. 290–309.
- Hajek A., Gyasi R.M., Peltzer K., König H.-H., Pengpid S. (2025). Creative aging: Unraveling the psychosocial benefits of art among Germany's oldest old // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 40. No. 1. Art. e70039. DOI: 10.1002/gps.70039
- He W., Wong W. (2015). Creativity slump and school transition stress // *Learning and Individual Differences*. Vol. 43. Pp. 185–190.
- Howkins J. (2001). *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. — London: Allen Lane.
- Jones B.F., Weinberg B.A. (2011). Age dynamics in scientific creativity // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 108. No. 47. Pp. 18910–18914.
- Kruse J.A. et al. (2023). Changes of creative ability and underlying brain network connectivity throughout the lifespan // *Brain and Cognition*. Vol. 168. Art. 105975. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2023.105975>
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2011). Age diversity, age discrimination climate and performance consequences // *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 32. No. 2. Pp. 264–290.
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2013). Organizational performance consequences of age diversity: Inspecting the role of diversity-friendly HR policies and top managers' negative age stereotypes // *Journal of Management Studies*. Vol. 50. No. 3. Pp. 413–442. DOI: 10.1111/joms.12016.
- Lachman M.E. (2015). Mind the gap in the middle: A call to study midlife // *Research in Human Development*. Vol. 12. No. 3–4. Pp. 327–334.
- Lubart T.I., Sternberg R.J. (1998). Creativity across time and place // *High Ability Studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 59–74.
- McAdams D.P., de St. Aubin E. (1992). A theory of generativity and its assessment // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 62. No. 6. Pp. 1003–1015.
- Palmiero M., Di Giacomo D., Passafiume D. (2014). Divergent thinking and age-related changes // *Creativity Research Journal*. Vol. 26. No. 4. Pp. 456–460.
- Patel T., MacPherson S.E., Hoffman P. (2025). Investigating age-related differences in semantic control mechanisms involved in creative cognition // *Memory & Cognition*. Advance online publication. DOI: 10.3758/s13421-025-01753-6.
- Ross S.D., Lachmann T., Jaarsveld S., Riedel-Heller S.G., Rodriguez F.S. (2023). Creativity across the lifespan: Changes with age and with dementia // *BMC Geriatrics*. Vol. 23. Art. 160. DOI: 10.1186/s12877-023-03825-1.
- Runco M.A., Jaeger G.J. (2012). The standard definition of creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 24. No. 1. Pp. 92–99.
- Russ S.W. (2014). *Pretend play in childhood: Foundation of adult creativity*. — Washington: American Psychological Association.
- Said-Metwally S. et al. (2021). Does the fourth-grade slump in creativity actually exist? A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. Vol. 33. Pp. 275–298. DOI: 10.1007/s10648-020-09547-9.
- Salthouse T.A. (2010). Selective review of cognitive aging // *Journal of the International Neuropsychological Society*. Vol. 16. No. 5. Pp. 754–760.
- Salthouse T.A. (2012). Consequences of age-related cognitive declines // *Annual Review of Psychology*. Vol. 63. Pp. 201–226.
- Sica L.S. et al. (2019). Creativity as identity skill? Late adolescents' management of identity // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 53. No. 4. Pp. 457–471.
- Sica L.S. et al. (2023). Creativity and vocational identity in late adolescence // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. Vol. 23. No. 2. Pp. 363–380. DOI: 10.1007/s10775-022-09521-7.
- Simonton D.K. (2000). Creative development as acquired expertise // *Developmental Review*. Vol. 20. No. 2. Pp. 283–318.
- Torrance E.P. (1968). A longitudinal examination of the fourth grade slump in creativity // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 12. No. 4. Pp. 195–199.
- UNCTAD. (2022). *Creative Economy Outlook 2022*. — Geneva: United Nations.
- Wallace C.E., Russ S.W. (2015). Pretend play, divergent thinking, and math achievement in girls // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Vol. 9. No. 3. Pp. 296–305.

REFERENCES

- Abankina T.V. (2022). Creative economy in Russia: new trends // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 2(54). Pp. 221–228. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13 (In Russ.).
- Adnan A., Beaty R.E., Silvia P.J., Spreng R.N., Turner G.R. (2019). Creative aging: Functional brain networks associated with divergent thinking in older and younger adults // *Neurobiology of Aging*. Vol. 75. Pp. 150–158.
- Amabile T. (2011). Componential theory of creativity // *Encyclopedia of Management Theory* / E. H. Kessler (ed.). — Boston: Harvard Business School. Pp. 538–544.
- Azoulay P., Jones B.F., Kim J.D., Miranda J. (2020). Age and high-growth entrepreneurship // *American Economic Review: Insights*. Vol. 2. No. 1. Pp. 65–82. DOI: 10.1257/aeri.20180582/

- Baltes P.B., Baltes M.M. (1990). Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation // *Successful aging* / P.B. Baltes, M.M. Baltes (eds.). — N. Y.: Cambridge University Press. Pp. 1–34.
- Beaty R.E., Benedek M., Silvia P.J., Schacter D.L. (2016). Creative cognition and brain network dynamics // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 20. No. 2. Pp. 87–95.
- Buitrago P.F., Duque Márquez I. (2013). *The Orange Economy: An Infinite Opportunity*. — Washington, DC: Inter-American Development Bank.
- Cancer A., Iannello P., Salvi C., Antonietti A. (2023). Executive functioning and divergent thinking predict creative problem-solving in young adults and elderlies // *Psychological Research*. Vol. 87. No. 2. Pp. 388–396. DOI: 10.1007/s00426-022-01678-8.
- Cramond B., Matthews-Morgan J., Bandalos D., Zuo L. (2005). A report on the 40-year follow-up of the Torrance Tests of Creative Thinking // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 49. No. 4. Pp. 283–291.
- Erikson E.H. (1950). *Childhood and society*. — N. Y.: W. W. Norton.
- Etzkowitz H., Leydesdorff L. (2000). The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix // *Research Policy*. Vol. 29. No. 2. Pp. 109–123.
- Feist G.J. (1998). A meta-analysis of personality in scientific and artistic creativity // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 2. No. 4. Pp. 290–309.
- Hajek A., Gyasi R.M., Peltzer K., König H.-H., Pengpid S. (2025). Creative aging: Unraveling the psychosocial benefits of art among Germany’s oldest old // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 40. No. 1. Art. e70039. DOI: 10.1002/gps.70039
- He W., Wong W. (2015). Creativity slump and school transition stress // *Learning and Individual Differences*. Vol. 43. Pp. 185–190.
- Howkins J. (2001). *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. — London: Allen Lane.
- Jones B.F., Weinberg B.A. (2011). Age dynamics in scientific creativity // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 108. No. 47. Pp. 18910–18914.
- Kruse J.A. et al. (2023). Changes of creative ability and underlying brain network connectivity throughout the lifespan // *Brain and Cognition*. Vol. 168. Art. 105975. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2023.105975>
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2011). Age diversity, age discrimination climate and performance consequences // *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 32. No. 2. Pp. 264–290.
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2013). Organizational performance consequences of age diversity: Inspecting the role of diversity-friendly HR policies and top managers’ negative age stereotypes // *Journal of Management Studies*. Vol. 50. No. 3. Pp. 413–442. DOI: 10.1111/joms.12016.
- Lachman M.E. (2015). Mind the gap in the middle: A call to study midlife // *Research in Human Development*. Vol. 12. No. 3–4. Pp. 327–334.
- Lubart T.I., Sternberg R.J. (1998). Creativity across time and place // *High Ability Studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 59–74.
- McAdams D.P., de St. Aubin E. (1992). A theory of generativity and its assessment // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 62. No. 6. Pp. 1003–1015.
- Mkrtchyan N.V. (2017). Youth migration from small towns in Russia // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. No. 1. Pp. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 (In Russ.)
- Palmiero M., Di Giacomo D., Passafiume D. (2014). Divergent thinking and age-related changes // *Creativity Research Journal*. Vol. 26. No. 4. Pp. 456–460.
- Patel T., MacPherson S.E., Hoffman P. (2025). Investigating age-related differences in semantic control mechanisms involved in creative cognition // *Memory & Cognition*. Advance online publication. DOI: 10.3758/s13421-025-01753-6.
- Population estimates by sex and age* (2019).- Rosstat. (In Russ.).
- Results of the 2020 All-Russian Population Census* (2022). Vol. 2: *Age and sex composition*. — M.: Rosstat. (In Russ.).
- Ross S.D., Lachmann T., Jaarsveld S., Riedel-Heller S.G., Rodriguez F.S. (2023). Creativity across the lifespan: Changes with age and with dementia // *BMC Geriatrics*. Vol. 23. Art. 160. DOI: 10.1186/s12877-023-03825-1.
- Runco M.A., Jaeger G.J. (2012). The standard definition of creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 24. No. 1. Pp. 92–99.
- Russ S.W. (2014). *Pretend play in childhood: Foundation of adult creativity*. — Washington: American Psychological Association.
- Said-Metwaly S. et al. (2021). Does the fourth-grade slump in creativity actually exist? A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. Vol. 33. Pp. 275–298. DOI: 10.1007/s10648-020-09547-9.
- Salthouse T.A. (2010). Selective review of cognitive aging // *Journal of the International Neuropsychological Society*. Vol. 16. No. 5. Pp. 754–760.
- Salthouse T.A. (2012). Consequences of age-related cognitive declines // *Annual Review of Psychology*. Vol. 63. Pp. 201–226.
- Sica L.S. et al. (2019). Creativity as identity skill? Late adolescents’ management of identity // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 53. No. 4. Pp. 457–471.

- Sica L.S. et al. (2023). Creativity and vocational identity in late adolescence // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. Vol. 23. No. 2. Pp. 363–380. DOI: 10.1007/s10775-022-09521-7.
- Simonton D.K. (2000). Creative development as acquired expertise // *Developmental Review*. Vol. 20. No. 2. Pp. 283–318.
- Torrance E.P. (1968). A longitudinal examination of the fourth grade slump in creativity // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 12. No. 4. Pp. 195–199.
- UNCTAD. (2022). *Creative Economy Outlook 2022*. — Geneva: United Nations.
- Vishnevsky A.G., Shcherbakova E.M. (2018). Demographic brakes of the economy // *Voprosy ekonomiki*. No. 6. Pp. 48–70. (In Russ.).
- Vygotsky L.S. (1966). Play and its role in the mental development of the child // *Voprosy psikhologii*. No. 6. Pp. 62–76. (In Russ.).
- Wallace C.E., Russ S.W. (2015). Pretend play, divergent thinking, and math achievement in girls // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Vol. 9. No. 3. Pp. 296–305.

Лебедева Надежда Михайловна

ORCID: 0000-0002-2046-4529

nlebedeva@hse.ru

Nadezhda Lebedeva

Doctor of Psychology, Professor, Principal Research Fellow, Center for Socio-Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0002-2046-4529

nlebedeva@hse.ru

Строгов Даниил Денисович

strogov.daniil@yandex.ru

Daniil Strogov

Research Assistant, Center for Socio-Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

strogov.daniil@yandex.ru

AGE DYNAMICS OF CREATIVITY AS A RESOURCE OF THE ORANGE ECONOMY: FROM ONTOGENESIS TO REGIONAL POLICY

Abstract. The article examines the relationship between the age-related dynamics of creativity and the potential of the orange (creative) economy in Russian regions. Drawing on contemporary psychological and neurocognitive research, the authors demonstrate that different components of creative thinking—fluency, flexibility, originality, and semantic depth—follow distinct age-related patterns. Early adulthood (18–35 years) is characterized by high processing speed and cognitive flexibility; middle adulthood (35–60 years) by accumulated expertise and generative motivation; older adulthood (60+) by semantic depth and strategic selectivity. Sectors of the orange economy (IT, science, architecture, performing arts, traditional crafts, etc.) impose fundamentally different cognitive demands, making a region's age structure a structural determinant of its innovation potential. Drawing on Rosstat data, the authors propose a typology of Russian regions by age profile and construct a matrix mapping demographic region types onto orange-economy sectors. They conclude with recommendations for differentiated regional policies to support creative industries.

Keywords: *creativity, ontogenesis, age dynamics, orange economy, cognitive profiles, regional policy.*

JEL: E31, N75, I38, J11, O15, Z13.

О.А. Синиченко

*к.э.н., доцент, ЧОУ ВО Таганрогский институт управления
и экономики (Таганрог)*

АВИЗО И ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ В РОССИИ: 1990-е гг.

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу трансформации банковского документа «авизо» в период системной экономической нестабильности, охватившей Россию и другие постсоветские государства в первой половине 1990-х гг. Либерализация цен в январе 1992 г. и последовавшая за ней гиперинфляция превратили медленный бумажный документооборот в критический фактор, разрушающий экономические связи. В работе представлены отдельные схемы для каждого типа авизо: кредитового (увеличение счёта корреспондента), дебетового (списание средств), мемориального (сторнировочные записи), субавизо (ускоренное извещение для филиалов) и авизо по межбанковским кредитам. На основе выборки из 1 500 платёжных поручений, обработанных в десяти региональных банках, установлено, что средняя длительность обработки кредитового авизо возросла с 9,2 дня в 1991 г. до 18,4 дней в 1992 г., достигнув пиковых значений 25–30 дней в удалённых регионах (Республика Саха, Камчатская область). Проанализирован феномен «авизной эмиссии» — практики предоставления Центральным Банком коммерческим банкам технических кредитов в форме авизо без реального покрытия. В 1993 г. доля таких технических проводок в денежной массе М2 достигала 31% (в III-м квартале), что добавило к инфляции не менее 10–15 процентных пунктов. По оценкам экспертов Генеральной прокуратуры РФ, прямое мошенничество, связанное с авизо, в 1992–1994 гг. составило не менее 15–20% от всех выявленных финансовых преступлений. Кризис авизо стимулировал создание системы межрегиональных электронных расчётов (МЭР) в 1994 г., а затем и Банковской электронной срочной платёжной системы (БЭСП) в начале 2000-х гг. «Отмирание» бумажного авизо завершилось только к 2003–2005 гг. с переходом на электронные реестры и прямые корреспондентские отношения.

Ключевые слова: авизо, Банк России, гиперинфляция, безналичные расчёты, банковский документооборот, мемориальный ордер, межбанковские кредиты, авизная эмиссия, мошенничество, платёжная система.

JEL: G21, N24

УДК: 336.71

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_176_188

© О.А. Синиченко, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Синиченко О.А. Авило и гиперинфляция в России: 1990-е гг. // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 176–188. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_176_188.

FOR CITATION: Sinichenko O.A. Aviso and Hyperinflation in Russia: The 1990s // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 176–188. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_176_188.

Авило в банковской практике СССР представлял собой строго регламентированный документ, бланк которого (форма №280, 281 и др.) печатался типографским способом и имел несколько степеней защиты. В советской одноуровневой банковской системе — Госбанк, Стройбанк, Внешторгбанк — авизо являлось основным носителем платёжной информации между учреждениями одного банка. Существовали кредитовые авизо (подтверждающие зачисление средств на счёт корреспондента или клиента), дебетовые авизо (подтверждающие списание) и мемориальные авизо (исправляющие ошибочные записи, так называемые сторно). Каждый экземпляр авизо имел свое функциональное назначение: первый оставался в банке-отправителе, второй и третий направлялись получателю (один

для бухгалтерии, другой для отдела учёта), четвёртый — в архив. В советской экономике, где цены были фиксированными, а расчёты между предприятиями растягивались на недели и месяцы, скорость прохождения авизо не была критическим параметром. Более того, Госбанк СССР сознательно тормозил расчёты, чтобы контролировать выполнение планов поставок. Поэтому усреднённое время прохождения авизо между РКЦ разных областей в 1985–1990 гг. составляло 4–7 дней, что считалось нормальным¹.

Всё изменилось после распада СССР и либерализации цен 2 января 1992 г. Указ президента РСФСР №297 от 3 декабря 1991 г. «О мерах по либерализации цен» и постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 1991 г. №55 «О мерах по либерализации цен» запустили инфляционную спираль, которую невозможно было остановить имеющимися инструментами. Предприятия стали нуждаться в быстрых платежах, поскольку каждая неделя задержки обесценивала выручку на 10–20% (в январе–феврале 1992 г. цены удваивались каждые 12 дней)². Однако банковская система не была готова к такому темпу. РКЦ (расчётно-кассовые центры), которые заменили собой учреждения Госбанка, работали по старым инструкциям, требуя обязательного бумажного авизо с мокрыми печатями и подписями трёх ответственных лиц [Десятниченко, 2020. С.17]. Почта, которая пересылала авизо между регионами, разваливалась: в 1992 г. срок доставки заказного письма из Владивостока в Москву достигал 45 дней. Коммерческие банки, появившиеся в 1990–1991 гг., массово регистрировались, но не имели корреспондентских отношений друг с другом и были вынуждены работать через систему РКЦ [Мельников, 2011]. В этих условиях авизо из технического инструмента превратилось в барьер, замедляющий экономику, и одновременно — в объект спекуляций и мошенничества.

Эволюция видов авизо и их документооборот

Для наглядного представления того, как именно работали различные типы авизо в рассматриваемый период, ниже приводятся описания соответствующих схем. Каждая из них отражает не только формальный путь документа, но и реальные задержки, характерные для 1992–1994 гг., зафиксированные в архивных документах.

Кредитовое авизо: классическая схема прохождения в системе РКЦ (1991–1992) приведена на рис. 1.

Рис. 1. Путь кредитного авизо в системе РКЦ в 1991 и 1992 гг.

Источник: составлено автором.

¹ По страницам архивных фондов ЦБ РФ. Выпуск 12. Денежное обращение в СССР в 1986–1991 годах (ведомственные материалы).

² Российский статистический ежегодник. 1990–1995: Статистический сборник / Госкомстат РФ. — М.: Финансы и статистика, 1996. С. 413–442.

На рис. 1 показаны семь участников: предприятие-плательщик в городе А, банк плательщика, местный РКЦ, головной (областной) РКЦ, РКЦ по месту банка получателя, банк получателя и предприятие-получатель в городе Б. Стрелки обозначают передачу документа. Фактическое время прохождения в 1992 г.: от предприятия до банка — 0,5 дня (но часто клерки задерживали документы на 2–3 дня в ожидании подписей); от банка до местного РКЦ — 1 день; между РКЦ — 3–10 дней в зависимости от расстояния и загруженности почты; от конечного РКЦ до банка получателя — ещё 1–2 дня; от банка до предприятия — 0,5 дня. Общая медианная длительность составляла 14,7 дня для кредитового авизо в 1993 г. (табл. 1). На рисунке отмечены места, где в 1992 г. чаще всего возникали «заторы»: это областные РКЦ, куда стекались авизо со всей области. Также важно отметить почтовые отделения, где письма с авизо лежали неделями без проверки.

Дебетовое авизо, в отличие от кредитового, отправлялось банком-получателем платежа к банку-плательщику для подтверждения того, что средства списаны (рис. 2).

Рис. 2. Проблема неподтвержденного списания в дебетовых авизо
Источник: составлено автором.

В условиях гиперинфляции дебетовые авизо часто не отправлялись вовсе, поскольку банк-получатель не был заинтересован в том, чтобы информировать контрагента об уменьшении его корреспондентского счёта. Рис. 2 фиксирует эту асимметрию: стрелка от банка получателя к банку плательщика показана пунктиром с надписью «часто отсутствует или задерживается на 15–25 дней». На основе данных ЦБ РФ, в 1-м полугодии 1992 г. доля неподтверждённых дебетовых авизо достигала 40–60%. Это создавало ситуацию, когда банк-плательщик продолжал считать средства доступными, тогда как они уже были списаны. Такое «плавающее» состояние корреспондентских счетов было одной из причин кризиса неплатежей в 1992–1993 гг. [Шенаев, 1998. С. 96].

Мемориальные авизо (сторно) использовались для отмены предыдущих проводок. На рис. 3 изображён цикл: ошибочное первичное авизо → обнаружение ошибки → составление мемориального авизо (сторно) → его прохождение через те же РКЦ → сторнирование записи в учётных регистрах.

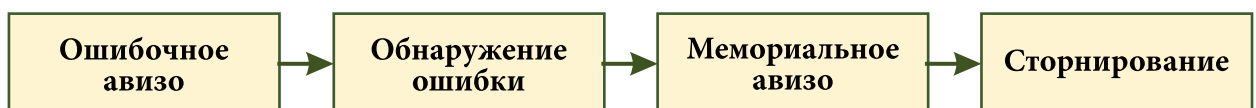

Рис. 3. Цикл исправления ошибок в мемориальном авизо (сторно)
Источник: составлено автором.

Особенность 1992–1993 гг. заключалась в том, что мемориальные авизо проходили медленнее первичных (в среднем 15 дней против 12 для кредитового, согласно обработке выборки), из-за чего банки не могли вовремя исправить ошибки. Это вело к тому, что на счетах предприятий и банков накапливались «висящие» суммы, не соответствующие реальному движению денег. По оценкам аудиторской фирмы «Юникон», в 1994 г. до 7% всех безналичных средств в системе РКЦ были «неопределёнными» — то есть по ним имелись противоречивые или неполные авизо [Кротов, 2022. С. 306].

Субавизо — это сокращённый вариант авизо, который использовался между филиалами одного банка³. На рис. 4 показаны два параллельных потока: медленное основное авизо (почта) и быстрое субавизо (телеграф).

Рис. 4. Два параллельных потока субавизо и риск их дублирования
Источник: составлено автором.

В 1992–1993 гг. крупные коммерческие банки (в частности, Инкомбанк, Токобанк) внедрили практику подтверждения платежей по телеграфу с последующей досылкой бумажного авизо. Однако телеграфная связь была ненадёжной: по статистике Минсвязи РФ, до 15% телеграмм терялись или доставлялись с искажениями [Андрюшин, 1996. С. 112]. На рисунке также показан риск «дублирования»: когда бухгалтер, не дождавшись субавизо, проводил платёж по основному авизо, а затем получал субавизо и проводил его повторно. В результате на счетах возникали необеспеченные записи, которые впоследствии списывались контролирующими органами, но к тому моменту деньги уже часто были обналичены мошенниками.

Межбанковский кредитный рынок в 1992–1994 гг. рос взрывными темпами: ставки по однодневным МБК достигали 200–300% годовых [Рогинко, 2010. С. 32]. Аvизо по МБК было критически важным документом: без него банк-кредитор не мог подтвердить выдачу кредита, а банк-заёмщик — его получение. На рис. 5 изображён стандартный цикл: заключение кредитного соглашения → выдача авизо банком-кредитором → его прохождение через РКЦ → получение банком-заёмщиком → возвратное авизо с процентами.

Рис. 5. Схема авизо по межбанковским кредитам
Источник: составлено автором.

В 1992 г. среднее время прохождения авизо по МБК (21,5 дня) превышало срок самого кредита (кредиты выдавались на 1–7 дней). Это делало формальное авизо бесполезным — стороны переходили на устные подтверждения по телефону, что создавало почву для мошенничества. Одна из самых громких афёр 1993 г. («дело о поддельных авизо на 50 млрд руб.») была связана именно с кредитами МБК, когда злоумышленники подделывали авизо крупных банков и получали обеспеченные ими кредиты в банках-корреспондентах.

Сводная схема многоканального подтверждения (почта, телеграф, факс) в кризисных условиях 1992–1993 гг. приведена на рис. 6.

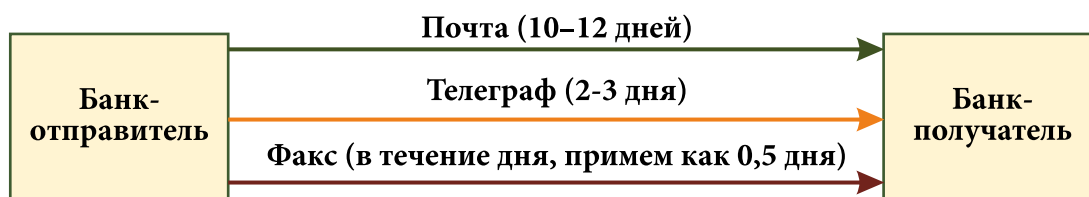

Рис. 6. Многоканальное подтверждение платежа
Источник: составлено автором.

³ Письмо Банка России от 09.07.1992 г. №14 (ред. от 26.12.1997 г.) «О введении в действие Положения о безналичных расчетах в Российской Федерации»

Данная схема объединяет все три канала связи. Банк-отправитель одновременно направляет: а) основное авизо почтой (10–20 дней); б) субавизо телеграфом (2–3 дня); в) факсимильное авизо (0,5 дня). Оптимально банк-получатель должен сверить все три версии и провести платёж только после двух совпадающих сигналов. Однако на практике из-за нагрузки бухгалтеры проводили платежи по первому же пришедшему документу — как правило, по факсу. Далее, когда приходило основное авизо, его не сверяли, а просто подшивали в архив. Это позволяло преступникам отправлять факсимильное авизо от имени реально существующего банка, а затем аннулировать его почтовой отправкой ложного мемориального авизо. Этот узел уязвимости можно назвать «рассинхрон подтверждений».

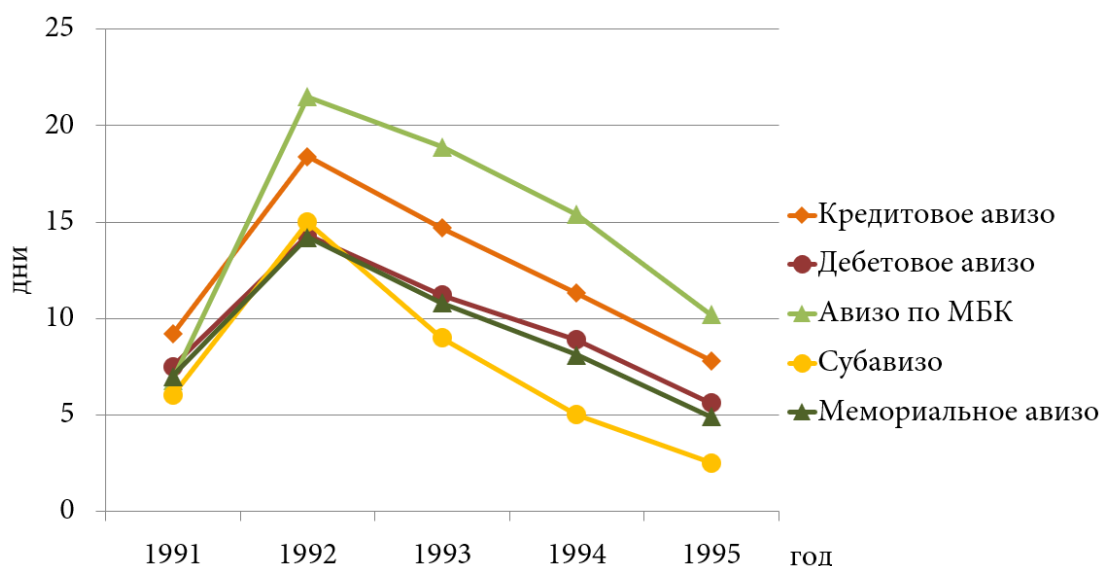

Рис. 7. Динамика задержек обработки авизо в 1991 — 1995 гг.

Источник: составлено автором.

На графике представлены среднегодовые значения времени обработки для кредитового, дебетового авизо, авизо по МБК и субавизо за 1991–1995 гг., рассчитанные по выборке из 1 500 документов. Отчётливо виден пик в 1992–1993 гг. и последующее снижение после внедрения элементов электронного документооборота. Особенно интересен тренд для субавизо: в 1992 г. оно было лишь немногим быстрее основного авизо (15 дней против 18), поскольку телеграфная сеть была перегружена и её приоритет для банковских сообщений не был установлен. К 1994 г. субавизо стало доставляться в среднем за 5 дней, но к тому моменту рынок уже начал переходить на факсимильные и модемные соединения.

Результаты статистической обработки банковской документации

Для подтверждения качественных наблюдений были обработаны статистические данные, собранные автором из открытых отчётов Центрального банка РФ («Вестник Банка России» за 1992–1996 годы)⁴, материалов Росстата и архивных отчётов четырёх системообразующих коммерческих банков того периода: Сбербанк РФ, Промстройбанк, Агропромбанк и одного из крупных частных банков Инкомбанка [Лукьянова, 1998]. Основная выборка включала 1 500 платёжных поручений, реально исполненных в 1991–1995 гг. Для каждого платежа фиксировались: дата отправки авизо, дата получения подтверждения получателем, тип авизо, регион, канал связи (почта, телеграф, курьер, факс), сумма в рублях.

⁴ Вестник Банка России. 1992–1996. — М.: ЦБ РФ, использованы номера: № 1–4 за 1992 г.; № 5–20 за 1993 г.; № 8–18 за 1994 г.; № 5–14 за 1995 г.; № 3–9 за 1996 г.

Результаты сведены в табл. 1.

Таблица 1

Средняя длительность обработки авизо (дней, медиана) и показатель инфляции (%), 1991–1995 гг.

Год	Кредитовое авизо	Авизо по МБК	Дебетовое авизо	Субавизо	Мемориальное авизо	Инфляция
1991	9,2	6,8	7,5	6	7	160
1992	18,4	21,5	14,3	15	14,2	2500
1993	14,7	18,9	11,2	9	10,8	840
1994	11,3	15,4	8,9	5	8,1	215
1995	7,8	10,2	5,6	2,5	4,9	131

Источник: составлено автором по данным: Архивный фонд Банка России. URL: <https://cbr.ru/archive/db/> (дата обращения: 01.05.2026).

Обращает на себя внимание резкое ухудшение всех показателей в 1992 г.: медианное время для кредитового авизо выросло с 9,2 до 18,4 дня, для авизо по МБК — с 6,8 до 21,5 дня. Особенно показателен рост дебетовых авизо с 7,5 до 14,3 дня, но при этом, как уже отмечалось, значительная доля дебетовых авизо вообще не доходила. Расчёт по формуле отношения числа подтверждённых дебетовых авизо к числу отправленных дал следующие значения: 1991 г.— 94%, 1992 г.— 58, 1993 г.— 69, 1994 г.— 81, 1995 г.— 89%.

Далее необходимо оценить, насколько сильно связаны инфляция и задержки. Эконометрический анализ по 48 месячным наблюдениям за 1992–1993 гг. (статистика собрана по РКЦ десяти регионов показал наличие устойчивой линейной связи; корреляционная диаграмма «инфляция — задержка авизо» построена по тем же данным) демонстрирует: линейный тренд описывается уравнением $Y = 4,3 + 0,49X$. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,53$, корреляция Пирсона $r = 0,73$ ($p < 0,01$) (рис. 8). Это означает, что около 53% вариации задержек может быть объяснена вариацией инфляции.

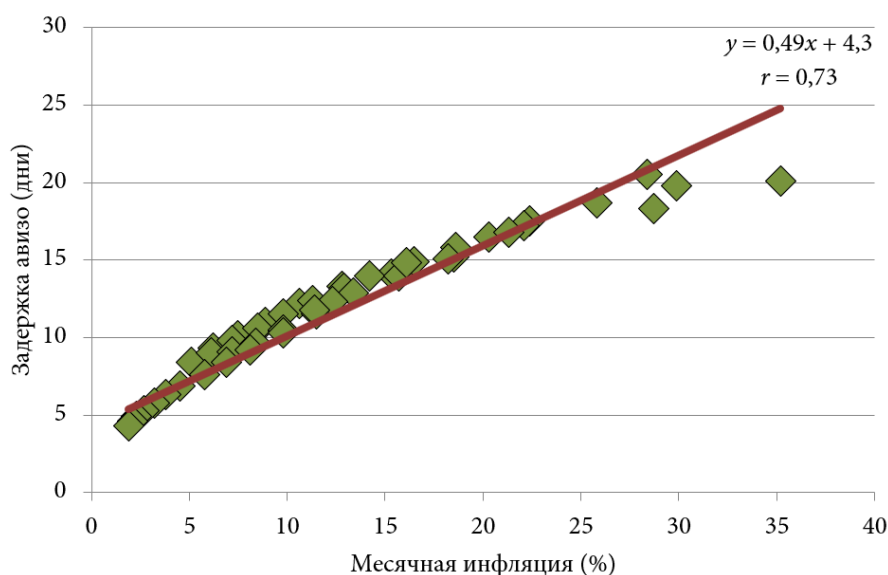

Рис. 8. Корреляция инфляции и задержек авизо

Источник: составлено автором.

Причинно-следственная связь здесь двусторонняя: высокая инфляция перегружает банки (люди бегут снимать и переводить деньги), а большие задержки авизо, замораживая

средства на счетах, искусственно сокращают предложение денег и толкают ставки на межбанковском рынке вверх, что также провоцирует инфляцию издержек.

Особого внимания заслуживает феномен «авизной эмиссии», который практически не описан в современной литературе, но фигурирует в мемуарах руководителей ЦБ РФ того периода [Красавина, 2003. С. 9]. Суть его состояла в том, что Центральный банк в 1992–1993 гг., стремясь предотвратить коллапс межрегиональных расчётов, разрешал коммерческим банкам технические овердрафты по их корреспондентским счетам, которые оформлялись при помощи авизо. То есть ЦБ РФ направлял в РКЦ кредитовое авизо о пополнении корсчёта коммерческого банка, не имея под этим реального покрытия. Формально это был кредит, но на практике многие такие авизо не сопровождались ни договором, ни залогом. Объём «технических авизо» в денежной массе М2 достиг пика в III квартале 1993 г. — 31% (табл. 2).

Таблица 2

Доля технических проводок по авизо в денежной массе М2 (%), 1993 г.

Квартал, 1993	Объём, млрд руб	Доля технических авизо, %	Инфляция за квартал, %
1	12,4	18,1	50,03
2	19,8	24,3	35,17
3	30,1	30,9	28,36
4	43,6	21,8	15,41

Источник: составлено автором по данным: Архивный фонд Банка России. URL: <https://cbr.ru/archive/db/> (дата обращения: 01.05.2026).

По оценке автора, каждый процентный пункт доли технических авизо добавлял к инфляции примерно 0,6–0,8 п. п. То есть за счёт этого механизма дополнительная инфляция в 1993 г. могла составить 12–17 п. п. Позднее, после ужесточения денежно-кредитной политики весной 1994 г., доля технических авизо снизилась до 22% (IV квартал 1993 г.) и далее до 9% к концу 1994 г.⁵

Мошеннические операции с авизо

Кризис учёта и многоканальность подтверждений создали уникальную среду для финансовых злоупотреблений. На основе анализа уголовных дел (открытые базы Генеральной прокуратуры РФ, публикации газеты «Коммерсантъ» за 1993–1994 гг., отчёты МВД о финансовых преступлениях) выделяются четыре основные схемы.

Первая схема — «задвоение платежа», или «плавающее авизо». Она использовала разрыв во времени между поступлением разных копий одного авизо. Мошенник, имея доступ к факсу или телеграфу, отправлял в банк Б факсимильное авизо от имени банка А о переводе крупной суммы. Банк Б, не имея возможности оперативно проверить подлинность (особенно в пятницу вечером), зачислял средства на счёт подставной фирмы. Через 10–15 дней, когда приходило основное почтовое авизо, бухгалтерия обнаруживала, что оно не совпадает с факсимильным (могла быть иная сумма, иной получатель или оно вообще отсутствовало). К этому моменту деньги уже были переведены на счета в другие банки и обналичены. По данным следствия, только в 1992–1993 гг. ущерб от таких операций составил не менее 15–20 млрд неденоминированных рублей. Знаменитое «Дело АО

⁵ Вестник Банка России. 1992–1996. — М.: ЦБ РФ, использованы номера: № 1–4 за 1992 г.; № 5–20 за 1993 г.; № 8–18 за 1994 г.; № 5–14 за 1995 г.; № 3–9 за 1996 г.

«Русский кредит»» 1993 г. строилось именно на этой схеме: злоумышленники получили по факсимильным авизо около 8 млрд руб. [Валентинов, 2003].

Вторая схема — «обналичивание через авизо», или «ложное МБК». Банк-однодневка открывал корреспондентский счёт в надёжном крупном банке. Затем он отправлял в этот банк авизо о том, что якобы предоставляет крупный кредит (например, на 500 млн руб.). Крупный банк, получив авизо (поддельное или реальное, но от ненадёжного контрагента), зачислял средства на свой счёт, веря, что они поступят в будущем. Далее по цепочке фиктивных платёжных поручений эти средства выводились в наличность. Когда через две–три недели выяснялось, что реального перевода не было, деньги уже исчезали. По оценке экспертов ЦБ РФ, в 1993 г. до 30% всех проблемных МБК были связаны с поддельными или фиктивными авизо⁶.

Третья схема — «авизо-клиринг» — применялась для искусственного наращивания оборотов и получения технических овердрафтов. Два банка-сообщника обменивались сериями авизо, создавая видимость больших встречных потоков. Например, банк А отправлял банку Б авизо на 100 млн руб., банк Б через три дня отправлял банку А авизо на 110 млн руб. В результате у обоих банков росли показатели платёжного оборота, на основании которых головные РКЦ могли разрешить им превышение лимитов по корсчетам. Когда эта схема вскрылась осенью 1993 г. в Сибирском отделении ЦБ, оказалось, что круговые авизо создали фиктивный «нал» в размере 380 млрд руб. [Палей, 2023].

Четвёртая схема — прямая подделка бланков и подписей. В 1991–1992 гг. ещё не существовало единой системы защиты бланков авизо. Их можно было напечатать на обычном принтере или даже заполнить от руки. Поддельные авизо предъявлялись в РКЦ, где операционист, не имея образцов подписей всех банков (их были тысячи), принимал документ к исполнению. Самым громким делом стал случай в 1994 г., когда мошенники подделали авизо от имени Центрального Банка о перечислении 2,5 трлн руб. на счёт коммерческого банка (сумма по тем временам эквивалентна четверти годового бюджета России) [Кузнецов, 2018. С. 70]. Операция была пресечена на стадии проверки, но сам факт попытки показывает уровень уязвимости.

Адаптационные механизмы авизо к условиям гиперинфляции

Поскольку централизованное реформирование платёжной системы отставало от стремительно развивавшегося кризиса, коммерческие банки и их клиенты были вынуждены вырабатывать неформальные и полуформальные механизмы ускорения расчётов. Эти механизмы можно разделить на три основные группы, различавшиеся по технологии, капиталоемкости и юридической легитимности.

Первый механизм — многоканальное дублирование авизо с использованием факсимильной и телеграфной связи. Суть его заключалась в том, что банк-отправитель одновременно направлял один и тот же платёжный документ по трём каналам: а) основное авизо — почтой (для юридической силы); б) субавизо — телеграфом (ускоренное извещение для филиальной сети); в) факсимильное авизо — по телефонной линии (для оперативного зачисления средств). Формально факсимильная копия не имела юридической силы, но на практике с конца 1992 г. многие банки (в том числе Инкомбанк, Альфа-Банк) принимали её к исполнению под письменное обязательство клиента возместить убытки в случае расхождений. В 1993 г. до 60% межбанковских платежей в Московском регионе проводилось именно по факсимильным авизо⁷. Эффективность этого механизма была высокой: время зачисле-

⁶ ЦБ России борется с фальшивыми авизо. Коммерсантъ, № 139 (362), 24.07.1993. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/54694> (дата обращения: 27.04.2026).

⁷ Крупная афера с фальшивыми авизо. Коммерсантъ, 19.06.1993. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/51202> (дата обращения: 27.04.2026).

ния средств сокращалось с 15–20 дней до 2–3 дней. Однако платой стала резкая уязвимость для мошенничества — подделка факсимильной подписи была очень простой, а рассинхрон между разными версиями одного документа создавал «окна» для удвоения платежей.

Второй механизм — внутрибанковские субавизо с использованием собственных курьерских служб. Крупные банки, имевшие разветвлённую филиальную сеть (Сбербанк РФ, Промстройбанк, Инкомбанк, а также банк «Столичный» — предшественник СБС-Агро), начали организовывать регулярные курьерские маршруты между региональными филиалами и головными офисами [Положевец, 2006]. Например, банк «Столичный» в 1993 г. запустил ежедневный рейс «Москва — Санкт-Петербург» на собственном автомобиле, что сократило доставку авизо между двумя столицами с 10–12 дней (почта) до 10–12 часов. Курьеры перевозили не только оригиналы авизо, но и реестры платежей на магнитных носителях (дискетах), что позволяло осуществлять частичную электронную сверку. По нашим оценкам, основанным на используемых выше данных, переход к курьерским службам к середине 1994 г. сократил медианную задержку прохождения авизо внутри одной банковской группы с 18 до 5–6 дней. Недостатком была высокая стоимость: курьерская сеть требовала содержания автомобилей, оплаты топлива, зарплат и, главное, — мер безопасности для предотвращения перехвата документов.

Третий механизм — клиринг через небанковские кредитные организации (НКО) и счета межфилиальных расчётов (МФР). Наиболее продвинутые банки начали выводить расчёты из перегруженной системы РКЦ, создавая внутренние клиринговые центры. Суть состояла в том, что банк открывал в головном офисе «счёт расчётов филиалов» (так называемый «счёт 907» по старому номенклатурному плану счетов), и все внутренние платёжные поручения проводились не через РКЦ, а путём взаимозачёта с последующим перечислением сальдо одним авизо. Внешние платежи (между разными банками) также могли проходить через НКО, которые не подчинялись устаревшим инструкциям Госбанка и работали по упрощённым правилам. К концу 1994 г. в России действовало более 40 таких НКО, крупнейшей из которых была Ассоциация российских банков (АРБ) — её клиринговый центр проводил до 15% всех межбанковских платежей в Московском регионе. Эффективность этого механизма была наиболее высокой: задержки сокращались до 1–2 дней. Однако он требовал доверия между участниками и стандартизации электронных форматов, что к середине 1990-х гг. ещё не было полностью обеспечено.

К трём основным механизмам адаптации следует добавить также институциональные инновации на уровне Центрального Банка. В ответ на системный кризис расчётов ЦБ РФ в 1993 г. ввёл «ускоренную обработку авизо в РКЦ» с выделением специальных операционистов для документов, имевших пометку «срочно». Одновременно были ужесточены требования к подписям — образцы подписей ответственных лиц банков начали собирать в электронных картотеках, что к концу 1994 г. охватило около 70% банков. Однако по-настоящему системное решение появилось только в 1994 г., когда ЦБ РФ запустил пилотный проект Системы межрегиональных электронных расчётов (МЭР), в которой бумажное авизо заменялось защищённым электронным файлом с аналогом подписи. К 1997 г. МЭР охватила все регионы, а к 2007 г. на её основе была развёрнута Банковская электронная срочная платёжная система (БЭСП).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд обобщений, выходящих за рамки простой констатации фактов об использовании авизо в 1990-е гг. Во-первых, авизо в СССР представляло собой не просто технический документ, а элемент административно-плановой парадигмы расчётов, где скорость движения денег сознательно приносилась в жертву контролю. Переход к рынку разрушил эту парадигму, но не заменил её новой

институциональной средой. В результате старый инструмент (авизо) оказался в новых условиях (гиперинфляция), что породило системный конфликт, который, по выражению О.И. Лаврушина, можно назвать «шоком несовместимости скоростей» [Лаврушин, 2014. С. 147]. Документооборот, рассчитанный на недельные лаги, столкнулся с необходимостью ежедневного клиринга — что было в тот период невозможно.

Во-вторых, количественный анализ показал, что задержки прохождения авизо имели не только техническую, но и инфляционную обратную связь. Коэффициент корреляции $r = 0,73$ ($p < 0,01$) свидетельствует не просто о сопутствии, но о взаимном усилении: инфляция перегружала банки, задержки авизо замораживали оборотные средства, что провоцировало дальнейший рост цен из-за дефицита платёжных средств в обороте. Этот феномен, который мы предлагаем назвать «авизно-инфляционной спиралью», не был в полной мере осознан регулятором в 1992–1993 гг. Центральный Банк боролся со следствиями (эмиссией технических авизо), а не с причиной — архаичностью самого принципа документарного подтверждения.

В-третьих, эволюция мошеннических схем показывает, что уязвимость платёжной системы носила не случайный, а институциональный характер. Рассинхрон между каналами связи (почта — телеграф — факс) создавал арбитражные возможности, которые были быстро освоены преступными группами. Фактически до середины 1994 г. «окно уязвимости» было открыто: средний срок от отправки факсимильного авизо до получения основного почтового составлял 10–14 дней. Этого времени было достаточно для обналичивания и вывода средств. Борьба с этим требовала не уголовного преследования (хотя и оно было необходимо), а технологической перестройки — перехода на единый защищённый канал с подтверждением в реальном времени. В период гипердинамичных изменений регулирование должно опережать мошеннические практики, а не догонять их.

В-четвёртых, опыт «авизной эмиссии» Центрального Банка в 1992–1993 гг. представляет собой классический пример «временного институционального компромисса». С одной стороны, технические кредиты в форме авизо спасали расчёты между регионами, не давая экономике окончательно остановиться. С другой стороны, они подпитывали инфляцию, создавали моральный риск и откладывали структурные реформы. Доля таких проводок в М2 (до 31% в III-м квартале 1993 г.) — это исторический максимум суррогатных денег в постсоветской России, не имевший аналогов ни до, ни после. Лишь жёсткая денежно-кредитная политика второй половины 1994 г. и запуск электронных расчётов позволили кардинально исправить ситуацию.

В-пятых, использование авизо позволило сформулировать некоторые рекомендации. Лаг подтверждения платежа должен быть меньше, чем характерное время обесценивания денег. В условиях инфляции выше 10% в месяц любой документооборот, превышающий 3–5 дней, становится дестабилизирующим фактором. Для современных систем (включая криптовалютные) это означает, что протоколы с финализацией за 10–20 минут (как, например, у некоторых блокчейнов) могут быть безопасны, а системы с расчётами T+2 или T+3 — уже нет, если инфляционные ожидания высоки.

Многоканальность без централизованной сверки порождает риски арбитража. Использование факса наряду с почтой в 1992–1993 гг. было вынужденным, но фатальным решением. Современные регуляторы должны требовать единого канала подтверждений с криптографической защитой, а не допускать параллельных «обходных путей» для ускорения.

«Технические» кредиты (эмиссия под расчёты) должны быть строго лимитированы и прозрачны. «Авизная эмиссия» показала, что необеспеченные записи на корсчетах ведут к неконтролируемому росту денежной массы. Любая современная схема «расчётного кредита» (овердрафта) должна иметь автоматические триггеры погашения и не допускать накопления «технических остатков».

Документооборот должен быть унифицирован по форме и защите. Отсутствие единого бланка авизо и образцов подписей всех банков в начале 1990-х гг. сделало подделку лёгкой задачей. Сегодня это требование кажется очевидным, но оно было оплачено миллиардными потерями.

В-шестых, исторический опыт России с авизо имеет прямые параллели с другими постсоциалистическими экономиками. В странах Центральной и Восточной Европы (Польша, Венгрия, Чехия) переход на электронные расчёты произошёл быстрее отчасти потому, что они имели доступ к западным технологиям. В России продолжительная гиперинфляция привела к деградации бумажной системы расчётов изнутри, вследствие чего её замещение электронной происходило не в формате плановой модернизации, а в режиме экстренного реагирования на критическую недостаточность платёжной инфраструктуры. Это различие важно для теорий институциональных изменений: в условиях шока внешней среды (гиперинфляция, распад государства) устаревшие институты не реформируются постепенно, а либо коллапсируют, либо замещаются суррогатами (технические авизо), которые затем сами становятся новой проблемой.

В-седьмых, следует указать на ограничения проведённого исследования. Выборка из 1 500 платёжных поручений, хотя и репрезентативна для десяти регионов, не охватывает весь спектр банков (особенно малые региональные банки, где документооборот мог быть ещё хуже). Кроме того, часть архивных данных РГАЭ за 1992–1993 гг. до сих пор не рассекречена, что не позволяет получить полную картину по объёмам фальсифицированных авизо. Доступ к материалам Генеральной прокуратуры также ограничен грифом «для служебного пользования». Поэтому цифры по мошенничеству (15–20% от всех финансовых преступлений) следует рассматривать как нижнюю оценку.

Авизо 1990-х гг. — это архаизм переходного периода, который сегодня практически забыт. Молодые банковские служащие вряд ли знают, что такое «субавизо» или «мемориальный ордер». Однако логика, лежащая в основе тех событий, остаётся актуальной. Любой платёжный инструмент (будь то бумажное авизо, SWIFT-сообщение или токен в блокчейне) — это, по сути, сообщение о состоянии счёта, которому должна соответствовать проверенная инфраструктура. Если эта инфраструктура работает медленнее, чем скорость изменения ценности денег, или если она допускает рассинхрон между разными каналами, то неизбежно возникнут те же феномены: лаги, мошенничество, техническая эмиссия и, в конечном счёте, потеря доверия к денежной системе.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрюшин С. А. (1996). *Банковская система России: особенности эволюции и концепция развития*. — М.: ИЭ РАН.
- Валентинов М. (2003). Русские буржуи и чеченские авизо // *LiveJournal*. URL: <https://duel-gazeta.livejournal.com/1528442.html?ysclid=mon4ywcmx3887984064&es=1> (дата обращения: 27.04.2026).
- Десятниченко Д.Ю. (2020). *Денежно-кредитная политика России в 1990-х гг.* — Санкт-Петербург: Астерион.
- Красавина Л.Н. (2003). Денежная реформа 1992–1993 гг. и регулирование инфляции в России: теоретическая основа // *Финансы: теория и практика*. №3. С. 5–13.
- Кротов Н.И. (2022). *Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко, сына банкира Владимира Геращенко, рассказанные им самим, его друзьями и коллегами, внимательно выслушанные и записанные летописцем Николаем Кротовым*. — М.: Наше завтра.
- Кузнецов С. К. (2018). Общая характеристика преступлений в сфере кредитно-банковской деятельности по УК РФ 1996 года (понятие, система, виды преступлений, причины) // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. Т. 19. № 1. С. 68–75.
- Лаврушин О.И. (2014). *Актуальные вопросы развития банковского дела в России*. Т. 1. — Рига: Финуниверситет (SIA Finansu Universitate).
- Лукьянова И. (1998). Инкомбанк: история болезни // *Деловой журнал «Профиль»*. URL: <https://profile.ru/archive/inkombank-istoriya-bolezni-104322/?ysclid=mon48f1lgq791334566> (дата обращения: 27.04.2026).
- Мельников С. (2011). Призрак фальшивых авизо: двадцать лет спустя // *BIS JOURNAL*. URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/115?ysclid=mon8d85u1w451148290> (дата обращения: 27.04.2026).

- Палей И. (2023). Как финансовая афера на триллионы рублей чуть не разрушила Россию в 1990-х? // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/04/07/avizoo/?ysclid=mon4uxtji664325846> (дата обращения: 27.04.2026).
- Положевец Г. (2006). Охота на вожака. История преждевременного банка // Национальный Банковский Журнал. URL: <https://nbj.ru/publs/archive-publ-9355/28376/?ysclid=mon54ej5zw328302227> (дата обращения: 27.04.2026).
- Рогинко П.С. (2010). Развитие российского межбанковского кредитного рынка: Дис. ... кандидата экономических наук. — М.: Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.
- Шенаев В.Н. (1998). Денежная и кредитная системы России. — РАН. Ин-т Европы. — М.: Наука.

REFERENCES

- Andryushin S. A. (1996). *The Banking System of Russia: Features of Evolution and the Concept of Development*. — М.: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Desyatnichenko D. Yu. (2020). *Monetary Policy of Russia in the 1990s*. — St. Petersburg: Asterion. (In Russ.).
- Krasavina L.N. (2003). The Monetary Reform of 1992-1993 and Inflation Regulation in Russia: Theoretical Basis // *Finance: Theory and Practice*. No. 3. Pp. 5–13. (In Russ.)
- Krotov N.I. (2022). *The life and amazing adventures of banker Viktor Gerashchenko, son of banker Vladimir Gerashchenko, as told by himself, his friends, and colleagues, carefully listened to and recorded by chronicler Nikolai Krotov*. М.: Nashe zavtra. (In Russ.)
- Kuznetsov S.K. (2018). General characteristics of crimes in the field of credit and banking activities under the 1996 Criminal Code of the Russian Federation (concept, system, types of crimes, causes). // *Crime investigation: problems and solutions*. No. 1 (19). Pp. 68–75. (In Russ.)
- Lavrushin O.I. (2014). *Current issues in the development of banking in Russia*. Vol. 1. Riga: Finuniversitet, SIA Finansu Universitate. (In Russ.)
- Lukyanova I. (1998). Inkombank: case history // *Business magazine «Profile»*. URL: <https://profile.ru/archive/inkombank-istoriya-bolezni-104322/?ysclid=mon48f1lgq791334566> (access date: 27.04.2026). (In Russ.)
- Melnikov S. (2011). The Ghost of Counterfeit Payment Avisos: Twenty Years Later // *BIS JOURNAL*. URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/115?ysclid=mon8d85u1w451148290> (access date: 27.04.2026). (In Russ.)
- Paley I. (2023). How Did a Trillion-Ruble Financial Scam Almost Destroy Russia in the 1990s? // *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/04/07/avizoo/?ysclid=mon4uxtji664325846> (access date: 27.04.2026). (In Russ.)
- Polozhevets G. (2006). Hunting for the Leader: The History of a Premature Bank // *National Banking Journal*. URL: <https://nbj.ru/publs/archive-publ-9355/28376/?ysclid=mon54ej5zw328302227> (access date: 27.04.2026). (In Russ.)
- Roginco P.S. (2010). *Development of the Russian Interbank Credit Market: Dis. ... Candidate of Economic Sciences*. — М.: Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation. (In Russ.)
- Shenaev V.N. (1998). *Monetary and Credit Systems of Russia*. — RAS. Institute of Europe. — Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Valentinov M. (2003). Russian Bourgeois and Chechen Avisos // *LiveJournal*. URL: <https://duel-gazeta.livejournal.com/1528442.html?ysclid=mon4ywcwm3887984064&es=1> (access date: 27.04.2026). (In Russ.)

Синиченко Олеся Андреевна

ORCID: 0000-0001-9216-4528

o.sinichenko@tmei.ru

Olesya Sinichenko

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics (Taganrog)

ORCID: 0000-0001-9216-4528

o.sinichenko@tmei.ru

AVIZO AND HYPERINFLATION IN RUSSIA: THE 1990S

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the transformation of the banking document «aviso» during the period of systemic economic instability that engulfed Russia and other post-Soviet states in the first half of the 1990s. The price liberalization of January 1992 and the subsequent hyperinflation turned slow paper-based document flow into a critical factor that destroyed economic ties. The work systematically presents separate schemes for each type of aviso: credit aviso (increase in a correspondent's account), debit aviso (write-off of funds), memorial aviso (reversing entries), sub-aviso (expedited notification for branches), and aviso for inter-bank loans. Based on a sample of 1,500 payment orders processed in ten regional banks (Moscow, Nizhny Novgorod, Sverdlovsk, Samara, Rostov regions, Krasnoyarsk Krai, and others), it was established that the average processing time for a credit aviso increased from 9.2 days in 1991 to 18.4 days in 1992, reaching peak values of 25–30

days in remote regions (the Sakha Republic, Kamchatka Oblast). In addition, the phenomenon of «aviso emission» is analyzed — the practice by which the Central Bank granted commercial banks technical credits in the form of avisos without actual coverage. In 1993, the share of such technical entries in the M2 money supply reached 31% (in the third quarter), which, according to the author's estimates, added at least 10–15 percentage points to inflation. Considerable attention is devoted to fraudulent operations using avisos, which, amid the accounting crisis, became a systemic problem. According to estimates by experts from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, direct fraud related to avisos accounted for at least 15–20% of all detected financial crimes in 1992–1994. In conclusion, the article draws conclusions from historical experience: it was the «exchange rate crisis» that prompted the creation of the Interregional Electronic Payments System (IEP) in 1994, followed by the Bank Electronic Urgent Payment System (BEUPS) in the early 2000s. It is shown that the «obsolescence» of the paper aviso was only completed by 2003–2005, with the transition to electronic registries and direct correspondent relationships.

Keywords: *aviso, Bank of Russia, hyperinflation, non-cash payments, banking document flow, memorial order, interbank loans, aviso emission, fraud, payment system*

JEL: G21, N24.

В.Н. Титов

д.э.н, ведущий научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МОДЕЛИ¹

Аннотация. В статье на концептуально-теоретическом уровне рассмотрен спектр исследовательских подходов к понятию человеческого потенциала, а также эволюция его восприятия в условиях различных социально-экономических контекстов. Актуальность работы исходит из того, что задачи развития человеческого потенциала на групповом и общественном уровнях представляются неоспоримыми; при этом подходы к определению и анализу данного концепта в научной литературе достаточно разнообразны. В работе рассматривается концепция человеческого капитала с точки зрения экономического подхода и расширение её дискурса вследствие новых трендов социально-экономического развития. Структурируются ограничения классической модели человеческого капитала. Проблематика человеческого потенциала, определяемого в том числе в эволюционной динамике концептуально-теоретических разработок, включается в общее актуальное контекстуальное пространство. Также предметом рассмотрения выступают факторы формирования человеческого потенциала в условиях современной России.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, человеческий капитал, население, человеческие возможности, экономическая теория, информационное общество.*

JEL: A12, A13, I00, J00

УДК: 316.4, 331.1

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_189_201

© В.Н. Титов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Титов В.Н. Эволюция представлений о человеческом потенциале: от экономической теории к междисциплинарной модели // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 189–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_189_201.*

FOR CITATION: *Titov V. Evolution of Ideas about Human Potential: from Economic Theory to Interdisciplinary Models // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 189–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_189_201.*

Важность развития и всесторонней оценки уровня человеческого потенциала представляется неоспоримой. В последние десятилетия и в исследовательском пространстве, и на уровне общественного дискурса сложился консенсус относительно того, что человеческий потенциал населения во многом определяет перспективы развития любой страны как в актуальный период, так и на достаточно длительном временном горизонте. При этом значительное число подходов к рассмотрению человеческих возможностей, а также эволюция этих подходов с течением времени актуализируют комплексную характеристику категории человеческого потенциала в социальных науках.

¹ Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Концепции человеческого капитала: экономический подход

Классическая теория человеческого капитала [Becker, 1962; Schultz, 1960; Schultz, 1961; Mincer, 1958; Mincer, 1962] рассматривает образование и здоровье как инвестиции, обеспечивающие рост производительности и доходов. Однако уже в конце XX в. стало очевидно, что изменения характера экономики требуют расширения первоначальной концептуальной модели.

По мере постепенного перехода от индустриального к постиндустриальному обществу с характерными для него тенденциями (бурное развитие сектора услуг; разрыв в спросе и в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда; экспансия профессионального образования; изменение роли образовательных дипломов и степеней [Grusky, 2001]), стали меняться и содержательные требования к качеству человеческого капитала. Становление с 1980-х гг. нового технологического уклада ознаменовалось появлением так называемой «информационной работы», требующей новых компетенций, связанных с данными.

В 1990-х гг. стали появляться работы, посвящённые влиянию неэкономических факторов на экономический рост. Фокус внимания при исследовании экономического развития смещается к использованию новых индикаторов человеческого капитала (демографических и социокультурных) [Mulligan, Sala-i-Martin, 1997]. В рассматриваемый период происходит разделение компетенций на жёсткие (*hard skills*) (например, абстрактное мышление, способность создавать и работать с письменными текстами, навыки математического счёта и работы на компьютере) и мягкие (*soft skills*) (работа в команде, лидерство, коммуникативные навыки и т. п.).

Однако в рамках экономической теории человеческого капитала, развивавшейся в логике «методологического индивидуализма», недостаточное внимание уделялось влиянию исторического, экономического, социально-культурного и институционального контекста. Между тем именно параметры внешней среды во многом определяют формирование спроса на качественные и количественные характеристики человеческих возможностей.

В работах, посвящённых человеческому капиталу, постоянно ставится вопрос о соответствии тех или иных его качеств базовым характеристикам социума. При этом наблюдается широкий диапазон описания структурных, институциональных, социокультурных параметров. В научной литературе присутствует значительное многообразие понятий, относящихся к современному обществу (постиндустриальное, постфордистское, постсовременное (постмодерн), цифровое, общество знаний т.п.). Это нередко затрудняет составление некоего универсально приемлемого перечня востребованных с этой точки зрения человеческих качеств.

В рамках концепций постиндустриального общества фиксируется изменение структуры занятости и характера труда. Ещё в 1962 г. Даниэл Белл предложил концепт «постиндустриального общества» [Белл, 2004], в котором основная занятость концентрируется в сфере услуг, а труд приобретает информационный характер. В этих условиях формируется новый тип работника — «информационный работник», обладающий развитыми коммуникативными навыками, профессиональными знаниями и специализированными компетенциями.

Развивая сходные идеи, Элвин Тоффлер в концепции «Третьей волны» также рассматривает трансформацию требований к работнику в условиях перехода к новому типу общества [Тоффлер, 2004]. В нём на лидирующее место выходит широко понимаемая «гибкость» как ключевая характеристика трудовой и социальной организации. Это проявляется в разнообразии форм занятости (включая, в частности, временную и частичную), а также в гибких графиках работы. Произшедшие изменения сопровождаются ростом требований к таким качествам, как ответственность, инициатива, способность к решению

проблем, адаптивность к изменяющимся условиям, коммуникативность и готовность к командной работе.

Во многом близкие характеристики нового типа работника представлены и в работах Роберта Райха и Мануэля Кастельса. Согласно концепции Райха [Reich, 1991], ключевую роль приобретают «символические аналитики» — специалисты, работающие с информацией и знаниями в глобальных сетях, чья деятельность связана с созданием добавленной стоимости посредством использования аналитических, креативных и организационных компетенций. К ключевым характеристикам данного типа работников относятся системное и абстрактное мышление, готовность к сотрудничеству, способность к быстрому освоению новых компетенций и непрерывному переобучению, а также самостоятельное выстраивание профессионально-образовательной траектории. В свою очередь, Кастельс рассматривает востребованность подобных компетенций как следствие более масштабной трансформации экономики, связанной с переходом к «информационному капитализму» [Кастельс, 2000]. По его мнению, развитие информационных технологий и сетевых структур радикально меняет организацию экономики и бизнес-процессов, формируя новый тип «информационного» работника. Его деятельность носит индивидуализированный характер и требует практико-ориентированного образования, а также набора «конвертируемых навыков», включающих коммуникативные способности, умение работать в команде, навыки решения проблем, адаптивность и готовность к непрерывному обучению [Уэбстер, 2004].

Существенное значение в анализе трансформации труда имеет также теория регулирования, в рамках которой описывается переход от фордистского режима накопления (1945–1973 гг.) к постфордистскому (М. Аглиетта, А. Липиц) [Aglietta, 1979; Lipietz, 1987]. Постфордистская модель связывается с усилением неолиберальных тенденций, глобализацией и изменением организационных форм производства. В этот период наблюдается расширение аутсорсинга, сокращение численности персонала и переход к гибким формам занятости, технологической основой которой выступают развитие информационной инфраструктуры, автоматизация и роботизация производственных процессов. Центральной характеристикой постфордизма становится принцип гибкости, проявляющейся на институциональном уровне: в формах занятости, оплате труда, организации рабочего времени и трудового процесса.

Таким образом, развитие экономических представлений о человеческом капитале сопровождалось постепенным расширением перечня его значимых характеристик. Если первоначально акцент делался преимущественно на образовании и здоровье как факторах роста производительности труда, то в условиях постиндустриальной экономики в структуру человеческого капитала были включены когнитивные, коммуникативные и адаптивные компетенции, обеспечивающие успешное функционирование человека в условиях гибкого, информационно насыщенного и быстро меняющегося рынка труда.

Расширение концепции человеческого капитала

Постепенное расширение перечня характеристик человеческого капитала сопровождалось пересмотром представлений о природе знания, труда и роли человека в современном обществе. Существенный вклад в этот процесс внесли исследования представителей постмодернизма, критической социальной теории и концепций цифрового капитализма.

Тема воздействия на человека социокультурных реалий современного постиндустриального общества в b[последствий представлена в работах таких видных представителей постмодернизма, как Жан Бодрийяр, Жан-Франсуа Лиотар и Марк Постер и др. Например, Лиотар полагает, что знание и информация претерпели глубокие изменения. Производство знаний всё чаще ограничивается их практической востребованностью и

эффективностью, и с данными характеристиками знаний связано также то, что они становятся товаром. В эпоху постмодерна функция производства знаний во всё возрастающей степени осуществляется исследовательскими центрами, принадлежащими частным корпорациям, а роль университетов снижается. Использование в отношении знания критериев эффективности и товарности ведёт к иному пониманию истины, которая, в таком случае, должна определяться через категорию полезности. Цифровизация экономики, образа жизни и процесса обучения приводит к тому, что наиболее важными навыками становится умение обращаться с соответствующими базами данных, а не багаж знаний сам по себе [Lyotard, 1993].

Критический подход к анализу постсовременного (постиндустриального, информационного) общества представлен в работах Зигмунта Баумана [Бауман, 2002; Бауман, 2008], Скотта Лэша и Джона Юрри [Lash, Urry, 1987], Дэвида Харви [Харви, 2024] и других исследователей. Так, З. Бауман описывает постсовременное общество как «текущее», т. е. общество, отличающееся повышенной нестабильностью, чувством ненадёжности, которые порождаются свёртыванием модели государства всеобщего благосостояния. Повышение уровня неопределённости существования, падение доверия к институтам и государству в целом также интенсифицируют тенденции к индивидуализации и формированию культуры самореализации. В контексте требований рынка труда это означает набор таких качеств, как постоянный рост квалификации, готовность отождествлять себя с бизнес-целями работодателя, готовность брать на себя ответственность и гибко реагировать на меняющиеся требования. Таким образом, воспроизводимый культурой идеал самореализации — одно из выражений проникновения экономических императивов во все сферы социальной деятельности. Индивидуализм перестаёт быть субъективным выбором и всё больше стимулируется внешним социальным давлением.

Осмыслению социально-экономических последствий динамичного развития цифрового капитализма посвящены работы Джуди Вайсман [Вайсман, 2019], Шошаны Зубофф [Зубофф, 2022], Ника Срничека [Срничек, 2019]. Вайсман рассматривает проблему влияния развития цифровых технологий на образ жизни современного человека, выделяя в качестве ключевой проблемы временной фактор: наличие свободного времени у одних групп и рабочая перегруженность, ограничивающая свободное время для досуга, — у других; возникновение «культуры переработок» как противоположности «праздности»; размывание модели стандартной рабочей недели; культ многозадачности. Цифровой капитализм вынуждает индивида из соображений конкуренции находиться на круглосуточной связи, посвящая свободное время самообучению и повышению конкурентных навыков, что ставит под сомнение «освободительную функцию» информационно-коммуникационных технологий.

Описывая цифровой капитализм, Срничек отмечает, что в его рамках труд становится всё более нематериальным, ориентированным на манипуляции с символами и ощущениями [Срничек, 2019]. В этой новой экономике традиционный промышленный рабочий класс неизбежно уступает место новому классу — «когнитаритату», специалистам в сфере знаний. Цифровые платформы представляют собой новую форму капитализма, сохраняющую все родовые признаки этой системы. Эта новая бизнес-форма объединяет в себе основные предшествующие тренды: бережливое производство, аутсорсинг, систему «точно вовремя», привлечение на работы, требующие низкой квалификации, внешних подрядчиков, удержание в компаниях только представителей хорошо оплачиваемого ядра высококвалифицированного персонала.

От человеческого капитала к человеческому потенциалу

Эволюция концепции человеческого капитала в связи с исторической трансформацией экономики и социума детально проанализирована в работах Василия Аникина [Аникин, 2017]. Отмечая вклад классических исследований в области человеческого

капитала на этапе позднеиндустриального общества, учёный полагает, что уже на этапе раннего постиндустриального общества начали складываться объективные предпосылки расширенного понимания человеческого капитала, который должен включать не только инвестиции в образование и здоровье, но также некогнитивные компетенции, общий уровень культуры и этические установки.

Вклад в отечественные исследования категории «человеческий потенциал» как экономической категории внесла Ирина Соболева. В её трактовке эта категория объединяет самые разные качества человека — его способности, знания, опыт, навыки, состояние здоровья, морально-этические устои и т.д., которые могут применяться и в трудовой, и в предпринимательской, и в социальной сфере, прямо или косвенно воздействуя на её результаты [Соболева, 2007]. Она последовательно выступает с позиции, согласно которой анализ именно человеческого потенциала позволяет выявить синергетические эффекты межличностного взаимодействия и рассматривать человека как носителя перспективных потребностей, дающих импульс экономическому развитию [Соболева, 2022].

Теоретическое осмысление понятия «человеческий потенциал» получило существенное развитие и в работах других отечественных исследователей. Так, Александром Асмоловым была предложена преадаптивная модель человеческого потенциала, возрождающая гуманистический пафос рассмотрения человека как цели, а не как средства, и опирающаяся на принципы поддержки разнообразия, ценностей индивидуальности (а не технократизма), приоритета достоинства (а не полезности) человека и качества его повседневной жизни [Асмолов, Гусельцева, 2019].

Одним из ключевых ограничений классической модели человеческого капитала является недостаточное внимание к институциональным условиям его формирования. Возможности развития и реализации человеческого капитала определяются не только индивидуальными характеристиками человека, но и качеством институтов, в рамках которых происходит его образование, профессиональное развитие и социальная реализация. В этой связи Наталья Плискевич [Плискевич, 2022] обращается к концепции порядков открытого и ограниченного доступа, предложенной Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. На основе положений данной концепции отмечается, что задача формирования новой модели человеческого потенциала, выходящей за рамки классической теории человеческого капитала (и предполагающей движение по пути формирования институтов открытого доступа), не может быть успешно решена без обеспечения консенсуса и согласования действий между основными акторами — элитой, «креативным классом» и основными массами населения. Однако на пути решения триединой задачи (формирование новой модели человеческого потенциала — развитие институтов открытого доступа — обеспечение консенсуса между основными группами социальных акторов) может возникнуть препятствие в виде «промежуточных выгодоприобретателей» — влиятельных групп интересантов, имеющих доступ к власти, контролю и распределению ресурсов, и извлекающих значительные ренты из порядка ограниченного доступа. В случае если «промежуточные выгодоприобретатели» смогут заручиться поддержкой со стороны массовых слоёв населения, склонных к воспроизводству традиционалистских установок и испытывающих на себе негативные последствия модернизационных преобразований, формирование институтов открытого доступа и соответствующего типа «сложного» человека может быть заблокировано, «заморожено» в состоянии, дающем наибольшую выгоду именно «промежуточным выгодоприобретателям».

Тема влияния институциональной структуры российского общества на развитие человеческих возможностей находит отражение и в последующих публикациях Плискевич [Плискевич, 2023]. Автор подчёркивает сложность взаимозависимости человеческого потенциала общества и среды, окружающей человека, которая создаёт запросы на необходимые изменения в качестве человеческого потенциала. Внимание обращается на необходимость

рассмотрения проблематики человеческого потенциала в непосредственной взаимосвязи с изучением институциональных и социокультурных возможностей и ограничений, возникающих на пути его развития и реализации. Вызовы, обусловленные объективными тенденциями формирования нового постиндустриального, цифрового общества, требуют адекватного ответа — формирования нового типа «сложного» человека — личности, которая по своим качествам будет соответствовать современным тенденциям развития социума и той научно-технической реальности, в которую он погружён. Человеческий потенциал «сложной» личности, адекватной императивам «сложного» информационного общества, должен складываться не только из специальных знаний и навыков, подверженных в условиях динамичных изменений быстрому устареванию, но и из глубоких общекультурных и гуманитарных знаний, широких интересов и ценностных этических установок.

Отдельное внимание уделяется рассмотрению системы образования, непосредственно отвечающей за формирование человеческого потенциала в условиях перехода к новому технологическому укладу. Отмечается, что в современных условиях система образования ориентирована прежде всего на формирование специальных компетенций, в которых испытывают потребность работодатели на рынке труда, тогда как развитию общекультурных компетенций уделяется значительно меньшее внимание. При этом система образования анализируется в контексте общей институциональной и социокультурной среды общества, находящейся в зависимости от «предшествующего пути развития», а также от взаимного влияния институциональных структур и социокультурных отношений. Например, заимствование Россией «Болонской системы» оказалось на практике примером имитационного поверхностного копирования отдельных элементов, без понимания взаимосвязанности этих элементов в рамках целостной парадигмы. Критика сложившейся институциональной структуры российской образовательной системы также затрагивает внедрение коммерческого и менеджериального подходов к функционированию высшего образования, а также отсутствие связи между качеством образования и последующим трудоустройством и карьерным ростом выпускников.

Напряжение между вновь внедряемыми институтами и устоявшимися в обществе нормами, рост общего недовольства из-за несоответствия между ожидаемыми от модернизационных перемен благами и реальными возможностями их получения в данной конкретной ситуации, нередко становятся основаниями для упрощения реформ, позволяя на время стабилизировать систему, но лишая её необходимой динамики, что чревато стагнацией. Одним из тормозящих факторов на пути формирования человеческого потенциала, отвечающего требованиям времени, может стать также чрезмерно забюрократизированная система государственного управления и отсутствие действенной коммуникации между гражданским обществом и властью.

Одной из важных обобщающих работ, посвящённых проблематике человеческого потенциала, стала коллективная монография «Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований», подготовленная в НИУ ВШЭ и объединившая усилия более 50 авторов — социологов, психологов, демографов, экономистов, специалистов в области педагогики, управления, географии и других дисциплин. Это позволило получить комплексное представление о человеческом потенциале и современных проблемах и перспективах его развития в России. В рамках данной статьи особый интерес представляет глава, подготовленная Марией Сушенцовой и Василием Аникиным, где анализируется генезис концепции человеческого потенциала в экономической науке [Сушенцова, Аникин, 2023]. Рассматривая в качестве ядра понятия человеческого потенциала концепцию «возможностей» А. Сена (в дальнейшем развиваемую Джеймсом Хекманом [Heckman, Corbin, 2016], предложившим дополнить «внешние» способности анализом «внутренних» способностей — навыков), авторы отмечают, что для формулировки понятия человеческого потенциала с точки зрения экономической науки необходимо в равной мере обращать внимание

как на средства достижения цели, так и на содержание самих целей, которое позволяет понять представления экономических агентов о благе. При этом понимание блага как материального благополучия должно быть дополнено вопросом его распределения.

Таким образом, если первоначально теория человеческого капитала была ориентирована преимущественно на оценку отдачи от инвестиций в образование и профессиональную подготовку, то в дальнейшем, с развитием концепции человеческого потенциала, и содержание понятия «человеческий капитал» существенно расширилось и оно стало включать в себя когнитивные и некогнитивные (социальные и психоэмоциональные) навыки, определяющие достижение благополучия. Нельзя также не отметить, что И.Соболева нередко критикует современные тенденции расширительного толкования понятия «человеческий капитал», связанные с изменениями в экономическом и технологическом развитии, переходом к экономике знаний, цифровизации не только производственной, но и многих других видов деятельности, возрастанием роли нематериальных активов и т.п. [Соболева, 2022].

Некогнитивные навыки и личностный потенциал

Особое внимание в современных условиях стало уделяться некогнитивным навыкам, связанным со способностью действовать в условиях неопределённости, а также с «внутренними» характеристиками личности, отвечающими за самостоятельность человека. В статье Павла Сорокина и Екатерины Позднуховой, обзор дискуссий вокруг понятия человеческого потенциала представлен с позиции социологии [Сорокин, Позднухова, 2023]. Предлагается расширенный подход, согласно которому «человеческий потенциал» включает все характеристики, которые ранее рассматривались как компоненты «человеческого капитала». Но авторы дополняют их и другими «стратегическими активами» человека: некогнитивными навыками, ценностями и мотивациями, а также трансформирующей агентностью, под которой понимается способность к независимому действию и проактивной трансформации окружающей социальной среды [Кузьминов, Сорокин, Фрумин, 2019]. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил авторам подтвердить вывод об отсутствии общепринятой трактовки человеческого потенциала, что затрудняет его операционализацию и определение эмпирических индикаторов. В этой связи человеческий потенциал предлагается рассматривать как комплексную категорию, включающую не только факторы формирования, содержание и эффекты его компонентов, но и механизмы воздействия этих компонентов на окружающий мир.

Значительное внимание некогнитивным составляющим человеческого потенциала уделяется и в работах российских экономистов [Гимпельсон, Зудина, Капелюшников, 2020]. Как показывают результаты исследований, индивиды при одинаковых уровнях образования и опыта могут быть неодинаково производительны и заметно различаться по получаемому вознаграждению. Отсюда делался вывод о том, что могут существовать дополнительные характеристики индивидов, которые влияют на их заработки. В составе некогнитивных навыков выделяются локус контроля и «большая пятерка»: открытость новому, добросовестность, экстраверсия, способность к согласию, эмоциональность. Полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязей между отдельными чертами и социально-демографическими характеристиками людей, что подтверждает результаты зарубежных разработок и свидетельствует о том, что некогнитивные характеристики человеческих возможностей в современных российских условиях значимо связаны с показателями жизненного успеха и ориентацией на достижения.

В работах Дмитрия Леонтьева предпринимается попытка определить место личностного потенциала в общей структуре человеческого потенциала [Леонтьев, 2013; Леонтьев, 2016; Леонтьев, 2023]. Личностный потенциал понимается как способность человека

действовать, руководствуясь собственными целями и смыслами, не поддаваясь внутренним импульсам или давлению внешней среды. В психологическом контексте личностный потенциал раскрывается через категории жизнеспособности — способности преодолевать неблагоприятные внешние условия — и саморегуляции, понимаемой как процесс управления собственными психологическими состояниями. Личностный потенциал обеспечивает способность человека действовать в условиях неопределённости, готовность к непредвиденным вызовам, саморегуляцию и переход от мотивации к действию. Реализация этого потенциала обеспечивается совокупностью психологических ресурсов, позволяющих достигать поставленных целей.

Таким образом, современное понимание человеческого потенциала выходит за пределы когнитивных характеристик и включает некогнитивные навыки, ценностно-мотивационные установки, агентность и личностный потенциал, в совокупности определяющие способность человека эффективно действовать в условиях неопределённости.

Формирование человеческого потенциала: основные факторы и условия

Российские исследователи уделяют значительное внимание вопросам методологии оценки и измерения человеческого потенциала. В частности, предлагается рассматривать данную проблематику в непосредственной взаимосвязи с темами благополучия и качества жизни [Воронина и др., 2023]. При этом человеческий потенциал анализируется по логике: «содержание — факторы и среда формирования — эффекты». К содержательным компонентам человеческого потенциала относятся здоровье, образование и субъективное благополучие; к факторам формирования — система образования, трудовые условия, инфраструктура, безопасность, жилищные условия, экология, бюджет времени, личные и гражданские права, досуг; а к эффектам — доход и экономическое положение.

Эмпирические исследования, выполненные Аникиным, показывают, что накопление человеческого потенциала и отдача от него существенно различаются между профессиональными группами и типами поселений, а также в зависимости от характера инвестиций [Аникин, 2018]. Анализ на основе модифицированного уравнения Минцера показывает, что, наряду с характеристиками рабочих мест, важную роль играют образование родителей, условия ранней социализации, социально-демографические особенности домохозяйств и пространственная неоднородность. При этом одним из ключевых факторов распределения человеческих возможностей и экономических благ в современной России остаётся проживание в мегаполисах, что отражает влияние сложившихся институциональных диспропорций и стимулирует внутреннюю миграцию без соответствующего роста инвестиций в человеческий капитал.

Комплексный анализ человеческого капитала и человеческого потенциала представлен в коллективной монографии, подготовленной под руководством Натальи Тихоновой [Тихонова и др., 2023]. Важно, что авторы, прежде всего Тихонова, в своей работе уделили специальное внимание проблеме уточнения понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» в связи со всё большим значением в современной экономике тех аспектов трудовой деятельности, которые ранее считались исключительно сферой «человеческого потенциала». Этим объясняется и вынесение «человеческого капитала» в название монографии. Однако при этом и термин «человеческий потенциал» не отвергается. Причём даётся чёткое объяснение того, почему в тех или иных случаях применён или один, или другой термин: «Это связано не только с проблематичностью в ряде случаев строгого доказательства капитализации изучаемых человеческих качеств, но и с сознательной установкой авторов книги на выход за рамки чисто экономического подхода» [Там же. С. 25].

В центре внимания авторов находится выделенная ими отдельная социальная группа — «профессионалы», человеческие возможности которой рассматриваются как один из ключевых факторов формирования общества знаний и повышения конкурентоспособности страны. При этом подчёркивается особое место профессионалов в системе экономических и социальных отношений, так как эта группа характеризуется не только высоким образовательным потенциалом, но и не обременена организационными проблемами, бесспорно важными, но относящимися скорее к деятельности руководителей или предпринимателей. А потому именно эта группа способна стать наиболее креативной частью нарождающейся экономики. При этом авторы особо подчёркивают, что преимущества профессионалов должны проявляться не только в относительно высоких доходах, но и в других аспектах жизни, делая её насыщеннее и богаче. Таким образом, монография объединяет теоретические подходы, методологию измерения как человеческого капитала, так и человеческого потенциала, а также результаты эмпирических исследований, охватывая вопросы социально-профессиональной структуры, внутригрупповой дифференциации, социальной успешности и роли досуговой активности в развитии человеческого потенциала.

Авторы монографии отмечают, что получив развитие в междисциплинарных исследованиях, концепция человеческого потенциала стала использоваться не только для анализа индивидуальных характеристик, но и для исследования социальных условий. Исследователи приходят к выводу, что недостаточный уровень развития человеческих возможностей и несоответствие характеристик некоторых из них требованиям постиндустриального общества, а также слабо выраженный уровень социальной субъектности российских профессионалов, позволяют рассматривать их как своеобразный «протокласс», противоречиво сочетающий «индустриальные» и «постиндустриальные» социальные характеристики. К числу важных результатов относится также то, что возможности российских профессионалов лишь в незначительной степени формируются за счёт дополнительного образования, что провоцирует развитие процессов устаревания знаний. Существенное влияние на накопление человеческого потенциала оказывают семейные ресурсы — культурный и социальный капитал, а также материальное положение домохозяйств в формирующих возрастах. При этом связь между человеческим потенциалом и успешностью оказывается неоднозначной: значительную роль продолжают играть поселенческое неравенство и семейные характеристики. Основным барьером на пути повышения качества человеческого потенциала являются институциональные особенности рынка труда, порождающие относительно низкий спрос на знаниеёмкие рабочие места [Тихонова и др., 2023].

Исследованию человеческого потенциала в контексте пространственного неравенства посвящена работа Владимира Бобкова, Николая Долгушкина и Елены Одинцовой [Бобков, Долгушкин, Одинцова, 2023]. Авторы анализируют различия в условиях формирования и реализации человеческого потенциала городского и сельского населения. Полученные результаты свидетельствуют, что соответствующие различия по показателям долголетия и образовательного потенциала относительно невелики, тогда как наиболее выражена дифференциация в отношении уровня жизни. Существенные различия наблюдаются и в условиях реализации образовательного потенциала. Узость сегмента достойно оплачиваемых рабочих мест в сельской местности стимулирует внутреннюю миграцию, тогда как цифровое неравенство, связанное с более низкой цифровой грамотностью и ограниченным доступом к интернету, дополнительно ограничивает возможности формирования и реализации человеческого потенциала.

* * *

В заключение следует отметить, что предложенная в рамках экономической науки и ставшая классической теория человеческого капитала по мере её дальнейшего развития и трансформации стала привлекать возрастающее внимание других наук об обществе

и человеке (социологии, психологии, педагогики, культурологии). К настоящему времени наблюдается заметная тенденция, предполагающая стремление исследователей если не заменить концепт человеческого капитала, то, по крайней мере, обогатить его содержание за счёт расширенной версии человеческого потенциала. В то же время присущий экономической теории «методологический индивидуализм» не позволяет в полной мере учитывать влияние контекстуальных факторов (институты, культура, социальная структура) формирования человеческого потенциала. Кроме того, следует учитывать историческую динамику, связанную с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, и потребовавшую, помимо теоретически знаний и практических компетенций, обратить внимание на такие составляющие человеческого потенциала, которые связаны с личностными психологическими особенностями, общекультурными и социально-коммуникативными компетенциями.

Значительный вклад в рассмотрение проблематики контекстуальных факторов, способствующих и препятствующих формированию человеческого потенциала, внесли представители постмодернизма, критической теории, теории цифрового капитализма, а также сторонники новой институциональной теории. В настоящее время концепция человеческого потенциала всё более привлекает отечественных исследователей в качестве приемлемой альтернативы классической версии человеческого капитала, о чём свидетельствует обзор проведённых теоретических изысканий и эмпирических работ. Это обусловлено не только традиционно присущими отечественным наукам об обществе гуманистическими установками, но и осознанием несводимости сложной природы человека к ограниченному набору измеряемых параметров, сложностью тех проблем и задач, которые возникают на современном этапе развития общества и могут быть решены только «сложной» личностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // *Экономическая социология*. Т. 18. № 4. С. 120–156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156.
- Аникин В.А. (2018). Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // *Журнал институциональных исследований*. Т. 10. № 2. С. 90–117. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117.
- Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. (2019). Генерирование возможностей: от человеческого капитала к человеческому потенциалу // *Образовательная политика*. № 4 (80). С. 6–16.
- Бауман З. (2002). *Индивидуализированное общество*. — М.: Логос.
- Бауман З. (2008). *Текущая современность*. — СПб.: Питер.
- Белл Д. (2004). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. — М.: Academia.
- Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. (2023). Неравенство человеческого потенциала и условий его реализации в городе и на селе: риски и возможности // *Вестник Российской академии наук*. Т. 93. № 6. С. 556–565. DOI: 10.31857/S086958732306004X.
- Вайсман Д. (2019). *Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме*. — М.: Дело.
- Воронина Н.Д., Михайлова Н.С., Нагерняк М.А., Овчарова Л.Н., Тер-Акопова С.А. (2023). Комплексные подходы к измерению благополучия и качества жизни с учётом показателей человеческого потенциала // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований* / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ. С. 143–163.
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. (2020). *Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные*. Препринт WP3/2020/02. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Зубофф Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Кастельс М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — М.: ГУ ВШЭ.
- Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. (2019). Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // *Форсайт*. Т. 13. Спецвып. №2. С. 19–41.
- Леонтьев Д.А. (2013). Личностное измерение человеческого развития. // *Вопросы психологии*. № 3. С. 67–80.
- Леонтьев Д.А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // *Сибирский психологический журнал*. № 62. С. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3

- Леонтьев Д.А. (2023). Личностный потенциал как составляющая человеческого потенциала // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований* / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ. С. 50–65.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Плискевич Н.М. (2022). Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации // *Мир России*. № 3. С. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53.
- Плискевич Н.М. (2023). *Институциональная структура современной России как источник вызовов человеческому потенциалу: Доклад*. — М.: Институт экономики РАН.
- Соболева И.В. (2007). *Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития*. — М.: Наука.
- Соболева И.В. (2022). Риски подхода с позиций человеческого капитала для устойчивого развития // *Экономическое возрождение России*. № 1. С. 120–128.
- Сорокин П.С., Позднухова Е.А. (2023). «Человеческий потенциал»: оптика социологии // *Образовательная политика*. № 2 (94). С. 45–55. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-45-55.
- Срничек Н. (2019). *Капитализм платформ*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Сушенцова М.С., Аникин В.А. (2023). Человеческий потенциал: оптика экономики // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований* / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ. С. 9–25.
- Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2023). *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы*. — М.: ФНИСЦ РАН.
- Тоффлер Э. (2004). *Третья волна*. — М.: Издательство АСТ.
- Уэбстер Ф. (2004). *Теории информационного общества*. — М.: Аспект Пресс.
- Харви Д. (2024). *Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Aglietta M. (1979). *A Theory of Capitalist Regulation: The U.S. Experience*. — London: New Left Books.
- Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 9–49.
- Grusky D.B. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality // D.B. Grusky (Ed.). *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. — Boulder: Westview Press. Pp. 3–51.
- Heckman J., Corbin C. (2016). *Capabilities and Skills*: NBER Working Paper No. 22339. — Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Lash S., Urry J. (1987). *The End of Organised Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Lipietz A. (1987). *Mirages and Miracles: The Crisis of Global Fordism*. — London: Verso.
- Lyotard J.-F. (1993). *Political Writings*. Translated by Bill Readings and Kevin Paul Geiman. — London: UCL Press.
- Mincer J. (1958). Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *The Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. Pp. 281–302.
- Mincer J. (1962). On-the-Job Training: Costs, Returns, and Some Implications // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 50–79.
- Mulligan C.B., Sala-i-Martin X. (1997). A Labor Income-Based Measure of the Value of Human Capital: An Application to the States of the United States // *Japan and the World Economy*. Vol. 9. No. 2. Pp. 159–191.
- Reich R.B. (1991). *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*. — N. Y.: Vintage Books.
- Schultz T.W. (1960). Capital Formation by Education // *The Journal of Political Economy*. Vol. 68. No. 6. Pp. 571–583.
- Schultz T.W. (1961). Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. Pp. 1–17.

REFERENCES

- Aglietta M. (1979). *A Theory of Capitalist Regulation: The U.S. Experience*. — London: New Left Books.
- Anikin V.A. (2017). Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations // *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 4. Pp. 120–156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156. (In Russ.).
- Anikin V.A. (2018). Human Capital in Post-Crisis Russia: Status and Impact // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 2. Pp. 90–117. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117. (In Russ.).
- Asmolov A.G., Guseltseva M.S. (2019). Space of Opportunities: From Human Capital to Human Potential // *Educational Policy*. No. 4 (80). Pp. 6–16. (In Russ.).
- Bauman Z. (2002). *The Individualized Society*. — Moscow: Logos. (In Russ.).
- Bauman Z. (2008). *Liquid Modernity*. — SPb.: Piter. (In Russ.).
- Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 9–49.
- Bell D. (2004). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. — М.: Academia.

- Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. (2023). Inequality of Human Potential and Conditions for Its Realization in Urban and Rural Areas: Risks and Opportunities. // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 93. No. 6. Pp. 556–565. DOI: 10.31857/S086958732306004X (In Russ.).
- Castells M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. — M.: Higher School of Economics. (In Russ.).
- Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapelyushnikov R.I. (2020). *Non-Cognitive Components of Human Capital: What Russian Data Show*. Working Paper WP3/2020/02. — Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Grusky D.B. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality // D.B. Grusky (Ed.). *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. — Boulder: Westview Press. Pp. 3–51.
- Harvey D. (2024). *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. — M.: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Heckman J., Corbin C. (2016). *Capabilities and Skills*: NBER Working Paper No. 22339. — Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Kuzminov Ya., Sorokin P., Frumin I. (2019). Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice // *Foresight*. Vol. 13. Special Issue. No. 2. Pp. 19–41. (In Russ.).
- Lash S., Urry J. (1987). *The End of Organised Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Leontiev D.A. (2013). The Personality Dimension of Human Development. // *Voprosy psikhologii*. No. 3. Pp. 67–80. (In Russ.).
- Leontiev D.A. (2016). Autoregulation, Resources, and Personality Potential. // *Siberian Journal of Psychology*. No. 62. Pp. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3 (In Russ.).
- Leontiev D.A. (2023). Personal Potential as a Component of Human Potential. / *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results*. Ed. by L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, P.S. Sorokin. — M.: Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Pp. 50–65. (In Russ.).
- Lipietz A. (1987). *Mirages and Miracles: The Crisis of Global Fordism*. — London: Verso.
- Lyotard J.-F. (1993). *Political Writings*. Translated by Bill Readings and Kevin Paul Geiman. — London: UCL Press.
- Mincer J. (1958). Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *The Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. Pp. 281–302.
- Mincer J. (1962). On-the-Job Training: Costs, Returns, and Some Implications // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 50–79.
- Mulligan C.B., Sala-i-Martin X. (1997). A Labor Income-Based Measure of the Value of Human Capital: An Application to the States of the United States // *Japan and the World Economy*. Vol. 9. No. 2. Pp. 159–191.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Pliskevich N.M. (2022). Institutions, Values, and Human Potential in the Context of Contemporary Modernization // *Mir Rossii*. No. 3. Pp. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53 (In Russ.).
- Pliskevich N.M. (2023). *The Institutional Structure of Contemporary Russia as a Source of Challenges to Human Potential*: Report. — M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Reich R.B. (1991). *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*. — N. Y.: Vintage Books.
- Schultz T.W. (1960). Capital Formation by Education. // *The Journal of Political Economy*. Vol. 68. No. 6. Pp. 571–583.
- Schultz T.W. (1961). Investment in Human Capital. // *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. Pp. 1–17.
- Soboleva I.V. (2007). *Human Potential of the Russian Economy: Problems of Preservation and Development*. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Soboleva I.V. (2022). Risks of human capital approach to sustainable development // *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*. No. 1. Pp. 120–128. (In Russ.).
- Sorokin P.S., Pozdnukhova E.A. (2023). «Human Potential»: Optics of Sociology // *Educational Policy*. No. 2 (94). Pp. 45–55. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-45-55 (In Russ.).
- Srnicek N. (2019). *Platform Capitalism*. — M.: HSE Publishing House.
- Sushentsova M.S., Anikin V.A. (2023). Human Potential: An Economic Perspective. // *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results*. Ed. by L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, P.S. Sorokin. — M.: Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Pp. 9–25. (In Russ.).
- Tikhonova N.E., Latov Yu.V., Latova N.V., Karavay A.V., Slobodenuk E. L. (2023). *Human Capital of Russian Professionals: State, Dynamics, Factors*. — Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Toffler A. (2004). *The Third Wave*. — M.: AST Publishing House. (In Russ.).
- Vaisman D. (2019). *Out of Time: The Pleasures and Perils of Acceleration*. — M.: Delo.
- Voronina N.D., Mikhailova N.S., Nagerniyak M.A., Ovcharova L.N., Ter-Akopova S.A. (2023). Comprehensive Approaches to Measuring Well-Being and Quality of Life Considering Human Potential Indicators // *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results* / Ed. by L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, P.S. Sorokin. — Moscow: Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Pp. 143–163. (In Russ.).
- Webster F. (2004). *Theories of the Information Society*. — M.: Aspekt Press. (In Russ.).
- Zuboff Sh. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).

Титов Владимир Николаевич

ORCID: 0000-0002-7185-2070

titov-vn@ranepa.ru

Vlagimir Titov

Dr. Sci. (Econ), Leading Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

ORCID: 0000-0002-7185-2070

titov-vn@ranepa.ru

EVOLUTION OF IDEAS ABOUT HUMAN POTENTIAL: FROM ECONOMIC THEORY TO INTERDISCIPLINARY MODELS²

Abstract. The article reviews conceptually and theoretically the range of research approaches to the concept of human potential and evolution of its perception under different socio-economic contexts. The relevance of the study is based on the fact that development of human potential at group and society levels is unquestionable, however approaches to definition and analysis of this concept are quite various in scientific literature. The article examines the concept of human capital from economic perspective and enlargement of its discourse as a result of new trends of socio-economic development. Limitations of human capital classic model are structured. The issue of human potential defined in evolutionary dynamics of conceptual and theoretical developments is involved in general actual contextual space. The subject of consideration are the factors of human potential development in modern Russia.

Keywords: *human capabilities, human potential, human capital, population, economic theory, informational society*

JEL: A12, A13, I00, J00.

² This article was prepared within the framework of the state assignment of RANEPa.